НЕВЕРОЯТНОЕ
НЕОЧЕВИДНОЕ
НАУЧНО
НЕПОПУЛЯРНОЕ

Николай
Непомнящий

КОЛЕСНИЦЫ В ПУСТЫНЕ: ТАЙНЫ ДРЕВНЕЙ АФРИКИ

DirectMEDIA

КОЛЕСНИЦЫ В ПУСТЫНЕ: ТАЙНЫ ДРЕВНЕЙ АФРИКИ

Автор-составитель Н. Непомнящий

DirectMEDIA
Москва
Берлин
2019

УДК 94(6)
ББК 63.3(6)
К60

Автор-составитель:
Н. Непомнящий

Колесницы в пустыне : тайны древней Африки / авт.-сост. Н. Непомнящий. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 336 с. : ил. DOI: 10.23681/566880

К60

ISBN 978-5-4499-0236-8

По числу неразгаданных тайн, древних реликвий и ненайденных сокровищ с Африкой может сравниться разве что «старушка» Европа. Хотя южный континент намного старше своей северной соседки как по палеоантропологическим находкам, так и по геологическим параметрам…

В Африке удивительно все: калейдоскоп племен и обычаев, огромное число языков и диалектов, невиданное разнообразие животного и растительного мира, хитросплетения истории и… дня сегодняшнего.

Еще одной особенностью Африки является то, что сами реликвии в ней выражаются чаще не в материальных ценностях, как, скажем, в Европе, а в духовных, как нигде в мире – устных преданиях сказителей-гриотов, наскальных рисунках, бесподобных системах счета и письма, образчиках пастушьей и военной организаций, древних космогонических традиций, чудом дошедших до наших дней.

Автор прикоснулся лишь к части подлинных реликвий и сокровищ континента, поскольку для полного освещения этой темы понадобились бы несколько томов и коллектив африканистов.

Книга в авторской редакции готовилась при участии многолетнего соавтора Михаила Курушина.

УДК 94(6)
ББК 63.3(6)

ISBN 978-5-4499-0236-8

© Непомнящий Н., текст, редактор, иллюстрации, 2019
© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Континент-реликвия 5
Несколько слов перед началом книги 5
Художники древней Африки 6
Наскальные росписи Сахары 6
Следы ведут в… Египет 11
Колесницы гарамантов 17
Цивилизация охотников 26
Сенсационные находки Лики 30
Что такое человек? 33
Появление орудий для охоты 36
Белая дама с горы Брандберг 41
Сокровища Куша 57
Сосед Египта раскрывает свои тайны 57
Источник золота 60
Борьба с принцами Дельты 65
Тахарка 68
Наследие Танветамани 70
О чем говорят развалины Мероэ 73
Рельефы Львиного храма 77
Падение Куша 81
Терракотовые головы Ифе 86
Мир Фробениуса 86
Скульптура из Бенина 87
Схема великого ученого 90
Загадка Ифе 95
Меч справедливости 101
Поразительное сходство 106
Арабский ренессанс в излучине Нигера 110
Правители пустыни 110
В «страну черных» 115
Транссахарская торговля 117
Караванщики в негритянских городах 119
Миссионеры ислама 122
Обезглавленный университет Санкоре 130
Тайны догонов, или Неизвестный Сириус 134
Затерянный мир плато Бандиагара 134
Великая тайна пещеры 138
Легендарное золото Африки 143
Эльдорадо Нубийской пустыни 143

Сокровищница фараонов и Соломона 147
Загадочные экспедиции карфагенян 154
Необычный вояж африканского царька 157
Золотая житница на берегах Лимпопо 160
Золотых дел мастера 163
Большой Зимбабве: жилища циклопов или… 167
В конце раннего железного века 167
Царское погребение Мапунгубве 171
О чем рассказали скелеты 176
Ниеркерк и Иньянга: крепости и террасы 180
Храм или Эллипс? 189
Центр экзотических украшений 193
Миниатюрные Зимбабве 196
Закат Большого Зимбабве 199
Власть духов предков 203
Закон ассегая, или Цивилизация копья 206
Дингисвайо, или Начало зулусских начал 208
Реформы командира 226
Звезда Чаки 229
Дингаан, или «Хватайте колдунов» 261
Первый миссионер 286
Убийство буров 294
Вероломство вождя 298
Так говорит Африка, или Как общаются жители Черного континента 307
Визуальные средства 307
Лесной телеграф 309
«Узелковое» и «предметное» письмо 313
Устная традиция 316
Пиктография и иероглифика 318
Слоговые системы письма 321
Заимствованные системы: тифинаг и нубийское письмо 324
Эфиопское письмо 326
Арабский алфавит 327
Латиница 328
Система записи цифр 329
Использованная литература 335

Континент-реликвия

Несколько слов перед началом книги

По числу неразгаданных тайн, древних реликвий и ненайденных сокровищ с Африкой может сравниться разве что «старушка» Европа. Хотя черный континент намного старше своей северной соседки как по палеоантропологическим находкам, так и по геологическим параметрам…

В Африке удивительно все: калейдоскоп племен и обычаев, огромное число языков и диалектов, невиданное разнообразие животного и растительного мира, хитросплетения истории и… дня сегодняшнего.

Еще одной особенностью Африки является то, что сами реликвии в ней выражаются чаще не в материальных ценностях, как, скажем, в Европе, а в духовных, как нигде в мире – устных преданиях сказителей-гриотов, наскальных рисунках, бесподобных системах счета и письма, образчиках пастушьей и военной организаций, древних космогонических традиций, чудом дошедших до наших дней.

Автор прикоснулся лишь к части подлинных реликвий и сокровищ континента, поскольку для полного освещения этой темы понадобились бы несколько томов и коллектив африканистов.

Элеонора ЛЬВОВА,
д-р ист. наук, профессор кафедры африканистики Института стран Азии и Африки при МГУ

Художники древней Африки

Наскальные росписи Сахары

О чем прежде всего свидетельствуют наскальные росписи? Они раскрывают перед путешественником, только что пересекшим выжженную солнцем пустыню, другую Сахару – райские кущи, зеленые равнины, заселенную животными, принадлежавшими к богатой тропической фауне. Фрески передают всю историю Сахары начиная с периода, предшествующего неолиту. Исследуя две тысячи росписей и рисунков каменного массива Тассили, француз Анри Лот выделил несколько этапов в развитии этой цивилизации. Первый начинается с конца палеолита, за шесть или семь тысяч лет до нашей эры. Это «период охотников», или «буйвола». Вероятно, в те времена климат Сахары был влажным. Раньше других на камне были высечены небольшие схематические фигурки, отличительной особенностью которых являлась круглая голова (эти изображения получили дальнейшее развитие, так что мы встретим их позднее в пяти различных слоях). Затем появляются многоцветные росписи, изображающие животных. В течение первого периода, как показывает тщательное исследование деталей и особенно орнаментации на фигурах, население Сахары – и в этом состоит главный вывод – было бесспорно негроидным.

За схематичными фигурками последовали громоздкие изображения переходного периода, завершающие собой стадию круглоголовых людей. Самая большая фигура, так называемый «марсианский бог из Джаббарена», достигает примерно шести метров. Рисунок этих изображений стилизован. В конце переходного периода становится заметным египетское влияние, давшее впоследствии жизнь многим великолепным произведениям, таким, как удивительная танцовщица из Ауанрхета, «Белая дама Сахары», и целой серии изображений, найденных в Джаббарене и Сефаре, отличающихся типичными прическами и особой цветовой гаммой: сочетание голубовато-серого и белого цвета с ярко-красной охрой. Такое разнообразие красок у первобытных художников вызывает удивление,

ибо обычно в их палитре присутствовала лишь красная охра и белая краска. Но, оказывается, в массиве Тассили на поверхность выходят сланцы, и художники, очевидно, растирали их в порошок, а также пользовались каолином. Затем краски смешивали с вяжущими веществами, куда входили козеин и, разумеется, камедь акации, которая была широко распространена в этом районе.

Наскальная живопись Сахары, Тассили

К эпохе неолита, начиная примерно с IV тысячелетия до н. э., относится второй период. В долинах появляются новые поселенцы, сильно отличающиеся от коренных жителей Сахары. Это пришельцы-пастухи – они гнали перед собой огромные стада рогатого скота. И теперь уже художники разрисовывают пещеры Тассили фигурами людей и животных, рожденных совершенно иным вдохновением. Начинается «период скотоводов».

По-видимому, о происхождении скотоводов можно говорить довольно уверенно. Анри Лот отметил среди наскальных изображений весьма характерные египетские лодки. Очевидно, эти люди вступали прежде во взаимоотношения с египетской цивилизацией и, следовательно, пришли с Востока. Их живопись характеризуется абсолютно новым стилем: исчезли схематизм и символизм рисунка. Люди и животные теперь как бы взяты прямо из жизни; их движения и формы свидетельствуют о бесспорной наблюдательности художников. Поражает гармоническое сочетание цветов: удается обнаружить даже зеленые, фиолетовые и синие тона. Должно быть, в то время стада

быков находили здесь и сочную траву, и наполненные водой реки, и влажный климат. Действительно, на одной из фресок скал Ауанрхета мы видим трех бегемотов, на которых охотятся люди, сидящие в пироге. Охотничьи, боевые и танцевальные сцены сменяют друг друга, их реалистическое исполнение лишено какого-либо религиозного или магического характера. Они вызваны к жизни склонностью авторов к изображению повседневной жизни, любовью к искусству.

Около 1200 г. до н. э. наступает новый период, который, впрочем, скорее относится к истории, чем к доисторической эпохе, – «период лошади». На скальных поверхностях появляются изображения воинов на колесницах и всадников-гарамантов. Предполагается, что именно в эту эпоху ливийцы, ранее жившие лишь на севере Сахары, распространились на всю ее территорию. Только этот народ-завоеватель, имея в своем распоряжении военные колесницы и получив такое огромное военное преимущество, очень быстро распространил свое могущество почти до берегов Нигера. Уже нет сомнения в том, что современные туареги очень отдаленные потомки гарамантов, чьи обычаи описал Геродот.

Всего за несколько десятилетий до нашей эры начинается «период верблюда». Условия существования в Сахаре к тому времени, должно быть, уже изменились: она, вероятно, находилась на пути превращения в пустыню, известную нам сегодня.

В районе Тассили обнаружено мало изображений двух последних периодов («лошади» и «верблюда»). К третьему периоду можно, пожалуй, отнести всего несколько военных колесниц. Пожалуй, удивительная история транссахарских связей и полная опасных приключений жизнь караванных троп, пересекающих пустыню и соединяющих две ее окраины – Северную и Черную Африку, по-настоящему начинается лишь с появлением колесниц гарамантов.

На юге Триполитании – в горах Бен-Гунеймах, в уэде Эль-Аджаль, в уэдах Бен-Хирам, Марсит и Эль Гериа, близ Убари, в уэде Танезруфт – вся фауна Сахары до превращения в пустыню была запечатлена на камне.

Некоторые животные, например слоны, жирафы, страусы, изображены в натуральную величину. Наблюдается почти

гармоничное, можно сказать, умышленное чередование быков или миролюбивых баранов с ужасными крокодилами, газелей и антилоп – е рычащими львами, буйволов с длинными загнутыми ротами и опущенной вниз головой, как бы готовящихся к нападению, – с бегемотами, выходящими из воды.

Опираясь на эти живые, натуралистические изображения, которые, как это ни звучит парадоксально, очень близки нам и нашему восприятию, и основываясь на обнаруженных костных останках, мы легко можем представить себе людей, животных и даже растительность той эпохи.

Как мы убедились, датировка двух первых слоев наскальной живописи Сахары не вызывает сомнений. Самый древний содержит изображения окружавших человека травоядных и плотоядных животных, которые водятся только там, где выпадают обильные дожди, а земля покрыта густой растительностью. В последнем, дождливом периоде неолита Сахара могла напоминать нынешнюю Суданскую саванну. В Центральной Сахаре встречались обширные зеленеющие равнины, лесистые долины, где кормились стада жирафов, буйволов (которые сохранились в Египте), слонов, страусов, антилоп. Там же было множество пастухов и охотников. Верблюд еще не появился. Зато в уэдах, тогда наполненных круглый год водой, как в настоящих реках, жили бегемоты и крокодилы (последний уцелевший представитель этих рептилий не так давно обнаружен в Ахаггаре в луже воды). Носороги населяли густые пальмовые рощи, которые омывались водами уэдов (вади), где же бродили львы.

Засуха и усиление жары, должно быть, вынудили этих представителей четвертичной фауны покинуть Северную Африку и Сахару – подобно тому как они еще раньше оставили пределы Европы – и искать убежище в лесах и саваннах Центральной Африки, где почти все они обитают и по сей день. Условия их существования ухудшились лишь в период неолита: крупные травоядные исчезли одновременно с оскудением растительности, и только людям удавалось еще поддерживать жизнь на немногочисленных стоянках, разбитых там, где оставалось немного воды. Именно этим последним неолитическим жителям-кочевникам мы и обязаны наскальными рисунками

второго периода, который продолжался вплоть до «периода верблюда».

На смену охотникам на хищных зверей пришли пастухи-кочевники и воины, а каменные орудия были заменены луками и стрелами.

Примерно в тысяче километрах к востоку от Феццана, в скальном массиве Уэйнат, где сходятся границы трех государств – Ливии, Египта и Судана, – также обнаружено множество наскальных шедевров, сохранившихся вопреки времени.

Натуралист граф Людовико ди Капориакко, выполнявший в этом районе задание итальянского военного Географического института, сумел очень точно перенести на кальку сотни наскальных росписей, которые позднее исследовал и опубликовал специалист по первобытной истории Паоло Грациози.

Среди рисунков имеются и весьма загадочные изображения

Произведения наскального искусства имеются в Каркусе ат-Талах и в Айн-Дава, в восточном и юго-западном районах Уэйната. Нагромождения округленных и отполированных обломков скальной гранитной породы близ колодца Айн-Дава образовали углубления и расщелины, на стенках которых первобытные художники изобразили свою повседневную жизнь, а также оружие, одежду, всевозможные предметы и животных.

Эти художники оставили нам более 40 плит с рисунками и около 30 сводов в скальных укрытиях, покрытых росписями.

В Джебель-Уэйнат также можно выделить два периода: один, преимущественно с зооморфными сюжетами четвертичной фауны, для которого характерен натуралистический стиль, напоминающий стиль Феццана; второй, – более поздний и разнообразный, отличающийся схематизмом. Работая над фресками, художники использовали фиолетовую, розовую, светло-желтую и белую краски, красно-коричневую глину, кирпично-красную охру, а также красный пурпур и охру. Рисунки выполнены в манере плоскостной окраски одноцветными пятнами, без чередования теней белого и черного цвета. Здесь представлены исключительно домашние животные: быки и коровы, козы и антилопы. Люди почти всегда изображены в своих хижинах в домашних условиях. По этим росписям довольно отчетливо прослеживается повседневная жизнь племен протоберберских скотоводов. В шалашах видны предметы домашнего обихода, корзины и сосуды из обожженной глины. Намечены женские фигуры: например, одна из женщин держит за руку ребенка. Можно различить кувшины, свешивающиеся с потолка хижины. Женщины носили только белую набедренную повязку или юбочку, но на их обнаженных телах имелось множество украшений: бусы и подвески на груди, вышитые пояса, браслеты на руках, коленях и щиколотках.

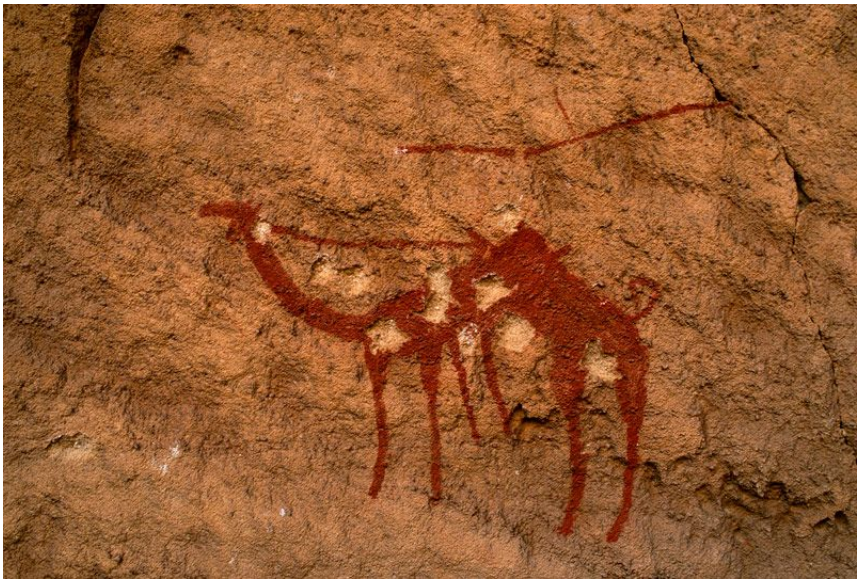
Мужчины, высокие, широкоплечие, мускулистые, неизменно вооруженные луком, обходились без одежды. У некоторых в густые волосы вставлено одно или несколько белых страусовых перьев да имелись набедренные повязки.

Следы ведут в... Египет

Египетский принц Кемаль ад-Дин обнаружил среди росписей в Каркусе ат-Талах боевые сцены, на которых видны два ряда сражающихся бойцов. Один ряд образуют пастухи, защищающие свои стада от грабителей, пришедших из пустыни. Значит, аборигены не были кочевниками в полном смысле этого слова и Джебель-Уэйнат стал их центром полуоседлой жизни, достаточно процветающим, чтобы привлекать грабителей. Вероятно, пастухи были нубийцами, стоявшими на неолитической ступени развития. Если судить по их внешнему виду,

по их искусству, а также по принадлежавшим им предметам, они находились на более примитивном уровне, чем жители Феццана, и следовательно, жили либо раньше их, либо в то же время.

Французский аббат А. Брей (Брейль), занимавшийся истолкованием наскальных рисунков с изображением рогатого скота и быков в горах Уэйната, высказал мнение о том, что авторы значительной части этих рисунков переносят нас в энеолитическую эпоху Негада (7500–5000 гг. до н. э.). Действительно, чисто этнографические наблюдения над этнической группой, которой принадлежит авторство произведений наскального искусства Восточной Сахары, свидетельствуют о присутствии здесь элементов культурной фазы, схожей с культурой Феццана до прихода гарамантов и додинастического Египта, а именно фазы раннего энеолита.

Верблюд относится к поздним персонажам сахарской наскальной живописи

У нубийцев она продолжалась до «периода верблюда» и даже позже. Несомненно, нубийцы были людьми с темной кожей, почти негроидами. Трудно было бы воссоздать характеристики древнего населения Нубии без помощи современных археологических открытий в этой восточной части Сахары, мало изученной даже в наши дни.

Еще в 1933 и 1935 гг. известный немецкий этнограф Лео Фробениус в составе экспедиции пересек всю Восточную, Египетскую и Суданскую Сахару между Джебель-Уэйнат и Красным морем, которая сама по себе уже была большим подвигом. Он побывал в массиве Йерханд, в Гильф-эль-Кебире с уэдами Хамра и Сора, в уэдах Анаг и Хусейн, в Золат-эль-Хамаде, а также в уэде Хуар на крайнем юге Нубийской пустыни. Он повсюду находил наскальную живопись и остатки древних неолитических жилищ, явно принадлежавших охотникам – авторам наскальных рисунков в Сахаре, а также протоберберским скотоводам, появившимся там позднее.

К несчастью, собранные экспедицией материалы затерялись, а скорее всего, погибли под бомбежками во время войны, и лишь в 1952 г. университет во Франкфурте-на-Майне опубликовал кальки, снятые с наскальных рисунков и росписей.

Росписи размещаются в Йерханде (в 100 км к югу от Джебель-Уэйнат) и в уэде Сора, рисунки – в уэде Сора, уэде Хамра, в Абу-Балласе, Селиме, Бурге и Тюйюре, в уэде Анаг, уэде Хусейн и в Золат-эль-Хамаде. Открытие этих палеографических документов не только позволяет предположить, что подобные доисторические свидетельства рассеяны по всей Сахаре, но и дает возможность изучить отдельно обе фазы нубийского наскального искусства, которые в других местах смешаны.

Первые рисунки на камне, выполненные грубой гравировкой или нанесенные молотком, с изображением в натуральную величину представителей африканской фауны и схематизированных антропоморфных фигур, безусловно относятся к произведениям древних охотников. Изображения рогатого скота и домашних животных, а также бытовых сцен, скорее всего работа пастухов-скотоводов, обосновавшихся в долинах и близ уэдов, уже занятых другими людьми. Эти рисунки относятся к тому же времени и стилю, что и рисунки в долине Нила, которые восходят к первым династиям фараонов.

Росписи, как в Восточной Сахаре, так и в других ее районах, похожи на те, что были найдены в Восточной Испании. Действительно, в течение IV тысячелетия до н. э. Нубия оказалась тем перекрестком, где встретились народы, сыгравшие основную роль в миграциях в Сахаре в направлении с востока на запад. Из их среды, по-видимому, вышли и берберы. Эти народы – их называют еще кушитами, или хамитами, – очевидно, заселили Египет, прибыв туда в составе той волны, которая выдвинула Египет на историческую арену вместе с первыми династиями фараонов.

В 1933 г. Паоло Грациози, возвращаясь из научной экспедиции в Феццан, остановился в уэде Марсит, неподалеку от мало известного местечка Майя-Диб. У подножия скалы, на краю Хамады-эль-Хамра, бил источник с холодной, прозрачной водой, поившей маленькую пальмовую рощу. Здесь никто не жил.

На небольшом расстоянии отсюда, среди обрушившихся известняковых глыб, почти засыпанных песком, П. Грациози обнаружил два нагромождения, камней с выбитыми на них фигурами. Ученый открыл здесь стоянку с наскальной живописью, восходившую к самой глубокой древности, и, что самое интересное, первое изображение животного с рогами в форме лиры и с эмблемой в виде шара между ними. Этот бык с солнечным диском напомнил ученому символическое изображение египетской богини Хатхор.

Грациози принялся разыскивать другие образцы, которые подтвердили бы его предположение, и был за это вознагражден. Годом раньше его коллеги, этнографы Чиприано и Мордини, пользуясь сообщениями, полученными от офицеров гарнизона в Браке, наткнулись на уэд, вдоль которого на расстоянии примерно 20 км по правой и левой стороне тянулись наскальные рисунки. П. Грациози испытал точно такое же чувство недоверия и удивления, что и А. Лот, нашедший чудесные наскальные фрески Тассили. Рисунки были повсюду: на отдельных скалах, на скалистой кромке Хамады, под естественными сводами известняковых расщелин – нескончаемая художественная галерея, в которой были представлены почти все образцы ныне угасшей сахарской фауны, существовавшие 10 тыс. лет назад. И в этом «музее» доисторического искусства среди жирафов, львов, слонов, носорогов, антилоп, страусов,

быков, коз, собак, лошадей и даже верблюдов-дромадеров Грациози нашел то, что страстно желал найти: изображение египетского бога Амона в облике барана с солнечным диском между рогами.

Относительно этого бога, чей оракул находился в оазисе Сива в пустыне, а храм в Тебессе в Верхнем Египте, берберологи и египтологи высказывали противоречивые предположения. Первые считают, что он ливийского происхождения, а вторые увязывают его с египетской мифологией, вместе с которой он якобы и проник в Ливию. Тем не менее ныне уже доказано, что его культ был введен а Карфагене древними ливийцами, составлявшими, впрочем, большинство жителей столицы пунического государства.

В послевоенные годы благодаря интересу к культуре со стороны новых ливийских руководителей и творческому рвению молодого поколения итальянских африканистов были осуществлены экспедиции Фабрицио Мори – в Феццан, два лингвистических обследования Умберто Парадизи по берберскому языку, новые археологические раскопки неутомимого Паоло Грациози (а также более скромная этнологическая экспедиция А. Гаудио в уэд Эль-Аджаль, эту «долину гробниц» в Феццане); возобновились раскопки в Лептис-Магне и в Сабрате.

Однако наибольший интерес представляют результаты исследований, относящиеся к экспедиции Ф. Мори. Горный массив Тадрарт-Акакус, где он со своими коллегами обнаружил громадный «музей» в скалах, возвышается к востоку от оазиса Гат на юго-западном склоне Феццана. Скалистый по своему строению, он изрыт множеством уэдов. С этими напоминающими лунный пейзаж долинами чередуются обширные плоскогорья, покрытые темным щебнем (серир), и горные складки различной высоты, образованные скальными породами девонского песчаника.

Подобно двум другим доисторическим массивам Алжирской Сахары – Ахаггару и Тассили, – массив Акакус представлял идеальные условия для выпаса скота, а также для расселения и укрытия древних обитателей Сахары.

За семь лет методических научных изысканий в горах Акакуса Ф. Мори и его коллеги обнаружили и затем воспроизвели сотни граффити и росписей. Все эти наскальные произведения

отличались необыкновенной красотой, а некоторые приобрели особое значение для науки благодаря своему совершенно уникальному характеру – например, большая «лодка» с коленопреклоненными людьми и изображение мумий в вытянутом положении. В укрытии, где находилась эта фреска, итальянские ученые сделали свое главное открытие: из слоя, изобиловавшего остатками предметов древности – камнями, костями и керамическими изделиями, на свет неожиданно извлекли завернутую в звериные шкуры высушенную мумию ребенка.

Эти останки сохранились достаточно хорошо и могли быть использованы для сравнительных антропологических исследований. Здесь же были обнаружены другие костные останки. Таким образом, в этом районе уэда Тешимат оказался настоящий доисторический некрополь. Самым распространенным способом захоронения в нем была, по-видимому, мумификация трупов, почти идентичная способу, практиковавшемуся у египтян.

Однако, согласно датировке, не вызывающей ныне сомнении, найденные в Акакусе останки ребенка восходят к гораздо более ранней эпохе, нежели первые династии фараонов. При изучении этой уникальной находки использовались следующие методы: морфологическое и антропометрическое описание, радиологическое и гистологическое исследования, химический анализ. Удалось установить, что ребенок имел негроидные черты и ему к моменту смерти было примерно 3 года. Консервация тела не носила случайного характера. Об этом свидетельствуют две основные особенности мумии: надрез внутренней стенки брюшной полости, очевидно с целью удаления внутренностей – от них не осталось никаких следов; сильно изогнутое положение тела, которое не удалось бы придать без предварительного удаления внутренностей. Консервация была достигнута с помощью высушивания.

К интересным открытиям французской экспедиции А. Лота, частично изученным и проанализированным аббатом А. Брейлем, можно добавить находки итальянцев в Акакусе, расширившие число известных уже рисунков. В пещерах этих гор, служивших жильем первобытному человеку, превосходно сохранились росписи, которые представляют большой интерес как для изучения религиозных верований, так и для исследования расовых признаков некоторых этнических групп.

Достоверно известно, что население Сахары начало уменьшаться в тот период, когда из-за наступавшей засухи скотоводам становилось все труднее сохранить свои многочисленные стада. Покинув горы в центре Сахары, пастухи отправились на поиски пастбищ в долины больших рек. В наше время их потомками следует, вероятно, считать пастухов фульбе, сохранивших некоторые характерные черты белой (средиземноморской, или контактной) расы, несмотря на частые смешанные браки с соседним чернокожим населением.

Каковы были отношения между жителями Сахары и Египтом? И к какому времени они относятся?

Удивительные аналогии, которые уже были замечены многими исследователями, не получат своего раскрытия до тех пор, пока не будет неопровержимо установлено, в каком хронологическом соотношении находятся различные этапы сахарского искусства с искусством додинастического и протодинастического Египта.

Какой же характер носили отношения между этими двумя культурами? Представляли ли они собой некое четкое явление, сопровождавшееся определенным этническим и культурным воздействием? Могло ли сахарское искусство, достигшее такого развития еще в эпоху, предшествующую первой египетской династии (около 3200 г. до н. э.), способствовать возникновению художественных форм, которые кажутся столь зрелыми уже в протодинастический период?

Если гипотеза о том, что в Долину Нила внесли свой вклад инородные культуры, подтверждается громадными художественными различиями, существующими между произведениями додинастического и протодинастического Египта, тогда трудно не признать, что эти новые веяния пришли именно из Сахары, которую покидало население, гонимое усиливавшейся засухой.

Колесницы гарамантов

Приступив к тщательной реконструкции цивилизации древнего Феццана, Паоло Грациози сосредоточил свое внимание на некоторых рисунках. Они изображали летящие колесницы, запряженные лошадьми и управляемые воинами, вооруженными дротиками, луками и щитами. Стиль этих

колесниц (такой тип в Сахаре более не встречается) и особенно «летящий галоп» лошадей обнаруживают любопытное сходство с микенским искусством. Таким образом, возникло предположение о средиземноморском происхождении гарамантов, древних обитателей Ливии, которое все еще не подтверждено, равно как и не разгадана тайна, откуда в Сахаре появились эгейские колесницы. Известно, что в 1700 г. до н. э. долину Нила захватили гиксосы, воевавшие на колесницах, но мы не знаем, распространились ли колесницы вскоре после этого дальше на запад и были ли они заимствованы ливийцами. Первый достоверный документ о существовании колесниц и лошадей в Ливии относится к 1229 г. до н. э. Речь идет об одном тексте Меренптаха из Карнака, в котором говорится, что египтяне, разбив в сражении ливийского вождя и его сына, захватили 14 пар лошадей.

Колесницы появились в Сахаре еще при греках

Однако нет никаких доказательств того, что боевые колесницы гарамантов попали в Сахару через Египет. Скорее можно предположить, что они – судя по средиземноморским, т. е. микенским, особенностям – оказались в Сахаре в связи с появлением «народов моря» (ахейцев, сардов, этрусков), когда они

высадились между Киренаикой и дельтой Нила, предприняв неудачную попытку захватить Египет силой. Впрочем, известно, что местные ливийцы присоединились к пришельцам и сражались в их рядах. Потерпев поражение и покинув Египет, они, вполне естественно, привели в пустыню боевые колесницы и лошадей. Таким образом, этот факт говорит, по-видимому, не о заимствовании их у египтян, а, наоборот, о заимствовании колесниц египтянами.

Между тем гараманты применяли колесницы и для сельскохозяйственных работ, и для перевозки людей, запрягая в колесницы как лошадей, так и быков. Позднее они стали пользоваться только лошадьми и ездили на них верхом с ловкостью превосходных наездников. Они пускались в галоп, не имея стремян и управляя животным лишь с помощью простой палочки. Кавалерия гарамантов славилась в древней Африке. На боевых колесницах, запряженных четверками лошадей, гараманты, вооруженные дротиками, по нескольку дней преследовали «эфиопов» вплоть до нагорий Тибести и Аир. Все ливийские племена переняли подобный способ ведения боя и транспортировки грузов, а в племенах зауэс, населявших территорию современного Туниса, на колесницах и верхом ездили даже женщины.

В 1938 г. П. Грациози обнаружил новые изображения колесниц в районе Масуда, правда, довольно примитивные. Их авторы не теряли времени на соблюдение ортогональной проекции и перспективы. Для изображения колесниц они пользовались горизонтальной проекцией, как если бы смотрели на них сверху. Колеса и сами лошади были изображены в профиль, возница – в фас. Лошадей запрягали по четыре или по две, а иногда даже по одной, смотря по тому, каков был размер колесницы.

В любом случае, ее устройство на рисунках передано очень схематично: ось, соединяющая два колеса с шестью спицами в каждом, и настил, от которого отходят два дышла, заканчивающиеся двойным ярмом на шее лошадей и напоминающие ярмо боевых колесниц Египта эпохи фараонов. Правил этим сооружением один человек, всегда стоя. На других рисунках колеса боевых колесниц имеют всего четыре спицы, а дышла соединены перекладиной – единственным ярмом для всей

упряжки, но на настиле стоят два человека, возница и вооруженный воин.

Рядом с этими наскальными рисунками гарамантов было обнаружено значительное количество надписей, выполненных древним ливийским письмом и современным письмом тифинаг. Берберолог Франческо Бегино несколько раз побывал в Феццане и скопировал там сотни надписей. Хотя этот любопытный геометрический алфавит уже известен, многочисленным современным лингвистам и дешифровщикам еще не удалось расшифровать язык надписей. Это тем более странно, что древний ливийский язык до сих пор остается живым: на нем еще и сегодня пишут туареги, хотя они пользуются весьма искаженной формой письменности и называют ее тифинаг.

Гарамант

Несмотря на то, что среди надписей было обнаружено множество двуязычных (на ливийском и пуническом языках), которые изучаются сейчас во Франции, но ни одно из сравнительных исследований еще не дало положительных результатов. Ф. Бегино, открывший 200 текстов, надеялся перевести древний ливийский язык с помощью берберского, но французский ученый-берберолог Андре Бассе убедительно опроверг его доводы. Те, кого увлекла эта лингвистическая загадка, продолжают свои поиски. Некоторые из них, правда, присоединяются к мнению выдающегося английского дешифровщика надписей А. Эванса, считавшего, что древний ливийский язык

восходит к древнекритскому и является свидетельством древних связей Крита с Африкой.

В 1933 и 1934 гг. экспедиция Итальянского географического общества, возглавляемая археологом Биаджио Паче и его помощником антропологом Джузеппе Серджи из Римского университета, начала в уэде Эль-Аджаль раскопки, приобретшие впоследствии большое значение. Этот уэд, длинной бороздой прорезающий центральную часть Феццана и ограниченный на севере дюнами Рамлы, а на юге Хамадой, находился, как полагают, в самом центре страны гарамантов.

На отрезке в 160 км итальянская экспедиция обнаружила самый большой некрополь во всей Африке, насчитывающий около 4500 могил. Раскопки велись из г. Джермы, сохранившего название древней столицы исчезнувшего царства гарамантов, Гарамы.

Эти погребения во всех отношениях похожи на курганы, обнаруженные неподалеку от Гата и в Алжирской Центральной Сахаре, изучением которых занимался Т. Моно. Результаты археологической экспедиции в Феццане оказались поразительными. Постепенно выявилась вся цивилизация гарамантов; ее похоронные обряды, ремесла, постройки, оружие, процветающая торговля. С. Серджи нашел и исследовал останки древних обитателей Сахары. Тем самым удалось вернуть этому загадочному народу его этническую индивидуальность и определить место гарамантов среди населения древнего Средиземноморья.

В Феццане существует несколько видов захоронений: ямы, ящики, камеры с плоской крышей или с куполом. Над ними насыпаны курганы различной формы, которые иногда ступенями поднимаются вверх.

Изучение могил показало, что гараманты хоронили умерших в согнутом положении. На восточной стороне могилы они воздвигали стелы либо в форме обелиска, либо в виде рогов, а перед ними ставили столы с небольшими углублениями для ритуальных подношений пищи. Следует отметить необычную могилу в виде камеры, окруженной стеной, перед которой находится атриум. Все это вместе представляет собой погребальный храм под открытым небом, очевидно весьма почитавшийся.

Между культом мертвых, существовавшим у древних ливийцев, и погребальными обрядами в Египте в период неолита было также много общего. По сообщениям греческого историка Геродота, насамоны[1] сажали умирающих и в этом положении хоронили. Существовали также захоронения в глиняных кувшинах, причем череп отделяли от тела, а кости разбрасывали вокруг захоронения.

Насамоны, принося клятву духам, держали руку на могиле своих родных и божились «самыми уважаемыми людьми». Они спали там и молились предкам. А жители оазиса Авгила укладывались спать на могилах, когда хотели услышать во сне пророчество.

Любопытно, что эти же обычаи сохраняются и у нынешних туарегов. Их женщины в праздничных нарядах отправляются к древним «могилам великанов», молятся духам в человечьем обличье – Идебни, а затем ложатся спать, чтобы «узнать во сне о судьбе своих близких». Жители Ахаггара делают это ночью, а жители Аджера – днем. Отставший в пути туарег ложится спать у одной из таких могил и узнает во сне, где находятся его товарищи. Другие молятся и спят в круге, образованном камнями овальной формы, достигающем 25–45 м в диаметре и окруженном небольшими каменными курганами.

В царстве гарамантов у некоторых негроидных племен, обитавших в пещерах, старикам разрешалось жить только до шестидесяти лет. Когда наступал этот срок, человек должен был удавиться бычьим хвостом. Если же у него не хватало мужества, его под радостные крики и смех душили соплеменники. (Напомним, что древние обитатели острова Сардиния тоже бросали в глубокие ямы своих стариков, достигших семидесяти лет.)

Гараманты благородного происхождения с радостью встречали смерть родственника или друга, и его погребение отмечалось большой ритуальной трапезой.

---

[1] Древний народ, обитавший на севере Ливии. Впервые были упомянуты Геродотом. По своей культуре близки к туарегам. Религия насамонов — это поклонение духам предков. Среди соседей насамонов названы гараманты. Геродот их описывает как скотоводов и особо упоминает экзотические брачные обычаи, содержащие элементы оргий.

Из некоторых могил гарамантов в уэде Эль-Аджаль было извлечено на свет множество костей животных, несомненно попавших сюда после погребальной трапезы.

Развалины столицы гарамантов близ Джермы

В гробницах находили также домашнюю утварь: сосуды из прозрачного стекла с высеченным или нарисованным орнаментом; а также из гладкого или выпуклого цветного стекла; кувшины из обожженной глины, напоминающие керамику из Ареция. На амфорах для вина и масла и на их обломках видны римские, пунические и ливийские знаки.

В Уаддане, в оазисе ад-Джофра, на вершине холма в октябре 1929 г. нашли клад, состоявший из небольших золотых предметов общим весом три килограмма. Среди них – 101 кольцо, 9 пряжек, 1 спираль, 4 браслета и 10 маленьких идолов, одиночных и парных. Некоторые идолы представляют собой

рогатое бородатое божество. Оно напоминает изображение, которое около 1000 г. до н. э. появилось на украшениях, имевших хождение в Средиземноморье. Учитывая довольно примитивную технику выплавки этих золотых изделий, очевидно, есть основания говорить о вещах, привезенных гарамантами из финикийских факторий на Ливийском побережье.

Благодаря этим личным предметам, найденным в могилах гарамантов, удалось восстановить ту атмосферу, в которой протекала их жизнь.

Гараманты были известны как грабители. Римский историк Тацит рассказывает, что их воинственный пыл обращался не только против чернокожих. Хорошо зная дорогу к заливам Сирта, они совершали свои набеги и подобно саранче обрушивались на богатые финикийские и римские города побережья, грабили и опустошали их.

У гарамантов существовал старинный обычай предоставлять право убежища любому беглецу, не спрашивая у него, откуда он и почему скрывается. Неудивительно, что пристанище в царстве гарамантов искали и солдаты, дезертировавшие из карфагенских и берберских войск, и бандиты, а также беглые преступники. Они вливались в ряды гарамантов, совершавших грабительские набеги. Все караванные пути, проходившие через Центральную Сахару и соединявшие берег Средиземного моря с Суданом, находились под контролем колесниц и кавалерии этих неукротимых воинов. Гарамантам удалось монополизировать значительную часть торговли экзотическими товарами, основными потребителями которых были Карфаген и Рим. Однако караваны, платившие им пошлину, они обеспечивали проводниками и охраной.

Основным занятием гарамантов было разведение крупного рогатого скота и овец. Они вели пастушеский, полукочевой образ жизни и довольствовались небольшими палатками из шкур и переносными хижинами. Из таких же хижин состояли и их военные лагеря. Благодаря тому, что эти хижины легко разбирались и перевозились на вьючных животных, передвижения гарамантов были молниеносны, а действия внезапны. Чтобы еще больше выиграть время, воины нередко ставили на повозку целую хижину.

Только мертвые получали право на постоянное и просторное «жилье». Вот почему после гарамантов остались монументальные некрополи, но нет никаких следов каменных городских поселений, если не считать невысоких построек в Гараме.

Единственным местным видом ремесла было гончарное производство. Женщины изготовляли сосуды черного и красного цвета, украшая их линейным орнаментом. По форме и орнаменту эти сосуды очень похожи на те, что изготовлялись в Восточном Средиземноморье в бронзовом веке (III тысячелетие до н. э.), известными главным образом по раскопкам на Крите, Мальте, в Сицилии, Сардинии, в жилищах и храмах, относящихся к той же эпохе.

Нравы гарамантов были чрезвычайно свободными. Женщины похвалялись числом возлюбленных. Когда ребенок достигал определенного возраста, мужчины собирались и объявляли отцом того, на кого ребенок был больше похож. Тем не менее женщины пользовались немалым уважением, и эта форма матриархата была унаследована туарегами.

Женщины гарамантов одевались в красный плащ из козьей кожи, окаймленный бахромой. Он был перекинут на спину через правое плечо, а держала его металлическая застежка на левом плече. Эта примитивная одежда была усыпана множеством украшений из слоновой кости, золота, серебра. Обнаженные руки и шея также украшались браслетами из слоновой кости, серебра и меди, подвесками из раковин и цветных камешков, пластинками из панциря черепахи, а также бусами, сделанными из скорлупы страусовых яиц и стекляшек, привезенных с побережья из финикийских факторий и из Карфагена. В волосы женщины втыкали два-три белых или черных страусовых пера.

Мужчины носили лишь короткую тунику из шерсти или из шкур коз и антилоп. Волосы также украшали страусовыми перьями, а детородный орган защищали кожаным футляром.

На этой любопытной детали мы закончим наш рассказ о Северной Африке и мысленно перенесемся на далекий юг континента.

Цивилизация охотников

В той части Африки, которая простирается к югу от экватора, от восьмой параллели до мыса Доброй Надежды, были обнаружены тысячи наскальных изображений. Росписи и рисунки, выбитые на камне, особенно многочисленны в Южно-Африканской Республике, на склонах Драконовых гор. Они свидетельствуют о том, что и живописцы и граверы владели своим мастерством в совершенстве. Это вызвало удивление, ибо художники, оставившие свои произведения на скалах, принадлежали к наиболее необеспеченным группам населения, какие только тогда существовали. Все имущество этих людей ограничивалось тем, что они могли унести в небольшом мешке. Они не строили постоянных жилищ, вели тяжелую, полную опасностей жизнь, которая, должно быть, порождала у них постоянное чувство тревоги. Тем не менее они создали прекрасные произведения.

Наскальные рисунки Драконовых гор

Они нарисованы на скалах, защищенных укрытиями. В частности, на территории Наталя они находятся на склоне горы, с солнечной и сухой стороны, неподалеку от источника воды, откуда открывается широкий обзор. В большинстве случаев эти местности были заселены. В Европе некоторые из древних настенных росписей были найдены в темных пещерах, здесь же, наоборот, они находятся на свету.

Рисунки выполнялись двумя различными способами: линейной насечкой, которая под возникшей в результате атмосферного воздействия патиной обнаруживала истинный цвет породы, и путем накалывания пунктиром контура изображения, а иногда и целых поверхностей небольшими углублениями. Пока еще не удалось обнаружить орудие, которым делалась насечка, видимо, нечто вроде каменного долота, но зато найдены заостренные камни, пригодные для накалывания. Для росписей употреблялись красные, желтые, оранжевые, а также белая и черная краски. Как же получали эти краски? Из минеральных окисей извлекали пигменты: нагретая окись железа при разных температурах дает множество оттенков красного, желтого и черного цветов; гематит[2] дает красную, а болотная руда желтую краску.

Черную краску получали, кроме того, из древесного угля, белую – из каолина[3], из птичьего помета и из сока молочая. Эти красящие вещества размельчали до порошка, смешивали с животным жиром (в том числе, очевидно, с костным мозгом копытных), с соком некоторых растений, молоком, кровью, мочой. Эти смеси были очень устойчивы и в некоторых случаях не разрушались даже под частым действием дождя. В некоторые мягкие породы краски проникали глубоко. Их наносили различными предметами, выполнявшими роль тонкой кисти, щетки, ножа. Для этой цели служили шерсть из хвоста гну, гнущаяся кость, палка с размочаленным концом.

---

[2] Гематит – широко распространённый минерал железа, одна из главнейших железных руд. В природе встречается несколько морфологических разновидностей гематита: железная слюда, красная стеклянная голова («кровавик»), железная роза.

[3] Каолин – глина белого цвета, состоящая из минерала каолинита. Образуется при выветривании гранитов, гнейсов и других горных пород, содержащих полевые шпаты.

В наскальном искусстве отчетливо прослеживаются две традиции: реалистическая и абстрактная. Последняя представлена гораздо менее многочисленными произведениями, сосредоточенными в районе к западу от Кафуэ и к северу от Замбези. Так, в Катанге (ныне Шаба) обнаружены геометрические фигуры, рисунки в клетку, изображения рыбьих костей; в Анголе – концентрические круги и другие изогнутые линии; в Замбии – параллельные линии и перевернутые «U», пересекаемые посередине прямой линией, и т. д. Здесь художники при помощи знаков и стилизованных рисунков создают у зрителя представление о конкретных существах или идеях.

Реалистическая традиция намного богаче: она полностью господствует в Южной Африке как по количеству, так и по качеству изображений. Именно это и удивило европейцев своим несоответствием их наивному представлению об искусстве «первобытных людей». Они ожидали увидеть детские рисунки, неумело воспроизводящие не зрительный, а какой-то мысленный образ, например человека в виде прямоугольника с двумя палками внизу, двумя палками по сторонам, кружком сверху. Напротив, наскальные художники Южной Африки умело воспроизводили то, что видели.

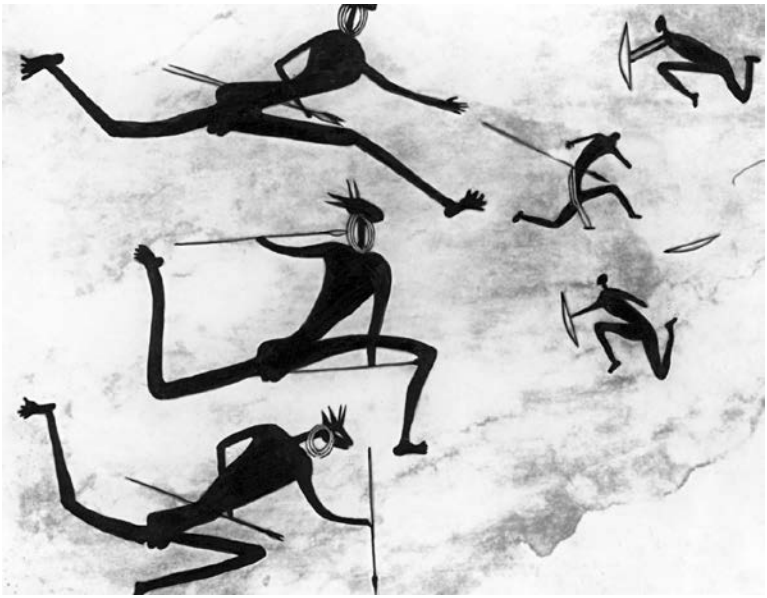
Они рисовали животных не только в профиль, но и в труднодоступных позах, в повороте или в быстром движении. Они пользовались смягченным тоном для перехода от одного цвета к другому и для создания перспективы. Кроме того, очевидно, что они старались выписать каждое животное в отдельности. Рисуя стадо, они располагали животных рядом, а не в глубине, причем ближайшее животное не заслоняло полностью тех, кто стоит дальше.

Эти художественные особенности прослеживаются во всех рисунках, где представлены животные. Люди же изображены иначе. Движение по-прежнему передано интенсивно, но персонаж чаще всего изображен одноцветным силуэтом. Эти силуэты весьма выразительны. Подчеркивая одни черты, смягчая другие, южноафриканские художники создавали очень выразительные рисунки людей. Эти изображения брались из жизни и по-видимому, не становились шаблонными. У одних женских фигур – огромная грудь, у других – наоборот очень маленькая,

встречаются охотники с чрезмерно развитыми икрами и с ногами, обозначенными чуть ли не прямой линией.

Мы уже отмечали, что один из главных сюжетов этих росписей – животные: буйволы, лоси, антилопы, львы и т. д., которые еще сто лет назад изобиловали в парковых саваннах Южной Африки. Затем следуют отдельные изображения людей, очевидно принадлежащих к разным народам, судя по характерным чертам сложения, таким, как стеатопигия (утолщенные из-за отложения жира ягодицы), по деталям одежды – браслетам на руках или ногах, по предметам, которые они держат в руках, например по музыкальным инструментам или щитам. Некоторые из этих людей – женщины, солдаты, всадники – явно европейского происхождения. Но чаще всего изображаются сцены охоты, праздники, танцы, набеги с целью захвата скота, сражения.

Но кем же были художники, создавшие такие превосходные произведения? Где научились они своему мастерству? Когда жили?

Ученые не знают, кем были люди, изображенные на этих рисунках

Эти вопросы задают, начиная с XVIII в., но ответить на них исчерпывающим образом невозможно по сей день. И все же с тех пор, как в 1721 г. епископ Мозамбика обратил внимание Королевской академии в Лиссабоне на наскальные рисунки, существующие на этой территории, после того как в 1776 г. Иоганн Шумахер сделал первые копии с росписей, обнаруженных к северу от мыса Доброй Надежды, решено немало загадок и установлено несколько важных достоверных фактов.

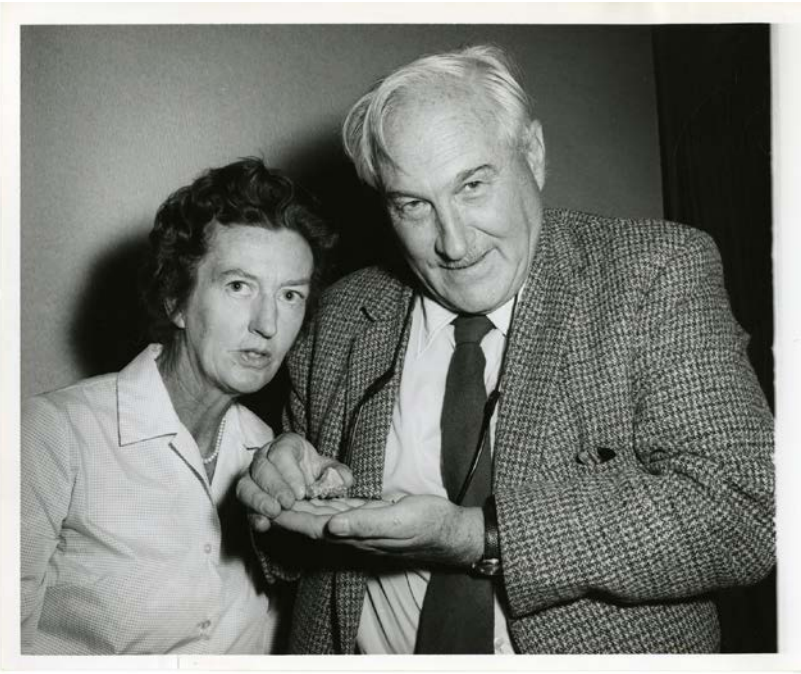
Эти изображения представляют собой традицию, которая не прерывалась, начиная с первобытных времен вплоть до XIX в., – случай весьма редкий в культурной эволюции. Они дают нам возможность непосредственно соприкоснуться с тем образом жизни, который, безусловно, был первой цивилизацией человечества, цивилизацией охотников, предков всех людей, живущих ныне на земле. Чтобы определить место южноафриканской традиции в наскальной живописи, нам придется на время отвлечься от нее и заглянуть далеко в глубь времен.

Сенсационные находки Лики

Современный уровень знаний позволяет предположить с большой степенью вероятности, что родина человечества – Африка. Эта гипотеза основывается на открытиях костных останков, сделанных в течение полувека, с 1913 по 1963 гг., в ущелье Олдовай, расположенном в Танзании примерно на полпути между озером Виктория и горой Килиманджаро. Самым последним, а также самым сенсационным из этих открытий мы обязаны супругам Лики. Они нашли череп существа, называемого зинджантропом и входящего в группу австралопитеков, и еще один, который палеоантрополог Лики считает принадлежащим Homo habilis – новому виду из рода Homo. Первый череп был обнаружен в 1959 г., второй – в 1963 г.

Современный человек (Homo sapiens) и человекообразные обезьяны не принадлежат к одной и той же эволюционной линии. Известный тезис эволюционизма, приписываемый Чарлзу Дарвину – «человек произошел от обезьяны», – неточен. Однако современные люди и обезьяны происходят от общего предка. Палеонтологи стараются определить различные анатомические формы, которые образуют восходящую линию родства

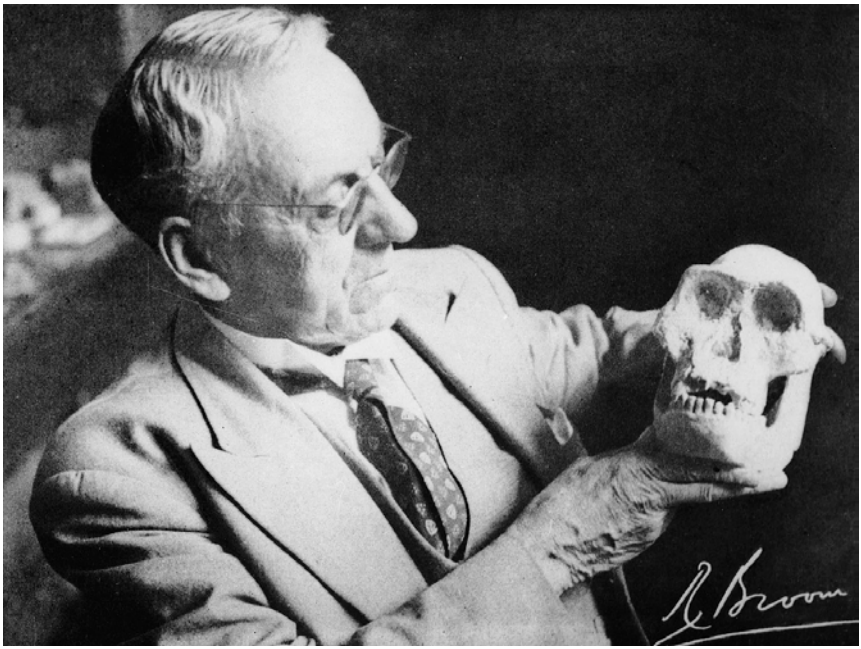
человека перед Homo sapiens. Непосредственная предыдущая ступень принадлежит неандертальцу, представленному и в Африке и в Европе. Затем следует питекантроп, который объединяет собственно питекантропа, найденного на Яве, синантропа из пещер Чжоукоутянь в Китае и атлантропа из Марокко. Известную нам ныне самую древнюю ступень занимает австралопитек, «большая южная обезьяна».

Луис и Мери Лики

Впервые ископаемые остатки австралопитеков были обнаружены в 1924 г. вблизи от мыса Доброй Надежды. Это был череп молодого индивидуума. В 1936 г. еще один палеоантрополог Роберт Брум обнаружил в Трансваале, в Стеркфонтейне, остатки первого взрослого индивидуума этих предков человека. Впоследствии в Южной Африке, в частности в долине Макапан, в Трансваале, были найдены другие окаменелые части австралопитеков. Какие же особенности отличают австралопитека от человека? Сравнительно маленькая черепная коробка

сочетается у них с выдающейся вперед челюстью. Средний объем мозга австралопитека составляет 504 куб. см, что уступает объему мозга Homo sapiens (1300 куб. см), а также гориллы (600 куб. см). Тот факт, что голова сидела на позвоночнике ближе к центру, а также форма таза и бедренных костей указывают на то, что австралопитеки передвигались в вертикальном положении. С другой стороны, мощная выступающая челюсть и легкий костный гребень на средней линии верхушки черепа сближают их с обезьянами. Зубы австралопитеков походили на зубы человека и снашивались одинаково; это наводит на мысль о том, что и пищу они употребляли ту же, что и люди. Ростом они были невысоки, вероятно, от 120 до 140 см, а их вес приближался к весу современных шимпанзе.

Роберт Брум с очередной находкой

Еще раньше, в третичную эру, в период миоцена, Восточную Африку населяли обезьяноподобные существа, которые, возможно, были прародителями и людей и человекообразных обезьян. В 1962 г. Л. Лики откопал близ Кисуму, к северо-

востоку от озера Виктория, челюсть одного из этих отдаленных предков, который жил 14 000 000 лет назад. Это существо представляло собой иной вид приматов, чем те ископаемые в количестве около ста индивидуумов, имеющих возраст 30 000 000 лет, которых Л. Лики открыл еще в 1930 г. на одном из островов и на берегу озера Виктория.

Один из них, названный «проконсулом», не имел достаточно четко выраженных признаков, так что от него по расходящимся линиям могли развиваться, с одной стороны, обезьяноподобные, с другой – человеческие черты. Проконсул, по-видимому, жил в основном на земле, хотя кости его конечностей показывают, что он мог лазить и по деревьям.

Какое же звено в этой цепи от проконсула до Homo sapiens положило начало человечеству? Смена анатомических форм происходит слишком постепенно, чтобы мы могли указать, где кончается животное и начинается человек.

Что такое человек?

Попытка определить, что такое человек, относится к числу тех, в которых философам никогда не удавалось преуспеть. Специалисты по первобытной истории и антропологи сходятся в том, что человек – это животное, изготовляющее орудия.

Другие животные иногда пользуются орудиями, однако способность изготовлять их предполагает такой уровень умственного развития, который присущ только человеку. Разумеется, есть и явления, свойственные лишь людям, но этот критерий был выбран потому, что он проявляется в материальных следах, обнаруживаемых еще и сегодня. Критерий этот касается непременного условия всех цивилизаций – господства человека над природой. Изготовление грубого каменного ручного рубила – уже шаг, направленный к ее подчинению.

Для того чтобы судить, на каком этапе анатомического развития человека начинается изготовление орудий, необходимо обнаружить их вместе с его костными остатками. Вот тут-то и выявляется вся важность находки зинджантропа или австралопитека. Здесь впервые один из австралопитеков бесспорно увязывается с «производством» каменного века, уже известного по другим стоянкам. Это самая древняя первобытная культура, обнаруженная в Африке, – дошелльская культура.

Действительно зинджантроп, чей объем черепа равен 530 куб. см, найден на стоянке, хорошо известной специалистам, ибо там смена культур каменного века наглядно представлена в виде последовательных ярусов. Ископаемый череп находился в дошелльском, самом древнем слое. Поскольку столь древние анатомические формы, как австралопитек, и столь древние культуры, как дошелльская, были раскопаны только в Африке, то при современном состоянии знаний мы можем сделать вывод, что именно здесь человечество появилось на свет. В 1961 г. сотрудникам Калифорнийского университета удалось установить, что возраст зинджантропа равен 1 750 000 лет.

Первые орудия человека, относящиеся к дошелльской культуре, весьма примитивны. Сначала это просто галька, с одной стороны которой сняты отщепы; это – первая ступень, кафуанская, по названию реки Кафуэ в Уганде. Для второй дошелльской ступени, олдовайской (по названию ущелья Олдовай в Танзании), характерно рубило, обработанное с двух сторон так, что получилось острое лезвие, но неправильной формы сбоку или на конце. Несомненно, у людей, пользовавшихся рубилом, были и другие орудия, но сделанные из менее прочного материала, например дерева, которые до нас не дошли. Эти первые люди питались тем, что собирали: корнями, дикими плодами и мясом недавно погибших животных.

Зинджантроп

Очевидно, такой способ добычи мяса играл довольно значительную роль. Ибо до того, как люди научились строить ловушки, изготовлять каменные микролиты, а с их помощью делать оружие с крепким заточенным острием, до того, как они начали пользоваться огнем, охота была нелегким занятием. Иногда на стоянках находили раздробленные кости крупных животных рядом с орудиями для разделки туши, изготовленными на месте. Скорее всего, эти животные погибли естественной смертью. Однако возможно, что очень рано люди начали охотиться группами и загоняли крупных животных в болота, где они увязали под тяжестью собственного веса, и их можно было убивать камнями или дубинами.

С течением времени цивилизация охотников совершенствовалась и дифференцировалась. При раскопках в разных местах обнаружено несколько культур каменного века, относящихся к различным периодам. Но здесь специалисты по первобытной эпохе уступают место историкам, а те – этнографам, ибо подобный образ жизни существует в Африке и по сей день. Разумеется, сейчас лишь немногие племена ведут жизнь охотников, и к тому же эта жизнь изменилась в результате различных воздействий современности.

Но цивилизация охотников, находящаяся на пути к очень быстрому исчезновению, была одной из важных систем групповой адаптации к окружающей среде, хотя в нынешней Африке она уже не имеет почти никакого значения.

Между дошелльскими охотниками и собирателями, с одной стороны, и нынешними бушменами – с другой, существует преемственность в том смысле, что все необходимое для существования своей группы и те и другие получают, попросту завладевая тем, что предоставляет им естественная среда. Они не пытаются ее изменить, не сеют, чтобы собирать урожай, не разводят животных, чтобы пользоваться их мясом, шкурами и молоком. Это тождество технико-экономической системы предопределяет и другие черты сходства. Так, например, группа охотников может состоять лишь из ограниченного числа людей, она не имеет постоянного места жительства, ее политическая организация не может быть государственной. Однако наряду с этим главным тождеством существуют различия, значение которых не могут понять те, кто живет в век

промышленной цивилизации. Попробуем проследить длительную эволюцию цивилизации охотников.

Появление орудий для охоты

Дошелльские австралопитеки появляются в начале четвертичного периода, во время плейстоцена. Именно тогда и начинается период, который исследователи первобытной истории Южной Африки называют древним каменным веком, включающим дошелльский и шелльский периоды. Для последнего характерны ручные рубила, транше и орудия на отщепах. Все эти орудия, возникшие в результате накопленного опыта, не кажутся нам большим прогрессом по сравнению с обработанными гальками дошелльского периода, и тем не менее для их появления потребовались сотни тысяч лет... К концу этого периода начинают добывать огонь.

За этим периодом каменного века последовал первый переходный период, включающий культуры «форсмис» (по названию города в Южно-Африканской Республике) и «санго» (по названию бухты на озере Виктория в Уганде). Эти две культуры относятся приблизительно к одному и тому же времени, но культура форсмис соответствует природной среде в виде открытой саванны и производству скребков и ножей, тогда как культура санго развивалась в лесной области и для нее типичен набор орудий для обработки дерева и коры.

Первый переходный период совпал с изменением климата, с засушливым периодом, последовавшим за третьим влажным периодом плейстоцена. Не следует преувеличивать масштаб климатических колебаний в Южной Африке. В течение плейстоцена весь мир затронули четыре главных климатических изменения. В умеренных широтах они вызвали четыре ледниковых периода, а в тропических – четыре влажных, разделенных тремя засушливыми. Однако на протяжении этих периодов сохранялся годовой режим, дождливых и сухих сезонов, с той разницей, что во время влажного периода дожди выпадали несколько более обильно, и это впоследствии, очевидно, привело к росту растительного покрова. Следовательно, все эти изменения носили постепенный, нерезкий характер.

Региональные различия усилились в течение среднего каменного века, который соответствует четвертому влажному периоду (гемблий). Благодаря благоприятным условиям человек широко распространился по всей Южной Африке. Среди культур этой эпохи укажем лупембскую (в Конго и Анголе), давшую очень красивые орудия, в частности копьевидные наконечники; протостилбейскую (в Замбии), обнаруженную вместе с родезийским человеком из Брокен-Хилла; стилбейскую (долина Замбези, Матопо Хиллз в Родезии) и питерсбургскую (в Трансваале). Некоторые индустрии среднего каменного века удалось датировать; лупембская индустрия, обнаруженная у водопадов Каламбо в Замбии, относится к 25 000 или 27 000 г. до н. э., одна питерсбургская индустрия относится к 13 000, а одна лупембская индустрия – к 12 600 г. до н. э.

Десять или двенадцать тысяч лет назад плейстоцен завершился еще одним сухим периодом. Культуры этой эпохи отличаются значительным прогрессом в обработке камня: появлением микролитов. С помощью этих маленьких форм, выделанных из мелкозернистых материалов, люди древности создавали сборные, гораздо более эффективные орудия. Вставляя их в кусок дерева или кость, охотники изготовляли ножи, наконечники дротиков, зубцы для стрел.

Такие зубцы облегчали охоту, так как оставались в ране, что было особенно важно при использовании отравленных стрел. Изготовление микролитов требовало большой сноровки и более совершенных технических приемов, например, с помощью посредника, когда обрабатываемый камень лежал на наковальне, а по нему били «молотом» из кости или твердого дерева.

Это позволило снимать отщепы одновременно с двух концов стержня. Появилось большое разнообразие форм: наконечники со стержнем, вставленным в ручку, наконечники с прямым основанием, наконечники полулунной формы. Первые индустрии микролитов носят название культуры «магози». Они охватывают примерно 4000 лет, тот период, который исследователи первобытной истории называют вторым переходным периодом, служащим промежуточной ступенью между средним и поздним каменными веками.

Именно в позднем каменном веке, начало которого относится приблизительно к 5500 г. до н. э., лук становится в Южной Африке главным охотничьим оружием. В эту эпоху складывается региональная специализация. В лесах бассейна Конго обнаружены читольские индустрии, отличающиеся наличием поперечных наконечников стрел, и культуры, относящиеся к неолитическим фациям (полированные топоры). В Родезии пещера Нашикуфу дала название культуре, обнаруженной при раскопках 1948 г. Там, среди микролитов были найдены камни с просверленным отверстием, а также глиняная посуда. Эта пещера украшена геометрической росписью. К позднему каменному веку относятся культуры уилтон и смитфилд, остатки которых обнаружены на территории Южно-Африканской Республики.

Для нескольких небольших групп охотников бушменов и пигмеев поздний каменный век еще не закончился. Следует определить место наскального искусства в последовательной смене доисторических культур.

Наскальным искусством африканцы занимались еще сравнительно недавно. В 1869 г. был жив один из последних художников-бушменов.

Художники бушмены

Кроме того, некоторые сюжеты могли возникнуть только после прихода европейцев. Однако это совсем не означает, что все изображения были выполнены бушменами в течение двух последних веков. Анри Брей, шесть лет изучавший на месте наскальные рисунки, пришел к выводу, что многие из них являются очень древними. Он основывается главным образом на их сюжетах, где, по его мнению, представлены персонажи цивилизаций классической древности. В исследовании, посвященном Белой даме с горы Брандберг (Юго-Западная Африка), А. Брей пишет, что видит в этом высокохудожественном изображении реминисценции критских воспроизведений женщин, сражающихся с быками на Крите в Кносском дворце. Эти критские влияния якобы проникли вплоть до юга Африки через посредство Египта эпохи фараонов. В сопровождающей Белую даму свите он усматривает отголоски мифов о воскрешении Исиды, Осириса и Гора. На некоторых росписях А. Брей различал музыкальные инструменты, возможно греческие, прямоугольные колчаны, напоминающие шумерские, и т. д. Конечно, такие влияния нельзя исключать, но их доказательством являются лишь определенные толкования этих изображений, отнюдь не единственно возможные. (Белый цвет считается ритуальным у многих племен банту, а различные «экзотические» предметы с успехом могли принадлежать местным культурам.) Следовательно, пока не получены достоверные доказательства, можно сомневаться в том, что настенное искусство Южной Африки испытывало на себе средиземноморское влияние…

Гораздо больше сходства между наскальными рисунками Южной Африки, Сахары и Испании. Следует ли из этого, что когда-то от Испании до мыса Доброй Надежды простиралась единая культура? Это лишь гипотеза, отнюдь не исключающая возможность параллельного возникновения рисунков. Нет ничего удивительного в том, что группы охотников, сталкиваясь с аналогичными проблемами, решали их сходным образом, в результате чего в их культурах, в том числе и в художественном творчестве, проявлялись сходные черты.

Вряд ли можно прибегнуть к стратиграфическому методу для уточнения датировки наскальных изображений. Правда, часто присутствует совпадение при наложении одного рисунка на другой, но попытки обнаружить соответствие между этими

слоями и сменой первобытных индустрий, остатки которых находятся у подножия расписанной скалы, не дали надежных результатов.

Живопись бушменов

Определению возраста наскальных рисунков не очень помогают и изображенные на них животные, ибо со времен верхнего плейстоцена фауна в основном оставалась неизменной. Мало сведений дает и состояние патины, ибо мы плохо знаем характер старения различных скальных пород. Известно, однако, что со временем гранитные породы раскалываются на плиты, а песчаники разрыхляются, и это дает право предполагать, что возраст изображений вряд ли исчисляется тысячелетиями. В заключение приведем мнение Десмонда Кларка по поводу сложной проблемы возраста наскальных росписей. Он полагает, что, за исключением некоторых изображений, не похоже, чтобы произведения, которыми сейчас мы располагаем, были намного старше нашей эры, но что они, вероятно, принадлежат к живописной традиции, восходящей к началу позднего камен-

ного века (приблизительно 5500 г. до н. э.). Действительно, если наскальное искусство не сложилось раньше, чем появились известные нам экземпляры, то следует предположить, что оно сразу же достигло высокого совершенства, а это едва ли возможно.

Белая дама с горы Брандберг

Из дневника датского этнографа Йенса Бьерре:

– Мы проехали четыреста километров. Вокруг расстилалась пустыня. Последние сто километров путь шел по территории заповедника Окомбахе, где живут представители древнего и неизученного негроидного племени бергдамов, забывшие язык своих дедов. В этом заброшенном уголке нет ничего, кроме песка и солнца. О цивилизации напоминает только маленький оловянный рудник Уис, где мы наполнили водой и бензином радиаторы и баки трех наших автомобилей и все запасные канистры.

Датский этнограф Йенс Бьерре

Мы впервые увидели гору Брандберг, когда до нее оставался добрый десяток километров. Солнце садилось, и неосвещенная сторона горы с крутыми склонами маячила перед нами, как грозная, уходящая в небо стена, зловещая тень которой протянулась далеко по пустыне. По еле заметной колее, проложенной одной из экспедиций, мы направились к северной части горы, в ущелье Цисаб, где находится таинственная Белая дама. Мы разбили лагерь. Вокруг стояла абсолютная тишина. Ни пения птиц, ни дуновения ветерка, ни малейшего шороха. Эта сверхъестественная тишина, должно быть, поразила и немецкого

лейтенанта полиции Йохмана – первого европейца, побывавшего здесь в 1917 году.

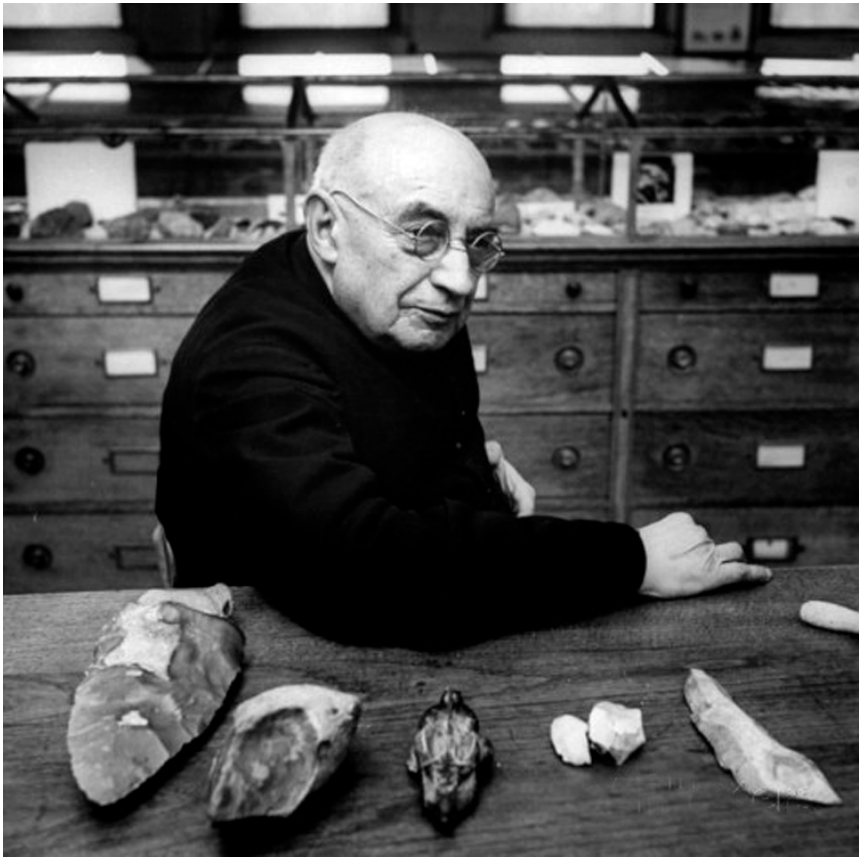
Гора Брандберг, по данным его измерений, имеет в длину тридцать, а в ширину двадцать три километра. Ее основание представляет почти правильный овал. Горный массив сложен коричневым гранитом, а основание – лавовыми образованиями и песчаником. Позднее два немецких военных топографа пытались совершить восхождение на Брандберг, но чуть не умерли от жажды и вынуждены были отказаться от своей затеи. Один из них, Карстенсел, уроженец южной части Шлезвиг-Гольштейна, спасся только благодаря тому, что, проследовав крадучись за леопардом, обнаружил водопой. Затем на гору отправились еще два немца, Рейнхард Маак и Г. Шульце, два геолога, которым было поручено произвести топографические съемки Брандберга.

Спускаясь с горы, Маак заблудился, набрел в темноте на какую-то пещеру и решил заночевать в ней. Проснувшись утром, он увидел красочную пещерную роспись на стенах. Он видел подобные рисунки в других горных пещерах, но на сей раз почувствовал, что роспись совершенно исключительная. На рисунке была изображена процессия чернокожих мужчин, во главе которой шла женщина, нарисованная белой краской. На ней были богатые украшения, в одной руке – цветок или ваза, в другой – лук и стрела. Фоном служило множество животных и необычных фигур. Перед тем как покинуть пещеру, Маак срисовал Белую даму и другие фигуры со стены и послал рисунок немецкому эксперту Гуго Обермайеру. Так Белая дама Огненной горы начала свой путь к славе.

Среди десятков африканских тайн вопрос о Белой даме – один из самых запутанных и проблематичных. Соображений, касающихся интерпретации знаменитого наскального рисунка в пещере Маака, расположенной в ущелье Цисаб, было уже предостаточно – интерпретаций противоречивых и порой просто фантастичных. В своей работе «Белая леди Брандберга» известный французский археолог Анри Брей писал: «Я и сам не уверен в том, что мы достигли того уровня знания, который позволил бы нам полностью истолковать значение данного рисунка. Так достигнем ли мы этого уровня когда-либо?»

Действительно, удивительный рисунок, обнаруженный в начале века в Намибии, перекликается с древней средиземноморской художественной традицией. Но можно ли говорить о каких-то заимствованиях, когда речь идет о двух местах, удаленных друг от друга на десятки тысяч километров? Средиземноморье и Южная Африка – что может быть общего в археологических культурах обоих регионов?..

И Р. Маак, и А. Брей, и десятки других специалистов были поражены загадочной Белой дамой в ущелье Цисаб.

Аббат Брей

Из дневника Й. Бьерре:

Я приехал в Виндхук в 1947 году, как раз когда аббат Брей исследовал гору, и мне, естественно, очень хотелось отправиться туда. К сожалению, это было невозможно, потому что у меня не хватало средств и я мог рассчитывать только на проезд в попутных автомашинах. Пришлось довольствоваться тем, что удалось прочитать о Белой даме, но я твердо решил когда-нибудь повидать ее. Теперь наконец пришел и мой черед явиться на прием к загадочной женщине Огненной горы. Хотя Вирек и Руднер уже побывали раньше в этой пещере – и они не устояли перед желанием еще раз увидеть Белую даму, прежде чем приступать к раскопкам поселений, регистрации и копированию других рисунков на Брандберге. Белая дама Огненной горы, как богиня в храме, очаровывала всех, а те, кто посещал ее далекие владения, должны были платить ей дань.

Последние три километра пути вверх по крутому каменистому склону ущелья впереди шел Вирек. С этой высоты желтая пустыня была видна очень далеко. Мы поднимались до тех пор, пока ущелье не раздвоилось. Направившись по левому ответвлению, в обход нескольких огромных скал, мы оказались наконец на узкой площадке перед входом в пещеру. Франсуа и я, как новички, стояли позади, взволнованные и полные ожидания.

Наконец мы видим перед собой знаменитую скалистую стену н белую сияющую фигуру. Несколько секунд стоим молча, не в силах произнести ни слова, полные благоговейного трепета.

Глубина пещеры около двух метров, ширина – четыре. Против входа вся стена покрыта изображениями прыгающих антилоп и фигурами людей, нарисованных красной, коричневой, черной и белой красками. Хотя многие рисунки и выцвели, все же нельзя не восторгаться красотой животных. Но подлинно магическую силу пещере сообщает, конечно, изображение женщины II центре стены. Белая дама крупнее остальных фигур, и от этого выглядит еще более значительной. Примечательны ее плечи, которые, как на египетских рисунках, видны в фас, тогда как голова и туловище повернуты в профиль. У нее рыжие волосы, бледное лицо, кожа верхней части тела коричневая, остальная – белая. Это, должно быть, знатная женщина, потому что ее волосы богато украшены жемчугом, жемчужные украшения у нее на руках, на ногах, на талии. Ноги ее обуты в туфли. Внеш-

ность Белой дамы совсем не соответствует духу этой удаленной от мира мрачной пещеры. Прямо перед ней шествуют две другие женщины, на которых украшений меньше. Возможно, это ее фрейлины. Кто она? Принцесса с Крита или из Египта? Каково ее происхождение?

Маленькая скала, сохранившая изображение и привлекшая к себе столько внимания, всего около шести метров в длину и два в высоту. Нижняя часть сильно попорчена – то ли золой от костров, то ли близостью сырого грунта. Наиболее ясно виден центр, по краям композиция просматривается хуже. Увидев рисунок, А. Брей сразу задал себе вопрос: кто создал его, что он может означать? Вот его суждение.

Белая дама с горы Брандберг

Костюм дамы удивительно похож на одежду девушек «матадоров» из дворца Миноса в Кноссе, раскопанного А. Эвансом в начале XX века: короткая куртка и нечто вроде трико, прошитых позолоченными нитками. Похожи и головные уборы. Дама вся устремлена вперед. Основная линия движения намечена верхней частью тела и отставленной назад согнутой в колене ногой. По положению руки с луком можно судить о динамичности движения, сила же передана характерным положением лука. Ритмичность подчеркивается изображенной на заднем плане фигурой в танце. В одной руке у дамы лук с натянутой тетивой и еще три стрелы, а в другой – цветок (может быть, чаша?). Кносские девушки-«матадоры» пользовались большим почетом, их наряжали в лучшие одежды. Культ цветов отразился там на вазах и золотых украшениях, а они очень похожи

на цветок, что несет дама. У некоторых участников процессии можно видеть на руках короткие повязки с бахромой. Во время религиозных ритуалов в Кносском дворце такие повязки завязывались сзади на шее – об этом свидетельствует критская керамика. (В первом томе огромного многокрасочного труда А. Эванса «Дворец Миноса в Кноссе» показаны образцы одежды – почти точные копии одежды дамы.)

Девушки матадоры из Кносса (Крит)

Благодаря развитому мореходству и удачному географическому положению Крит испытал влияние других цивилизаций. Как и у шумеров, страной правил вождь-жрец. Под его руководством строили здания с куполообразными сводами, которые считают копиями ливийских сооружений. Возможно, из Ливии критяне заимствовали и некоторые похоронные обряды. Не мог не оказать влияния на Крит и Египет, находящийся от него всего в нескольких сотнях километров...

Все эти размышления А. Брея ведут к тому, что в картине на скале есть еще и древнеегипетские черты. Например, он обращает внимание на ленту и бретельки на плечах, унизанные бусинками. И на фигуру человека с головой крокодила и с рогами. И на зазубренный кол, который несет фигура, изображенная следующей за дамой. «Крокодилочеловек» наводит на более глубокие размышления, чем чисто внешние элементы сходства – одежда и оружие. В древнем Египте он участвовал в ос-

новной части таинств, церемоний религиозного характера. Среди сопровождающих даму «крокодилочеловек» – третья главная фигура. Для египтян он символизировал монстра на службе у Сета, бога зла и дальних стран, и культ его дошел до римских времен. В Египте его изображали обычно в двух цветах – черном и золотистом, он нес рога антилопы и пальмовую ветвь. И на данном наскальном рисунке предплечья у «крокодилочеловека» черные, бедра желтые, а в руках он несет какие-то ветки...

Надписи в египетских храмах рассказали, что жрецы бога солнца Ра совершали священнодействие, чтобы побороть крокодила. Для этой церемонии пресмыкающихся убивали и сжигали три раза в день. На рисунках изображены процессии жрецов-«гарпунеров», идущих на борьбу с Сетом. «Гарпунерами» их называли потому, что они несут длинные предметы, похожие на гарпуны. Две богини с головами львиц направили вверх металлические копья. На одном из папирусов видна богиня с головой пресмыкающегося, тоже с острым предметом в руке. В этих деталях А. Брей усмотрел сходство с художественным ансамблем Белой дамы.

Итак, люди и боги шли на борьбу против Сета с оружием, похожим на гарпун. Фигура позади дамы несет в руке странное оружие с треугольными зазубринами. Оно вполне может быть гарпуном или длинным шестом, видным на многих египетских украшениях; его несут различные божества, зазубрины на нем означают годы жизни человека.

В последнее время Белую даму стали все чаще, и не без основания, сравнивать с критской богиней Дианой. В «Золотом осле» Апулея есть такие строчки: «Единую владычицу, чтит меня под разнообразными видами вся Вселенная... Критские стрелки называют Дианой Диктинской... а богатые древней ученостью египтяне почитают меня как должно, называя меня настоящим именем – царственной Исидой». На наскальном изображении рядом с дамой можно видеть меднокожих лучников, и вполне вероятно, что Диана могла нести цветок, как это делает дама, ведь в Египте был обычай класть цветок лотоса на алтарь богов.

Подобные мотивы прослеживаются в финикийском искусстве. Однако, если рисунок действительно изображает

таинственную процессию, то почему она нарисована на скале в гроте, где ее могут все увидеть? Но это можно понять. Диодор Сицилийский сообщает во «Всемирной истории»: «В Кноссе был закон, по которому все таинства должны были быть видны всем, и вещи, которые обычно сокрыты в тайне, должны были быть на всеобщем обозрении...»

Что можно добавить к этому? Пока всего несколько дополнительных предположений ученых. Если дама – это Исида или Диана, то фигура позади нее может быть Осирисом, ее супругом. Юноша перед дамой несет в руке миниатюрный лук. Участники процессий в Древнем Египте тоже несли луки, и их неизменно сопровождали журавли и аисты. На фреске в гроте есть и те и другие...

Несмотря на то, что другие фигуры лишь немного меньше дамы, она – в центре внимания. Такое «внимание» к ней, по мнению А. Брея, предполагает возможность портрета. Он считает, что картина – результат творчества художника, испытавшего на себе различные влияния (чего не скажешь о местной живописи, в большинстве случаев свободной от них). Значительное расстояние отделяет грот дамы от девятнадцати других центров наскальной живописи этого района. Это свидетельствует о том, что мастер обособился, возможно, не желая, чтобы ему мешали.

Мы до сих пор ничего не знаем о критских плаваниях в сторону южноафриканских берегов: черные невольники и скорлупа яиц страуса еще не доказательство дальних плаваний, однако, благодаря морским течениям корабли могли свободно доплыть до земель, расположенных к югу от Замбези, а более крепкие суда могли дойти по Сомалийскому течению и до мыса Доброй Надежды.

Если это так, то местные жители встречались с выходцами из Средиземноморья. Вполне вероятно, что в эти рискованные плавания мореходы брали с собой девушек-«матадоров» из Кносса. Высаживаясь на берег, мореходы, довольные тем, что плавание складывается удачно, исполняли культовый танец, который и был изображен местным художником. Средиземноморцы могли облюбовать Уолфиш-Бей как гавань. Древние кострища жителей найдены здесь у самой воды, так что пришельцам не надо было ходить далеко за продовольствием.

Было бы заблуждением думать, что А. Брей остался одинок в своей попытке провести такие смелые параллели. Его поддержали многие другие ученые и развили дальше теорию появления рисунков в пещере. Вспомнили древний торговый путь от Нижнего Нила по дорогам к западу от цепи великих африканских озер на юг, память о которых и сейчас хранят народы Уганды и Зимбабве. Североафриканские черты некоторых фрагментов ансамбля наводят на мысль, что какие-то североафриканцы, а не сами египтяне или критяне могли перенести на юг образчик древней культуры Средиземноморья, дополнив его элементами своей культуры.

Здесь представлены основные аргументы в пользу чужеземного происхождения наскального ансамбля Белой дамы.

Однако изучение местной наскальной живописи продвигается очень быстро, и появилась версия местного происхождения дамы.

У самого А. Брея и в трудах его последователей также проскальзывают мысли о местных аналогиях: «В большинстве случаев у них шлемы и оружие типа, которого нет в Южной Африке, кроме района озера Ньяса и Северной Родезии» (Замбии). «Это поздний стиль изображения человеческих фигур, который наряду с Древним Египтом и Вавилоном широко представлен в Родезии (Л. Фробениус). Подмечен также обычай критян и египтян изображать оба глаза даже в профильных фигурах, однако не так, как на рисунке из Брандберга. У фигуры, шествующей впереди «крокодилочеловека», глаза изображены особым способом, неизвестным еще древним критянам и появившимся лишь в III веке до нашей эры на греческих вазах. Левая нога черного человека, изображенного на рисунке под зеброй, видна в уменьшении, как бы удалена в пространстве, то есть использован прием, незнакомый Европе до III века до нашей эры и распространившийся в основном в Средневековье. В местной бушменской живописи все эти явления часты, даже избыточны. Ж. Маке, книга которого «Цивилизация Африки южнее Сахары» была переведена у нас в 1974 году, напоминает, что белый цвет считается ритуальным у многих народов банту и что «экзотические» предметы могут с успехом принадлежать местным культурам. «Шлемы» воинов, сопровождающих даму, могут быть прическами или головными

уборами предков гереро или овамбо. Этнографы повнимательнее присмотрелись и к лукам, нарисованным в гроте, и обнаружили подобные у матабеле, да и вообще у многих народов банту...

Может быть, разгадку действительно дают южноафриканские и прежде всего североафриканские наскальные рисунки? Сейчас в Брандберге живет народ горных дамара, в образе жизни которого много североафриканских черт. Уже упоминалось о продолжительном пути с севера на юг Африки – именно он приковал внимание исследователей.

Происхождение горных дамара пока неясно, однако существует мнение, что они вместе с готтентотами и банту пришли из районов Верхнего Нила. Делались даже попытки сравнить их язык с древнеегипетским, и, надо сказать, успешно. Может быть, именно их приход в Южную Африку был запечатлен местным художником? Пути следования африканских народов на юг постепенно проясняются. Этнографы нашли изображения курдючной овцы рядом с рисунками готтентотов, и стал вырисовываться путь какого-то народа с севера, идущий вдоль великих озер. Точных дат нет, племена приходили волнами. Единственным свидетельством этого «марша» пока остаются ходзапи, потомки древнего коренного населения, которые отстали от основной волны мигрантов на полпути с севера на юг – в Танзании.

А может быть, все обстояло гораздо сложнее? Вот третий, пока последний предложенный учеными вариант разгадки тайны Белой дамы.

Когда в Намибию пришли европейцы, то они обнаружили там развитые народы банту, занимающиеся скотоводством, которые не рисовали на скалах. Не оставляли «автографов» и готтентоты. Этим славились бушмены, прилежно разрисовывавшие поверхность скал. Их живопись – явно результат какой-то древней традиции. Но чьей? Фигуры, запечатленные на скалах, самые различные. Ученые называли изображенных людей протоготтентотами, бушманоидами и европеоидами. Опять европеоиды? Да, но не критяне, финикийцы или египтяне, а «капсийцы» (назовем их так условно), древнейшее население Северной Африки. Кое-кто из ученых считает, что в свое время они переправились в Испанию, оставив повсюду прекрасные

образцы наскальной живописи. И родилась гипотеза. Раз эти «капсийцы» были такими мобильными, то почему бы не предположить, что они пошли не только на север, но и на юг вслед за другими племенами, которые, говоря языком ученых, обладали иным набором расовых признаков. На юге Африки они с этими племенами смешались и дали начало новым антропологическим типам, новым археологическим культурам – смитфилдской и уилтонской. Осталось выяснить, с кем могли вступить в контакт «капсийцы». Видимо, с предками бушменов и готтентотов, пришедшими сюда раньше их: они легко распознаются на рисунках по утолщенным ягодицам.

Теперь нужно выяснить, как родилось название «Белая дама». В палеолитических ритуально-магических композициях сочетаются три образа – женщина, зверь и охотник. До наших дней дошел древний охотничий миф о Повелительнице зверей, приносящей охотникам счастье после встречи с ней. На территории нашей страны 42 процента палеолитических рисунков изображают женщин, 30 процентов – животных, а 14,2 процента – антропоморфные фигурки (предположительно обозначающие охотников). Выходит, что представленная в сцене охоты в Брандберге Белая дама – закономерный «продукт» верхнего палеолита.

Но почему она так похожа на критскую богиню? Есть ответ и на этот вопрос. Доказано, что с наступлением неолита культурные традиции верхнего палеолита не исчезли. Хотя охота в большинстве обществ уже потеряла свою главенствующую хозяйственную функцию, ее отголоски, духовный и практический опыт вошли в ритуалы и мифы скотоводов и земледельцев, то есть «перешагнули» в неолит. Когда Сахара начала высыхать, «капсийцы» отошли к Средиземному морю и Нилу, и их «повелительницы» вошли в пантеоны богов складывавшихся классовых обществ Египта и Крита. Отсюда и сходство Белой дамы с изображениями критской Дианы-охотницы. Но это опять предположение. Пока что настаивать на чем-то определенном, раз и навсегда данном, нельзя: современный уровень знаний пока не позволяет делать этого.

И еще одна версия. Она принадлежит Дж. Хардингу, учёному из Центра медицинской экологии в Йоханнесбурге.

У бушменов, как у всех народов, лишенных письменности, информация передается из уст в уста. Но такая изустная

информация в процессе ее передачи из поколения в поколение неизбежно искажается, в большей или меньшей степени меняет свое значение, размышляет Хардинг. А когда разные народы живут в достаточной близости, как бушмены и овамбо, несомненно, происходит некая диффузия, перемешивание этой изустной информации. И почему бы не признать, что племенные предания и традиции, так же как и верования, могут сливаться и смешиваться? Хардинг полагает, что во всех наскальных рисунках, вызывающих противоречивые суждения, таких, например, как Белая дама, имеет место это смешивание, и это не что иное, как искаженные, а также утраченные воспоминания о традициях и событиях. В свое время Хардингу удалось исполнить давнее желание и в сопровождении сотрудников музея Виндхука посетить «даму» в ее собственном обиталище и поближе с ней познакомиться. Это «близкое знакомство» укрепило археолога в его концепции. Он зафиксировал все характерные черты рисунка и сравнил с описанием рисунка аббатом Бреем, а также с характеристиками племен и племенных обычаев жителей Юго-Западной Африки.

Когда Хардинг увидел оригинал Белой дамы, сам рисунок значительно выцвел и черты лица (какого бы происхождения они ни были), которые, возможно, ранее и были хорошо различимы, оказалось уже трудно рассмотреть. Напротив, копия рисунка Брея передает отчетливые европейские черты Белой дамы. Он пишет: «Ее лицо – четко выраженного лучшего средиземноморского типа, с прямым носом». Однако Хардинг предполагает, что белая линия, отчетливо выраженная на его репродукции и интерпретированная этим ученым как линия «прямого носа», на самом деле – нитка белых бус, которые еще до сих пор носят на лице бушменские женщины. В доказательство этого можно процитировать статью Л. Фурье «Бушмены Юго-Западной Африки», где дана фотография женщины племени нарон в церемониальной одежде. Нитка бус из скорлупы яиц страуса прикреплена к ее головному украшению и свисает между глазами по переносице и доходит до верхней губы. Такое украшение (особенно если смотреть в профиль, тогда оно выглядит прямой линией) определенно скрывает бушменскую форму носа и может вызвать данную интерпретацию рисунка – то есть что нос дамы прямой и вполне европейский...

«На голове Белой дамы, – пишет Брей, – мы видим малинового цвета головное украшение, унизанное белыми бусинами; оно заканчивается на затылке, где скреплено тремя обшитыми белыми бусинами фестонами». Хардинг же увидел беловолосую женщину с прической, украшенной нитками белых бус. Он вновь обращается к статье Фурье и находит там описание того, как украшали волосы бушменские девушки при обряде инициации: «На волосы девушки наносилась «габ» – смесь красного цвета, приготовленная из растертой в порошок коры дерева и поджаренных, и растертых в порошок жиросодержащих зерен дерева «эроб». Далее, на его фотографии женщины племени нарон показано головное украшение из ниток белых бус, которые, свисая с головы, могли создать на рисунке впечатление головного убора «с фестонами». Рыжеволосая женщина, украшенная свисающими нитями белых бус из скорлупы яиц страуса на фотографиях, сделанных Фурье, таким образом, кажется поразительно похожей на Белую даму.

В расположении остальных украшений, носимых на теле, можно также провести сравнение между дамой и бушменскими женщинами в церемониальном наряде.

Что же касается описанных аббатом Бреем «белых мокасин с красными кантами», которые до сих пор можно увидеть на наскальном рисунке, то они показались Хардингу поразительно похожими на самодельные сандалии из кожи (либо, как выглядит их сегодняшний вариант, из полосок, вырезанных из старых автомобильных покрышек), которые до сих пор делают и носят как бушмены, так и некоторые банту. В этом отношении интересно сделанное Веддером описание обуви, которую носят горные дамара. В прежние времена эти племена – чернокожие люди невысокого роста – жили в горах Аус и Эронго, на плато Этджейр и на Брандберге. Веддер пишет: «Как мужчины, так и женщины носят сандалии... Сандалии явно большого размера. Они закреплены на щиколотке завязкой, вторая завязка проходит в отверстие между большим и вторым пальцами ступни и прикрепляется к завязке на щиколотке, чтобы сандалии не спадали с ноги». Эта обувь похожа на то, что надето на ноги дамы.

Хардинг также сомневается в том, что, по описанию Брея, на даме надеты «узкие телесно-розового цвета штаны» – поскольку цвет этот поразительным образом совпадает с

окрасом изображенного под ней животного, возможно, это говорит лишь о вольном обращении с цветом, которое позволил себе художник, либо о том, что он не отмыл «кисть» от красной краски, когда начал рисовать белое животное (вероятность изображения белого животного куда выше, чем розового!), либо, что также возможно, художник изобразил человека, покрытого для какой-то церемонии белой краской.

Теперь такой вопрос: кто те люди, что изображены на наскальном рисунке в Брандберге?

В процессии, сопровождающей даму, представлены по меньшей мере два различных типа людей. Хардинг предполагает, что это – бушмены и овамбо, все еще населяющие северную и северо-восточную части Юго-Западной Африки.

При тщательном изучении рисунка видно два различных типа стрел. Как овамбо, так и горные дамара, вместе с готтентотами делали наконечники стрел из производимого ими железа. Что касается самой персоны дамы, то можно различить в общей сложности три стрелы: две в левой руке и одну в луке, в то время как Брей утверждает, что «...в ее левой руке... три белых стрелы, часть их окрашена красным»; и «одна большего размера стрела в натянутом луке», что в сумме дает четыре стрелы. Исследователь видел эти стрелы лично и описал их в своем блокноте следующим образом: а) сами стрелы белые; б) листообразные головки стрел – красные, обведенные белым; в) между древком и наконечником стрелы.

Эти детали, если наблюдатель нечетко их разглядел, могут создать впечатление, что в левой руке Белой дамы находятся более чем две стрелы: но, возможно, гораздо большее значение, чем количество стрел, которые она держит, имеет группа из шести других стрел, отстоящих от основного рисунка, и потому, видимо, незамеченных аббатом Бреем, которые обнаружены в другом месте поверхности скалы. Эти стрелы – совсем другой формы. Белые древки оперены (оперение красное), в то время как белый наконечник заточен на конус и выглядит более острым, чем те, что держит дама. Они показались Хардингу сходными с готтентотским типом стрел, описанным Шаперой в книге «Народ койсан Южной Африки». Оба типа наконечников стрел, скорее всего, сделаны из металла.

Что же изображено на рисунке? Этот вопрос, на который мы уже пытались ответить, волнует и Хардинга. Он не видит в нем

ничего экзотического: покрытое белой краской лицо или тело на этом рисунке никогда не навевало у него мыслей, что там изображен белокожий человек – для него это всегда была покрытая белой краской фигура участницы церемоний инициации, либо какой-то иной церемонии, характерной для племенной жизни. Но сам рисунок, взятый в совокупности всех фигур, может иметь некий магически-религиозный смысл, потому что ничем иным нельзя объяснить определенные аномалии, которые действительно видны в центральной его фигуре. Например, женский характер одеяния (особенно головного убора) – как противопоставление сугубо мужским характеристикам – например, оружию, которое несет фигура. Магико-религиозный характер усиливается и присутствием фигур, напоминающих фигуры колдунов в черном одеянии. Известно, что овамбо, представители банту, находились под сильным влиянием этой магии. Более того, овамбо и бушмены Юго-Западной Африки, вступая в контакт друг с другом, часто заимствовали элементы верований.

Немецкий этнограф Ч. Хан в своей книге «Местные племена Юго-Западной Африки» дает очень интересное описание «священного огня» овамбо, которым они пользовались в своих боевых действиях, и именно это обращает на себя особое внимание при интерпретации фрески. Хан отмечает, что во время боевых действий, когда мужчины отправлялись на поле брани, вождя племени – ему не разрешалось покидать район обитания своего племени – представлял облеченный его доверием руководитель, который и вел соплеменников в бой. Его называли «омулики вита», – «представитель вождя на войне». Боевой отряд также сопровождал «член традиционной военной семьи» – «очамбати во шикуни»: его задачей было нести раскаленные угли от священного племенного костра и не давать им угаснуть, чтобы разжигать затем костер в военном лагере. «Омулики вита, – пишет Хан, – то есть представитель вождя, который не должен принимать участия в бою, не вооружен, в отличие от других командиров отряда, и имеет при себе только лук и несколько стрел, одну большую дубинку кирри и две маленькие палочки величиной со свинцовый карандаш». Эти две маленьких палочки называются «омсиндило», они поджигаются от священного костра, и, пока тлеют, «омулики вита» размахивают ими над солдатами, «чтобы они были невидимы для врага».

«По пути с поля брани, – продолжает Хан, – «омулики вита» ослабляют натяжение лука до такой степени, чтобы из него нельзя было пустить стрелу». Эта процедура была направлена на то, чтобы ослабить вражеские луки и сделать их бесполезными.

Таким образом, объясняется «невоинский» характер оружия, которое несет дама: ослабленный лук и несколько зажатых в руке стрел предполагают сильное влияние народа овамбо в росписи горы Брандберг. Можно предположить, что в другой руке дама держит тлеющую палочку, а не цветок или чашу из скорлупы яйца страуса, как утверждает аббат Брей. Продолжая ту же линию, разве нельзя предположить, что «пять белых наконечников стрел... засунутых за ручную перевязь», как описывает их французский археолог, хотя они никак не напоминают наконечники стрел, изображенных на рисунке, – это запас тех самых палочек, которые зажигают одну от другой, в то время как одна горящая находится в руке? И разве тогда сама фреска в целом не может запечатлеть триумфальное возвращение с поля боя в стиле древних овамбо? Да, все-таки возвращение, а не поход в бой, поскольку лица тех, кто повернут к основной группе, выражают приветствие – это встречающие.

Из двадцати семи изображенных на фреске человеческих фигур вооружены только девять, невооруженные фигуры могут, таким образом, представлять собой пленников. А основная группа вооруженных воинов, по Хану, двигается не так быстро, чтобы предотвратить возможную атаку со спины.

Бушменские черты основной фигуры могут, конечно, быть использованы в качестве аргумента против такой «проовамбовской», интерпретации, но, как мы уже упоминали, связи между бушменами и овамбо были в давние времена очень сильны, и это могло быть отражено и в рисунке. Более того, в прошлом овамбо использовали бушменов как палачей, следовательно, почему бы им тогда не использовать их в качестве воинов, даже не присваивать им статус «омулики вита», что, возможно, и отражено во фреске – в фигуре Белой дамы.

Несомненно, Хардинг дал ученым ключ к дальнейшим поискам. Окончательное решение вопроса надо искать в древней истории Южной Африки, в этнографии ее племен. А может быть, все же в истории древнего Средиземноморья?

Сокровища Куша

Сосед Египта раскрывает свои тайны

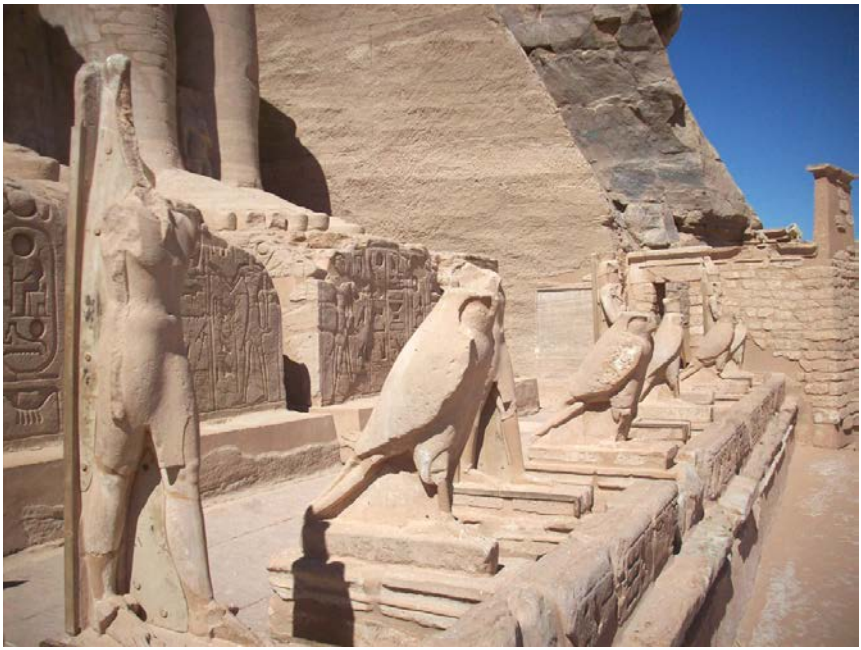
Куш – одна из самых удивительных загадок древней Африки. Это было богатое, могущественное государство чернокожих людей, что оно просуществовало по крайней мере тысячу лет, прежде чем пришло в упадок и исчезло. Но нам известны только фрагменты информации о веках его величия, его могущественных правителях и их достижениях. Хотя они и оставили по себе впечатляющие свидетельства высокоразвитой религии, богатства своей страны, разных умений и письменного языка, прежде чем кануть в безвестность, мы не знаем, что сталось потом с их властью, их вождями, художниками, архитекторами, ремесленниками и писцами.

Один специалист дал такую оценку этого государства: «Куш – это была африканская цивилизация, основанная на африканской почве и только с африканским населением. Это было городское, культурное и цивилизованное государство, просуществовавшее само по себе в глубине африканского континента почти тысячу лет и добившееся достижений выдающейся важности».

История Куша тесно переплетается с историей древнего Египта. Даже само название «Куш» было дано египтянами землям далеко на юге от их собственной страны. В семистах километрах ниже Александрии, у Первого порога Нила есть город Асуан, известный в античности под именами Сиене и Элефантина (хотя в последний раз элефантов, т. е. слонов на этой земле видели за десять веков до того, как город получил это имя). Это место и сегодня славится храмом Абу-Симбел и великой Асуанской плотиной. На юг от Асуана, за непроходимыми песками и зеленой лентой Нила, на более чем девятьсот километров простирается то, что древние называли землями Нубии и Куша. Большая часть этой области сейчас находится на территории республики Судан.

Границами Куша с запада была Ливийская пустыня, с востока – Эфиопские горы, с севера Махаррака и Дакка, а с юга – Сенна. Тогда, как и сейчас, там было много песчаных пустынь, опаленных солнцем холмов, высоких плато и неприступных

скал. Но более двух тысяч лет назад целая область на юге, особенно вокруг Белого и Голубого Нила, зеленела лесами и лугами.

Абу-Симбел

Геологические исследования у Сенны, рядом со вторым порогом, показали, что тогда воды Нила при ежегодных разливах поднимались на семь с лишним метров выше, чем сейчас, так что в те времена и количество осадков, вероятно, было много большим.

Хотя мы знаем по археологическим находкам, что в Куше люди жили и в неолите, первое письменное свидетельство о здешнем населении – это египетская надпись, вырезанная на скале у второго порога. В ней рассказывается, что царь Зер завоевал в 3000 г. до н. э. Нижнюю Нубию. Другая надпись сообщает, что в 2750 г. до н. э. фараон Сенефру совершил в эти земли военный поход, построил флот и «отмотыжил» родину народа «нехеси» (нубийцев). Сенефру похваляется добычей, которую он привез из Куша, особенно гордясь количеством пленных и голов крупного скота. Некоторые ученые полагают,

что подобные рейды разоряли уже существовавшую там цивилизацию, которая расцвела в конце неолита, а особенно – в период перед объединением Египта под властью одного сильного царя, примерно в 3200 г. до н. э.

В течение последующих 800 лет Куш становился все более важным соседом для Египта. Фараоны слали туда сначала военные экспедиции, затем торговые миссии, а еще позже основывали на этой земле крепости и фактории. Наконец, примерно в 1570 г. до н. э. Ахмос I и его преемник Тутмос I захватили несколько важных областей Куша и присоединили их к Египту. Начиная с этого момента, египтизация Куша шла ускоренными темпами. Фараоны строили храмы и города на его территории до Кургуса, что стоял почти в 350 милях к югу от Асуана. Знаменитый Абу-Симбел, комплекс с двумя огромными храмами, построенный фараоном Рамзесом II – один из таких городов, расположенный в самой северной части Куша.

Между тем, область на Ниле под названием Напата, примерно в 500 километрах к югу от Асуана, но всего в 350 километрах к западу от Кургуса, стала столичной для всего Куша. Что же до фараонских храмов и памятников в Напате, и в месте под названием Джебель-Баркал, где на 90 метров над сельской округой возвышается одинокое здание, то все они стали священными местами для захоронений. Прошло несколько десятилетий, и у черных людей Куша началась эпоха расцвета, у них появились вожди и даже своя царская семья. Фараоны правили Кушем, посылая туда своих наместников и детей нубийских вождей, которых держали при египетском дворе не просто как заложников – с ними обращались со всем уважением, им давали высокие чины и воспитывали как царей.

Комментарий африканиста: столкновение Азии и Африки

Во время XXV династии в Египте разыгрывалась одна из великих драм истории Древнего Востока: столкновение Азии и Африки. Вспомним, что в Библии звучат имена Шабаки или Тахарки и чувствуется ужас перед чернокожими воинами из страны Куш. В конечном счете Египет пал под натиском Ашшурбанапала, который в 663 г. до н. э. завоевал Фивы. Поскольку освобождение страны от ассирийцев и ее объединение было

завершено Псамметихом, одним из правителей Дельты в области Саис, отныне Египет окончательно обращается в сторону Средиземного моря.

Напротив, к югу от Египта, в течение тысячелетия самостоятельно развивалось государство, становившееся отныне все более африканским, – Кушитское царство. Его столицей сначала становится Напата, у подножия священной горы Джебель-Баркал. Затем, в VI в. до н. э., ее переносят гораздо южнее, в Мероэ. Тем не менее, некрополи в Баркале будут использоваться вплоть до начала III в. до н. э. С точки зрения традиционной египтологии этот период – начало длительного упадка, в течение которого якобы исчезают следы египетских влияний. В действительности же эта культура, сохранившая многие египетские черты, вступила в самое непосредственное соприкосновение с остальной Африкой.

В правление ближайших преемников фараонов XXV династии египетские обычаи все еще остаются живыми. Тексты и изображения классического стиля фараонов украшают могилы Атланерса, Сенкаманискена, Анламани и Аспелты (593–588 гг. до н. э.); на их тяжеловесных гранитных саркофагах в сжатом виде иероглифами повторяются заупокойные египетские тексты.

Затем, в 525 г. до н. э., в Египте появляются персы. Камбиз не смог перейти через Батн эль-Хагар и вынужден был отступить, понеся тяжелые потери. Тем не менее впоследствии в войсках Дария и Ксеркса были нубийские отряды. Упоминаются также подношения персам в виде золота, черного дерева, бивней слонов.

Источник золота

Куш для Египта был важным источником золота, сырья и готовых продуктов, рабов и солдат. Записи того времени рассказывают о ежегодной дани, получаемой из Куша. В нее входили определенные количества простого, эбенового и камедного деревьев, слоновой кости, страусовых перьев и яиц (скорлупа использовалась в ювелирном деле, из нее делали ожерелья), красной охры, амазонита, благовоний и масел, зерна, скота, леопардов (и леопардовых шкур), жирафов (и кончиков жирафьих хвостов), собак и бабуинов. Храмовый декрет,

выбитый на граните в Нури у Джебель-Баркала и в Напате, датируемый примерно 1320 г. до н. э., описывает основные занятия местных жителей. Большая часть людей были крестьянами или рыбаками; некоторые держали пчел, другие строили лодки, были моряками или перевозчиками на Ниле. Также указаны торговцы и люди, занятые промывкой золота.

Куш стал сильным, богатым и независимым еще до конца XXII династии (950 г. до н. э.), когда сила фараонов уменьшилась, и Куш смог оторваться от Египта. Это было время великих перемен в Нильском царстве. На страну оказывался большой нажим извне. Пираты разоряли средиземноморское побережье Египта, а ассирийские войска атаковали его границы на Ближнем Востоке. Египет терял свои имперские земли повсюду, от Европы до Востока. Закон и порядок пришли в упадок в Двух Землях. Тысячи людей умирали с голоду из-за засухи и недорода; бродячие банды солдат терроризировали весь народ; земледельцев угнетали жадные жрецы, завышенные налоги и коррумпированные чиновники. Даже гробницы фараонов подвергались разграблению. Ливийцы захватили трон Египта и заставили его жрецов, вождей и ремесленников бежать в Куш.

Во время всех этих волнений в Куше к власти пришел черный вождь по имени Кашта. Он стал царем, а в 751 г. до н. э. захватил Египет. Мы не много знаем об этом Каште. Он принял титул царя, но не фараона. В качестве цены мира Осоркон III, ливийский правитель Нижнего Египта, был «убежден» Каштой сделать его дочь высшей жрицей культа Омон-Ра, государственной религии. Это формально дало Каште право на трон.

По стечению обстоятельств, именно в то время, когда Кашта успешно выступил против Верхнего Египта, на одной тихой речке, пересекающей Апеннинский полуостров, возник город Рим. Когда Кашта, используя некоторые самые передовые организационные и военные методы своих дней, сокрушал одну из самых великих цивилизаций мира, римский народ, состоявший из нескольких племен земледельцев и пастухов, жил в соломенных хижинах на холме, что возвышался над болотом, которому в один день суждено было стать Форумом.

К тому времени Куш находился под все более растущим влиянием и властью Египта уже свыше тысячи лет. Особенно

сильной египтизации Куш подвергся во времена Нового царства, как составная часть Египта – в области религии, искусства, литературы, в методах администрации и организации. Таким образом, когда Две Земли погибали под невыносимым натиском снаружи и изнутри страны, Куш стал той гаванью и приютом, где основные элементы египетской цивилизации продолжали существовать и расцветать. Когда Пианкхи, сын Кашты, стал царем, он прежде всего озаботился воссоединением египетских областей и изгнанием всех врагов из Египта. С этой благородной целью, возвращая «истинные» египетские ценности на их родину, Пианкхи повел свои войска в Египет, замышляя освободить страну от чужеземного ига ливийских царей, и восстановить величие Двух Земель.

На севере Египта также выросла оппозиция ливийским узурпаторам, и в Дельте, районе между нынешними Каиром и Александрией, принц по имени Тефнакхт поднял восстание. Он прошел военным маршем от Дельты по ближайшим, обширным территориям Нижнего Египта. Затем двинулся в Верхний Египет и захватил Гермополис, в 500 километрах к югу от побережья Средиземного моря, а по дороге осадил город Гераклеополис, находившийся в стратегически важном месте, в 240 километрах от моря.

Пианкхи в своей столице Напате, в 1200 километрах к югу от Гераклеополиса, понял, что шанс чересчур велик, чтобы его упустить. Он приказал своим войскам двигаться на север. Одна армия должна была остановить продвижение на юг войска Тефнакхта и отнять у него Гермополис. Вторая была послана на Нил, чтобы предотвратить атаку Тефнакхта на Фивы, столицу Верхнего Египта.

Воины Пианкхи отсекли флот Тефнакхта на севере от Фив, потопили его и поспешили к Гераклеополису, намереваясь достичь его прежде, чем город сдастся мятежному принцу. И здесь войску Пианкхи снова улыбнулась удача, он оттеснил армию Тефнакхта обратно в Дельту. Однако то, что самому Тефнакхту и его армии удалось спастись и укрыться в безопасном месте, привело Пианкхи в ярость. Он лично немедленно двинулся в Египет, ревностно исполнил все необходимые ритуалы на празднике в Фивах, а затем поспешил возглавить командование своими войсками, осаждавшими Гермополис. Его армии

вскоре пересилили ослабевших защитников, и Гермополис сдался. Правительница, жена Немаратха (Нимрода), принца Гермополиса, при ходатайстве одной из шести жен Пианкхи, взмолилась о пощаде для мужа, и он был оставлен в живых.

Храм Амона в Куше

Надпись на каменной колонне, дошедшая до нас, является официальной хроникой деяний Пианкхи и происшествий времени его правления. Мы даже можем оценить характер этого человека, каким он был во время своего триумфа. Совершая обход захваченного дворца, Пианкхи осмотрел также конюшни, был взбешен, когда обнаружил, что лошадей Нимрода толком не кормили и не заботились о них все то время, что город находился в осаде. Тем не менее, Пианкхи благочестиво провозгласил, обращаясь к Нимроду: «Клянусь любовью Ра... мое сердце больше печалит то, что эти лошади страдали от голода, нежели все злые деяния, которые вы совершили, удовлетворяя свое честолюбие».

На стеле вырезано изображение лошади – большая редкость для египетского или кушитского искусства. Но Пианкхи был таким заядлым лошадником, что настоял на том, чтобы и

изображения его любимцев включили в настенную роспись храма Омона в Джебель-Баркале, великом религиозном центре Куша. Именно этот храм Пианкхи перестроил, чтобы отметить свою победу над Египтом. Также в королевском некрополе у Курру были найдены останки двадцати четырех лошадей. Они были закопаны в один ряд, бок о бок, стоя мордами на юг. У лошадей на головах были серебряные перевязи, держатели для плюмажа и богатая упряжь. Все они в разное время тянули колесницы Пианкхи и его трех преемников.

После сдачи Гермополиса Пианкхи бросил свои войска и флот на Мемфис, древнюю столицу Египта. Стремясь предотвратить попытки любого сопротивления, он напал на город сразу со всех сторон.

Когда Мемфис пал, сдались многие принцы Дельты, и Пианкхи перешел к Гелиополису. Его армии захватили город, и Осоркон IV, последний царь Египта из ливийской династии, сдался. Принц Тефнакт тем временем сбежал на дальний остров в устье Нила. Из этого убежища он сообщил Пианкхи о своей капитуляции. Тот был полностью удовлетворен полнотой одержанной победы и оставил Тефнакхта в покое.

Победа Пианкхи была огромной по всем меркам. Он завоевал весь Египет и теперь был царем Верхнего и Нижнего Египта и Куша, властелином земли, которая простиралась от Сахары до границ с Эфиопией и от средиземноморского побережья на 2000 километров вглубь материка, до среднего течения Белого и Голубого Нила, за нынешним Хартумом.

Отягощенный добычей, Пианкхи удалился в свою столицу, Напату. Именно тогда он приказал воздвигнуть каменную стелу с рассказом о своих завоеваниях. Теперь Пианкхи был фараоном и носил двойную корону, символ власти над Нижним и Верхним Египтом. Вся помпезность и пышность египетской традиции была восстановлена, и его имя, как основателя XXV династии, заняло свое место рядом с другими славными именами египетской истории.

Когда Пианкхи вернулся в свою столицу, он был настолько счастлив, что оставил в покое и принцев Дельты, конечно, потребовав, чтобы они платили ему ежегодную дань. Он не мог предвидеть, к чему приведет предоставленная им слишком большая свобода действий. Когда Пианкхи оказался на рассто-

янии в несколько тысяч километров, принц Тефнакхт снова восстал и объявил себя королем Нижнего Египта. Он не успел чем-либо подтвердить свои претензии, так как вскоре умер, но примерно в 720 г. до н. э. его сын Бекенренеф тоже потребовал себе королевский титул и продолжил мятеж.

Борьба с принцами Дельты

Хотя фараон Пианкхи нанес ответный удар, он умер еще до подавления мятежа. На трон взошел его брат Шабако. Шабако жестоко подавил восстание Бекенренефа и, чтобы проучить других инакомыслящих противников, закопал вождя мятежников заживо. Но более важно, что он перевез свою столицу из Напаты на 750 километров к северу – в Фивы, откуда он мог править более эффективно и следить за принцами Дельты и за теми, кто поддерживал мятежников.

Фараон Шабако не был удовлетворен тем, что у принцев Дельты осталась власть, как это допустил Пианкхи. Он установил по всей стране кушитскую администрацию, чтобы укрепить контроль и предотвратить другие восстания. Шабако мог с полным основанием называть себя властелином Куша и Египта, и именно под этим титулом он был известен всему древнему миру.

Это была эпоха – примерно около 700 г. до н. э. – великих потрясений не только в Египте, но и по всему Ближнем Востоку. Именно об этом времени мы узнаем в Ветхом Завете, особенно в III Книге Царств и Книге Исайи. Малоазийские хетты уступили место шумерам и фригийцам, а те, в свою очередь, пали под натиском ассирийцев, киммерийцев, мидян и скифов. Войны шли практически постоянно, сражения вспыхивали в Ираке, Иране, на Кавказе и по всему восточному побережью Средиземного моря. Среди малых народов, попавших между жерновами «сверхдержав», мы встречаем многих из тех, кто знакомы нам по еврейской истории: иудеев, население Дамаска, Сидона и Тира.

Главной захватнической державой того периода была Ассирийская империя. Ассирия захватила Вавилон, а с другой стороны от своих земель – Дамаск, разграбила Самарию и депортировала 10 колен израилевых в Ирак. Это оставило маленькое царство Иудею в одиночестве между Ассирией и

Египтом. Книга Царств повествует о судьбоносном решении Иезекии – вступить в союз с кушитским Египтом против ассирийцев.

Сеннахериб, царь Ассирии, вторгся в Иудею, заставив платить выкуп серебром и золотом, и перешел к осаде Иерусалима. Фараон Шабако направил армию, чтобы прорвать осаду и отогнать ассирийцев. Дразня своих противников, Сеннахериб сказал иудеям: «Вот, ты думаешь опереться на Египет, на эту трость надломленную, которая, если кто обопрется на нее, войдет ему в руку и проколет ее. Таков фараон, царь Египетский, для всех уповающих на него».

Когда царь ассирийцев собрал свои войска и приготовился напасть на иудеев и египтян, случилось чудо. Как рассказывает нам Библия, ангел Господень поразил армию Сеннахериба, убив 15 000 человек за одну ночь. Очевидно, «чудом» была чума, которая прошлась по войску, и в 701 г. до н. э. ассирийцы поспешно бежали с палестинской земли.

Когда Шабако через пять лет умер, над Египтом попрежнему висела угроза войны с Ассирией. Сын Пианкхи Шебитку стал фараоном после смерти своего дяди Шабако. Его младший брат Тахарка присоединился к нему на троне в Фивах. В то время Тахарке было всего двадцать, но к его двадцатипятилетию Шебитко умер, и юноша остался единоличным правителем Египта и Куша.

Комментарий африканиста: войны «набожных царей»

Надписи, восходящие к царям Напаты Аманнетеиерике, Горсиотефу, Настесену, делаются на испорченном египетском языке. Они принимают форму хроник, сообщают об «избрании» царя из числа «царских братьев» волею бога Амона. Новый монарх совершает паломничество к традиционным святыням в Напате, Тере, Гематоне (Кава) и Пнубсе (на острове Арго). Благочестивые пожертвования для храмов набожные цари чередуют с военными кампаниями против кочевников с Востока и Запада. Так, Настесен в ходе кампании против страны «Иррс» к северу от реки Атбары захватывает 202 120 голов крупного и 505 200 голов мелкого скота. Некоторые упоминаемые в надписях этносы, безусловно, следует искать в нило-чадской саванне. Центр государства переместился к югу, поскольку степи дава-

ли гораздо больше возможностей, нежели пустыни Напаты. Скотоводство здесь дополнялось земледелием. Поблизости от крупных поселений были вырыты большие водоемы для орошения (хафиры). Торговля процветала: Мероэ представлял собой удобный перекресток на караванных путях между Красным морем, Верхним Нилом и районами озера Чад. Главное, однако, было в том, что относительное изобилие дерева обеспечивало необходимое топливо для обработки железной руды, запасы которой имелись в нубийском песчанике. Громадные скопления шлака в Мероэ свидетельствуют о значительном размахе железной металлургии: Мероэ называли «Бирмингемом Африки».

В середине III в. до н. э. Диодор Сицилийский упоминал о могучем правителе Эргамене. Специалисты дискутируют, какого из трех мероитских царей – Аркакамани, Аркамоне или Арнекамани – следует отождествить с этим именем. Воспитанный на эллинской культуре, он якобы противился опеке жрецов.

Начиная с этого времени, правители воздвигают пирамиды в самом Мероэ. Царь Куша вместе с Птолемеем IV освящает храмы в Филе и в Дакке. Египетское влияние, несомненно, прослеживается в храме Льва, воздвигнутом в Муссаварат эс-Суфре царем Арнекамани; местным богам посвящают гимны, написанные в стиле птолемеевского Египта.

В правление Шанакдакеты появляются самые древние датируемые памятники мероитской письменности, использовавшей египетские иероглифы, но отличавшейся скорописью, часто очень беглой. Впрочем, язык и его графическая система полностью отличаются от египетских. Знаки соответствуют 23 буквам, которые в отличие от египетского и от большинства семитских языков обозначают также и некоторые гласные; слова обычно отделены друг от друга группой из двух точек.

В 1909–1911 гг. английский исследователь Гриффитс нашел ключ к расшифровке мероитской письменности, однако, за исключением некоторых погребальных или религиозных формул, которые часто повторяются, интерпретация и перевод текстов остаются в общем неудовлетворительными.

Две царицы занимают в это время важное место: Аманирена и Аманишакете. При одной из них мероиты разграбили Асуан (без сомнения, именно тогда была захвачена статуя Августа,

голову которой археологи обнаружили под порогом одного из дворцов).

Тахарка

Ни один другой новый правитель, как Тахарка, не получил столь благоприятного знамения в начале своего царствования. Голод, засуха и эпидемии властвовали в Египте уже много лет. Но когда Тахарка взошел в 690 г. до н. э. на престол, случился беспрецедентный разлив Нила. Фараон Тахарка так описывает это историческое событие: «Вода дошла до холмов Верхнего Египта, залила насыпи в Нижнем Египте и земля стала первичным океаном... небо в Нубии было полно дождем, и все холмы ярко сверкали. У каждого было всего в изобилии, Египет был счастлив и праздничен... Но вода оказалась вором скота, она затопила всю землю, и ничего похожего не нашлось в писаниях времен предков и никто не мог сказать: “Я слышал от своего отца (о таком же потопе)”».

Фараон Тахарка

Обладая прекрасным слогом, Тахарка не преувеличивал. Ливневые дожди в Куше подняли уровень воды в Карнаке, около Фив, до высочайшей отметки – 90 метров! Эта отметка до сих пор различима. Такой массивный душ не только насытил огромную территорию, но и смыл с земли крыс и прочих вредителей и паразитов. Результатом были рекордный урожай и волна народной радости по поводу воцарения нового правителя и широко распространившаяся вера в то, что его правление было благословлено богами...

Из-за ассирийской угрозы Тахарка передвинул свой двор в Дельту, откуда мог наблюдать за событиями в Малой Азии. Он заключил союз с другими правителями против Ассирии и подговаривал подчиненные ассирийцам государства, особенно Тир и Сидон, подняться против их угнетателя. Сидон восстал в 667 г. до н. э., а Тир – на следующий год. Нет никаких сведений о том, что Тахарка помог хотя бы одному из них. Ассирийцы подавили оба бунта и казнили царя Сидона. Через пять лет ассирийцы при правлении Асархаддона, наконец, пошли на Египет. Используя верблюдов в качестве транспорта, армии Асархаддона пересекли Синайскую пустыню и ударили по скопившимся армиям египтян на границах, и разгромили их наголову. Пользуясь достигнутым преимуществом, захватчики продвинулись еще дальше и буквально через две недели достигли Мемфиса и осадили. Город пал под мощной атакой и, хотя Тахарка сумел скрыться, враги захватили его детей и гарем.

Принцы Дельты изъявили свою покорность Асархаддону, который объявил себя царем Нижнего и Верхнего Египта. Он поставил победную стелу, на которой принцы Египта были изображены в тот момент, когда они несут ему дань, а Тахарка – в виде пленника, которого ведут за кольцо, продетое сквозь губу. Однако Асархаддон совершил ту же ошибку, что и Пианкхи за восемьдесят лет до него: он покинул Египет.

После его ухода Тахарка бросил свежие силы против ассирийцев и не только вернул себе Мемфис, но и очистил от врагов всю территорию Дельты. Услышав об этом, Асархаддон вернулся, чтобы вновь привести Египет к покорности. Но в пути он умер, и его сын Ашшурбанапал продолжил кампанию. На этот раз ассирийцы были более осмотрительны и жестоки. Они

вытеснили армию Тахарки из Дельты и захватили Мемфис. Тахарка бежал в Фивы, и через сорок дней туда прибыл Ашшурбанапал, заставив Тахарку снова бежать в 666 г. до н. э.

В 664 г. до н. э. фараон Тахарка умер в возрасте 64 лет, бесславно закончив правление, которое начиналось с таких добрых предзнаменований. За четверть века у власти он проявил себя как великий строитель в Египте, но еще более – в Куше. Он восстанавливал храмы, строил новые, прибавлял к другим колоннады, возводил самые большие пирамиды своей династии и высек из скалы храм в Джебель-Баркале, увеличенную копию знаменитого храма Рамзеса II в Абу-Симбеле.

Просторный храм в Каве, примерно в 200 километрах на восток от Напаты – пример как интересов Тахарки, так и его строительной деятельности. Одна надпись повествует, что Тахарка заметил печальное состояние храма Кавы на своем пути в Египет в самом начале правления. К тому времени скромные земляные кирпичи начали размокать от дождей, и все здание наполовину покрылось песком. После коронации в Мемфисе в следующем году, Тахарка прислал целую армию специалистов и ремесленников, чтобы построить на этом месте огромный храм. Его возвели из песчаника, кое-где проложив блоки золотыми пластинами. В окрестностях храма тоже были произведены изменения: вырыли озеро, рассадили вокруг деревья, сады и виноградники, причем садовники и виноградари были выписаны из Нижнего Египта. Тахарка также направил туда специалистов по определению времени по звездам (астрологов), а в добавление к жрецам и служкам, которых обычно приставляли к храмам подобной величины, он поселил там и жен принцев Дельты, оказавших ему сопротивление, заставив их служить богам, в то время как они служили ему заложницами.

Наследие Танветамани

Тахарке наследовал его племянник Танветамани. Еще до смерти фараона Танветамани видел сон, в котором две змеи поднялись по двум сторонам от него. Официально это сон был интерпретирован как указание на то, что правление Танветамани будет выдающимся и что он объединит весь Египет, отбив его у ассирийцев.

Поэтому, когда Танветамани, став царем, короновался в Напате и проплыл вниз по Нилу до Элефантины, то был встречен там очень бурно. В Фивах его принимали как триумфатора. В Мемфисе он встретился на поле брани с вечно бунтующими принцами Дельты. Его армии загнали принцев назад, в их укрепленные города. Вернувшись в Мемфис, он получил дань от признавших свое поражение принцев.

Затем грянула беда. Вторглись ассирийские армии, и Танветамани бежал от них. Какое-то время он оставался в Фивах. Когда ассирийцы приблизились, он скрылся в Напату. Захватчики решили преподать Фивам урок и разграбили их подчистую.

Ассирийцы посадили одного из принцев Дельты на трон Египта и с 654 г. до н. э. он правил Двумя Землями. Таким образом, прекратилась XXV династия, по крайней мере, в Египте. Но сама династия продолжала править в Куше еще тысячу лет. Хотя известно, что Танветамани не попал в плен к ассирийцам, у нас отсутствует всякая информация о его дальнейшей жизни. Его пирамида стоит не на кладбище Тахарки, а среди пирамид его предков в Курру.

Как удалось ассирийцам столь быстро завоевать Египет? У них появилось железное оружие и чешуйчатая броня, что было гораздо эффективнее бронзовых мечей, копий и стрел их противников. Помимо этого, у ассирийцев была прекрасная военная организация: они использовали специализированные соединения для разных задач. Инженерные части занимались осадными работами, интендантские поставляли войскам все необходимое, а транспортные обеспечивали подвоз этого и все передвижения. У них были дивизии, оснащенные легкими и тяжелыми луками, копейщики и кавалеристы, пехотинцы и тяжелые колесницы, древний эквивалент наших бронетанковых войск. К тому же, ассирийские солдаты набирались опыта во многих кампаниях своих царей. Хорошо обученные, дисциплинированные, опытные и вооруженные по последнему слову тогдашней военной техники, они были действительно непобедимы.

Армия Тахарки с их бронзовым и латунным оружием явно уступала ассирийцам в сражениях. Только после страшных поражений в Куше взялись за производство железного вооружения в необходимом количестве. У Египта было мало железной

руды, и практически отсутствовал лес, необходимый для ее плавки. Но, в отличие от Египта, Куш все это имел: окрестности Мероэ, великого кушитского города, в более чем 500 километрах вверх по течению от Напаты и в 1100 к югу от Средиземного моря, были богаты и лесом и залежами железной руды. Мероэ расположен на восточном берегу Нила, между Пятым и Шестым порогами, примерно в 180 километрах от нынешнего Хартума. После 600 г. до н. э. Мероэ стал крупным центром производства железа. Даже сегодня холмы из шлаков, получившихся при древней выплавке чугуна, столь высоки и уникальны, что Мероэ часто называют Питтсбургом древней Африки.

В течение тысячелетия после ассирийского завоевания, шестьдесят шесть потомков Танветамани, правивших Кушем, продолжали величать себя «Царями Нижнего и Верхнего Египта», хотя не имели для этого ни малейшего основания. Их государство было продолжением египетской цивилизации – в религии и дворцовых церемониях, искусстве и архитектуре – но вперемешку с сильным африканским элементом. Куш был богатой страной, и его цари были по-прежнему могущественны, даже уже не владея ресурсами Египта. Они по-прежнему надеялись отвоевать Египет и, когда фараон Нехо II разбил вавилонского царя Навуходоносора в 605 г. до н. э., царь Куша решил снова попытать счастья. Кушиты продвинулись до Абу-Симбела, расположенного всего в 400 километрах от Фив. Теперь Египту угрожали и с севера и юга, и фараон решил послать против кушитов своих греческих и карийских наемников. В жестокой, яростной войне, которая за этим последовала, кушиты были отброшены назад, в глубь своей страны, и египетские войска разорили их столицу Напату. Повреждения статуй царей в Джебель-Баркале и Напате датируются именно этим временем. Столица Куша была перемещена в Мероэ.

Комментарий африканиста: пантеон богов в Мероэ

Хотя и невозможно уверенно говорить о существовании в Мероэ типично африканского матриархата, но некоторое время правление находилось в руках царицы Кандаки. Это имя, известное классическим авторам, вызывает представление о женщине мужеподобного вида, достаточно энергичной, чтобы

дать отпор римлянам и вести с ними переговоры. В сценах на стенах храмов или на стелах нередко изображены царицы с явно выраженной стеатопигией, принимающие участие в религиозных церемониях или наносящие мощные удары в грохоте битв.

Что касается пантеона богов, то рядом с Амоном, часто изображаемым с головой барана, и с великой богиней Исидой главным божественным персонажем является бог-лев Апедемак. Его могучий облик появляется на множестве рельефов. На задней стороне храма в Нага Апедемак изображен с тремя головами и четырьмя руками; на другой стене голова льва, увенчанная короной, принадлежит змее, которая, в свою очередь, появляется из цветка. Возможно, в этом можно увидеть влияние Индии. В колоссальных развалинах Муссаварата встречаются многочисленные изображения слонов. Наиболее любопытным из них является массивное изображение слона, которое служит завершением широкой стены. Раскопки в Вад-бан-Нага обнаружили любопытную статуэтку с головой слона, напоминающую, возможно, индийского бога Ганешу.

О чем говорят развалины Мероэ

Сегодня развалины Мероэ можно видеть даже из поезда, если ехать по железной дороге из Хартума. На первый взгляд город состоит из двух-трех маленьких храмов и необычной каменной платформы между ними, которую считают остатками Храма Солнца, описанного в 430 г. до н. э. Геродотом. Чуть дальше находятся руины пирамид Западного некрополя, где хоронили именитых жителей Мероэ. А еще примерно в километре от этого места возвышаются гряды холмов, в которые встроены царские пирамиды. Там – останки царей и цариц, правившие с 300 г. до н. э. К дальней стороне гряды примыкает долина, на которой тоже выстроились ряды пирамид. Это усыпальницы многочисленных родственников правителей XXV династии.

Жители Мероэ извлекали выгоду от разлива сразу двух рек, Нила и Атбары, и пользовались тем, что их город находился на северной границей дождливого пояса. Благодаря таким условиям почвы здесь плодородны и в древние времена считались богатыми.

Развалины Мероэ

Здесь разводили крупный рогатый скот, овец и коз, собирали богатый урожай. К тому же, караваны, идущие на запад, пересекали реку рядом с Мероэ; а другие направлялись на восток к портам Красного моря. Эти факторы, плюс активное развитие металлургии, сделали город одним из самых важных хозяйственных центров в Африке на долгие века. Он частично раскопан археологами, в некрополях найдены останки царей, цариц и принцев, и изучен их образ жизни.

Надписи на колоннах, воздвигнутых этими черными королями, говорят нам о нападениях мятежников и дикарей из номинально ничейных областей между Кушем и Египтом. Они повествуют о строительстве храмов и празднествах по случаю восшествия на престол, о растущей опасности жизни в стране. К 330 г. до н. э. грабители спокойно могли тащить золотые предметы прямо из храмов в городах Кава и Таре, ценные вещи, которые хранились там 250 лет. Власть царей настолько уменьшилась, что они не стали даже пытаться покарать грабителей и удовлетворялись тем, что клали вместо украденных новые вещи из своих личных сокровищниц.

И все-таки еще в 250 г. до н. э. начался новый расцвет Куша. Царь Эргаменес и пять черных правителей, его преемников, царили в стране в тот момент, когда дружеские отношения с Египтом поднялись на невиданный уровень. В Египте правила греческая династия Птолемеев, и храмовые надписи Нубии удостоверяют, что Эргаменес и Птолемей IV были необычайно дружны. Когда Птолемей построил внутренний зал храма в городе Филе у Первого порога, то Эргаменес возвел привходный зал; в Дакке, в нескольких милях на юг, они поменялись местами. Здесь Эргаменес строил внутренний зал, а Птолемей – привходный.

В это время египетская культура в Куше расцветает заново, и часовню при пирамиде Эргаменеса украшали художники и писцы из Египта. Мы знаем об этом потому, что письмена Мероэ и Египта того времени явственно отличались друг от друга (так называемое курсивную, и иероглифическую мероитскую письменность расшифровал в 1909 г. Гриффит, он смог определить фонетическое звучание знаков. Однако, хотя мы и знаем, как они звучат, но – как и в случае с этрусскими письменами – мы не можем определить значения слов). Следующие пять царствований были отмечены небывалым процветанием страны, которое прекратилось в правление царя Танийдамани, с 120 по 100 гг. до н. э. Один археолог предположил, что в то время в Куше разгорелась война за трон. Но как бы там ни было, именно с этого момента заметно внезапное обеднение гробниц, их убранства и украшений.

В 30 г. до н. э. римляне завоевали Египет и установили свои посты на границе с Кушем в районе Сиене. Примерно в 24 г. до н. э. римский наместник Гай Петроний увел войска в Аравию, оставив границу практически беззащитной. Воспользовавшись этим, кушиты атаковали Филе и Сиене, ограбили их и увезли с собой бронзовые статуи императора Августа, которые римляне расставили на торговой площади.

Когда Петроний вернулся, он снарядил карательную экспедицию в Куш. Греческий историк и географ Страбон описал эту миссию и сообщил, что плохо вооруженная армия кушитов не смогла противостоять мощи римлян и бежала еще до приближения войск Петрония. Римляне захватили города Премнис и Пселхис, и царица Куша (называемая мероитами «Кандаке»)

предложила вернуть им статуи. Петроний приказал своим войскам продолжать движение, и они ограбили не только Премнис и Пселхис, но и Напату, которую они разрушили полностью. Кандаке послала своих генералов сдаваться, и римляне ушли обратно, оставив гарнизон за укреплениями Премниса.

Ровно через XIX веков рассказ Страбона был подтвержден, когда археологи при раскопках маленького храма в дворцовом комплексе Мероэ нашли изящную бронзовую голову Августа. Она была определенно римской работы и сохранялась в нише, заполненной чистым песком под порогом здания. Сегодня голова находится в Британском музее, а ее копия – в музее Хартума.

Римская экспедиция не стала смертельным ударом для Куша. В правление царя Нетакамани (2 г. до н. э. – 23 г. н. э.) страна вновь расцвела, стали строиться новые храмы, гробницы и часовни и даже был восстановлены храмы в Напате, разрушенные Петронием. Нетакамани для большинства работ ввез ремесленников из Египта, и это стало последним всплеском египетской традиции в Куше. Также это было последнее время материального достатка в стране, хотя после Нетакамани правили еще двадцать два царя, прежде чем династия погрузилась в нищету и забвение – три века спустя.

Комментарий африканиста: цивилизация Мероэ

Петроний, префект Египта, находившегося под властью Рима, предпринял карательную экспедицию и в 23 г. до н. э. овладел Напатой. Римляне оставили постоянный гарнизон в Примисе (Каср-Ибрим), который должен был предотвращать нападения мероитов. Дело закончилось мирным договором, заключенным на о-ве Самос, где в то время пребывал Август (21–20 гг. до н. э.). Римский гарнизон был, по-видимому, выведен. В конечном счете граница между Римской империей и Мероэ была установлена в Хисрасукаминосе (Мухаррак).

Тем не менее, связи со средиземноморским миром не прервались. По дороге из Иерусалима в Газу диакон Филипп обращает в христианство «эфиопского евнуха», главного надзирателя за всеми сокровищами царицы Кандаке, как об этом сообщают «Деяния Апостолов» (VIII, 27). Далекая Нубия манит римлян.

Нерон в 60 г. н. э. посылает двух центурионов вверх по Нилу. Вернувшись, они объявляют эту страну слишком бедной, чтобы быть достойной завоевания.

На одной из стен в Муссаварате выбита латинская надпись. В некоторых нубийских и даже суданских поселениях были обнаружены отдельные римские монеты: одна монета Клавдия в Мероэ, одна монета Нерона в Караноге и – в более поздние времена – одна монета Диоклетиана далеко в Кордофане (Эль-Обейд) и еще одна, середины IV в., в Сеннаре. Тем не менее наличие внешних связей в этот период объясняет появление созданной в сирийском стиле маленькой беседки в Нага, обнаружение бань в Мероэ, обнаружение в захоронениях эллинистических бронзовых и стеклянных изделий.

Однако наиболее регулярные связи Мероэ поддерживало с храмом Исиды на острове Филе. Туда регулярно направлялись посольства с богатыми подарками для святилища богини, там сохранились многочисленные граффити, выполненные египетским демотическим, греческим и мероитским письмом. Именно благодаря им можно установить единственную достоверную датировку одного из последних мероитских царствований – Текеридеамани (246–266 гг.). В целом же о позднем периоде Мероэ известно очень мало. Местные черты культуры приобретают все большее значение. Контроль за караванными путями между долиной Нила, Красным морем и нило-чадской саванной – экономическая база этой державы – осуществлялся не без трудностей. На всех мероитских памятниках изображаются жестокие сцены с пленниками, раздираемыми львами, проткнутыми рогатинами, пожираемыми хищными птицами. Размеры выгоды от торговли не оставляли сомнений: изображения царей, цариц и принцев перенасыщены украшениями. Такие украшения были обнаружены при раскопках в прошлом веке захоронения царицы Аманишакете. Эта кричащая роскошь нуворишей напоминает, пожалуй, другую торговую цивилизацию на обочине эллинистического мира – цивилизацию Пальмиры.

Рельефы Львиного храма

Многие столетия Куш славился своим искусством и своим сырьем. Кушитские ремесленники были непревзойденными мастерами по работе с драгоценными металлами: их золотые,

серебряные и бронзовые украшения, инструменты и утварь изящно украшены. Керамисты-кушиты были мастерами своего дела. Самая изящная посуда была маленькой и хрупкой, ее лепили на гончарном круге и украшали разноцветными живописными изображениями. Часто на кушитских сосудах можно встретить изображения охотников, животных, растений, цветов и узоров. Сегодня керамика Куша хорошо известна. Один ее знаток сказал: «Она стоит на одном уровне с лучшими произведениями искусства древнего мира, как по качеству изготовления, так и по эстетическим характеристикам. Вместе с керамикой христианской Нубии она составляет главный вклад древнего Судана в художественное наследие Долины Нила».

Хотя искусство Куша не изучалось достаточно тщательно, все же можно заключить, что и в камне, и в живописи, и в архитектуре была ранняя традиция яростной экспрессии. На таком фоне влияние Египта проявило себя с еще большей силой, что можно заметить на примере кушитских пирамид, храмов и трапециевидных пилонов, оформленных в знакомой манере – в виде стилизованных идущих фигур, в профиль. Однако в местном искусстве существовали и бесспорно оригинальные, чисто кушитские элементы. Например, и мужчины и женщины благородного происхождения везде изображаются коренастыми, с крепкими руками и ногами, объемистыми задами и складками жира на шее. Эта царская «регалия» решительно отличается от египетских канонов, хотя у многих египетских богов заметно нечто похожее.

На рельефах Львиного храма мы видим царскую супружескую пару в тесных, похожих на шлемы уборах, с узкими лентами над бровями и полосками сзади. На предплечьях, локтях и запястьях у них браслеты. На шее и талии – ожерелья из больших, шарообразных бусин. В украшении килта царя и юбки царицы используется орнамент в виде птичьего крыла. Царь носит кольцо на большом пальце (такие часто находят в гробницах), держит меч и декоративную булаву; а царица – по мечу в каждой руке! (Египетские царицы никогда не держали подобного оружия.) Царь Шеркарер на одном из рельефов сокрушает своих врагов, получает цветок победы от солнечного божества и красуется в забавных наколенниках в виде львиных голов в час своего триумфа.

Может быть, самыми яркими отличительными чертами искусства Куша являются изображения львов и слонов. Цари всегда сидят на львиных тронах, а на храмовых рельефах врагов царя львы прижимают к земле или даже пожирают. Есть свидетельства того, что в Львином храме в Мусавварат-эс-Суфре содержались дрессированные львы, как живые воплощения бога-льва Апедемека, который изображался на стене: существо ростом с человека, получающее дань от царя и стоящее во главе всех других богов. На одной из сцен он держит лук и колчан, в другой руке – посох, на голове у него уже знакомая трехчастная корона и одет он в мантию от груди до колен.

На пилонах Великого Львиного храма в Нака (другие львиные храмы найдены в Мусавварате и Мероэ) есть огромный барельеф Апедемека, в трехчастной короне с коброй, выползающей из лотоса. Использование символов змеи и лотоса и другие изображения Апедемека – с тремя головами и множеством рук – наводят на мысль о возможном индийском влиянии, где образу тройного льва поклонялись тысячи лет назад, как делают и до сих пор. Выдвигались предположения, что индийские товары могли попадать в Куш по караванным маршрутам из портов Красного моря.

Другой впечатляющий пример индийского влияния в искусстве – изображения слонов в скульптуре и декоре зданий Мусавварат-эс-Суфры. Здесь есть огромные ограды со скатами, своеобразные стены, увенчанные фигурами слонов, и рельефы, изображающие участие слонов во многих церемониях, в том числе и выезде царя. Полагают, что именно этот город мог быть местом военной тренировки слонов. Услугами кушитских дрессировщиков пользовались и римляне, когда им требовались боевые слоны. (Причем, африканские, считавшиеся плохо обучаемыми, не индийские!)

Архитектура Куша весьма разнообразна по стилям и представлена многочисленными памятниками. Обычно строительными материалами здесь служили кирпичи и камни. Здания похожи по дизайну на египетские – это заметно и в храмах, и на пилонах, дворах, усыпальницах и колоннах. Самыми выдающимися в этом смысле являются города Нури, Джебель-Баркал и Курру, где развалины гигантских пирамид до сих пор напоминают о былой славе Куша, Напата, Мероэ, Карима, Фарас,

Восточная Амара и Кава тоже богаты постройками и неизученными руинами. Все они несут признаки былого богатства, могущества и престижа страны. Хотя бывали и времена настоящей нищеты. Плиний и Сенека рассказывают об одной и той же, или двух разных разведмиссиях римлян в Куше, посланных Нероном примерно в 61 г. Они должны были выяснить, можно ли и стоит ли завоевать эту страну и присоединить ее к Римской империи. Представители Рима путешествовали по всей стране, посещали кушитские города, беседовали с людьми. По возвращению в Рим они заявили, что Куш не стоит усилий по его захвату.

Древняя мать-богиня Напаты

Комментарий африканиста: наследие Куша

Мы ничего не знаем о последнем периоде мероитской державы. Царские пирамиды в Мероэ становились все меньше и все беднее. Отсутствие предметов египетского или средиземноморского происхождения свидетельствует о прекращении внешних влияний.

Напротив, Нижняя Нубия, долго не заявлявшая о себе, переживала период относительного процветания. Это было, возможно, вызвано появлением сакии (водяного колеса), обеспечившей орошение земель, в некоторой степени не зависевшее от разлива Нила.

Мы располагаем единственным косвенным свидетельством о крушении Мероэ: это знаменитый текст Эзаны – первого христианского царя Аксума (около 330 г.), который в своей титулатуре претендует на господство над «Бега и Касу» (по-видимому, это беджа из восточной пустыни и держава Куш) и рассказывает об успешном походе, совершенном им против племен Нуба, а затем против Касу. Как следует из текста, значительная часть мероитской державы испытывала в это время натиск племен Нуба.

Может быть, кушитские правители спаслись бегством на запад? К северу от Дарфура имеются якобы некоторые следы мероитских традиций. Часть наследия Куша сохранилась в христианских царствах Судана, а также гораздо позднее в различных видах – как это можно видеть в некоторых сходных чертах культуры – в царстве Фунг в Сеннаре и соломонидской державе в Эфиопии.

С точки зрения истории развития техники начало железного века на Африканском континенте чаще всего относят к Мероэ. Как бы то ни было, Куш – цивилизация, отличающаяся весьма своеобразными чертами, африканская, хотя и в египетском обличье, – был на протяжении тысячелетия посредником между Египтом, все более ориентировавшимся на Средиземноморье, и Африкой к югу от Сахары.

Падение Куша

Чем же вызвана гибель Куша? Одним из факторов гибели было разрушение почвы, вызвавшее разорение земледельцев. Оно само было результатом продолжительного экстенсивного

выпаса крупного скота и овец. Скот съел всю траву на пастбищах. Овцы поглотили все побеги деревьев, таким образом, помешав их воспроизводству. Без травы и деревьев, корневая система которых удерживала почву, земля оказалась беззащитной против воздействия стихий. Развилась эрозия почвы, ее остатки вскоре были смыты. Другим возможным фактором упадка земледелия было уменьшение количества осадков и наступление засухи.

Но было и еще одно обстоятельство: обнищание Египта под правлением римлян – это сказалось на торговле Куша со своим северным соседом. Египет процветал в первое столетие властвования Рима, но налоги вскоре стали невыносимо высокими, настолько, что египтяне бросали свои фермы и деревни. Обнищавшие крестьяне становились разбойниками. Бедность охватила всю страну и в главных городах вспыхивали мятежи.

Давление со стороны других враждебных племен и народов тоже могло ускорить падение Куша. В 296 г. римский император Диоклетиан попросил племя, называемое набатеи, «защитить» южные границы Египта. Это было открытым приглашением к грабежу Куша и использованию Верхнего Египта в качестве хранилища добычи. Из этого можно заключить, что римляне сочли Куш уже настолько незначительным, что сами перестали испытывать к нему даже малейший интерес. Отсечение Куша от Египта могло только ослабить черное государство и ускорить его гибель.

Было еще два народа, которые повадились грабить и даже, вероятно, присваивать себе целые области Куша. Одним из них были блеммии, жившие у восточной границы Куша. Со временем они настолько усилились, что смогли, вместе с нобатеями, взять под свою власть северные провинции. Но более сильным оказался другой народ, живший в Аксуме, древней Эфиопии, который тоже набрал силы и, по мнению многих специалистов, в какой-то момент просто захватил в Куше всю власть.

Торговля с Индией, Ближним Востоком и римским миром африканскими товарами обогатили Аксум уже после гибели Куша. Эту гибель драматически иллюстрируют различия в пирамидах последних правителей. Вместо высоких, монументальных строений, чьи погребальные камеры были богато украшены росписями и резьбой, появились маленькие и плохо

украшенные пирамидки (ремесло тоже вымирало), пока, наконец, и они не сократились до простых курганов, обложенных красным кирпичом.

Древний Аксум сегодня

Неизвестно, был ли Куш сметен одним из народов-захватчиков, или причиной его окончательной гибели послужили экономические факторы. Но мы знаем, что Эзана, царь Аксума, провозгласил себя царем Куша и послал карательные экспедиции к ноба, которых уже покорил до этого. Вот часть надписи, посвященной экспедиции Эзаны 350 г., то есть случившейся вскоре после того, как Константин перевез столицу Римской империи в Византий: «Я, Эзана... царь царей... начал войну против людей ноба, которые восстали и так похвалялись: “Они (аксумиты) не пересекут реки (Атбара)", – говорили люди ноба... так как я предупредил их и они не стали слушаться, и не отказались от своих злых дел и не бежали, то я пошел на них войной... и сражался с ними (у Атбары) в крепости Кемалке. Они бежали без остановки и отдыха, и я преследовал их двадцать три дня, убивая одних и захватывая в плен других... Я сжег их города, и те, которые были построены из кирпича и те, которые были построены из тростника, и моя армия отбирала у них еду, медь и железо... и разрушала статуи в их храмах, и их амбары, и рубила шелковичные деревья, и сбрасывала их в

реку (Нил). И я пришел (в Куш), и сражался, и захватил пленных при слиянии рек (Нила и Атбары). На следующий день я послал (пять армий) вверх (по течению Нила), чтобы грабить страну и города, построенные из кирпича и тростника... а потом я послал (две армии) вниз по Нилу против четырех городов ноба, которые были сделаны из тростника... И мои люди достигли границ Красной Ноба и вернулись, победив ноба и сокрушив их благодаря милости Господина Небес. И я поставил трон в этой стране на том месте, где (Нил и Атбара) сливаются..."»

Комментарий африканиста:
куда исчезло население Куша?

С этого момента история Куша скрыта молчанием, и само имя страны исчезает из хроник. Одной из мучительных загадок является дальнейшая судьба ее жителей. Что случилось с ее жрецами, царями, искусными ремесленниками? Неужели они стали бродягами в чужих странах? Или эмигрировали на запад, и пустили там крепкие корни? На эти и другие вопросы полные ответы будут получены только тогда, когда ученые проведут раскопки в ключевых местах и разрешат загадку языка Мероэ. Между тем, кое-какие интригующие указания все же имеются и сейчас.

Например, имя «Куш» выходит из употребления уже после падения Мероэ. Но до сих пор существуют африканские народы, живущие к западу от Нила, в чьи самоназвания входит слово «куш». В именах каджидди, каджа и кадждjар можно услышать слово «Каш» или «Кадж», что значит «народ Куша».

У каджидди даже есть легенда о том, что они пришли откуда-то с востока, а на запад их привела их царица. Царица, согласно их вере, была похоронена в кургане, и местоположение этой могилы до сих пор хорошо известно. Может быть, раскопки в этом месте смогут доказать связь между каджидди – если таковая имеется – и падением Мероэ.

Дарфуры, черные люди, живущие примерно в 900 км к западу от Мероэ, тоже имеют много черт, роднящих их с Кушем. Царский дворец в Ури, например, сделан из камня почти в том же стиле, что и дворец в Мероэ. Некоторые из племен дарфур

клеймят скот примерно так же, как клеймили царскую собственность в Мероэ. Похоже, что некоторые из имен, используемых дарфурами, происходят от тех, что были в ходу и в Мероэ.

Это только несколько любопытных фактов, но они указывают на возможные направления, разработка которых может привести к открытию обстоятельств гибели Куша. Конечно же, народ, достигший за тысячу лет столь высокого уровня цивилизации, должен был оставить следы, которые наведут нас на его судьбу. Однако сегодня еще не написана последняя глава в истории величия Куша и его исчезновения.

Терракотовые головы Ифе

Мир Фробениуса

Вспомним фантастическую историю переселения атлантов с Земли на Марс в «Аэлите» Алексея Толстого. В заброшенном марсианском доме изобретатель Лось находит следы атлантов – «склеенные вазы, странно напоминающие очертанием и рисунком этрусские амфоры», и золотую маску. «Это было изображение широкоскулого человеческого лица со спокойно закрытыми глазами. Лунообразный рот улыбался. Нос острый, клювом. На лбу и между бровей припухлость в виде увеличенного стрекозиного глаза... Лось сжег половину коробки спичек, с волнением рассматривая удивительную маску. Незадолго до отлета с Земли он видел снимки подобных масок, открытых недавно среди развалин гигантских городов по берегам Нигера в той части Африки, где теперь предполагают следы культуры исчезнувшей таинственной расы».

Здесь лишь перелет на далекую планету – фантастика. Африканские же маски, их связь с Атлантидой и этрусками – всего лишь художественная интерпретация научной гипотезы крупного немецкого археолога и этнографа Лео Фробениуса о происхождении одной из самых своеобразных древних цивилизаций Западной Африки – цивилизации Ифе, обнаруженной в Йорубе – стране народа йоруба (современная Юго-Западная Нигерия). «Я утверждаю, – писал в 1913 г. Фробениус после археологических изысканий в городе Ифе, – что Йоруба с ее пышной и буйной тропической растительностью, Йоруба с ее цепью озер на побережье (Атлантического океана. – *Авт.*) и близостью к Нигеру, Йоруба, чьи характерные особенности довольно точно обрисованы в сочинении Платона, – эта Йоруба

Лео Фробениус

является Атлантидой, родиной наследников Посейдона, бога моря, названного ими Опекуном, страна людей, о которых Солон сказал: они распространили свою власть вплоть до Египта и Тирренского моря».

Какими данными располагал Фробениус, строя свою гипотезу?

Внутренние области Нигерии стали впервые известны европейцам лишь в первой четверти XIX в. Англичане Клаппертон и братья Лэндер пересекли страну Йоруба с юга па север и нашли там развалины некогда могущественного государства, которое называлось Оно – по имени столицы, расположенной в крайнем северо-восточном углу Йорубы. Город Ифе входил в его состав. Судя по преданиям, правители Оно некогда подчиняли себе огромную территорию, включавшую всю юго-западную и часть северной Нигерии и современные Бенин и Того. Внутри страны процветали торговля и ремесла. Ремесленные изделия йорубов, особенно ткани, славились далеко за его пределами.

Но все это осталось в далеком прошлом. Европейские путешественники застали страну йорубов уже в состоянии глубокого упадка. Они проезжали через огромные укрепленные города с населением в сорок, шестьдесят, сто тысяч человек. Однако па улицах не заметно было оживления, глинобитные крепостные стены разрушались, крепостные рвы зарастали травой и кустарником, по караванным тропам рыскали отряды охотников за рабами, которых работорговцы сбывали европейским купцам. Словом, ничто не наводило на мысль о том, что где-то в стране хранятся бесценные предметы искусства. На протяжении всего XIX в. никому из ученых не приходило в голову искать на территории Нигерии следы забытой цивилизации.

Скульптура из Бенина

Интерес к поискам вспыхнул внезапно и при весьма трагических обстоятельствах. В конце XIX в. колониальным захватам англичан в бассейне Нигера воспрепятствовало небольшое, но сильное государство Бенин (к юго-востоку от Йорубы). Царь Бенина закрыл свою страну для европейских купцов и миссионеров. Спровоцировав убийство бенинским жречеством членов

английской миссии, пытавшихся проникнуть к царю для переговоров об установлении протектората над страной, англичане бомбардировали столицу с моря, сожгли и разграбили Бенин, разрушили царский дворец. Вскоре после этого на рынках и в антикварных лавках Европы стали появляться великолепные по мастерству исполнения и необычайные по художественной манере скульптуры животных и стилизованных мужских и женских голов почти в натуральную величину, украшенные коническими коронами и тяжелыми воротниками, изображающими ряды бус. В затылках многих голов были проделаны отверстия, в которые вставлялись резные слоновые бивни, а на низких постаментах можно было обнаружить маленькие барельефы животных. Расположенные в определенной последовательности, они наводили на мысль о том, что в них сокрыта некая недоступная для непосвященных символика.

Крупнейшие авторитеты Европы признали, что в техническом отношении бронзовое литье Бенина не уступает лучшим изделиям мастеров эпохи Возрождения. Однако – и в этом сказались прежде всего расовые предрассудки – бенинцам... отказали в авторстве. Исследователи пошли по пути поисков иноземных влияний, между тем как еще португальские и голландские мореплаватели конца XV–XVII вв. восхищались великолепными бронзовыми скульптурами и барельефами, украшавшими царский дворец в Бенине!

Причем уже тогда сами бенинцы рассказывали европейским гостям, что своими политическими институтами и культурными достижениями они обязаны другому, более могущественному африканскому государству, расположенному вдали от побережья, внутри страны. Так, в XVI в. португалец Жоан Афонсу д'Авейру доносил своему королю: «В двадцати лунах пути от Бенина... живет еще более могущественный монарх, которого зовут Огане. Среди языческих князей Бени (то есть Бенина. – *Авт.*) его почитают так же, как у нас папу римского. В соответствии с очень древним обычаем цари Бени, перед тем как взойти на престол, посылают к нему гонцов с богатыми подарками для того, чтобы сообщить ему о смерти их предшественника и просить его утвердить их на царство. В знак согласия этот князь, Огане посылает им в качестве ски-

петра и короны жезл и шлем наподобие испанского шлема, сделанные из сверкающей бронзы.

Он также посылает крест, тоже из бронзы... который они надевают на шею как нечто религиозное и святое. Без этих эмблем народ не считает их царствование законным, а их самих настоящими царями. Все время, пока гонцы находятся при дворе Огане, они видят не его самого, а шелковые занавески, за которыми он находится, и эти занавески считаются священными. Когда гонцы собираются в обратный путь, Огане показывает им из-за занавески свою ногу в знак признания их миссии. И они благоговеют перед этой ногой, как если бы это было что-то священное»[4].

Но можно ли с доверием относиться к рассказу средневекового мореплавателя? И царем какого государства был в таком случае этот «Огане»? Что касается той части рассказа, где говорится о занавеске, скрывающей царя от взоров людей, и о поклонении его ноге, то современная Фробениусу наука уже располагала достаточным количеством фактов о сходных обычаях, в разное время существовавших у очень многих народов земного шара. Так что в этом смысле этнография не могла оказать помощь в установлении родины «Огане». Но если обратиться к устным традициям Бенина, то они указывали совершенно определенный адрес.

Устные дворцовые хроники бенинских царей, передаваемые из поколения в поколение многие сотни лет, говорят о том, что некогда Бенин не имел царя и народ, уставший от безвластия и беспорядков, обратился к правителю йорубского города Ифе – о н и (по-бенински произносится «охэне», то есть почти «огане») с просьбой прислать им царя. Их просьба была выполнена.

Согласно другой бенинской легенде, родиной бронзового литья, так восхитившего западноевропейских экспертов, также был город Ифе. Сначала, говорится в предании, все бронзовые изделия поступали в Бенин из Ифе и готовом виде от случая к случаю. Оба (царь) Огуола (приблизительно XIV в.) обратился к о н и с просьбой прислать мастера, который бы научил его

[4] Эти обычаи связаны с представлением о том, что от хорошего самочувствия царя-жреца зависит благополучие его народа. Особу царя тщательно оберегали от взоров посторонних, чтобы его не «сглазили».

народ литью из бронзы. Из Ифе прибыл кузнец Игуа-игхе. Он основал в Бенине цех царских литейщиков и после смерти был обожествлен.

Схема великого ученого

Фробениус слышал легенды об Ифе задолго до приезда в Нигерию от западноафриканских рабов, увезенных па чужбину. Мысль о наследии древних атлантов где-то в Западной Африке оформилась у него до начала раскопок в Ифе, во время странствия по африканскому континенту. Связав в одно целое легенды об Ифе, первые исследования бенинских бронз и некоторые другие находки в близлежащих странах Африки, Фробениус с уверенностью предположил, что в Юго-Западной Нигерии, в стране йорубов, должен находиться древний культурный центр, а бенинские бронзы появились позднее под его влиянием.

Бенинская бронза

В 1910 г., заручившись согласием английских властей, уже обративших Нигерию в свою колонию, Фробениус уверенно начал раскопки в городе Ифе. И буквально с первых же шагов маленькой немецкой экспедиции удалось сделать замечательные открытия.

На задворках полуразвалившегося дворца местного правителя, совсем неглубоко от поверхности земли Фробениус увидел куски разбитой красновато-коричневой терракотовой скульптуры, изображавшей лицо человека.

«Это были следы очень древнего и прекрасного искусства, – писал Фробениус под свежим впечатлением от своего открытия. – Эти разрозненные остатки были воплощением симметрии, живости, утонченности формы, которая непосредственно напоминает Древнюю Грецию и служит доказательством того, что здесь некогда обитала раса, превосходящая негров. Таким образом, ценность находки не оставляет никаких сомнений: она указывает на что-то безусловно экзотичное, на существование необычайно древней цивилизации».

Кроме этой находки участники экспедиции нашли или выменяла у африканцев еще несколько терракотовых фигурок. Фробениус заметил, что местные жители довольно легко расстаются со скульптурами, которые они сами некогда нашли в древних святилищах, и не могут дать удовлетворительного объяснения их назначению. Это еще более укрепило немецкого этнографа в предположении, что современный Ифе не более чем случайный и невежественный наследник давно погибших атлантов: «Мы скоро узнали, что находимся не в городе, где поклоняются древности, а в городе развалин, в котором траншеи глубиной от пяти до пятнадцати футов свидетельствуют о том, что в течение многих веков сюда наведывались охотники за сокровищами. Еще немного, и я смогу с уверенностью утверждать, что мы находимся сейчас там, где некогда стояла священная обитель Посейдона».

Последним аргументом, окончательно убедившим Фробениуса, стала находка в священной роще, посвященной йорубскому богу моря Олокуну, бронзовой, несомненно, древней прекрасной скульптуры, по манере исполнения непохожей на бенинские и превосходившей их по совершенству исполнения: «Перед нами лежала голова изумительной красоты, чудесно отлитая из античной бронзы, правдивая в своей жизненности, покрытая темно-зеленой патиной. Это был в самом деле Олокун, Посейдон Атлантической Африки».

Находки Фробениуса произвели сильнейшее впечатление на научные и литературно-художественные круги Европы.

Немалую роль в этом сыграли его увлекательные книги, такие как «И Африка заговорила...» и «Дорогой атлантов», где он излагал свои гипотезы. Теперь, спустя много лет, когда наука накопила много новых фактов, мы можем с достаточной беспристрастностью оценить результаты его исследований.

Комментарий африканиста: почитание посмертных портретов

Ряд ифских, бенинских скульптур и многие фигуры ако из Ово изображают женщин. Это обстоятельство не должно вызывать удивления, поскольку, как пишет Д. А. Ольдерогге, «происхождение обычая почитания матери царя, вероятно, восходит к далеким временам. Подобные обычаи существовали не только в древнем Бенине, но и в Уганде, и в государствах Конго и Анголы, где всюду мы находим особое положение матери царя».

Можно заключить, что женские портреты из Ифе, подобно тому как это было в Бенине и Ово, изображают матерей наиболее влиятельных приближенных.

Ифские головы (как и фигуры ако из Ово) со всей очевидностью не передают реальный возраст изображенных, а представляют их молодыми. Эта своеобразная особенность, вероятно, может быть объяснена тем, что целью скульптуры было запечатлеть человека не в какой-то конкретный период его жизни, а перешедшим в потусторонность, утвердить его вечно пребывающим в расцвете сил.

По всей Западной Африке (в том числе в древнем Ифе и современном Ово) стремление заручиться благосклонностью «могущественных» мертвецов лежит в основе создания их изображений.

Нельзя привести ни одного примера, чтобы такое изображение уже в момент создания абстрагировалось от личности изображенного (это может произойти лишь с течением времени, когда забудется имя прототипа), чтобы оно воплощало в себе лишь отвлеченное понятие dignitas, в корне чуждое местным традиционным представлениям. Наоборот, обязательным для всех посмертных изображений является следующее: каждое, в той или иной форме, должно включать в себя какой-либо считающийся неотъемлемым от личности изображенного компонент. Повсеместно идеологической основой посмертных

скульптур является вера во множественность душ человека и в потусторонних двойников.

Экспедиция Фробениуса находилась в Йорубе всего два месяца, и лишь около двух недель ее участники имели возможность вести раскопки в Ифе. Кроме терракотовых и бронзовых скульптур они нашли остатки древней гончарни, тигли для плавки разноцветных стеклянных бус, стеклянные кольца, обломку глиняной посуды. Раскопки велись на очень небольшом участке (точнее, на двух участках), их методы с точки зрения современной археологии были просто варварскими: экспедиция нанимала местных жителей, которые рыли глубокие ямы. Работа археологов сводилась к поискам артефактов – отдельных предметов искусства. Ни о какой стратиграфии и планомерном изучении материальной культуры не могло быть и речи. Эти задачи вовсе не ставились. Фробениус, убежденный, как и многие его современники, в неспособности африканцев к творческому труду, приступил к работе, воодушевленный идеей о возможных следах атлантов в этой части Африки, и каждую новую находку фактически нанизывал на нить уже сложившейся гипотезы.

В своем окончательном виде ход его рассуждений сводился к следующему:

1. Цивилизация йоруба в ее современном виде должна быть объявлена без колебаний африканской... Мы, однако, сталкиваемся с проблемой, развилась ли она на месте или была пересажена извне, то есть можем ли мы считать ее самозародившейся или же находящейся в гармоническом сочетании с иноземными цивилизациями.

2. В то же время современная цивилизация йоруба является явно упадочной и регрессирует уже по крайней мере на протяжении нескольких веков. Сфера ее влияния постепенно сужается, хотя в прошлом она, по-видимому, распространялась по всему Атлантическому побережью, от Гамбии до Анголы. Об этом свидетельствуют легенды Бенина и иджо (народа в дельте Нигера) и данные этнографии.

3. Многие черты этой цивилизации, например такие, как конструкция водостоков, тип ручного женского станка, форма луков, повторяются и на северном побережье Африки. Однако

нет никаких следов культурных влияний и заимствований в результате связей между Северной и прибрежной Западной Африкой по суше, через пустыню Сахару и Западный Судан.

4. В то же время обнаруживается явное сходство между йоруба и средиземноморской цивилизацией древних этрусков. У обоих сходная система водостоков и бассейнов для хранения дождевой воды. Только у йоруба и этрусков найдены столь совершенные по исполнению терракотовые скульптуры, выполненные в сходной художественной манере. Очевидно, обе эти цивилизации – сестры. Расцвет цивилизации этрусков приходится на XII в. до н. э. В это время этруски наступали на восточную цивилизацию (в частности, на государства Малой Азии). Такое движение с запада на восток, вообще говоря, противоречит общепринятой концепции всемирной истории, но противоречие отпадает, если принять во внимание сообщения древних о государстве атлантов, которые жили «за столбами Геракла».

По Фробениусу, цивилизация атлантов, включала, в частности, Галлию, Испанию и Ливию. Однако со временем более молодая цивилизация Востока стала наступать на западную, оттесняя ее к морю, что неизбежно вело к заселению побережья Атлантического океана. Если опираться на анализ данных из древнеегипетских источников, процесс этот шел в XIII в. до н. э., и йоруба была одной из периферий этой цивилизации: Культура йорубы представляет собой кристаллизацию того могучего потока западной цивилизации, который в своей евроазиатской форме хлынул из Европы в Африку.

«История атлантов, так как она передана Солоном, – заключает Фробениус, – в действительности является выдумкой, сагой, вплетенной в миф, но ее зерно настолько же реально, насколько оказались реальными рассказы о пигмеях... или сказка о Трое, которая трудами Шлимана раскрылась как исторический факт...

Слабая аргументированность общеисторических построений Фробениуса ясна даже неискушенному читателю. Несостоятельна и основная посылка, порожденная эпохой колониализма, о невозможности самозарождения культуры Ифе в самой йорубе, без воздействия активной западной культуры (этому не противоречит и то, что именно Фробениус впервые заявил о

чисто африканском характере цивилизаций Ифе и Бенина). Гипотеза Фробениуса в целом не была принята ученым миром, хотя многие его мысли, главным образом результаты непосредственных полевых исследований, всегда оказывали сильное влияние на этнографов и археологов.

Загадка Ифе

Таким образом, в начале второго десятилетия XX в. благодаря трудам Фробениуса перед ученым миром встала загадка Ифе. Были обнаружены прекрасные в своем совершенстве и законченности бронзовые и терракотовые скульптуры, резко отличающиеся по реалистической трактовке образов от традиционно условного африканского искусства и скорее напоминающие древнегреческие скульптуры. Кем они были сделаны? Когда? Почему аборигены не могут объяснить, кого они изображают, или дает явно путаные толкования?

На все эти вопросы долго не находилось ответов. Начавшаяся вскоре Первая мировая война и последующее колониальное «освоение» Нигерии отодвинули проблему Ифе на задний план.

И вдруг в 1938 г. новая случайность, новая сенсационная находка.

Занимаясь починкой стены покосившегося здания в самом центре города, землекопы неожиданно натолкнулись на целую коллекцию терракотовых голов, позднее было найдено и несколько бронзовых. И терракота, и бронза были выполнены в той же художественной манере, что и находки Фробениуса.

В большинстве случаев это реалистические скульптурные портреты мужчин и женщин почти в натуральную величину. По стилю они близки к античным, но черты лица ифских скульптур типично негроидные. В щеках и подбородках мужских голов проделано множество мелких отверстий, возможно для волос или драгоценных камней. Продольные борозды на лицах символизируют татуировку. В шее каждой головы сделано по два-три отверстия, очевидно, для того, чтобы насаживать их на деревянные опоры или туловища. На макушках также имеются отверстия для резных слоновьих бивней.

Бронзовые скульптуры были выполнены по методу «потерянного воска», известного еще древним египтянам; он до сих

пор практикуется в Бенине и многих других местах Западной Африки. По этому методу грубую глиняную форму заливали воском, из которого лепили модель. После этого модель покрывали несколькими слоями глины и высушивали. Затем в оставленное сверху отверстие лили расплавленный металл, который растоплял воск, вытекавший в нижнее отверстие, а его место занимал металл. Затем наружный слой глины разбивали, и обнажалась бронзовая скульптура, которую подвергали заключительной гравировке.

Скульптура Ифе

По мнению экспертов, техническое мастерство изделий Ифе было исключительно высоким и превосходило все созданное подобным методом в других местах.

Наибольшее недоумение и искусствоведов, и археологов вызывало то обстоятельство, что бронзовые и терракотовые скульптуры Ифе, как казалось, не имели ни прошлого, ни будущего. Ифские шедевры, по-видимому, были созданы за очень короткий срок, может быть даже на протяжении жизни одного поколения мастеров одной школы или даже единственным мастером. Не удавалось заметить ни малейших отклонений в их художественной манере: ни улучшений, ни декаданса. Они как бы застыли в своем совершенстве. Находки последующих 40-х годов XX в. в этом смысле не прибавили ничего нового.

Комментарий африканиста: феномен стиля

Мировую славу ифской пластике создали прежде всего изображения человеческой головы, самые яркие черты которых – это чрезвычайный реализм, сочетающийся с опущением излишних деталей, торжественная одухотворенность и вместе с тем жизненность образов. Но именно эти качества не укладывались в обычные представления о нормах африканского искусства, что заставляло многих исследователей искать истоки ифских традиций в искусстве великих культурных центров древности. В течение десятилетий взоры последовательно обращались то к странам Эгейского моря, то к Древнему Египту и Мероэ.

Благодаря трудам таких исследователей, как К. С. Маррей, братья Бернард и Уильям Фегг, Фрэнк Уиллет, У. Бэском, Е. Мееровитц, стало очевидным, что ифские бронзы и терракоты, как они ни выделяются из среды прочих созданных в Западной Африке скульптур, обладают все же чертами, ясно свидетельствующими об их западноафриканском происхождении. Можно считать окончательно установленным, что искусство Ифе сложилось на местной почве, что его произведения связаны с широко распространенными среди африканских народов культом предков и культом умерших властителей. Некоторым особенностям ифских скульптур найдены параллели в древнейших нокских терракотах и в произведениях народной пластики йоруба.

Время расцвета культуры Ифе предположительно определено из стилистического анализа скульптур и на основе ряда бенинских легенд (XII–XIV вв.). Однако и теперь еще ифский реализм обычно трактуется как явление сугубо эстетическое, как некий трудно объяснимый феномен стиля.

В сравнении со многими другими современными йорубскими городами Ифе невелик, но его историческая и культурная роль необычайно значительна. Согласно легендам, Ифе – праматерь всех городов-государств йоруба, пункт, из которого они расселились по местам своего нынешнего обитания. В настоящем он остается общейорубским религиозным и культурным центром. Можно предположить, что в прошлом Ифе был также и центром политическим.

О социальном строе древнего Ифе, как, впрочем, и других йорубских городов-государств, трудно пока сказать что-либо определенное ввиду крайней скудости материала. Можно лишь утверждать, что Ифе обладал ресурсами для содержания разветвленного правительственного аппарата и высококвалифицированных ремесленников, обслуживавших в первую очередь двор, – стеклоделов, ткачей, литейщиков-ваятелей. Город мог осуществлять и требовавшее огромных трудовых затрат строительство мостовых.

Кстати, о мостовых. Искусствоведы разных стран находили в ифских скульптурах следы древнегреческого, древнеримского, древнеиндийского, древнеперсидского, древнеегипетского влияния, но все это звучало малоубедительно. А в начале 50-х годов древний Ифе подбросил исследователям новую загадку.

Во время раскопок святилища Огунлади близ дворца правителя Ифе – они археологи неожиданно наткнулись на странную мостовую. Выложенная специально обработанными глиняными черепками, она походила на мозаику. На сорок пять сантиметров ниже первой лежала вторая мостовая.

Использованный строительный материал, глиняные черепки, по характеру обработки археологи разделили на три типа. В первом случае черепки имели форму многогранников диаметром от полутора до трех дюймов (7,5 см). Во втором – глиняных кругов около одного дюйма с четвертью в диаметре;

их ставили рядами край в край, так что образовывался полосатый узор, как на вельветовых тканях. И наконец, третий тип – это также круги, но совсем маленькие (около одного дюйма в диаметре), сделанные из более тонких слоев глины.

Древние мастера мостили влажную землю поставленными на ребро более грубыми черепками, а затем полученное основание покрывали слоем тонких и изящных черепков, из которых – в сочетании с мелкими кварцевыми булыжниками – составляли различные геометрические рисунки.

В течение 50-х и в начале 60-х годов в Ифе в общей сложности нашли более 3,2 кв. км таких замощенных участков. С точки зрения древней примитивной техники это огромная цифра. Один из участников раскопок, английский археолог Гудвин, попытался подсчитать затраты труда на создание ифских мостовых. Вот что он пишет: «Десятки миллионов глиняных черепков были собраны, и каждый тщательно обточен до размера двухшиллинговой монеты, отшлифован, и каждому была придана форма плоского диска размером в один дюйм в диаметре. Для того, чтобы обточить таким образом черепок, требовалось по крайней мере несколько минут. Затем черепки тщательно укладывали край в край лицевыми сторонами друг к другу по три на каждый квадратный дюйм, и так, возможно, на площади в две квадратные мили. Но это еще не все. Края разбитых сосудов, очевидно, откладывали в сторону и обтачивали до размеров одного дюйма в высоту и двух дюймов в длину. Потом их укладывали на основание из “двухшиллинговых” черепков по типу елочки так, чтобы их края образовали поверхность мостовой. Усилия, потраченные на эту работу, должны быть огромными! Исходя из расчета трех “двухшиллинговых” черенков на квадратный дюйм, мы уже имеем 432 черепка на площади в один квадратный фут. На это основание накладывались ободки от сосудов в среднем по два на каждый квадратный дюйм, или 288 на квадратный фут, т. е. всего 720 черепков на каждый квадратный фут. Умножив это число на количество замощенных квадратных футов, мы получаем астрономическую цифру, которую я просто не в силах выразить!»

Каково было назначение мостовых? Когда и кем они были построены? До сих пор это не вполне ясно. Европейские путешественники XIX в., несомненно, упомянули бы о таком

замечательном явлении, если бы столкнулись с ним. Но ни в одном из источников о мостовых нет ни слова. Не нашел их и Фробениус.

Правда, в современном Ифе вам расскажут в связи с этим легенду.

Некогда правительницей города была женщина. Во время дождливого сезона края ее одежды пачкались в уличной грязи. Поэтому она заставила своих подданных замостить все улицы глиняными черепками. Работа была очень тяжела, народ в конце концов сверг правительницу и с тех пор ни разу не допускал женщин к власти.

Но, скорее всего, это предание появилось совсем недавно. В последние годы в связи с расширением городского строительства в Ифе землекопы то и дело натыкаются на древние замощенные участки, о происхождении которых народу ничего не известно. И вот, для того чтобы объяснить непонятное, была придумана легенда...

У археологов имеется своя версия. По их наблюдениям, мостили не улицы, а скорее, внутренние дворы в жилых кварталах и площади у общественных зданий.

При раскопках святилища Огунлади, вся территория которого была покрыта прекрасной мостовой, обнаружено тщательно замощенное углубление, образующее водосток. Во время дождей вода стекала по нему и скапливалась и большом глиняном сосуде. Археологи нашли и затычку к сосуду – художественно выполненную терракотовую голову барана. Водостоки и бассейны, связанные с мостовыми, были раскопаны и в других районах города. Поэтому можно предположить, что мостовые представляют часть водосборной системы.

Возможно также, что они имели какое-то ритуальное значение. Ведь не случайно больше всего мостовых найдено в царском квартале. Кроме того, если бы строители руководствовались лишь чисто практическими нуждами, зачем бы они избрали такой трудоемкий и сложный метод?

Существует ли какая-нибудь связь между мостовыми и скульптурами? Видимо, да, но определенный ответ пока невозможен, тем более что до сих пор не удается датировать ни мостовые, ни скульптуры. Как уже говорилось, все скульптуры были найдены не на своих первоначальных местах. В прошлом

веке, а может быть, и много ранее местные жители выкапывали их и прятали в новые тайники. Поэтому к ифским находкам до сих пор не удавалось применить такой совершенный метод датировки, как радиоуглеродный.

Что же касается мостовых, то на одном из черепков археолог Уиллетт заметил изображение маиса. Полагая, что маис был завезен в Западную Африку в XVI в. португальцами, Уиллетт предложил датировать мостовые этим временем. Однако несколько крупных специалистов возразили Уиллетту, доказывая, что маис проникал в Западную Африку многими путями, с суши и с моря, и в разное время. Таким образом, пока и этот вопрос остается открытым.

И все же за последние годы в разрешении загадки Ифе сделан огромный шаг вперед. Теперь исследовательские работы ведутся комплексно учеными разных специальностей: археологами, этнографами, филологами, которые (и в этом главная заслуга принадлежит нигерийским ученым) делают упор на изучение местного материала, в то время как Фробениус и искусствоведы 30-х годов, занятые главным образом поисками заимствований, в сущности, абстрагировались от африканской среды.

Меч справедливости

Слово «Ифе» считают производным от йорубского глагола *fe* – «быть обширным». В наши дни в Ифе живет более полумиллиона человек, главным образом крестьян, занятых выращиванием какао. Однако для йорубов (которых сейчас насчитывается около десяти миллионов) Ифе – это прежде всего национальная святыня, колыбель нации и религиозный центр, куда со всех концов Нигерии ежегодно стекаются сотни паломников-язычников. Среди современных жилых зданий, но главным образом в священных рощах за городскими стенами прячутся древние храмы и святилища. По преданию, их насчитывается 401, однако до сих пор обнаружено только 120.

Легенды йоруба говорят о том, что Ифе был местом зарождения человечества. Когда-то здесь всюду была вода. Решив создать мир, бог Олорун (хозяин неба) сбросил с неба цепь, по которой спустился мифический предок народа йоруба Одудува, прихватив с собой петуха, горсть земли и пальмовый орех.

Одудува швырнул землю на воду, петух взрыл ее, и так образовалась суша. На земле из пальмового ореха выросло дерево с шестнадцатью ветвями, которые символизировали шестнадцать парных оба, правителей йорубских городов-государств. На месте, где все это произошло, Одудува основал город Ифе. Создание земли было закончено в четыре дня. Поэтому йорубская неделя длится пять дней, где последний, пятый день, отводится для отдыха и богослужений.

Чуть ли не каждый старинный уголок города связан с какой-нибудь легендой...

Жрецы Ифе и в наши дни демонстрируют паломникам святыни, якобы сохранившиеся со времен сотворения мира: два водных бассейна – Осара (лагуна) и Окун (море), от которых, как считают, произошли все моря и лагуны, и каменные памятники – следы первых людей. Один из них – Бада Гонгиди – грубое каменное изваяние мужчины, который, по преданию, был великим воином. Вместо того чтобы умереть обычным путем, он предпочел обратиться в камень подобно некоторым другим героям йорубской древности.

Другой знаменитый памятник – Опа Ораньян (жезл Ораньяна) – гранитная колонна высотой в несколько метров. Это, по преданию, обращенный в камень жезл древнего героя Ораньяна, сына первого правителя Ифе и прародителя народа йоруба[5].

Говорили также, что старинная пещера с замурованным входом когда-то вела прямо на небо. Первоначально входом в пещеру пользовались старики, которые уже были вполне готовы для постоянной жизни на небесах, и те, кто забирался туда

[5] Легенды рассказывают, что, состарившись, Ораньян удалился в уединенное место, откуда наблюдал, как идут дела его детей – жителей Ифе. Если на город нападали враги, жители не должны были защищаться. Им нужно было только крикнуть: «О, Ораньян, на нас напали!» – и начать петь и танцевать. Ораньян приходил на зов и сам обращал неприятельскую армию в бегство. Однако однажды во время праздника несколько путников стали кричать без причины: «О, Ораньян, на меня напали!» Ослепленный жаждой крови, Ораньян выехал из укрытия и стал наносить удары направо и налево. Ноги его коня уже тонули в крови, когда один старик догадался крикнуть: «Ораньян, ты убиваешь своих детей!» Только тогда глаза его раскрылись. Потрясенный, он решил никогда больше не показываться людям. Ораньян воткнул в землю свой жезл, который обратился в камень, а сам въехал на коне в могилу и тоже превратился в гранитную глыбу.

на время, чтобы испросить у богов каких-нибудь милостей для себя. Постепенно, однако, просителей стало слишком много, и, для того чтобы мирские дела не были окончательно заброшены, вход в пещеру пришлось замуровать...

Можно посмеяться над наивными историями, подивиться причудливой фантазии их безвестных создателей. А что, если попытаться оценить их с точки зрения интересующей нас загадки Ифе?

Те легенды, которые связаны с памятниками, явно появились для объяснения непонятного современному человеку назначения святынь. Для ученого они служат, таким образом, лишним свидетельством глубокой древности каменных памятников Ифе; ведь по крайней мере уже несколько поколений йоруба пребывали в неизвестности относительно того, кем и для чего они были созданы. Что же касается легенды о сотворении мира, то к ней, видимо, следует отнестись серьезнее: не является ли она отблеском былого величия Ифе, оказавшего культурное и политическое влияние на окружающие государства и народы? Данные этнографии как будто подтверждают это предположение.

Например, почти все *оба* – цари других городов-государств йоруба – во время обряда коронации получали из Ифе меч справедливости, без которого коронация считалась недействительной. Вручая меч царским посланцам, представитель правителя Ифе обращался к ним со словами: «Возьми этот меч, это меч победы. С ним ты можешь сражаться, и он обеспечит тебе успех; ты можешь идти с ним направо и налево, и победа будет сопутствовать тебе. Но ты никогда не должен обращать свой меч назад (то есть в сторону Ифе. – *Авт.*), потому что там твоя прародина и источник твоей силы. И если ты ослушаешься, ты погибнешь».

Соседнее государство Бенин, по-видимому, также некогда находилось в какой-то степени политической зависимости от Ифе. Рассказы стариков о том, что в старину части тел умерших бенинских царей перевозились в Ифе для захоронения, подтвердились недавними археологическими раскопками: в окрестностях города обнаружено несколько таких могил.

Влияние Ифе на Бенин подтверждают и бенинские устные хроники.

Можно ли связать в одно целое легенды о величии Ифе и шедевры его искусства как материальное выражение этого величия?

Народ йоруба

Комментарий африканиста: душа и тело йоруба

Необходимо подчеркнуть еще раз, что термин «душа», примененный к африканским представлениям, неточно выражает их суть, поскольку «души» здесь мыслятся столь же материальными, как и сам человек. Причем «души» имеют его облик и голос.

Индивидуальные черты облика каждого человека так неразрывно связаны с его «душами», что с последними отождествляется все, что воспроизводит его облик. Тень, которая в течение всей жизни следует за человеком, повторяя каждое его движение, истолковывается как «явление» какой-либо души (чаще всего «двойника»). Так же осмысляется отражение в спокойной воде или зеркале, скульптурное изображение, фотография и т. д.

«Души» тождественны телу человека и его изображениям. На том же основании они тождественны и между собой, разделяясь лишь по своим функциям.

Согласно указанным представлениям, тело является для них всех физической базой. Со смертью человека тело разлагается, деформируется, в связи с чем «души» теряют свою общую основу, причем момент смерти определяется окончательной утратой телом своей формы. Насколько тесно связываются понятия «деформация» и «смерть», могут быть приведены многочисленные примеры. В частности, о фангах Тессманн пишет, что в их представлениях «организационная сила» (так Тессманн называет то, что отличает живое от неживого, благодаря чему все живое развивается, растет, размножается, т. е. иначе говоря, живет. – Авт.) продолжает существовать и после смерти индивидуума, но только до тех пор, пока отдельные части, в которых «организационная сила» заключена, сохраняют свои формы.

Эве также верят, что ноли (душа умершего) продолжает пребывать в этом мире до тех пор, пока сохранено тело или скелет. Чтобы живые могли оградить себя от проказ «докучливой» ноли, необходимо выкопать и сжечь останки.

Сходными представлениями вызваны попытки многих народов обработать труп так, чтобы он сохранялся как можно дольше. Сохранность формы трупа и обусловленное ею присутствие «душ» умершего – необходимое условие «действенности» похоронных обрядов.

Широко распространенное в Африке копчение трупов является по сути дела скромной попыткой добиться того же, чего добивались египтяне, изготовляя мумии.

Уже говорилось, что Фробениус видел в скульптурах Ифе изображения средиземноморских богов, перенесенных на африканскую почву. Например, йорубский бог (или богиня) моря Олокун был для него древнегреческим Посейдоном.

Современные же исследователи на основании данных этнографии и мифологии йоруба установили, что скульптуры изображают местных богов, царей или придворных и, по всей вероятности, первоначально стояли в алтарях, где им поклонялись при отправлении культа царских предков. Очевидно, в древнем Ифе (так же как и в Бенине) верили, что изображение головы предка служит посредником между загробным миром и живыми людьми. Именно поэтому большинство скульптур – лишь одни головы без туловищ.

Но было найдено и несколько целых фигурок: царь в полном облачении, точно таком, какое носили в предыдущем веке; правители Ифе во время церемонии коронации; царь и царица, исполняющие, судя по положению тел, ритуальный танец. Фигурка правителя, восседающего на круглом царском стуле, с ногами, покоящимися на четырехугольном стуле меньшего размера, могла отражать верование, еще в прошлом веке распространенное среди йоруба, в то, что священный царь не должен касаться ногами земли, чтобы не утерять святость. Выразительные скульптурные головы с кляпами во рту, украшающие бронзовые сосуды, – это явное свидетельство обычая человеческих жертвоприношений (при похоронах царей и в некоторых других случаях), также практиковавшегося народами Нигерии в XIX в.

Поразительное сходство

Как уже говорилось, реалистическое искусство Ифе выглядит изолированным на фоне традиционно условного искусства Африки. Однако несколько лет назад обнаружилось поразительное сходство между терракотами Ифе и соседней культурой Нок. Неизвестный народ, создавший эту культуру, занимался охотой и земледелием (найдены зернотерки и оружие), умел обрабатывать железо и олово и изготовлять терракотовые скульптуры людей и животных. «Нок и Ифе являются единственными из известных нам африканских культур, в которых имелись терракотовые скульптуры людей почти в натуральную величину, – пишут археологи Уиллетт и Фэгг, вот уже много лет ведущие раскопки в Ифе. – И если фрагменты тел и конечностей из этих двух культур перемешать, то будет очень трудно различить их на основании только стилевых особенностей».

Таким образом, точные археологические данные окончательно отвергли необоснованные теории об иноземном происхождении терракотовых скульптур Ифе. Корни культуры народа йоруба находятся в Северной Нигерии. Эта культура создана людьми эпохи неолита или начала железного века.

И все же, несмотря на эти неоспоримые данные, вопрос о происхождении Йорубской цивилизации еще далек от разрешения. Хотя существует прямая преемственность в терракото-

вых скульптурах разных эпох, остается неясным, как и когда зародилась в Ифе техника изготовления бронзовых скульптур.

Еще большую путаницу в разрешение этого вопроса вносят легенды о происхождении народа йоруба. До сих пор не вполне ясно, являются ли йоруба местными – автохтонами, или они пришли на территорию Нигерии из каких-то других краев. Дело в том, что помимо уже известной нам легенды об Ифе как прародине человечества есть много других преданий о переселении йоруба откуда-то с северо-востока. Некоторые ученые на Западе и в Нигерии видят в этих преданиях отзвуки реальных событий глубокой древности и связывают с пришельцами внедрение бронзового литья. Кроме того, говорят они, таким путем разрешается и другая загадка Ифе, а именно устанавливается связь между его каменными памятниками и бронзовыми и терракотовыми скульптурами.

Дело в том, что каменные памятники, такие, как уже известные нам Опа Ораньян, Бада Шигиди и другие, сделаны довольно примитивно, особенно по сравнению с прекрасными скульптурами из терракоты и бронзы. Фробениус считал их проявлением африканского декаданса, который неизбежно пришел в результате истощения могучего потока «западной цивилизации». Напротив, по мнению современных исследователей, изделия из камня – это следы древнейшей культуры, а терракотовая и бронзовая скульптура появилась позднее. Странно только, что между ними нет никакой преемственности. Единственное сходство, которое удалось до сих пор подметить – это железные гвозди, присутствующие во всех трех типах памятников – и каменных, и терракотовых, и бронзовых. Например, в Опа Ораньян вбито девяносто два гвоздя, образующие рисунок наподобие трезубца. Сделано это для украшения, видимо, в ритуальных целях, тогда как в терракотовых и бронзовых скульптурах железные гвозди, вероятно, служили опорой при отливке фигур.

Но так или иначе, если принять версию о переселении йоруба, вопрос о взаимоотношении каменных памятников и скульптур периода расцвета Ифе разрешается просто, даже, пожалуй, слишком просто для серьезного исследования: было несколько волн переселений, разделенных значительными

промежутками времени, и каждая волна несла свои элементы культуры...

Терракота культуры Нок

Увы, до сих пор ни одна из схем, будь то идея самозарождения культуры Ифе или перенесения ее откуда-то извне, не может достаточно удовлетворительно увязать цивилизацию йоруба со всем комплексом других родственных культур на территории Нигерии – в Бенине, в стране ибо (Восточная Нигерия), в средневековом государстве Нупе (Северо-Восточная Нигерия). Например, в местечках Тада и Джебба (на Нигере) в тайниках обнаружено несколько бронзовых фигур, которым местное языческое население поклоняется и поныне и считает, что в далекой древности их доставил сюда с юга (но не из Ифе!) полумифический основатель государства Нупе Тсоеде. Среди этих скульптур выделяется фигура сидящего человека высотой около полутора метров. По стилю она походит на скульптуры Ифе, но ее поза необычайна для африканского искусства и скорее напоминает искусство Индии. Есть основания предполагать, что в государстве Нупе на заре его существования, то есть примерно в XII в., находился центр бронзового литья. Но как он был связан с культурой Ифе, непонятно.

Даже утвердившаяся точка зрения на происхождение бенинского искусства от традиций Ифе в последнее время подвергается сомнению. В самом деле, по преданию, кузнец из Ифе научил бенинцев литью из бронзы. В Бенине цех потомственных литейщиков-скульпторов существует и в наши дни, но в Ифе, где, по названой версии, зародилось это искусство, ничего подобного нет и в помине. Более того, археологи не нашли никаких следов древних мастерских!

Может быть, этот город, как и его младший брат Ойо, несколько раз менял свое местоположение и в действительности существовал не один, а несколько Ифе?..

Арабский ренессанс в излучине Нигера

Правители пустыни

В раннем Средневековье войны и битвы сотрясали не только юг Европы и север Африки. На противоположной стороне Африканского материка, там, где Сахара встречается с Атлантикой, также продвигались на юг арабские племена, бесстрашно шагали в неизведанное отряды мусульманских воинов на священную войну с неверными чернокожими.

Один арабский автор IX в. уверяет, что в 735 г. арабский полководец Хабиб ибн Абу Убайда аль-Фахри, завоевав запад Северной Африки, совершил набег на «страну черных», где захватил много золота и пленных, в том числе одну или двух девушек-воинов. Скорее всего, Хабибу приписан подвиг, которого он не совершал, потому что вряд ли поход через Сахару можно было предпринять так просто, без длительной специальной подготовки.

Первыми мусульманами, совершившими нападения на Западную Африку, были берберские племена Сахары. Уже говорилось о том, как древние племена Сахары – государственные объединения гарамантов и древних мавров – совершали походы на юг против чернокожих «эфиопов». Но ничего не известно о положении в Сахаре после того, как прерываются сообщения греческих и латинских авторов, и до того, как начинают поступать сообщения арабов. Вероятно, набеги берберских племен на негритянские земли продолжались. Недаром предания, сохранившиеся у населения древних африканских государств – Ганы и Борну, говорят о захвате власти светлокожими пришельцами, царскими династиями берберского происхождения. Все они со временем восприняли местную африканскую культуру и полностью слились с негритянской знатью. Но вместе с тем они вносили в цивилизации Африки южнее Сахары свой средиземноморский элемент.

После арабского завоевания Северной Африки берберы приняли ислам. Теперь свои набеги и нашествия на юг они проводили под знаменем «священной войны» с «язычниками». Арабский автор Ибн Абу Зара приводит историческое предание: «Первым правителем пустыни был Тилутан ибн Тиклан.

Он правил всей Сахарой, ему подчинялось более двадцати правителей черных, плативших ему дань». Умер он, согласно североафриканским авторам, в 836 г.

О другом «правителе пустыни» сообщают почти то же самое: знаменитый арабский географ Абу Убайд аль-Бакри говорит, что между 961 и 971 гг. вождем берберского племени ламтуна был Тин Эрутан, «власть которого признали более двадцати правителей стран черных; они платили ему дань». О другом вожде этого племени, по имени Мухаммед ибн Тарсена, аль-Бакри сообщает, что тот совершил паломничество в Мекку, сражался с «неверными» и умер в стране черных, в местности Гангара. Весь же племенной союз берберов-санхаджа географ характеризует так: «Они исповедуют ислам и ведут джихад против неверных». Это сообщение относится к XI в.

Альморавиды, объединившие племена берберов

В то время в Сахаре усилилась мусульманская секта альморавидов (арабское «аль-мурабит» – житель рибата, укрепленного монастыря); они сумели объединить кочевые племена берберов-санхаджа под главенством племени ламтуна в сильное раннефеодальное государство. Государство альморавидов носило ярко выраженный военный и теократический характер. Воины санхаджа, закрывавшие лицо покрывалом, отличались выносливостью, стойкостью и фанатизмом. Хотя ислам уже задолго до XI в. стал распространяться в долинах Сенегала и Нигера, альморавиды считали здешних жителей «неверными» и «еретиками». Против них, считали они, следовало вести

«священную войну». Далеко не одним фанатизмом объяснялся призыв к джихаду: нищие кочевники мечтали о грабеже негритянских городов, богатых золотом и красивыми тканями, деревень с полными зерна глиняными амбарами на сваях, тучными коровами в хлевах и стройными, жизнерадостными чернокожими женщинами. Более дальновидные берберы мечтали также и о дани, которую будут ежегодно вносить чернокожие земледельцы, о пошлинах, которые доставят купцы, о железе, которое будут выплавлять и приносить в «дар» чернокожие кузнецы... В 1061 г. отряды альморавидов, пеших и верхом на беговых верблюдах, вторглись в двуречье Сенегала и Нигера. В 1076 г. они разгромили империю Гана, сожгли дотла ее столицу Кумби-Сале и захватили основные области современных Сенегала и Мали вплоть до золотых рудников Бамбука (крайний запад Республики Мали). Об этом писал великий историк Ибн Хальдун: «Они (альморавиды. – *Авт.*) поселились на севере Ганы в стране берберов и распространили свою власть на черных. Они разрушили их государство, разграбили их имущество. Они навязали им уплату дани и заставили большую часть населения принять ислам».

Захватив северную часть Западной Африки, альморавиды обрушили свои полчища на Марокко, Алжир и, наконец, Испанию, где подчинили себе все мусульманские государства и сильно потеснили христиан. Собственно, поэтому они вошли в историю Запада под испанизированным прозвищем «альморавидов».

Так Африка южнее Сахары впервые пришла в соприкосновение с историей Западной Европы пока еще через посредство берберов-мусульман.

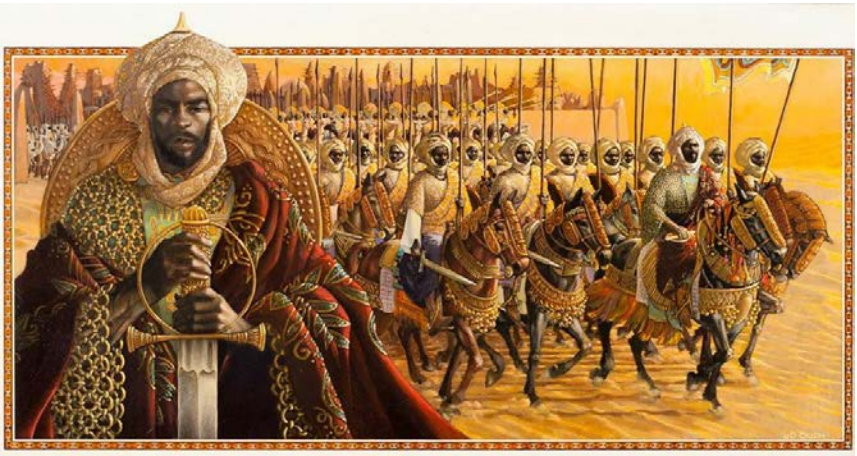
В конце XI в. правители Ганы сумели освободиться от власти альморавидов. Однако теперь от огромной негритянской империи осталось небольшое королевство – вассальные княжества отделились от Ганы.

В 1240 г. при легендарном царе Сундиате на территории прежней империи была создана новая – Мали. Сундиата не был мусульманином, но его преемники приняли ислам. В XIII–XIV вв. Мали находилась в зените своего могущества, однако в следующем веке она слабеет и подвергается со всех сторон нападениям.

С юга в 1400 и 1480 гг. в долину Нигера вторгались язычники-моси из государства Ятенга (Верхняя Вольта). Разграбив деревни Мали, они возвращались в свои саванны. С севера, из Сахары, хлынули новые волны кочевников-берберов, закрывающих лица покрывалом; только теперь это были не альморавиды, а туареги. В 1443 г. вождь туарегов Акил захватил северные провинции Мали с городами Араван, Уолата и Тимбукту; последний, расположенный на левом берегу Нигера, стал его столицей. Здесь поселилось множество туарегов, а со временем их потомки составили основу городской знати и стали рассматривать себя как старожилов. С востока наступали сонгаи, основавшие взамен слабеющей Мали новую негритянскую империю, а с запада постепенно просачивались племена кочевников фульбе – светлокожий народ неизвестного происхождения.

В конце XV – начале XVI в. империя Сонгаи достигла расцвета. Однако в 1543–1544 гг. на ее границах появились марокканские завоеватели.

В то время Марокко объединилось под властью паши Мухаммеда, который разгромил своих соперников из числа марокканской знати, присоединил их владения к своим и создал сильную по тем временам армию, вооруженную огнестрельным оружием. У марокканцев появилась собственная артиллерия и сильный парусный флот, вооруженный пушками и укомплектованный командами из перешедших в ислам европейских пиратов – голландцев, итальянцев, шведов, греков, мальтийцев. Возрожденное Марокко отстояло свою независимость от турок и европейских держав: испанцы и португальцы потеряли почти все колонии, захваченные ими на марокканской земле. Далекий от безрассудного фанатизма Мухаммед, провозгласивший себя султаном-шерифом – светским и духовным главой мусульман, смотрел на мир весьма реалистично. Пленных португальцев, испанцев, каталонцев, французов и других европейцев, захваченных его войсками, он приказал вооружить мушкетами и укомплектовать из них особый полк. Этот европейский отряд стал ядром марокканского экспедиционного корпуса, которому предстояло завоевать всю Западную Африку.

Аския, командующий соединением в древнем Мали

В 1543–1544 гг. марокканский отряд в составе 1800 конных воинов с караваном верблюдов, навьюченных продовольствием, водой и боеприпасами, перешел Сахару и занял оазис Асекуя ал-Хамара – важный пункт караванной торговли, принадлежавший аскии – императору сонгаев. В 1585 г. султан Марокко Ахмад аль-Мансур послал в Сахару новый военный отряд, который захватил Такказу, богатую медью и солью. Марокканцы все ближе подбирались к долине Нигера. Наконец, в 1590 г. Сахару пересек экспедиционный корпус белокожих солдат, в основном европейцев, численностью около 4 тысяч человек. Командовал этими солдатами суровый Джудар-паша. Заняв оазис Драа на юге Сахары, Джудар-паша двинул свой корпус в долину Нигера.

Мушкеты и пушки сделали свое дело: уже в первых сражениях, хотя и более многочисленная, чем марокканская, армия сонгаев была разгромлена. Тимбукту, эвакуированный по приказу аскии на юг, был занят марокканцами. Без боя или после ничтожного сопротивления сдались и другие города. Но теперь, ликвидировав традиционную власть империи сонгаев, завоеватели оказались перед стремительно растущей междуусобицей. Бывшая империя была охвачена стихией феодально-племенной анархии. Каждый сбор налогов марокканцы проводили как военную экспедицию. Аборигены не выступали про-

тив них единым фронтом, напротив, они воевали друг с другом и порой стремились в этой междоусобной борьбе опереться на северных завоевателей. Но ни о каком объединении Западной Африки под властью марокканского султана нечего было и думать. Города разорялись, деревни пустели, торговля хирела, снижались все виды феодальных доходов, ради которых правители Феса, тогдашней столицы Марокко, и затеяли завоевание. Связь бывшей империи Сонгаи с Марокко через бескрайние и безводные просторы была очень затруднена, а в Атлантике в то время безраздельно господствовали флоты европейских держав, враждебные североафриканским корсарам.

Западную Африку оказалось легко захватить, но трудно удержать. После 20 лет войны, грабежей, насилий, карательных экспедиций марокканцы окончательно покинули эту страну.

Каждое из североафриканских нашествий приносило неисчислимый вред Западной Африке. Однако, несмотря на разрушения, причиненные захватчиками, в результате длительных мирных контактов Западная Африка приобщалась к мировой цивилизации.

В «страну черных»

Первые сведения о караванах, отправлявшихся через Сахару из арабского мира Северной Африки в «страну черных», по-арабски Биляд ас-Судан, относятся к VIII–IX вв. Отправными пунктами движения караванов были Асуан в Египте или портовые города современных стран Магриба: Ливии, Туниса, Алжира, Марокко.

Путь из Асуана вел прямо на запад, в Сахару, через оазис Селима и оазисы Феццана (в Ливии). Здесь к асуанским караванам присоединялись купцы из городов Ливии и Туниса. Далее все они продолжали путь на юг – к озеру Чад и берегам Нигера. А купцы из Алжира и Марокко двигались с караванами верблюдов к берегам Нигера и Сенегала через оазисы Центральной и Западной Сахары: Уаргла, Гурара, Сиджильмаса, Аудагост, Туат, Араван.

Без верблюдов такие переходы были бы невозможны, поэтому регулярное сообщение караванов из Северной Африки в Западную через Сахару должно было начаться с развитием

верблюдоводства в этой пустыне. Родиной одногорбого верблюда-дромадера является, очевидно, Северо-Восточная Африка, точнее, современный Судан. Отсюда этих полезных животных ввезли в Египет, Аравию, Ливию. Известно, что в Феццане и на западе Алжира верблюды встречались еще при вторжении сюда римлян в I в. до н. э. Однако первые известия о движении караванов через Сахару появились только через восемь-девять столетий! Вот великолепный пример недостатка наших знаний о том, что происходило в глубине Африканского материка, если сюда не попадали в то время выходцы из европейских или азиатских стран.

Через Сахару. Как и тысячи лет назад

До арабов лишь отдельные представители народов Средиземноморья проникали в Сахару и пересекали ее, сопровождая отряды «сынов пустыни». Арабов ожидала бы та же самая участь, если бы они сами не стали африканским народом, притом не только жителями городов и деревень, но и кочевниками африканских пустынь.

Но процесс африканизации арабов и вместе с тем арабизация северных африканцев, т. е. слияния местных племен с

арабскими племенами, затянулся на много столетий. Поэтому не арабы, а другие мусульмане первыми проникли через пустыню Сахару на юг, в Западную Африку. Это были принявшие ислам берберские купцы, а также отряды сахарских племен, о которых говорилось выше. Некоторые из них, по крайней мере с VIII в., начали селиться в городах долины Нигера, в деревнях Сенегала, на берегах озера Чад. Собственно говоря, они проникали сюда и прежде и даже поселялись здесь, но тогда они еще не были мусульманами, носителями арабо-мусульманской культуры. А в VIII–XI вв. на берегах Сенегала, Нигера, озера Чад селились уже исламизированные берберы. Первоначально это были сектанты-хариджиты, заселившие оазисы Сахары и гонимые на берегах Средиземного моря официальной суннитской религией.

Транссахарская торговля

В раннее Средневековье Тахерт – город-оазис на юге Алжира – был твердыней хариджитов-ибадитов, основавших собственное государство. Здесь велись хроники на арабском языке, сохранившиеся до наших дней и исследованные польскими арабистами. В одной из них говорится о том, как около 776–780 гг. Тахерт стал крупным торговым центром. Сюда приезжали купцы из Кайруана (Тунис), городов Ирака и «стран черных». В другой хронике упоминается правитель Тахерта, который в конце VIII или начале IX в. хотел совершить путешествие в Гао, столицу Сонгаиского царства. Он чуть было не отправился в этот далекий город, но его отговорил отец.

Другие ибадитские хроники также говорят о торговле оазисов Северной Сахары – Варглы, Тадмекки, а также городов Северного Алжира и Туниса с городами Западной Африки. Об этом же сообщают арабские географы того времени аль-Якуби и аль-Бакри. Все они подчеркивают важную роль берберов-ибадитов в этой транссахарской торговле.

Из арабского мира на юг везли преимущественно ремесленные изделия, а также сухие фрукты. Ведь продукция арабских мастеров одинаково высоко ценилась и в Африке южнее Сахары, и в Европе, как Западной, так и Восточной, а сухие фрукты из благодатных стран Средиземноморья и долины

Нила, изюм и сушеные финики из оазисов всегда находили спрос в сравнительно бедной фруктами Тропической Африке.

Возвращаясь, караваны доставляли золото, которым Африка была богаче Азии и Европы, различные экзотические товары: слоновую кость, шкуры леопардов, жирафов, зебр и других животных, мускус, некоторые специи и лекарственные травы, а также рабов. Красивые девушки для гаремов, мальчики, которым предстояло стать евнухами или солдатами черной гвардии, – этот живой товар был самым выгодным для купцов.

Европа тоже получала некоторые выгоды от транссахарской торговли: до открытия Америки почти все золото, которое употреблялось западноевропейскими ювелирами и чеканщиками монет, было африканского происхождения. Его привозили из стран Магриба и Сахары еврейские купцы, которые также доставляли сюда слоновую кость, африканские травы, а порой и рабов. В некоторых оазисах Сахары, например в Туате, появились меллы – европейские кварталы. Но большую часть иностранцев в оазисах составляли арабы, постепенно сливавшиеся с местным населением.

Часть товаров, перевозимых на север, оседала в Сахаре. Здешние женщины носили украшения из золота, добываемого в Гане, и слоновой кости из южных саванн. С юга в оазисы привозили просо, выращиваемое в плодородных долинах, сорго и другие зерновые культуры, а главное – чернокожих рабов. В оазисах они становились крепостными крестьянами, а молодые девушки – наложницами берберских аристократов. Дети их составляли низшую касту местного общества. Можно сказать, что сложная система орошаемого земледелия во многих оазисах Сахары была возможна только потому, что существовал дешевый крепостной труд негров и мулатов, регулярно прочищавших подземные каналы и выращивавших богатые урожаи на крошечных клочках земли.

Сахара тоже давала Западной Африке некоторые товары: за просо и сорго – финики, инжир, изюм и немного пшеницы, за золото – серебро, добываемое на северо-западе пустыни, и медь, привозимую с юга, а главное – соль, которой столь богата безводная пустыня. Но конечно, стоимость южных товаров была намного выше сахарских, поэтому берберам приходилось отыскивать различные способы, чтобы как-то возместить не-

достаток продуктов своего труда. Они становятся караванщиками – торговцами, погонщиками верблюдов, проводниками или охраной караванов. Это был не слишком интенсивный, но изнурительный и опасный труд. Скалы Сахары пестрят надгробными надписями о погибших берберах, но большинство тех, кто умер от жажды, голода и отчаяния, был занесен песчаными бурями или зарезан грабителями, остались непогребенными и не отмеченными надписями.

Расцвет караванной торговли через Сахару приходится на IX–XV вв. Она постепенно начинает страдать в XV–XVI вв. от конкуренции европейского мореплавания, затем – железных дорог, автотранспорта, авиации. Но и теперь еще через великую пустыню ежегодно проходят десятки и сотни караванов (но не тысячи, как в старые времена). Порой политические события вызывали «заторы» на тех или иных караванных путях, тогда поток транссахарской торговли направлялся по другим, параллельным трассам. Так было во времена войн или восстаний, например восстания махдистов в Судане (1881–1898 гг.), когда караваны к Нилу почти не ходили, зато через Ливию ежедневно отправлялись от Нигера к берегам Средиземного моря и обратно тысячи верблюжьих караванов, нагруженных тяжелыми вьюками.

В океане песков легко заблудиться. Нужно поистине природное чутье, чтобы среди меняющихся барханов и однообразных скал найти верную дорогу. Таким чутьем, помноженным на опыт, и обладали лучшие караванщики. Но порой даже они не могли определить свое местонахождение, и тогда оставалось полагаться на чутье старой верблюдицы, шагавшей во главе каравана.

Караванщики в негритянских городах

Проделав тяжелый и длительный путь через пустыню, караванщики останавливались на отдых, во время которого купцы, не торопясь, распродавали привезенные товары. Прежде всего, конечно, следовало сделать подарки местным правителям, а то и уплатить установленные пошлины, если одних подарков было недостаточно. Готовясь в обратный путь, купцы запасались продовольствием и товарами, имевшими спрос на севере. Некоторые из них, например золото, можно было

купить только у государства, на складах негритянских царей. Впрочем, монополия на золото никогда не была полной, особенно в позднее время.

Соблазны богатой южной страны и дружба с ее правителями вызывали у караванщиков желание поселиться на этой земле. И они поселялись тут надолго, иногда на всю жизнь, среди африканских народов, но отдельно от них, поселками и кварталами в городах. Часто берберы, родившиеся в таких поселках, возвращались на север. Например, глава тунисских ибадитов Абу-Язид, возглавивший борьбу против династии Фатимидов, родился в городе Гао, где его отец занимался торговлей. На правом берегу реки Сенегал вперемежку жили негры и берберы. Кстати сказать, само название реки и страны Сенегал происходит от берберского племени зенага, поселившегося на его берегах. Позднее в среду здешних берберских племен проникли племена арабов из Марокко. Смешавшись с берберами и неграми, они стали родоначальниками современных мавров – арабов Мавритании и соседних стран. Но и зенага, еще не полностью слившиеся с маврами, живут в этой стране и сохраняют свой берберский диалект.

Караванные пути, проложенные берберскими торговцами, и связи караванщиков с негритянскими царями не только облегчали походы мусульманских завоевателей на юг, но порой давали возможность и негритянским царям распространить свою власть на Сахару. Уже в самые отдаленные времена Средневековья власть язычников – царей Ганы признавали санхаджа, столицей которых был город Аудагост в одноименном оазисе. Оазис Бильма в Восточной Сахаре в течение веков служил яблоком раздора между неграми-тибу и берберами-туарегами, но и те, и другие подчинялись царям Борну – империи озера Чад.

В позднее Средневековье и в новое время туареги распространились на юг до самого Нигера, а кое-где перешли на правый берег реки и расселились в саваннах до границ Верхней Вольты и даже еще южнее. Теперь вблизи долины Нигера туарегов больше, чем в Сахаре.

Когда-то здесь был древний город

По следам берберов через Сахару устремлялись арабы – и отдельные путешественники, и группы караванных торговцев, и целые бедуинские племена. Примерно в XI в. они стали преобладать в североафриканских поселках и кварталах негритянских городов, а в XVII–XIX вв. и среди просторов Южной Сахары, прилегающей к долинам Сенегала, Нигера, нагорью Вадаи (на востоке Республики Чад). Арабы и берберы сливались в один народ не только на севере Африки и в Сахаре, но и в поселках и кварталах южнее Сахары.

В столицах западноафриканских империй (Гана, Мали, Сонгаи. Канем-Борну, Загава) арабо-мусульманские или арабо-берберские кварталы были порой многолюдны, как настоящие города. Яркий пример – арабо-мусульманская слобода в Кумби, столице средневековой Ганы. Она раскопана французскими археологами, но лучше привести не ее современное описание по материалам раскопок, а другое, XI в., сделанное арабо-испанским историком аль-Бакри. Он пишет: «Город населен мусульманами, он очень большой, имеет 12 мечетей, в главной

мечети совершается пятничная молитва... Каждая мечеть имеет своих имамов, муэдзина и проповедников, состоящих на жаловании. В городе живут ученые, юристы и другие высокообразованные люди».

Богатые и образованные арабы жили также в столице средневекового Мали городе Ниани. В частности, один из информаторов арабского историка аль-Омари, «правдивый шейх Абу Саид Осман ад-Дуккали», прожил в этом городе 35 лет. Немало арабов и берберов обитало в Нджими, столице Канема-Борну, и в городах империи Сонгаи: Гао, Дженне, Тимбукту.

Миссионеры ислама

Каждый берберский и арабский купец был в то же время миссионером мусульманской религии. Арабы и берберы селились в негритянских городах широко и основательно. Они заводили гаремы чернокожих жен, множество слуг, в том числе приказчиков и помощников из числа своих рабов и вольноотпущенников. У тех и других росли дети, обычно все вместе, на дворе мусульманского купца. Африканцы принимали новую веру тем быстрее, чем ближе они находились к богатым и образованным северянам. Так было и на заре ислама, в первые годы проповеди Мухаммеда. Сначала учение пророка приняла его жена Хадиджа, затем его дочери, затем двоюродный брат Мухаммеда Али (будущий четвертый халиф), вольноотпущенник и приемный сын пророка Зейд, родственники аз-Зубейр и Саад и пастух, бывший раб Абдаллах ибн Масуд, а также купцы Абу Бекр, Тальха, Абдуррахман ибн Ауф, Абдаллах ибн Саад и знатный человек Осман ибн Аффан. Примерно в таком же порядке принимали ислам и африканцы, связанные родственными узами, торговыми и деловыми связями с переселенцами из арабского мира или находящимися в личной зависимости.

Переломным моментом в исламизации той или иной африканской страны был переход в новую веру местного царя, вождя, правителя. В Гане такой момент наступил в 1076 г., когда страну захватили альморавиды. Хотя и до этого в Гане распространялся ислам (в еретической хариджитской и в ортодоксальной суннитской формах), но царь оставался язычником. Он сам считался живым богом, его дворец – храмом, а могилы умерших царей – святилищем. Жил царь Ганы в священной

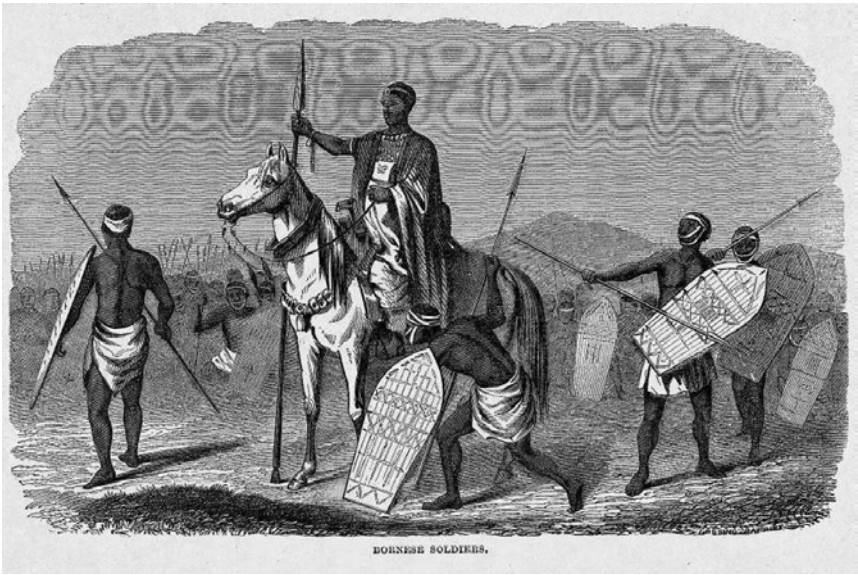
роще, окруженный жрецами. Все это характерно и для других «священных царств» Африки. После 1076 г. правитель этого крупнейшего из средневековых африканских государств принял ислам и стал насаждать его среди своих подданных.

Вассалы Ганы – цари Текрура и Силла (на левом берегу Сенегала) приняли мусульманскую веру за сорок лет до этого. Основатель альморавидского ордена-секты Абдуллах Абу Ясин вел активную пропаганду своей религии среди населения Сенегала, как берберского, так и негритянского. Историк Аль-Бакри сообщает, что первым мусульманским царем Текрура и Силла был Ваджаби, сын Рабиса, принявший ислам и обративший в него своих подданных. Умер Ваджаби в 1040 г., следовательно, исламизация долины Сенегала произошла до этой даты. Лет через 10 принял ислам еще один вассал Ганы – царь Мали Барамандана из династии Кейта.

В Канеме-Борну, на берегах озера Чад, в 1085 г. воцарилась мусульманская династия, сменившая прежнюю, языческую. Царем этого государства стал Умме Джилми. По случаю коронации он выдал жалованную грамоту мусульманскому проповеднику Мухаммеду ибн Мани, который занимался пропагандой ислама в Борну начиная с 1020 г.

Арабский автор аль-Калькашанди сообщает в своих исторических трудах сведения, полученные из более ранних сочинений, он говорит, что в Канеме еще при египетской династии Фатимидов проповедовали улемы – богословы маликитского толка, прибывшие сюда из Египта. Фатимиды царствовали в Северной Африке, от Египта до Алжира, с 969 по 1171 г. Вероятно, аль-Калькашанди имеет в виду проповедь Мухаммеда ибн Мани и его товарищей. За 65 лет, с 1020 по 1085 гг., новая вера пустила в Канеме столь глубокие корни, что ее последователи смогли захватить власть.

В государстве сонгаев ислам стал государственной религией при царе За-Косой, получившем прозвище муслимдам (ставший мусульманином). Вместе с принятием мусульманской веры он перенес свою столицу в Гао, важный центр караванных и речных торговых путей, где были особенно влиятельны арабские купцы и местные мусульмане. Начиная с 1100 г. сохранились открытые недавно надгробья правителей Гао, чисто мусульманские с арабскими надписями.

Африканские воины из империи Сонгаи

Может быть, со временем будут найдены и другие вещественные свидетельства исламизации сонгаев в XI в. Аль-Бакри, хорошо осведомленный в такого рода делах, утверждает, что цари Гао признавали своими духовными владыками кордовских халифов и получали от них государственную печать, меч и Коран при своем вступлении на престол. Эти регалии присылались в Гао специальным послом. Аль-Бакри даже говорит, что немусульманин не мог стать Сонгаиским царем.

Сохранился яркий рассказ одного средневекового малийского историка о том, как принял ислам правитель города Дженне (на границе земель мандинго и сонгаев). Конборо – так звали этого первого мусульманского князя Дженне. Обратившись в новую веру, он немедленно призвал к себе мусульманских законоведов, которые уже успели обосноваться в городе, и велел им обратиться к аллаху с просьбой: «Чтобы тот, кто пришел в этот город, изгнанный из своей страны невзгодами и нуждой, нашел здесь, благодаря Аллаху, достаток и богатство, так, чтобы он забыл свою страну! Чтобы в городе жило больше чужеземцев, чем местных уроженцев! Чтобы Аллах лишил терпения тех, кто прибывал в город для торговли своими товара-

ми, так что они, утомленные пребыванием здесь, продавали бы по низкой цене свое добро, отчего выигрывали бы жители». В этой наивной молитве, вызывающей улыбку, Конборо проявляет себя как дальновидный и человечный государь, которого можно было только пожелать любому африканскому городу. Вместе с тем видны его побуждения, которые привели к принятию ислама: интересы торговли, внешние связи, авторитет мусульманских законоведов, вообще образованных людей, надежды на дальнейшее процветание города.

Таким образом, XI век является временем начала официальной исламизации Западной Африки. До этого времени мусульман здесь было немного, в основном выходцы из арабского мира. В XI в. ислам принимают цари крупнейших государств этого района. За царями потянулась феодальная знать, связанная с ними узами вассалитета, а с арабскими купцами – деловыми отношениями. Затем исламизированные правители начали обращать в новую веру «людей земли» – массу крестьян-общинников. В последнюю очередь приняли ислам низшие касты – кузнецы, рыбаки, музыканты-поэты (так называемые гриоты). Знамя пророка становится символом государственной власти. Спустя некоторое время цари начинают требовать перехода в ислам своих полузависимых вассалов, соседей и покоряемых ими племен.

Некоторые из этих племен пускались на хитрость: утверждали, что они не язычники, а исповедуют иудейскую веру. В таком случае по мусульманской традиции нельзя было требовать их немедленного перехода в ислам, а лишь полагалось облагать чернокожих «евреев» подушным налогом – джизьей. Однако цари Ганы, Мали, Сонгаи, Канема-Борну, городов-государств хауса редко принуждали принимать ислам тех, кто не был к этому расположен. До сих пор многочисленный народ бамбара в своем большинстве придерживается старой, языческой веры, хотя на протяжении многих веков он входил во все мусульманские империи Западной Африки. Даже среди многомиллионных мусульманских народов хауса и фульбе есть общины «язычников» – чистокровных представителей этих народов. Еще больше немусульман среди остаточных племен, вкрапленных в массу хауса, фульбе, мандинго или малинке – создателей империи Мали.

Ислам не просто вера, но и образ жизни. Переход в ислам подразумевает распространение обязательного для всех мусульман шариата – смеси ритуальных предписаний, моральных норм и единой концепции права. Шариат охватывает большую часть элементов частной, общественной и в сравнительно небольшой степени духовной жизни мусульман. Поэтому принятие ислама резко меняет этнографический облик того или иного общества, мусульмане и немусульмане становятся как бы разными народами. Меньше всего меняется социально-экономическая структура, но и в нее проникают некоторые новые элементы, а также трансформируются старые. Меняется язык – в него обильным потоком вливаются арабские слова. В итоге вся страна меняет внешний облик и в какой-то степени (ее не следует преувеличивать!) внутренний облик.

Однако – и для Западной Африки это особенно характерно – исламизация означала не столько исчезновение старого, «языческого», сколько его дополнение новым, арабо-мусульманским. Наряду с верой в Аллаха сохранились и почитание предков, и вера в древние божества природы. Вопреки запрещению шариата негры-мусульмане плясали, пели, создавали прекрасные произведения скульптуры. Правда, их искусство уже не было таким цельным и оригинальным, как искусство негров-язычников, но и оно сохранило в значительной степени свой негро-африканский колорит. В то же время оно обогащалось арабской культурой во всей ее полноте и жизнестойкости.

Влияние ислама как образа жизни и арабского мира коснулось и немусульманских народов Африки. Арабские географы сообщали, что характерная одежда жителей Магриба (стран Северной Африки) распространилась на всех территориях южнее Сахары – от Ганы и Мали до Восточного Судана. Жители западных провинций Нубии, сохранявшие христианство, одевались в XI–XII вв. так же, как и их мусульманские соседи. Еще более это было типично для Западной Африки. Не только одежда: рубашка, штаны, шапочка, верхняя халат-рубаха, сандалии – также и элементы мифологии ислама и арабского языка проникали к таким закоренелым «язычникам», как бамбара или догон, веками жившими по соседству с мусульманами мандинго и Сонгаи. Впрочем, с XIX в. сами бамбара постепенно исламизируются.

Но и арабов, переселившихся в Африку южнее Сахары, коснулось влияние народов, сохранивших язычество.

Цари мусульманских государств подавали пример и тем, и другим. Так, в Канеме один из ведущих мусульманских имамов получил жалованную грамоту за «волшебство» – в Каире или Тунисе за это его подвергли бы суровому наказанию. Имама звали Мухаммед Дили, по преданию, он принес царю змеиную кожу, рисунок которой удивительно напоминал царское платье. «Все были поражены этим сходством, а имам Мухаммед заметил, что змеиная кожа обладает особым свойством. Если человек опустит ее в воду, а затем выпьет эту воду, то он сможет понимать язык животных. Правитель последовал этому указанию и услышал разговор двух черных птиц, сидевших на вершине дерева...» Далее рассказывается волшебная сказка, столь редкая в Африке южнее Сахары.

Очень характерно, что многие африканские императоры называли себя «повелителями правоверных» – халифами, религиозными главами мусульман, подобно тому как языческие цари Африки считались живыми богами. Это не мешало некоторым царям быть весьма далекими от мусульманского правоверия. Например, король сонгаев – сонни (не путать с императором-аскией сонгаев) – знаменитый Али (1464–1492 гг.) был сыном язычницы из области Фар и в детстве проводил много времени в обществе жрецов и колдунов. Но, вступив на престол, он стал следовать предписаниям ислама: произнес символ веры, постился в рамадан, раздавал милостыню, посещал мечети и возносил молитвы Аллаху. Вместе с тем великий сонни почитал священные деревья и камни, в которых жили духи, приносил им традиционные жертвы.

Доисламские культы продолжали сохраняться у сонгаев и после официального обращения в ислам. Не менее знаменитый, чем сонни Али, аския Мухаммед (1493–1528 гг.) обратился к мусульманскому богослову ал-Маргали с вопросом: что делать с сонгаями, которые, как правило, «произносят слова: «Нет бога, кроме Аллаха», но в то же время... почитают деревья и совершают в их честь жертвоприношения»? Шейх аль-Маргали с логикой фанатика дал исчерпывающий ответ: «Что касается людей, которых ты описываешь, то они, несомненно, являются неверными. Они даже хуже тех неверных, которые не

произносят формулы «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его». Поэтому джихад (священная война вплоть до полного истребления. – *Авт.*) будет наилучшим средством борьбы с ними». И аль-Маргали написал специальную книгу под названием «Светильник братьев», полную обличений и призывов к борьбе за чистоту ислама.

В империи Мали ислам распространялся в течение всего периода ее существования, но так и не охватил всей массы населения. Даже основателя империи Сундиату народные предания не называют мусульманином, хотя он по крайней мере формально, был им подобно своим предшественникам королям небольшого еще царства Мали.

Итак, в VIII–X вв. к югу от Сахары стали селиться первые мусульмане – торговцы из Северной Африки. По происхождению они были в большинстве берберами, отчасти арабами, персами, хоросанцами (как некоторые жители Завилы, о которых будет сказано ниже, и Рустемиды, правители Тахерта). Ислам, который они исповедовали, был «еретическим», хариджитским, главным образом ислам секты ибадитов; но были среди караванщиков и сунниты. В XI в. начинает широко распространяться ортодоксальный суннитский ислам. То, что альморавиды называли сектой, неточно; они составляли духовный орден суннитского ислама. Такие духовные ордена обычно возникали на востоке арабского мира, затем проникали в Магриб, а еще позднее – в Африку южнее Сахары.

Среди мусульман-суннитов образование стояло выше, чем у североафриканских ибадитов. Поэтому приобщение к суннизму принесло в страны Западной Африки такой социальный элемент, в котором они уже испытывали острую потребность, – мусульмански образованных людей: богословов, юристов, писателей, которые чаще всего в одном лице совмещали все эти качества.

Помните рассказ аль-Бакри об арабской слободе в Кумби? Уже тогда в столице крупнейшего из западноафриканских государств находилось множество мусульманских ученых-законоведов. Со временем ученых стали готовить из местного населения. В маленьких начальных школах при мечетях негритята учили арабский язык и Коран, позже переходили в ведение ученых наставников, под руководством которых

совершенствовались в арабском языке, шариате, изучали правоведение и богословие. Цари также овладевали книжной премудростью. Уже упомянутый имам Абдуллах Дили прошту-дировал 150 арабских книг со своим учеником – наследником престола Канема. У многих царей вроде аскии Дауда, императора сонгаев, как и у местных грамотеев, появились богатые библиотеки в сотни рукописных томов.

Не удивительно, что африканские цари Канема давали награды за выдающиеся успехи в изучении арабского языка и мусульманского права. Сохранилось множество жалованных грамот за эти заслуги, изданных английским африканистом Х. Палмером. Следующим этапом мусульманского просвещения Западной Африки было обучение студентов за границей в прославленных высших училищах Каира, Кайруана, Мекки. Историки города Тимбукту упоминают множество молодых малинке и сонгаев, отправлявшихся для учебы в Каир и Хиджаз. Особенно много студентов-негров поступали в каирский университет аль-Азгар. Здесь учились фульбе, малинке, сонгаи, хауса, а также канури и канембу – уроженцы Канема.

Женщины племени фульбе

Специально для них в 1242–1243 гг. в Каире была основана школа (медресе), где преподавали законоведы маликитского толка.

Но, как это обычно водится, далеко не все африканские студенты возвращались на родину: многие из них оставались в той стране, где они обучались. Да и поездки за границу стоили слишком дорого. Поэтому при той потребности в образованных людях, которая существовала в империях Мали и Сонгаи, стоило открыть здесь собственный университет.

Обезглавленный университет Санкоре

В XIV в. в Тимбукту при мечети Санкоре появился первый в Тропической Африке мусульманский университет. Он был точной копией каирского аль-Азгара, с которым поддерживал теснейшие связи. Местные историки считали Санкоре вторым аль-Азгаром, ничуть не хуже первого. Сюда приезжали для преподавания законоведы, богословы, филологи и другие ученые из стран арабского мира, особенно североафриканских, но также из мавританской Испании, Аравии, Сирии; студенты же прибывали со всей Западной Африки. Кроме иноземцев в университете преподавали и местные ученые, частью окончившие арабские университеты, частью доморощенные – выпускники Санкоре. Все преподавание велось на арабском языке,

Хроники Тимбукту упоминают имена виднейших аборигенов-профессоров Санкоре: например. Абдуррахмана ибн-Абу Бакра, Ахмада ибн-Омара, автора многих трудов по мусульманскому праву. Все они придерживались ислама маликитского толка, тогда как в аль-Азгаре было большое разнообразие течений ислама.

При мечети Санкоре имелась богатая библиотека, заново открытая в последние годы; правда, многие из наиболее древних книг в ней погибли. Кроме того, личные библиотеки собирали профессора и студенты университета или же имамы городских мечетей, бывшие выпускники Санкоре.

Древний Тимбукту

В этот университет принимали далеко не каждого. Абитуриент должен был представить свидетельство об окончании начальной школы при мечети и пройти экзамен, проявив знание Корана. После этого он поступал в «кружок» – семинар того или иного профессора. Окончив один семинар, студент выбирал себе следующий. Срока обучения, установленного сколько-нибудь твердо, в Санкоре не было, как и в арабских и европейских университетах того времени. Некоторые студенты тратили больше трех лет лишь на изучение, т. е. прочтение и комментирование, одного единственного трактата «Аль-Муватта» – основного памятника маликитского правоведения – и на этом заканчивали свое систематическое образование.

По окончании университета выдавался диплом, который давал право занять должность имама в мечети, кадия в мусульманском суде, преподавателя арабского языка или просто письмоводителя в царской канцелярии. Наиболее способные выпускники Санкоре становились профессорами в дочерних высших школах, появившихся в городах Дженне и Кано.

Дженне считался вторым после Тимбукту центром мусульманского образования в Мали и Сонгае. Здесь при главной городской мечети преподавали местные и магрибские, арабо-берберские ученые. Кано, столица народа хауса, также получил

свою богословско-юридическую школу в XV в. Сюда приглашали профессоров из Тимбукту, выпускников Санкоре и Дженне; порой заезжал какой-либо ученый араб из Магриба или даже из самого Каира. Второй город, где жили в большом числе хауса, Кацина, не мог похвастать такой школой, но вокруг местного князя, человека весьма образованного, собирались порой хаусанские и Сонгаиские интеллигенты.

В XV в. князь Кацины вел переписку с известным египетским богословом и правоведом Джалалуддин ас-Суюти, с которым познакомился во время его путешествия по Западной Африке. Египетский ученый был приятно поражен тем, что в негритянских городах усердно изучали и хорошо знали его труды. Некоторое время ас-Суюти даже пожил в хаусанских городах, столь гостеприимных для людей науки.

Серьезные испытания выпали на долю университета в 1469 г. В то время город Тимбукту, находившийся во власти туарегов, был захвачен создателем Сонгаиской империи сонни Али. Богословы Санкоре предали анафеме город Гао, столицу сонни, где свили гнездо еретики-хариджиты и язычники-колдуны, а заодно и их покровителя сонни Али, которого называли великим колдуном.

Поэтому при приближении Сонгаиской армии к Тимбукту виднейшие богословы бежали из города – султан туарегов заблаговременно пригнал им из пустыни верблюдов. Менее видные из ученых остались, но если они рассчитывали на великодушие Сонгаиского царя, то жестоко просчитались: многие из них были казнены. Затем произошло примирение: университет отказался от своей оппозиции сонни Али, а правитель Сонгаиской державы сменил гнев на милость. Теперь он «оказывал благодеяния ученым и почитал их», а когда его воины захватили в плен стройных светлокожих женщин фульбе, он послал полонянок в подарок благочестивым профессорам. Любимой поговоркой Сонни Али теперь стало выражение: «Если бы не ученые, жизнь не была бы ни сладка, ни приятна». Не удивительно, что многие из профессоров Санкоре, бежавшие от сонни в Сахару, вернулись в Тимбукту и снова занялись юридической практикой, преподаванием и наукой.

Что касается высшей школы в Дженне, то она нисколько не пострадала от подчинения города сонни Али, хотя горожане

оказали завоевателю решительное сопротивление и сдались добровольно на его милость только после длительной осады.

В период владычества сонгаев (более 100 лет, с последней четверти XV до конца XVI в.) мусульманские университеты Западной Африки достигли своего наивысшего расцвета.

Катастрофа пришла неожиданно. Как рассказывалось выше, в 1591 г. империя Сонгаи пала под ударами марокканских войск. Их предводитель Джудар-паша решил порадовать своего монарха халифа Мухаммеда. Зная склонность халифа к науке и технике. Джудар-паша приказал схватить и отправить в Марракеш всех наиболее знаменитых ученых Тимбукту. Несчастные профессора Санкоре были высланы «по этапу» на север – пешком через пустыню. Они, как и следовало ожидать, не выдержали тягот пути и почти все погибли в песках Сахары.

Так средневековый африканский университет оказался обезглавленным. Западная Африка лишилась своей главной научной базы. Поскольку ни в Дженне (также пострадавшем в годы марокканской оккупации), ни в хаусанские города больше не прибывали выпускники Санкоре, уровень местного образования безнадежно упал...

Тайны догонов, или Неизвестный Сириус

Затерянный мир плато Бандиагара

Почти две тысячи лет назад римский философ Луций Анней Сенека писал о Сириусе: «Краснота Собачьей звезды глубже, Марса – мягче, ее нет совсем у Юпитера...» Сегодня упоминание о красном цвете Сириуса может показаться по меньшей мере странным: не надо быть специалистом-астрономом, чтобы найти на ночном небе эту яркую бело-голубоватую звезду. Судя по сочинениям персидского астронома Аль-Суфи, такой она была и в X в. нашей эры.

Но еще во II веке выдающийся астроном древности Птолемей в своем труде «Альмагест» включил Сириус в список красных звезд.

Загадка эта более ста лет привлекает внимание ученых. Одни специалисты видят причину расхождения между Птолемеем и Аль-Суфи в ошибках переписчиков древних текстов, полагая, что Сириус на памяти человечества оставался всегда неизменным. Другие ученые склоняются к тому, чтобы поверить Птолемею и Сенеке и признать возможность больших перемен, происшедших с Сириусом за ничтожно малый по космическим масштабам срок – порядка 700–800 лет. Советский астроном Д. Мартынов, рассмотрев возможные механизмы таких изменений, пришел к выводу, что Сириус В, спутник самой яркой звезды нашего неба, в одно из первых столетий нашей эры взорвался как Сверхновая. Точнее, как «полусверхновая»: «настоящая» Сверхновая, взорвавшись так близко от нас, стала бы одним из грандиознейших небесных явлений в истории человечества (в лучшем случае, но не забудем и о мощной радиации, возникающей при таких взрывах). До момента взрыва Сириус В был красным гигантом, что и объясняет цвет всей системы Сириуса. После взрыва он превратился в белого карлика – исключительно плотную звезду размером с Землю.

Похожее предположение выдвинул недавно и английский астроном У. Х. Мак-Кри. Он обратил внимание на то, что в мифах африканского народа догонов встречаются утверждения о двойственности Сириуса. Поскольку Сириус В невооруженным глазом сейчас увидеть невозможно, остается предположить,

что еще относительно недавно соотношение масс двух этих звезд было существенно иным, и спутник Сириуса был заметен без телескопа. Гипотезе Мак-Кри противоречит, однако, отсутствие необходимых свидетельств в трудах древних астрономов. Но само обращение к мифологии догонов в поисках разгадки тайны «красного Сириуса» оказалось отнюдь не бесполезным. Дело в том, что именно у них сохранились сведения о взрыве Сириуса В. И не только о взрыве.

Догоны – небольшой, численностью примерно в 300 тысяч человек земледельческий народ, живущий в основном на плато Бандиагара (Республика Мали), куда они пришли между X и XIII вв., принеся с собой свой главный алтарь – Леба, свои странные обычаи и верования, свое самобытное искусство. «Укрывшись в горных селениях, – пишет этнограф Б. Шаревская, – догоны сохраняли до самого последнего времени многие архаические обычаи и верования. Это характеризует и их мифологию».

Начиная с 1931 г., группа французских этнографов во главе с Марселем Гриолем и Жерменой Дитерлен изучала быт и мировоззрение догонов. Результатом этой огромной работы явилась книга «Бледный Лис» (названная так по имени одного из самых популярных персонажей догонского фольклора), первый том которой вышел в свет в 1965 г., уже после смерти профессора Гриоля, а второй – спустя двадцать с лишним лет.

В «Бледном Лисе» французские ученые дословно изложили и прокомментировали мифы догонов о сотворении Вселенной и истории человеческого рода.

Это были не просто мифы, а мифы эзотерические, известные до недавнего времени лишь немногим.

Мифология Африки вообще и мифология народов Западного Судана в особенности – многослойна и полифонична. Отнюдь не все ее стороны открыты любому «человеку со стороны».

Марсель Гриоль, открыватель догонов

У догонов, к примеру, мифы могут рассказывать только члены Ава – общества масок – олубару, прошедшие специальную подготовку и знающие особый «язык Сиги» – сиги со.

Французские этнологи длительное время жили бок о бок с догонами, находясь с последними в самых дружеских отношениях. Доброе внимание, проявленное профессором Гриолем и его коллегами к духовной культуре догонов, нашло среди них свой отклик. Решением совета патриархов этого народа Марсель Гриоль был допущен к посвящению в тайное знание.

Обратимся, впрочем, к наиболее интересному для нас аспекту мифологической системы догонов – их астрономическим представлениям.

Странно, но факт – единственная известная в настоящее время информация о взрыве Сириуса В исходит именно от догонов. Члены тайного общества олубару сообщили французским исследователям, что вскоре после появления людей на Земле спутник Сириуса – звезда По – внезапно вспыхнул, а затем начал постепенно тускнеть и через 240 лет стал совершенно невидим.

Можно предположить: именно догонам удалось зарегистрировать взрыв Сириуса В, не замеченный астрономами других стран. Но здесь мы оказываемся в ситуации, где – по известному выражению – «загадка объясняется тайной». В самом деле, догоны не только отметили сам факт изменения яркости Сириуса, но и прекрасно разобрались, что взорвался не он, а его спутник, известный нам как Сириус В, а догонам – как По толо, звезда По.

Еще в 1950 г. М. Гриоль и Ж. Дитерлен в «Журнале общества африканистов» обратили внимание на необычные представления догонов о Сириусе: эта звезда считалась тройной, главный компонент именовался Сиги толо, а спутник его – По толо и Эмме йа толо. Здесь следует заметить, что догоны делят все небесные тела на планеты, звезды и спутники. Звезды именуются толо, планеты – толо таназе («звезды, которые движутся»). Первые входят в «семью звезд, которые не обращаются (вокруг другой звезды)» – того дигилеле тогу; вторые – в «семью звезд, которые обращаются» – толо гону тогу. Спутники называются толо гонозе – «звезды, которые описывают круги». Точность и четкость этих представлений поразительна: не за-

будем, что речь идет о народе, чьи обычаи и мифология носят на себе печать глубокой древности. Но еще более загадочен тот факт, что характеристика звезды По ни в чем существенно не отличаются от характеристики Сириуса В, определенной уже в наше время с помощью весьма совершенных приборов.

Прежде всего звезда По – белая, как зерно по (фонно, разновидность проса). В святилищах догонов эта звезда символизируется очень белым камнем. Период обращения По толо вокруг Сиги толо составляет 50 лет (современные данные: 49,9 года). Эта звезда имеет небольшие размеры при огромном весе и плотности: «Она – самая маленькая и самая тяжелая из всех звезд». Согласно воззрениям догонов, все вещи в мире состоят из четырех основных элементов – земли, воды, воздуха и огня. В По толо элемент «земля заменен металлом» во всех его видах и особенно в виде «сагала», который «более блестящий, чем железо, и такой тяжелый, что все земные существа, объединившись, не смогли бы поднять и частицы».

Но если тождество По толо и Сириуса В вряд ли можно подвергать сомнению, то с Эмме йа толо положение не столь просто. Современной астрономии второй спутник Сириуса неизвестен, хотя в течение последних десятилетий астрономы разных стран неоднократно высказывали предположение о существовании в этой системе еще одной звезды. Небезынтересно и представление догонов о том, что Эмме йа толо вращается вокруг Сиги толо по более длинной траектории, чем звезда По, а период ее обращения составляет те же 50 лет. Звезда Эмме йа несколько больше, чем По толо, и в 4 раза легче. Она еще называется «маленьким солнцем женщин» – Йау наи даги.

Указанный период обращения представляется сомнительным: более длинная траектория предполагает, вообще говоря, и больший период. Но интересна уже сама возможность всерьез спорить с цифрами мифологических представлений, не сомневаясь в принципиальной возможности описанного в них.

Но где же источник изложенных знаний догонских «посвященных»? Ясно, что речь может идти только о заимствованиях, ибо уровень технического развития догонов просто не позволил бы им узнать что-либо подобное без «помощи со стороны». Но, и приписав астрономические знания догонов древним

египтянам (как это сделал Мак-Кри, одновременно объявив звезду По миражом, возникшем при восходе Сириуса) или, к примеру, арабам, мы лишь отодвинем загадку в глубь веков, не решая ее.

Или считать источником заимствований современную европейскую цивилизацию?

Но и это предположение слишком невероятно. Прежде всего По толо играет в мифологии догонов центральную роль, является символом всего творения. Но Сириус В был открыт в 1862 г., а его необычно высокая плотность определена лишь перед началом Первой мировой войны. Может ли целый народ основать свою мифологию только на недавних заимствованиях? Учтем, что знания о космосе совершенно естественно входят в систему этой мифологии, которая вовсе не является систематическим курсом изложения взглядов на строение Вселенной. Это именно мифология, причем весьма архаичная.

Гипотеза о палеоконтакте объясняет мифологию догонов просто и логично. Впервые в данном контексте ее затронул известный английский исследователь писатель У. Дрейк в своей книге «Пришельцы на Древнем Востоке» в 1967 г. Он, однако, основывался лишь на знаниях догонов о Сириусе.

Великая тайна пещеры

Иначе подошел к этому вопросу французский исследователь Эрик Гэррье, выпустивший книгу, целиком посвященную проблеме догонов, которая называется «Эссе на тему догонской космологии: «Ковчег Номмо» и является подробным «палеоконтактным комментарием» к «Бледному Лису».

И все-таки, несмотря на отдельные привлекательные моменты, приходится сделать вывод, что «контактные» мотивы в мифологии догонов весьма неопределенны. Сам сюжет о появлении предков с неба для Африки не нов и не так уж необычен. Не имей догоны столь точных знаний о Вселенной, он вряд ли бы привлек особое внимание в плане проблемы палеоконтакта. Но когда сообщается о звезде, невидимой без телескопа, точно описываются ее характеристики и говорится, что некто Йуругу прибыл с этой звезды, – невольно призадумываешься.

Решающим доводом в пользу «контактной» гипотезы о происхождении астрономических знаний догонов было бы от-

крытие в их фольклоре описания какого-либо космического объекта или явления перед тем, как оно было бы зарегистрировано земными астрономическими приборами. В какой-то мере этому критерию удовлетворяет Эмме йа толо. А у этой звезды, по мнению догонов, есть еще два спутника – Ара толо и Йу толо. Две планеты тройной звездной системы Сириуса.

Авторы материалов о догонах справедливо напоминают, что к оценке содержания мифов надо относиться очень осторожно и критично. В очертаниях облаков проще простого увидеть фигуры людей, животных. Мифы в этом смысле очень напоминают облака, при сильном желании их можно толковать самым причудливым образом. Так что ограничимся перечисленным. Его вполне достаточно, чтобы поставить вопрос: «В какой мастерской был изготовлен догонский телескоп?»

Напомним, что для уверенного наблюдения астрономических явлений (тем более тонких) нужна оптика, обработанная с точностью до миллионных долей сантиметра. Никакое общество со слаборазвитой техникой ничего подобного сделать не может. Догоны изготовить телескоп не могли, а в природе их нет. Но верно ли, что природа даже в принципе не могла создать некое подобие телескопа?

Как известно, увеличенное изображение можно получить с помощью одного лишь объектива. Чтобы таким образом рассмотреть детали звездного неба, нужен объектив с большим фокусным расстоянием и экран (последний, строго говоря, необязателен). Но объектив для астрономических наблюдений природа не может выточить ни из горного хрусталя, ни из других прозрачных минералов. Казалось бы, снова тупик. Хотя нет, мы забыли давно известный нелинзовый объектив.

Теперь представим себе такую картину.

...Тропическая ночь. Несколько темных фигур бесшумно движутся под мерцающими звездами. Это посвященные в Великую Тайну пещеры. Впереди, освещая путь факелом, шествует верховный жрец. Вот и вход в пещеру, тщательно замаскированный обломками камней. Факел гаснет – он не должен затмить блеск таинственной звезды Сиги-толо.

В потолке пещеры зияет дыра, снаружи она недоступна. Над головами почти рядом нависает плоская плита из светлого базальта. А внизу, в центре зала – главное чудо. Это круглое озеро, в котором все время вращается вода. Только верховному

жрецу положено знать, что озеро раскручивается стремительным потоком, который пробивается между скал на многометровой глубине. Долгое ожидание, и вот на глади плиты появляется пляшущее и дрожащее яркое пятнышко. Это Сиги-толо – Сириус. Много раз наблюдали пришедшие появление Сиги-толо на базальтовой плите, и каждый раз, движимые суеверным ужасом и неписаными законами, изображали ее очертания на соседней стене. Сегодня Сиги-толо одна, без По толо – спутника, которого, может быть, и не увидит самый старший из посвященных, – картина повторяется только через 50 лет. Жрецы пробудут в пещере несколько ночей без пищи и сна, выполняя священный ритуал, предписанный предками.

Догоны, обладающие тайными сведениями о Сириусе

Наиболее вероятным зеркалом догонского телескопа может быть обыкновенная вода, вращающаяся с постоянной скоростью в замкнутом водоеме. Роль первооткрывателя в создании жидкостного собирающего зеркала принадлежит знаменитому американскому физику-экспериментатору первой половины XX в. Роберту Вуду. В 1908 г. он раскрутил при помощи электромотора сосуд с ртутью, свободная поверхность которой приняла точную форму параболоида вращения. Поскольку параболоид – это как раз та форма поверхности, которая необходима для зеркального телескопа, а ртуть – хороший

отражатель, Вуд получил инструмент ничуть не хуже тех, что имелись тогда в астрономических обсерваториях.

Правда, нужно было избавить «гидрооптику» от дрожаний и наклонов, но это уже тонкости. Важно, что подобное явление возможно в природе. Достаточно лишь вращать воду с небольшой скоростью, и гидрооптический телескоп готов. Поскольку в нашем случае нужен длинный фокус, скорость вращения должна быть совсем небольшой: один-два оборота в минуту. Свет от находящихся вблизи зенита светил будет фокусироваться таким зеркалом на потолок пещеры (если, конечно, высота пещеры близка к фокусному расстоянию параболоида!), и их вполне можно наблюдать. Если, положим, диаметр озера будет равен тридцати метрам, то звезды будут выглядеть такими же яркими, как в крупнейшем советском телескопе с диаметром зеркала шесть метров! Истины ради отметим еще два условия: атмосфера должна быть очень спокойной и на воде не должно быть ряби. Эти условия вполне реальны.

Правда, идеально круглый, создающий безукоризненное зеркало водоем маловероятен, но если диаметр отверстия в потолке меньше поперечника озера, то небольшие «дефекты» его берегов не повлияют на качество изображения.

Как известно, старики догоны утверждали, что «все космические объекты из группы Сириуса они наблюдают из пещеры». Именно для Сириуса возможны наблюдения по описанной схеме, так как эта звезда на широтах обитания догонов находится недалеко от зенита.

Возможность существования пещерного озера с такими свойствами спелеологи и гидрологи вряд ли станут отрицать. Хотя вероятность совпадения всех требуемых условий не очень велика.

Комментарий африканиста: пришельцы с Сириуса

Основываясь на легендах и удивительных знаниях догонов, известный астроном Роберт Темпл полагает, что в незапамятные времена на Землю прибыли жители Сириуса или одной из планет, входящих в эту звездную систему. Можно предположить, что, встретив на «голубой планете» разумных существ,

посланцы далекой звезды передали аборигенам Земли некоторые свои познания, а потом отбыли в свой мир. По мнению Темпла, посвятившего догонам целую книгу, именно пришельцы с Сириуса были основателями древнеегипетской цивилизации и первыми фараонами этого государства. По другой версии, на нашей планете многие тысячелетия назад существовали «свои», земные высокоразвитые цивилизации, погибшие вследствие глобальных катастроф. Часть ученых считает, что догоны являются наследниками великого народа, обладавшего некогда огромными знаниями. Возможно, немногие уцелевшие в результате катастроф представители высокоразвитой цивилизации ассимилировались с другими народами, находящимися на низкой ступени развития, и, передав им некоторые знания, деградировали в сложившихся исторических условиях.

Среди ученых нет единого мнения относительно сведений, полученных от догонов. Одни полагают, что все изложенное учеными настолько невероятно, что просто не может быть правдой. Критики обвиняли Гриоля и Дитерлен в мистификации. Другие заявляли, впрочем, без всяких на то оснований, что и Сириус-В (Дигитарию), и Юпитер, и кольца Сатурна якобы можно увидеть невооруженным глазом, хотя известно, что кольца Сатурна, например, были открыты только в XVII веке итальянским астрономом Кассини при помощи телескопа. Астроном Роберт Темпл в ответ на многочисленные нападки оппонентов заявил, что ему понятно критическое отношение его коллег к данному вопросу. Ведь знания догонов «не просто меняют традиционную картину мира, а потрясают основы современной науки. Чтобы признать существование подобных познаний у племени, живущего первобытно-общинным строем, надо обладать известным мужеством», – говорит Темпл в одной из своих статей.

Споры о знаниях небольшого африканского племени ведутся до сих пор. Науке еще предстоит дать ответ на вопрос, кто и когда поведал догонам о звездах «системы Сириус».

(По материалам В. Рубцова, Ю. Морозова, Л. Гиндилиса, В. Васильева)

Легендарное золото Африки

Эльдорадо Нубийской пустыни

«Ефиопия[6] полуденная пространна и многолюдна... Люди в ней вельми черны от солнечного жара, богато зело златом, камением драгим...»

Русская «География» начала XVIII в.

Испокон веков ходили по миру мифы о фантастических сокровищах черного континента. Веру в сказочные богатства подогревали сообщения купцов, путешественников, историков древности.

Золото искали и находили. Владельцам рудников и золотоносных участков в новое время не было дела до истории разработок металла и его выделки, до древностей местной золотой металлургии. И когда пришли сюда ученые, слишком многое оказалось безвозвратно потерянным для науки. Многое, но не все. Постепенно, по крупицам исследователи собрали материал по истории африканского золота, на основе чего стала вырисовываться достаточно любопытная картина.

…Человечество приобрело начатки примитивной металлургии после знакомства с золотом. Это общее правило справедливо и для Африки. Черный континент с незапамятных времен занимался разработкой золота и за свои несметные россыпи по праву считался главной сокровищницей древнего мира. Вплоть до открытия Нового Света Африка служила основным поставщиком этого металла на международном рынке стран Средиземноморья.

Где же оно добывалось? В Африке южнее Сахары известно несколько десятков богатейших месторождений золота: в Нубийской пустыне, в междуречье Голубого Нила и Собата, Замбези и Лимпопо, в Южной и Западной Африке.

Когда их начали впервые разрабатывать? Это, пожалуй, самый трудный вопрос во всей истории африканской металлургии.

---

[6] Под «Ефиопией» в данном случае понимается вся Африка южнее Сахары.

Еще в IV тыс. до н. э., в эпоху культуры Бадари, египтяне уже научились ковать, а некоторое время спустя и плавить золото. В III тыс. до н. э. они научились изготовлять сплавы золота, этого нержавеющего, но мягкого металла, с серебром и медью. Сырье они получали из россыпей Нубийской пустыни, с юго-востока. Здесь находились богатейшие в древнем мире месторождения драгоценного металла. Эти месторождения занимали огромную площадь в пределах современного Египта (восточнее города Коптос), почти всего Красноморского округа Судана и даже части долины Нила (в Северной Нубии).

Археологи и антропологи установили, что первыми рудокопами Нубийской пустыни были люди небольшого роста, негроидной расы, непохожие на египтян.

Ваза эпохи Бадари

В середине II тысячелетия до н. э. египетские фараоны покорили Северную Нубию. Здесь находились золотоносные земли Уауат и уже известный нам Куш. У селения Кубан, лежащего на берегу Нила, начиналась дорога в глубь пустыни, к богатейшей стране золота Акита. Много раз сюда направлялись караваны египетских рудокопов. И каждый раз сотни людей гибли в пути, не достигнув цели. У селения Кубан рудокопы наполняли речной водой бурдюки. Дальше, в раскаленной каменистой пустыне, не было ни колодца, ни ручья, ни лужи дождевой воды, пока наконец в 1282 г. до н. э. великий фараон Рамзес II не выполнил задачу, казавшуюся безнадежной его предшественникам: по дороге в Акиту был вырыт артезианский источник и устроены цистерны, после чего удалось наладить регулярное сообщение с золотоносной страной.

(В 1960 г. советская археологическая экспедиция открыла местонахождение этого колодца. Его остатки были уничтожены в XIX в. английскими солдатами, посланными на подавление восстания махдистов. Советские археологи нашли на месте колодца обломки стелы Рамзеса II с надписью. На Всесоюзной конференции по истории, культуре и филологии Древнего Востока в феврале 1966 г. выступил руководитель экспедиции В. Б. Пиотровский. Он рассказал об открытии стелы и показал ее зарисовку в реставрированном виде. На стеле хорошо сохранилась надпись: «Рамзес Мери-Амен, Сильный в Жизни».)

К этому времени в Нубийской пустыне уже существовали рудничные поселки египтян. План одного из них изображен на так называемом Туринском папирусе, изготовленном около 1400 г. до н. э. Здесь видны улицы и различные строения поселка, разработки золота, горы. На рудниках работали осужденные преступники и военнопленные; да и кто иной согласился бы на этот каторжный труд!

Уже к середине II тысячелетия империя фараонов стала самой богатой золотом страной древнего мира. Еще не был вырыт колодец на пути в Акиту, а фараон Тутмес I (1555–1501 гг. до н. э.) уже получал со своих золотых рудников до 40 т золота ежегодно! В гробнице Тутанхамона в Новое время нашли десятки тонн золота, хотя она еще в древности подверглась частичному разграблению. А сколько драгоценного металла хранили пирамиды других, более могущественных фараонов,

царствовавших дольше и в более спокойное время, чем Тутанхамон? Недаром в те времена в Египте серебро ценилось дороже золота, недаром правители азиатских царств слали письма с постоянно повторяющейся просьбой: «Дай нам золота, больше золота!» На золото египтяне покупали медь на Кипре, серебро и железо в Хеттской державе, строевой лес у финикийцев, золотом же они оплачивали мир на границах своей империи.

Старые месторождения пустыни истощались, открывались новые. На смену египетским фараонам, в чью казну текли золотые богатства пустыни, пришли фараоны Напаты, затем цари Мероэ, потом племенные вожди беджа. Владение рудниками переходило из рук в руки: к грекам, римлянам, арабам, царям Аксума...

В середине IX в. рудники Нубийской пустыни стали подлинным «Эльдорадо» для стран Ближнего Востока. Сюда стекались все зараженные «золотой лихорадкой»: арабы и персы, уроженцы Африки и Азии. Средневековые арабские авторы оставили красочные описания рудников.

В IX в. географ аль-Якуби писал: «Вади-аль-Аллаки подобна большому городу. В ней смешанное население из арабов и неарабов, золотоискателей, есть рынки и торговля. Большинство составляют выходцы из племен Аравийского полуострова, приехавшие сюда с семьями и детьми. Вади-аль-Аллаки и все ее окрестности сплошь рудники золотых самородков».

Позднее золотые рудники Нубийской пустыни продолжали интенсивно разрабатываться, но давали все меньше и меньше металла. Впрочем, даже сегодня здесь добывается еще некоторое количество золота. Со времен Средневековья остались также разработки серебряной руды (в Нубийской пустыне находилось единственное в Африке южнее Сахары древнее месторождение серебра). Южным продолжением месторождений Нубийской пустыни служат заброшенные золотые копи Эритреи. Здесь были найдены следы древних разработок и каменная форма для плавки металла.

Очевидно, именно отсюда, из рудников и приисков Нубийской пустыни и Эритреи, происходила большая часть того золота, которое попадало в руки царей Древнего Египта, Нубии и Эфиопии. А было его действительно много.

Пирамиды Нубии

Поразительные вещи рассказывали древние греки о том, насколько богато Мероэ драгоценным металлом. Золото, говорит Геродот, ценится здесь дешевле меди; даже цепи, в которые заковывают пленников, делаются из золота.

Не правда ли, эта последняя подробность кажется совсем сказочной? Однако и в Эфиопии XVII–XVIII вв. знатных узников содержали в золотых или серебряных цепях (и лишь в XIX и в начале XX в. стали содержать в серебряных). Такие оковы обычно соединяли заключенного с другим человеком, который служил узнику одновременно и слугой, и стражем. Чаще всего им был раб. Впервые этот обычай, после Геродота, упоминает одна из надписей аксумского царя Эзаны (IV в.).

Сокровищница фараонов и Соломона

Уже в III тысячелетии до н. э. египтяне получали также золото из другой африканской страны – далекого и сказочно богатого Пунта. Судя по древнеегипетским надписям, так могло называться побережье Эфиопии, Сомали, Южной Аравии, а может быть, также и лежащее к югу побережье Восточной Африки.

Из Пунта везли благовония, слоновую кость и минералы, ценные породы дерева, живых диких зверей и их шкуры, прочие экзотические товары. Первое сообщение о плавании египтян в Пунт относится к периоду около 2900 г. до н. э. До этого товары Пунта попадали в Египет через руки торговых посредников. С этих пор, при фараонах IV, V и VI династий, египетские экспедиции в Пунт становятся если и не регулярными, то вполне обычными. Примерно к 2600 г. относится первое упоминание золота, привезенного из Пунта. В то время фараон V династии Снофру отправил в Пунт флотилию, которая благополучно вернулась в Египет и доставила фараону наряду с прочими богатствами 6 тыс. весовых единиц электрума, который служил облицовкой для фараонских стел. Электрум – это сплав золота с серебром; возможно, однако, что для Снофру был доставлен сплав золота с платиной, серебром и другими металлами.

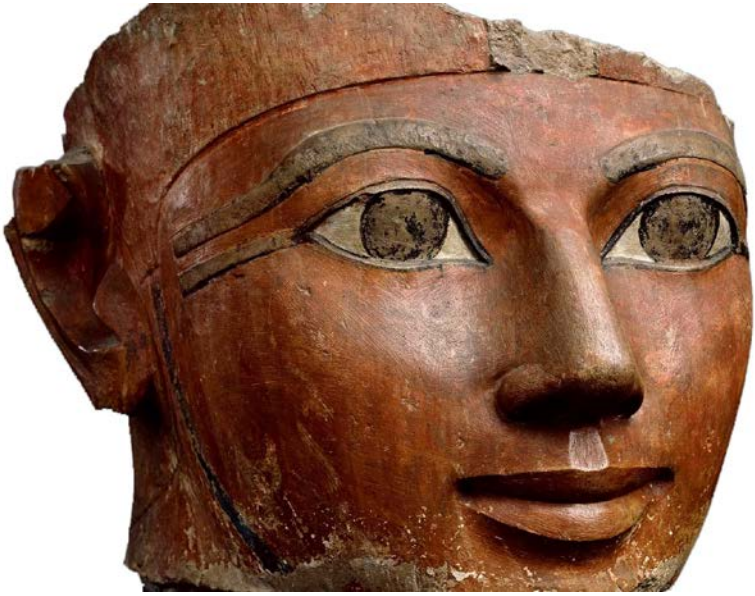
Жители легендарного Пунта

Пиопи II, который царствовал целый век (вступив на престол младенцем в 2500 г., он умер столетие спустя!), получал из Пунта чистое золото. При нем плаванья в эту отдаленную страну стали вовсе заурядным, хотя и по-прежнему трудным делом. Одна из надписей того времени упоминает двух мореплавателей, которые одиннадцать раз совершали путешествия в Пунт!

При фараонах VII–X династий экспедиции в Пунт прекратились, но затем снова возобновились при фараоне XI династии Ментухотепе VII, потом прекратились и снова возобновились при фараоне XII династии Аменемхете II (1934–1896 гг. до н. э.). Аменемхет II и его сын Сенусерт II посылали флотилии в эту страну. В те годы в Египте родилась волшебная сказка о мореходе, потерпевшем кораблекрушение у берегов страны Пунт. Волны выбросили его на остров, где обитал огромный золотой змей – царь Пунта. Сказка рисует его повелителем загробного мира и в то же время хранителем кладов обильной золотом земли. Автор сказки замечает, что путь в страну Пунт лежал мимо золотых рудников фараона, расположенных, как мы знаем, в Нубийской пустыне, у берегов Красного моря.

Затем наступил новый длительный перерыв в сношениях с Пунтом, пока в 1516 г. до н. э. «женщина-фараон» Хатшепсут не направила сюда экспедицию из пяти 30-весельных судов. Флотилия вернулась в Египет, тяжело нагруженная африканскими товарами, в том числе золотыми слитками в форме массивных колец и «необработанным золотом Аму». Так называли сорт золотого песка, добывавшийся в районе Вади-Себу, на границе Египта и Судана.

При Тутмосе III, преемнике Хатшепсут (он приходился ей племянником), в Пунт была направлена новая грандиозная экспедиция. Фараон получил на этот раз «дань» Пунта, среди которой упоминается золото и золотое копье. Это первое упоминаемое в истории металлическое изделие пунтян. Вероятно, золотое копье представляло собой знак царской власти, как это было позднее у многих народов Эфиопии. Выше говорилось, что Тутмос III имел колоссальный доход с рудников Нубии и Нубийской пустыни: до 300 кг золота ежегодно, однако и далекий Пунт вносил немалую лепту в золотую сокровищницу фараона.

Царица Хатшепсут

Знали ли эту золотоносную страну древние шумеры и семиты? По-видимому, да. Еще в III тысячелетии до н. э. шумеры и аккадцы открыли горную страну Мелухха, находившуюся где-то на самых далеких берегах «Нижнего моря» – Индийского океана. При аккадском царе Саргоне (2369–2314 гг. до н. э.) из Мелуххи в Месопотамию прибыли торговые корабли. Одна из клинописных табличек аккадского царя Нарамсина (2290–2254 гг. до н. э.) упоминает порфир, ценные сорта дерева и золотой песок, доставленные из Мелуххи «жителями этой черной страны». Итак, в Мелуххе жили люди с черным цветом кожи! Шумерский царь Лагаша Гудеа (2162 – 2137 гг. до н. э.) упоминает в своих надписях о том, что из Мелуххи в Лагаш на кораблях привозили наряду с прочим золотой песок и руду «хулалу». Один аккадский текст рассказывает о мореплавателе Магалгале, добравшемся до Мелуххи. Он хотел проникнуть в столицу страны, но «змея из породы «хулалу» убила его». Это напоминает приведенную выше египетскую сказку, только там чешуя змеи была из чистого золота, а не из руды «хулалу».

Проанализировав все сохранившиеся известия о Мелуххе шумерских и аккадских источников, российский ученый Анатолий Кифишин пришел к выводу: «Не исключено, что легендарная страна Офир, упоминаемая в библейских источниках, страна Пунт, из которой древние египтяне вывозили экзотические товары, и Мелухха шумеров – это одна и та же страна».

Что касается Офира, то евреи представляли его находящимся где-то недалеко от Южной Аравии. Эта страна была богата золотом, которое привозили оттуда сабейские купцы. Впервые золото Офира упоминается в рассказе о царствовании царя Давида, около 1000 г. до н. э. О сыне Давида Соломоне Библия сообщает следующее: в гавани Эцион-Гебер, близ Эйлата, на берегу Красного моря, Соломон приказал построить корабль. Хирам, царь финикийского Тира, также построил здесь «таршишский корабль» (тип судов, совершавших самые далекие плавания). Это событие произошло около 945 г. до н. э. «И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов и привезли царю Соломону... Вдобавок к этому корабли Хирама, доставившие из Офира золото, привезли также много эбенового дерева и драгоценных камней... Ибо у царя был на море «таршишский корабль» с кораблем Хирамовым; в три года раз приходил «таршишский корабль», привозивший золото, и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов».

420 талантов (или, как сказано в другом месте Библии, 450 талантов) – почти 13 т золота! И это не считая того, что пришлось на долю царя Хирама. Конечно, приводимые Библией сведения и цифры далеко не во всех случаях следует брать на веру. Однако не подлежит сомнению, что сокровищница Соломона и Иерусалимский храм наполнялись огромными богатствами. В пещере у Мертвого моря найден медный свиток, где перечислены «неправдоподобно большие количества золота и серебра»: 1280 талантов золота и 3282 таланта золота и серебра без дифференциации, 65 золотых слитков, 608 кувшинов с серебром, 619 золотых и серебряных сосудов. Предполагают, что это список храмовых сокровищ, часть из которых осталась от времен Соломона. Можно не сомневаться, что значительная часть золота Иерусалимского храма была доставлена из Африки.

На многие и многие века золотой Офир, сказочные копи царя Соломона взбудоражили воображение искателей наживы. Где они находились? В VI в. Козьма Индикоплов полагал, что и Соломон, и царица Савская получали золото из Эфиопии. Португальские конкистадоры отождествляли Офир с империей Мономотапы в современной Родезии и соседних землях. С другой стороны, Офир и Пунт – это, вероятно, одна и та же территория. Может быть, и золотоносная страна Сасу – это позднее название Пунта – Меллухи – Офира?

На таких кораблях египтяне ходили в Пунт

И вот уже более ста лет во всей восточной половине Африки, где только обнаружены следы древних разработок золота, стараются найти эту страну. Ирландец О'Келли отыскал Офир в южной части Танзании (в 1924 г.). Итальянец Прассо открыл «Пунт и Офир» в Юго-Западной Эфиопии. Здесь он нашел прекрасную золотую статуэтку, по его словам древнеегипетскую. Наконец, немецкий ученый Квиринг заявил, что Пунт и Офир следует искать во многих африканских странах, в том числе Замбии, Конго, Родезии, Трансваале.

В частности, междуречье Голубого Нила и Собата до сих пор богато этим драгоценным металлом, а также платиной. Отсюда наряду с месторождениями Нубийской пустыни и Северной Эфиопии золото получали цари Напаты, Мероэ, Аксума, средневековой Нубии и Эфиопии. Древние египтяне и греки, знакомые с колоссальными сокровищами фараонов и «златообильных Микен», тем не менее поражались богатством нубийских и эфиопских царей. Но ни один из греков, ни один из египтян не был допущен в главную золотоносную землю южнее Голубого Нила.

Козьме Индикоплову было известно, что аксумиты получают золото из далекой страны Сасу. Но, стремясь отбить у Козьмы охоту отправиться в эту землю, аксумиты плели ему всякие небылицы. Ныне на основании сохранившихся документов можно установить географическое положение «страны Сасу»: она находилась на юго-западе Эфиопии.

Древние жители Нубии и Эфиопии продавали иностранцам золотой песок, золотые слитки, но вместе с тем умели тонко обрабатывать металл, изготовлять прекрасные ювелирные изделия. Сохранились изделия древних мастеров – браслеты, кольца, бусы, драгоценные шкатулки и другие золотые украшения. Письменные источники говорят о более крупных предметах, давно погибших: золотых статуях, коронах, украшенных золотом колесницах, золотых цепях и копьях. Вероятно, на вершинах аксумских обелисков укреплялись золотые изображения солнца и луны. Аксумиты также владели искусством чеканки золотых монет и позолоты бронзовых изделий.

В Средние века и Новое время ювелиры Эфиопии и Судана продолжали заниматься древним искусством. Лучшие его образцы: золотые короны императоров Эфиопии и великих царей Каффы, султанов Сеннара и царей Мукурры, ажурные кресты и другие предметы христианского культа, браслеты и перстни царей и вельмож, золотые копья и ювелирная отделка мечей, кинжалов, щитов. Некоторые из этих предметов хранятся в музеях и церквах, другие – в банках Италии и Швейцарии, но большая часть безвозвратно погибла.

Загадочные экспедиции карфагенян

А как же золотые месторождения Западной Африки, прославленные еще в раннем Средневековье? Разрабатывались ли они в древности? На этот вопрос ответить нелегко. Карфагеняне, которые с VI по II в. до н. э. держали в своих руках морские и караванные пути в Западную Африку, тщательно скрывали все сведения об этой части мира. Но греки, торговые соперники карфагенян, хотели знать: откуда купцы великой североафриканской державы получали столько золота? Только ли из рудников Испании и Галлии, сравнительно бедных этим металлом?

И один из карфагенских купцов проговорился. Он сказал Геродоту, что золото Карфагена происходит из далекой страны, лежащей на Атлантическом побережье Африки. Однако, опомнившись, карфагенянин наговорил Геродоту всяких небылиц о торговле золотом. Карфагенские купцы якобы даже не видели приносящих золото туземцев, а только раскладывали товары на берегу и отплывали в открытый океан. Лишь на следующий день они возвращались и находили вместо своих товаров золотой песок.

Эта очень популярная легенда о «невидимом торге» встречается у многих более поздних авторов. Таким путем якобы торговали мехами на севере, циновками в Индокитае, золотом в Африке. Рассказ Козьмы Индикоплова о том, как аксумиты приобретали золотые самородки в стране Сасу, также упоминает элемент обряда «невидимого торга». Один из ранних арабских авторов уверял, что таким же способом продавали золото жители Ганы. Все это не более чем миф.

Обилие драгоценного металла в этих районах Африки буквально вскружило головы арабским землепроходцам, хлынувшим на восточное побережье и во внутренние районы континента в VII–XIII вв., в период торжества ислама, складывания могущественных халифатов и расцвета арабской культуры. «Вся земля черных – золото, и россыпи у них на поверхности. В их пустынях есть рудники, а самородки бывают такими большими, что торчат из песка наподобие явной зелени. От жары, сухости и пламени серебро в этой стране превра-

щается в золото по причине его растопления солнцем», – читаем мы у аль-Масуди.

Ставшее крылатым выражение «Гана – страна золота», повторенное через тысячелетие англичанами в названии своей богатейшей колонии «Золотой Берег», принадлежит известному арабскому астроному аль-Фазари и сказано им примерно в 800 г. Столетие спустя крупнейший арабский ученый аль-Якуби, упоминая в своей «Истории» о золотых рудниках Ганы, также не может сдержать восхищения: «И во всей этой стране золото!» А еще через полстолетия Исхак ибн аль-Хусейн повторяет сообщение Геродота XIV-вековой давности о том, что жители Судана продают золото по цене меди, обменивают эти металлы из расчета один к одному.

В следующем веке арабская литература, посвященная Африке, пополнилась описанием двора правителя Ганы, приведенным крупнейшим географом Кордовы аль-Бакри в его «Книге путей и государств»: «Их царь украшает золотым убранством шею и оба локтя, а на голову возлагает высокую и острую позолоченную шапку, на которой укреплены тонкие пряди хлопка. Когда он дает аудиенцию людям для разбора несправедливостей, то находится в шатре, а около шатра привязаны десять скакунов в золотой сбруе. Позади царя стоят десять пажей со щитами и мечами, отделанными золотом. Справа от царя находятся сыновья вассальных князей его империи. На них тонкие одежды, волосы на их головах переплетены золотом. Вход в шатер охраняют огромные собаки в ошейниках с золотыми и серебряными бубенцами».

В приведенном описании обращает на себя внимание обилие золота при дворе. Вместе с тем тот же аль-Бакри сообщает о собственности правителя Ганы на все найденные в его стране самородки, характеризуя это как меру, продиктованную не чем иным, как обилием золота: «Когда в любом из рудников страны находят золотой самородок, царь забирает его, а людям оставляет только тонкую пыль. Если бы не это, то количество золота в руках людей возросло бы настолько, что золото бы обесценилось. Самородки бывают весом от унции до ритля[7], и говорят, что у царя есть самородок, подобный большому камню».

[7] Ритль был чуть меньше английскго фунта.

В середине XII в. о богатстве золотом областей Западного Судана сообщает в своей книге «Развлечение истомленного в странствиях по областям» другой великий уроженец Кордовы – аль-Идриси: «Владения царя Ганы и земли его граничат с областью Ванкара, а это известная страна золота, прославленная его обилием и хорошим качеством. Во дворце у царя есть золотой кирпич из одного цельного куска золота весом в 30 ритлей, который не отливался в огне и не обрабатывался инструментом. В нем пробито отверстие, через которое к нему привязывают лошадь царя. Этот слиток является одной из диковинок, которая есть только у царя и является его исключительной привилегией: он гордится им пред другими царями Судана». Сами правители Ганы нередко именовали себя тронным титулом «мага», понимаемым как «царь золота».

Арабский географ аль-Идриси

Молва о неиссякаемых золотых россыпях Судана вновь прокатилась по всему Старому Свету в 1324 г., когда манса Муса I – верховный правитель государства Мали – отправился как паломник в Мекку.

Необычный вояж африканского царька

Жители Каира никогда не видели властителя подобного этому. Через семь с четвертью веков со дня Хиджры – в 1347 г. от Рождества Христова этот африканский правитель как паломник вошел в их город на своем пути в Мекку. Свита его блистала варварской пышностью. Впереди шествовали пятьсот рабов, каждый из которых нес церемониальный жезл из цельного золота весом в двадцать три килограмма. Затем верхом на прекрасном боевом коне ехал их господин Манса Муса, повелитель Мали, страны черных. За ним шли курчавые негры с другой стороны пустыни, проводники и погонщики верблюдов с закрытыми лицами, смуглые берберы Магриба и пестрая толпа прихлебателей. Там были слуги, рабы и попутчики, которые готовили неизвестные яства, следовали меж собой чужеземным обычаям и говорили на странной смеси наречий, не поддававшейся пониманию. Но «гвоздем программы» был личный кошель Мансы Мусы, предназначенный для покрытия путевых расходов. Владея почти сотней верблюдов, сплошь груженных золотом, он представлял собой просто ходячую казну, располагавшую почти пятнадцатью тоннами необработанных золотых слитков.

Каир был поражен, но не ошеломлен. Городские купцы радостно окружили караван. Они продавали разинувшим рты странникам дешевые ткани кричащих расцветок в пять раз дороже обычной цены. Мелкие египетские чиновники получали огромные взятки за обещанную помощь в пустячных делах. Особенно хорошо поживились работорговцы.

Иностранцы были охочи до рабынь и щедро платили за удовольствия. Рассказывали, что единственными жителями Каира, имевшими основания жаловаться, оказались ростовщики. Караван Мансы Мусы проявил столь сказочную щедрость, что мелкие ростовщики просто покинули рынок золота и не смогли оправиться еще двенадцать лет после этого царского визита.

Сам африканский властитель изумил город не меньше, чем причудливая свита. Его внешность вызывала удивление. Каир ждал черного как смоль полудикого деспота с той стороны пустыни, где, по слухам, солнечные лучи испепеляли человеческий кожный покров до цвета черного янтаря. Вместо этого они обнаружили, что у него светлая кожа, согласно различным описаниям, красноватого или желтоватого оттенка. Он не проявлял никаких признаков первобытной дикости, ассоциировавшейся у каирцев с жителями Черной страны. Скорее, этот экзотический владыка питал большее почтение к Пророку и его учению, чем сами египтяне. Он был далек от преклонения перед арабской утонченностью, и стоило немалых трудов уговорить его высказать свои комплименты султану города. Можно, впрочем, добавить, что каирского султана больше заботило золото Мансы Мусы, нежели нарушения дипломатического этикета, и он даже несколько переусердствовал в своем стремлении ублажить гостя.

Когда необычный караван отправился на восток к Мекке, о его дальнейшем продвижении, отличавшемся необычайной щедростью, докладывали примерно то же самое: говорили о выгоде торговли с ним, о царственном поведении Мансы Мусы, жертвовавшего деньги на дело ислама с почти ребяческой щедростью, а также о том, что по пути он не только потратил все пятнадцать тонн золота, но и продолжал жить с таким исключительным размахом, что был вынужден брать деньги в долг, который он безупречно погашал.

Рассказы о Мансе Мусе долетели через Средиземное море до слуха европейских картографов, стремившихся обозначить границы владений этого блистательного правителя на незаполненных местах своих атласов. Они нарисовали его в неизвестных областях внутренней Африки, – этого черного короля в изысканном наборе экзотических шахматных фигур, всемогущего властелина, сидящего на золотом троне, держащего в одной руке скипетр, а в другой – самородок чистого золота. Под рисунком сделали надпись: «Сей черный владыка зовется Муса Мали, Владыка Негров Гвинеи. Столь богата его страна золотом, что он богатейший и благороднейший владыка тех земель».

Один такой атлас был изготовлен для короля Франции Карла V, а другой королева Мария Английская заказала в каче-

стве подарка своему мужу, Филиппу II Испанскому. Он еще не был закончен, когда Мария умерла, и карта досталась ее сестре Елизавете, настроенной против Испании.

Правитель Мали Манса Муса совершает хадж в Мекку

Оскорбительный испанский герб, прежде нанесенный вместе с английским, был поспешно выскоблен, но изображение Мансы Мусы сохранилось, хотя с той поры, как он отправился в свой знаменитый хадж, прошло уже двести лет. Золотой властелин Черной страны стал бессмертным символом неизвестной Африки, и его образ все еще прочно держался в умах, когда европейцы обратили свои взоры на юг, к таинственному миру за Сахарой...

«Золотой дождь», сыпавшийся в Каире, все Средиземноморье помнило еще целое столетие.

Подчеркивая богатство своей страны обилием золотом, Муса I во время хаджа и пребывания в Египте включил в свой титул упоминание золотоносных растений, якобы произраставших в Мали. Если верить аль-Бакри, мандингский правитель

раздал во время хаджа примерно 14 т золота. Эта цифра не представляется чрезмерной, если учесть, что по подсчетам одного из крупнейших специалистов по африканской металлургии, французского ученого Раймона Мони, в течение 400 лет (с 1500 по 1900 г.) среднегодовая добыча золота только в двух важнейших месторождениях Западной Африки, Сигири и Буре, достигала 9 т. Поэтому можно с полным основанием присоединиться к выводу Мони, что «Судан в средние века вплоть до открытия Америки был главным поставщиком золота средиземноморскому миру; именно это золото явилось фундаментом могущества государства Гана и империи Мандинго (то есть Мали)».

Золотая житница на берегах Лимпопо

Но если Западный Судан был «золотой житницей» главным образом Средиземноморья, то арабские страны Среднего Востока вывозили африканское золото с побережья Индийского океана, преимущественно из междуречья Лимпопо – Замбези, получившего в арабской литературе название «страна зинджей».

По сообщению португальца д'Алькасовы, датированному 1506 г., арабы в то время только через Софалу – некогда оживленный порт на побережье Мозамбикского пролива – ежегодно вывозили свыше миллиона меткалей золота (около 4 т) – цифра, представляющаяся реальной, если учесть, что лишь на территории империи Мономотапа африканцами из 75 тысяч золотоносных мест было добыто минимум 650 т золота.

Задолго до португальцев о легендарной «золотой Мономотапе» знали арабские авторы. В начале X в. о ней упоминает в книге «Цепь событий» Абу-Зайд ас-Сирафи. Золотые рудники возвышенной части страны зинджей тысячу лет назад описал в своих морских рассказах персидский капитан Бузург ибн-Шахрийар и один из крупнейших историков и географов Средневековья – «арабский Геродот» аль-Масуди. Подобно ибн Шахрийару он побывал на восточноафриканском побережье, а затем изложил свои впечатления об этом путешествии в книге с красноречивым названием «Промывальни золота и россыпи драгоценных камней».

Мономотапа, легендарная страна золота

Столетие спустя известие о золотых россыпях страны зинджей застает в Индии великого среднеазиатского ученого-энциклопедиста Ахмада аль-Бируни, отразившего его в своем знаменитом «Собрании сведений для познания драгоценностей». Аль-Бируни приводит весьма интересные наблюдения: получив от арабских купцов необходимые товары, зинджи лишь после этого «отправляются в пустыни в поисках золота для их оплаты, и каждый из них находит в тех горах только то количество золота, которое из общей суммы на него падает». Обязанность зинджей «собирать золото в количестве, соответствующем стоимости товаров, которые они получили», аль-Бируни склонен истолковывать по аналогии с сообщениями аль-Бакри о Гане как своеобразную превентивную меру против падения его торговой стоимости. По его мнению, этот обычай представляет собой «доказательство такого обилия золота, которое дает возможность в любое время находить потребное

количество его; таким образом, редкость нахождения и недостаток золота не вынуждает их прибегать к собиранию запасов и накоплению сокровищ».

Позднее, в начале XVII в., португалец Диогу да Конту описал добычу золота целыми общинами народа машона в области Маника (Мозамбик). Работали все вместе: мужчины, женщины и дети, а добытое золото делили поровну между всеми участниками.

Появившиеся – почти одновременно с вступлением Колумба на землю Нового Света – в Восточной Африке португальцы были настолько ошеломлены рассказами о сказочных богатствах Мономотапы, что охотно заимствовали у арабов старинную легенду о том, что таинственная страна Офир, кладовая драгоценностей древнего мира, находится где-то недалеко от побережья.

В 1872 г. неожиданная величественность развалин Большого Зимбабве привела немецкого геолога Карла Мауха к оживлению этой древнейшей гипотезы. В очертаниях крепости, найденной на вершине холма и получившей у археологов название «акрополь», зачарованный Маух увидел не больше не меньше как точную копию храма, воздвигнутого царем Соломоном на горе Мориа, а «эллиптическое здание» в долине показалось Мауху однотипным дворцу царицы Савской, в котором она жила во время пребывания в Иерусалиме в X в. до н. э.

А если это так и древние жители междуречья Лимпопо – Замбези были каким-то образом связаны с культурой бассейна Средиземноморья, то не являются ли 75 тыс. заброшенных древних приисков «потерянными историей» 3 тыс. лет назад копями царя Соломона?

На берегах Лимпопо и Замбези вспыхнула «золотая лихорадка». Уже к началу XX в. на землях машона и матабеле было зарегистрировано 114 тысяч заявок на золотоносные участки, большинство которых находилось в районах древних рудников!

И только случай позволил ученым познакомиться с лучшими образцами искусства ювелиров еще одной неведомой цивилизации, вероятно связанной некогда культурными узами с «народом солнца» Мономотапы.

На южном берегу реки Лимпопо возвышается группа развалин. Этот странный комплекс носил название Мапунгубве. Священный ужас охватывал местных жителей при упоминании этого места. Фольклор связывал с ним захоронения могущественных предков. Тайна Мапунгубве была раскрыта только в 1932 г. фермером-старателем Ван Грааном и его сыном. Им с большим трудом удалось взобраться на вершину 100-метрового холма. Потайной ход к вершине указал им один из африканцев. Наверху Граааны-старатели обнаружили остатки древнего города, заселение которого английский африканист Бэзил Девидсон датирует задолго до IX в. н. э., добавляя, что «жизнь в нем не прекращалась до конца XVIII столетия, хотя здесь сменилось несколько разных народов». К вершине холма воли небольшие ступеньки, выбитые в каменной стене. Там же находился каменный бруствер из валунов, который легко было обрушить на неприятеля. Большая часть почвы доставлялась сюда извне.

Плоская поверхность вершины оказалась усеянной обломками керамики. Под слоем земли обнаружились бусы, кусочки железа, меди и... масса золотых браслетов и тонких пластин, изображающих фигурки носорогов (некогда эти украшения прикреплялись золотой проволокой к дереву). Затем старатели нашли «царское захоронение». Один из скелетов был скован с другим золотой цепью весом около двух килограммов, а ногу третьего скелета обвивала сотня браслетов из золотой проволоки. Рядом с костями было рассыпано 12 тысяч золотых бусин...

...Еще одна загадка истории!

Золотых дел мастера

В трудах арабских авторов, по существу первых письменных свидетельствах о внутренних районах Африки, дошедших до нас, неоднократно упоминается о способах золотодобычи. По блеску золотой пыли в лунном свете, как рекомендует аль-Идриси, или во время восхода солнца, когда выпавшая роса придает золоту особенно яркий блеск, по рецепту аль-Вируни, старатели определяют месторождение. Затем собранный в этом месте песок собирают в кожаные мешки и везут на верблюдах к колодцу. Там его промывают водой в деревянном

корыте, извлекая крупицы золота. Именно так добывали золото в Сахаре и Нубийской пустыне.

Иначе добывали золото на заливных землях. Так, в стране Ванкара, видимо, расположенной во «внутренней дельте» Нигера, люди отправлялись на поиски золота сразу после спада воды. Аз-Зухри описал аналогичные способы золотодобычи в Нубии и у зинджей. Напротив, в золото-платиновых россыпях Западной Эфиопии и соседних областей Судана, в междуречье Голубого Нила и Собата начало промывки золота совпадало с сезоном дождей. В это время не было полевых работ, воды было много во всех ручьях, и тысячи корзин с золотоносным песком ежедневно наполнялись и опорожнялись на берегах рек и ручьев, а в кожаных мешочках старателей появлялись крупицы драгоценного металла. Этот промысел существует до сих пор и в некоторых районах Эфиопии и Судана.

«Сборище людей, занимающихся добычей золота из песка и щебня» (аль-Бируни), – излюбленный сюжет арабских писателей. «Люди копаются в поисках золота. Иногда они наталкиваются на выкопанную землю, похожую на муравейник», – сообщает персидский мореход ибн Шахрияр. Уже аль-Якуби, один из самых ранних арабских авторов, рисует картину, видимо, типичную для золотых рудников тех лет: «работают купцы всех племен, а кроме купцов – черные рабы, которые заняты рытьем земли, потом вынимают самородки, подобные желтому мышьяку, а затем плавят».

Но помимо промывки золотоносного песка, собираемого на поверхности, жители Мономотапы знали шахтную добычу золота. Еще в XVII в. традиционный процесс коллективной добычи золота всей общиной во главе с вождем деревни застает португалец Мануэль Беррето: «Бесчисленное множество кафров с их женами и детьми собираются к месту, которое они избрали, чтобы открыть шахты; вождь каждой деревни образует отдельную партию со своим народом».

Требовался сильный внешний толчок, искусственно созданный материальный стимул, чтобы заставить местных крестьян по колено в речной воде или в душных и пыльных шахтах добывать крупицы металла. Тем более, что в добыче золота были заинтересованы не простые общинники, а лишь крупные вожди и военачальники, которые имели возможность доставить его на побережье для обмена с арабами и европей-

цами: на внутреннем рынке золото в качестве торгового эквивалента почти не функционировало.

Для местных жителей добыча золота представляла, по свидетельству Диегу да Конту (1611 г.), «бедное и нищенское занятие» даже при условии, что ежедневно «всякий получает 4 или 5 зерен золота».

Глубина шахт для подачи золота достигала сорока метров. Если учесть, что золотоносная порода поднималась на поверхность в обычных корзинах, можно представить себе, какой это был адский труд.

О плавке африканцами золота с древнейших времен сообщает первым аль-Якуби. Его свидетельства подтверждают затем аль-Масуди и аль-Идриси. Действительно, в Зимбабве обнаружены остатки старинной печи для плавки золота и формы для его отливки, изготовленные из местного камня.

Но африканцы умели не только плавить, но также и ковать золото и раскатывать его до тончайших пластин. Об этом свидетельствуют изумительные золотые маски бауле и особенно посмертная маска одного из королей ашанти, удивительно реалистично и тонко передающая черты лица умершего. По технике и манере исполнения она ничуть не уступает лучшим микенским образцам, раскопанным сто лет назад на острове Крит.

К сожалению, нашествие кладоискателей погубило большинство вещественных свидетельств обработки золота в Мономотапе. Лишь упомянутые находки на холме Мапунгубве в известной мере восполнили этот пробел. Среди них выделяется «скипетр» из пластинчатого золота, аналогичный «атрибутам правителей» вождей Западной Африки. Толщина слоя золота, покрывающего скипетр, приближается к 0,02 мм. «Чтобы сделать такую золотую пластину, одинаковую по толщине и без шероховатостей, – пишет Дэвидсон, ссылаясь на мнение специалиста, – требуется огромное искусство и время. И вряд ли современные золотых дел мастера могли бы проделать такую работу теми примитивными орудиями».

Но подлинным шедевром самобытной африканской техники обработки золота, несомненно, является знаменитый золотой трон королей ашанти. Хотя, если верить преданию, он не был создан руками человека, а упал с неба прямо на колени первому правителю государства ашанти, принявшему титул ашантехене!

Золотой трон ашанти

Священный трон издревле воплощал могущество и свободолюбие народа: ашанти были убеждены, что на нем незримо восседают души великих предков, в любой момент готовых прийти им на помощь. В годы завоевания англичанами Ганы золотой трон стал символом народного единства в борьбе с колонизаторами. Не удивительно, что требование одного из английских губернаторов о выдаче золотого трона вызвало такую бурю народного возмущения, что ему пришлось спасаться бегством из собственного дворца.

Можно было бы привести множество других интересных фактов, свидетельствующих, что золото в Африке было известно с глубочайшей древности. Африканцы издавна умели его искусно обрабатывать, но потребление этого металла внутри страны в качестве торгового эквивалента было ограничено неразвитостью местных рынков.

Остается к этому добавить, что современная Африка дает около половины мировой добычи золота.

Большой Зимбабве: жилища циклопов или…

В конце раннего железного века

В междуречье Замбези и Лимпопо, со всех сторон окруженный тропическими лесами, поднимается гранитный кряж. В этой высокогорной области, возвышающейся на 1000–1300 метров над уровнем моря, большую часть года свежо и прохладно. Тысячелетия эрозии превратили ее в плоскую равнину. Ее северо-восточная часть, где выпадает 760 мм осадков в год, покрыта светлым лиственным лесом. Нижняя, юго-западная, более сухая, и здешние дожди не столь обильны. Но здесь растет густая трава, идеальная для выпаса скота. Само плато – остров плодородия, богатый минералами. На севере река Замбези течет десятки километров через долину на высоте в 1300 метров. Края этой равнины изрезаны ущельями и труднодоступны. В ее ложе жарко и сухо. Оно покрыто бесплодной, песчаной почвой. Человек здесь селился редко и ненадолго.

Река Лимпопо и ее приток Шаши ограничивают плато с юга и юго-запада. На западе плато переходит в сухие луга крупных скотоводческих племен тсвана, которые, в свою очередь, упираются в совсем сухие земли – пустыни Калахари и Намиб.

На северо-западе плато высятся тиковые леса, которые произрастают на песках той же пустыни Калахари. Эту землю трудно расчистить, и грубая почва быстро теряет свою плодородность. По своему агрономическому потенциалу она не идет ни в какое сравнение с почвой на плато.

Теплые, влажные низины прибрежной полосы, между плато и Индийским океаном, были идеальным местом обитания мухи цеце, разносчика трипаносомоза, а это препятствовало развитию скотоводства.

На плато и в прибрежных долинах на востоке ныне живут племена, говорящие на шона, это ветвь банту из семи языков, чей оригинальный характер указывает на то, что они развивались независимо от других языков банту на протяжении последней тысячи лет. Археология и устная традиция показывают тот же самый возраст поселениям шона на плато. Это и есть время появления первых царств и империй на юго-востоке Африки.

Хотя общины раннего железного века были вполне самодостаточными образованиями, примерно в конце I тысячелетия нашей эры почти все они имели средство обмена: стеклянные бусы и раковины каури из Индийского океана. Их медные безделушки часто происходили из довольно далеких мест. Для поддержания обмена начал развиваться экспорт золота. Арабский географ X в. Масуди первым упомянул о торговле металлами с Софалой, расположенной на побережье. Это золото, вероятно, намывали из гравия и наносов множества рек, которые протекали через золотоносные участки плато.

Руины Большого Зимбабве

Намывка – простой процесс, один из тех, что крестьяне используют до сих пор, чтобы чуть увеличить свой доход. Иностранные колонисты в XIX в. обнаружили, что древние, грубо устроенные, открытые выработки руды затронули почти все золотоносные участки на плато. Даже для неискушенного наблюдателя они были четким признаком наличия золота. И большая их часть была безвозвратно разрушена во время лихорадочного возобновления золотодобычи. Однако маловероятно, что хоть один из этих древних рудников датируется

ранним железным веком. При раскопках этих поселений не был найден ни один рудник или рудокопный инструмент. Мало того, ни одна экономическая модель такого поселения не совпадает с добычей золота. И ни одно из них не находилось поблизости от месторождений!

Тем не менее, ближе к концу этого периода появились признаки того, что золотые прииски начали жить, и за контроль над ними возникла конкурентная борьба. Некоторые поселения теперь возникали на вершинах холмов. Одно из них, в Макстон-фарм, в нескольких километрах к северо-востоку от Солсбери (бывшее название столицы Южной Родезии, сейчас страна называется Зимбабве, а ее столица – Хараре), полностью окружено каменной стеной – хотя она и слишком низка, чтобы обеспечить настоящую защиту.

Это поселение, которое дало имя последней фазе раннего железного века на северной части плато, было основано у холмов Тафуна, богатых скоплением золотоносных месторождений, где когда-то проводились серьезные рудные разработки. На склонах Тафуна стояла деревня из другой группы того же периода. Пустоты в скалах, следствие дробления руды, до сих пор видны вокруг этого места.

Комментарий африканиста: на золотоносных жилах

В первые столетия II тысячелетия закончился ранний железный век. Его широкая культурная общность распалась. Общества этого периода были более сложными и разнообразными. Кажется, что они и развивались в сильной изоляции друг от друга. Каждое общество создавало свой собственный, отличный от других вариант развития земледелия, ремесла и торговли. Конкретная область, откуда начался поздний железный век в юго-восточной Африке, неизвестна. На сегодня мы располагаем очень шатким предположением – на основе сравнения стилей двух-трех скудных коллекций керамики из западной и северной Замбии – что он мог развиться из культур раннего железного века соседнего южного Заира.

Поздний железный век расцвел на сухих лугах юго-запада плато к XI в. Маленький холм, Леопардс-Копье, рядом с городом Булавайо, впервые раскопанный в 1947 г., дал имя всей его культуре.

Скот теперь впервые приобрел важное экономическое и социальное значение. Загоны во многих деревнях, статуэтки длиннорогого безгорбого скота и церемониальные захоронения рогов – все это указывало на возросшую роль животных в хозяйстве. Это усилило и углубило этническую обособленность и сплоченность групп людей. Возможно, скот уже передавали как приданое. Он создавал престиж и систему взаимоотношений покровитель – вассал. Скот вынуждал накапливать, демонстрировать и обменивать богатство. Антропологи часто высказывают мнение, что скотоводство можно связать с зарождением централизованной формы управления. Животным нужны просторные пастбища. Часто стада поручаются детям и, следовательно, уход за ними не слишком тщательный. Неизбежно вспыхивают конфликты из-за выпаса и борьба за луга. Отсюда появляется необходимость в арбитраже, и следовательно во власти, которая имеет достаточно силы, чтобы заставить выполнять свои решения.

Деревни ранней фазы развития ремесла в эпоху Леопардс-Копье, как и в предшествующий период раннего железного века, легко найти по зонам вспаханной земли между гранитными холмами. Поздняя же фаза характеризуется тем, что ее поселения возникают уже на почвах, прорезаемых золотоносными жилами – то есть там, где пахота затруднена и где никогда раньше поселений не было. Некоторые маленькие деревни располагались поблизости от одного золотоносного участка, и многие из них оказывались достаточно долговечными, чтобы успеть накопить такие большие курганы из золы и разного мусора, что они проникали на территорию самой деревни. К тому времени золото уже точно разрабатывалось. Рудники порой находятся в местах раннее разработанных шурфов и несут все неоспоримые признаки того, что в эту эпоху из породы извлекали именно золото. Самый ранний золотой рудник расположен на юго-западе плато.

Дерево, которое жгли в кострах, чтобы расколоть золотосодержащие куски скал, дает три даты по радиоуглеродному методу: две относятся к XII – началу XIII вв. и одна к XIII–XIV вв.

Стеклянные бусины, которые находят в ранних поселениях Леопардс-Копье, не отличаются по форме, обработке и количеству от тех, что изготавливали в раннем железном веке. В по-

селениях эпохи Вуландаль обнаружено гораздо больше стеклянных бусин – маленьких, строго сферической формы, из прозрачного или почти прозрачного стекла разных цветов. Они сильно отличаются от ранних образцов. Это должно означать, что производство бусин усовершенствовалось, или что местные торговцы привозили бусины из других, новых земель, или что на побережье утвердились новые торговые отношения.

Царское погребение Мапунгубве

Находки, сделанные в Мапунгубве, имеют важное значение по двум причинам. Во-первых, они богаты скелетным материалом, золотыми и прочими предметами, а во-вторых, поскольку компания «Древние руины лимитед» не разграбила этот участок, почти ничего не было тронуто, и появилась возможность определить, где что находится.

Мапунгубве – небольшое отвесное со всех сторон плато из песчаника – всего лишь один из многих подобных холмов, возвышающихся в охристо-голубом уединении трансваальских пустошей. Он расположен чуть южнее Лимпопо, разделяющей современные Южную Африку и Зимбабве, рядом с бродом через эту неторопливую реку, которым можно пользоваться десять месяцев в году. Севернее, менее чем в трехстах километрах к северо-востоку, над широким горизонтом вельда высятся руины Большого Зимбабве.

Даже сейчас эта страна остается дикой и редконаселенной. Когда около полувека тому назад были извлечены на свет потрясающие находки, большая часть ее территории была едва изучена. Там расхаживали слоны и львы, и многие фермерские хозяйства использовались лишь несколько недель в году для охоты. У белого населения не отмеченной на карте страны, состоящего, по преимуществу, из буров, издавна ходили предания о «священном холме»,

где, по слухам, неизвестные предшественники народа венда зарыли свои сокровища. Говорили даже, что один из белых людей, более семидесяти лет назад перенявший обычаи и привычки местных жителей, нашел священный холм и забрался на него.

В 1932 г. фермер-исследователь по имени ван Граан тоже решил забраться на этот холм, если получится. Он знал, что сделать это будет непросто, так как местные жители всегда считали Мапунгубве запретным местом. «Для них он был «местом страха», даже после того как белые открыли его, – писал Фуше, – африканцы старались не указывать на него, и даже когда с ними говорили о холме, они старались стоять к нему спиной. Взойти на него означало верную смерть. Он был посвящен их великим предкам, зарывшим там сокровища».

Ван Граан вместе с сыном и еще тремя людьми в конце концов нашли африканца, выдавшего им столь долго хранимый секрет. Он указал холм – около тридцати метров в высоту и трехсот метров в длину – и тайную тропу наверх в узкой расщелине в скале, скрытой за деревьями. Искатели сокровищ прорубили в колючем кустарнике дорогу, и, добравшись до тропы, увидели, что исчезнувшие жители Мапунгубве проделали в расщелине небольшие дыры одну напротив другой, словно созданные для перекладин лестницы. Карабкаясь изо всех сил, они взобрались по ним на вершину холма, и обнаружили там невысокую груду камней, где большие глыбы покоились на маленьких, словно ожидая, что их обрушат на незваных гостей, явившихся этим путем.

На плоской и довольно небольшой вершине холма были разбросаны глиняные черепки. Копнув рыхлую песчаную почву, исследователи обнаружили бусы и кусочки железа и меди. Но им, как и всей исторической науке, повезло. Лишь несколькими неделями раньше ливень местами смыл верхний слой почвы. В одном из обнажившихся мест старший ван Граан увидел нечто желтое и блестящее. Он поднял это и понял, что держит в руках золото.

Фуше рассказал о том, что случилось дальше. «Начался волнующий поиск. Вскоре члены экспедиции стали находить золотые бусины, браслеты и тонкие пластинки. На следующий день – первый день 1933 года – команда продолжила изыскания, раскапывая рыхлую почву ножами. Находили большие куски листового золота, некоторым из которых была придана определенная форма. Среди них были остатки небольших носорогов из тонкого листового золота, прикрепленного золотыми гвоздиками к деревянной или другой основе, уже

исчезнувшей. К фигуркам были таким же образом приделаны уши и хвосты из цельного золота, сделанные с большим изяществом. Вскоре члены экспедиции наткнулись на тщательно закопанный скелет, но при соприкосновении с воздухом череп и большинство костей обратились в пыль».

Соблазненные всем этим – а также двумя с лишним килограммами золота, найденного в захоронении в виде утвари, бусин и украшений, – открыватели сперва решили сохранить его и никому ничего не говорить. «Это, – по словам Фуше, – был самый драматический миг в истории Мапунгубве». К счастью, у ван Граанов возникли затруднения, и юный ван Граан, учившийся в Претории у Фуше, вскоре решил рассказать о находках своему уважаемому наставнику и отослал ему некоторые из них.

В свою очередь, Фуше передал образцы Пирсону, заместителю директора Королевского монетного двора в Претории. Тот определил, что они сделаны из золота высокой пробы. Более того, они оказались первыми коваными золотыми предметами, когда-либо найденными в Южной Африке, и их археологическое значение и для самой Южной Африки, и для проблемы исследований в Зимбабве в целом было очень велико. На место сразу же прибыл профессор ван Рит Лове, произведший предварительный осмотр участка. Также был объявлен розыск трех спутников ван Граанов. Он оказался успешным: все золотые и прочие предметы, унесенные ими, удалось вернуть.

Тем временем ван Рит Лове заявил, что на вершине холма может быть не менее нескольких десятков тонн грунта, «большая часть которого имела вид специально принесенной наверх из окрестных районов земли». Это явно был участок чрезвычайной важности, причем практически нетронутый. Правительство страны действовало с похвальной быстротой и вскоре приобрело у владельца «ферму» Грифсвальд, на территории которой и находился Мапунгубве. Ответственность за проведение исследований в Мапунгубве возложили на университет Претории, и раскопки были объявлены делом национального значения.

Археологам сопутствовала та редкая и удивительная удача, которая порой бывает столь необходимой. Находка первого

скелета стала лишь началом целой серии открытий. Работая в одиночку в 1934 г., один из исследователей, ван Тондер, открыл обширный участок захоронений. Он смог дать научную оценку золотым и другим металлическим предметам, так же как и фрагментам двадцати трех скелетов. Это было первое более-менее сохранившееся аутентичное «царское захоронение», относящееся ко времени, предшествующему появлению в Африке европейцев. Рядом с одним из скелетов было найдено еще два килограмма золота в различных формах, а ноги третьего скелета оказались «покрыты сотней браслетов из закрученной в спираль проволоки». Так же было обнаружено несколько предметов искусно сделанной золотой утвари и около двенадцати тысяч золотых бусин».

Результаты работ на этом участке – и еще в двадцати местах поселений на южном берегу Лимпопо западнее и восточнее Мапунгубве – составили внушительный том, изданный в 1937 г. После этого вплоть до 1955 г. проблема Мапунгубве – области невиданного прогресса чернокожих людей в стране, которой правили белые, была окутана странной тишиной. А сделать оставалось довольно много.

В национальном парке Мапунгубве

Подводя итог собственным изысканиям и трудам коллег, Фуше сказал, что «к июню 1935 г. было исследовано около двух тысяч тонн культурных отходов, но на вершине и вокруг холма, вероятно, оставалось сто тысяч тонн «мусора», к которым даже не притрагивались». Далее он пишет: «Можно сделать, по крайней мере, одно заключение; исследования в Мапунгубве должны продолжаться! Изучением этой проблемы должны заняться с десяток экспертов, каждый со своей стороны, чтобы избавиться от неточностей и установить подлинную историю расцвета и упадка империи Мономотапы».

Правда, за изучение проблемы взялся один эксперт, а не десяток, но этот исследователь, Г. А. Гарднер, продолжал упорно работать в Мапунгубве практически до 1941 г., добившись интересных результатов. Последние ждали своей публикации еще пятнадцать лет, пока не стали широко известны. В 1955 г. в «Южноафриканском археологическом бюллетене» была опубликована краткая статья Гарднера. В комментариях к ней он писал: «Почти невозможно дать тут больше, чем краткий обзор наших находок и сделанных на их основе выводов, хотя подробности должны последовать во втором томе «Мапунгубве» – если он когда-нибудь будет напечатан». Это, в конце концов, стало возможным в ближайшем будущем, когда выяснилось, что Мапунгубве – незаменимая составляющая в процессе понимания всех превратностей цивилизации железного века. Здесь, на отдаленной вершине холма, уединившись или же отступив под натиском врага, будучи победителями или побежденными, властителями южной границы древней государственной системы Мономотапы или же вождями-первопроходцами из другой страны со своей собственной историей, средневековые правители жили и были погребены с благоговением и пышностью...

Их широкие связи с культурой Зимбабве еще предстоит выявить. Но они, несомненно, существовали. Керамика того типа, который находили в Мапунгубве, встречается во многих местах к северу за долинами, и некоторые изделия напоминают те, что существовали в древнем Зимбабве. Количество золота, погребенного с царскими останками в Мапунгубве, совпадает с тем, что было найдено в «золотых захоронениях», которые

археологи и иже с ними разграбили для компании «Древние руины лимитед» в Дхло-Дхло на северо-западе.

Единственное, что можно сказать наверняка: жители Мапунгубве создали сложную культуру железного века, которая, по сути, не отличалась от сходных этапов в развитии цивилизаций в других местах земного шара. Защищенные сильной системой укрепленных копей с востока и запада, рекой с одной стороны и хребтами Зоутпансберга с другой, эти властители Мапунгубве в своем уединенном величии бросили смелый вызов потомкам.

О чем рассказали скелеты

Кем именно были люди, жившие в Мапунгубве и в соседних с ним местах? Пытаясь ответить на этот вопрос, Фуше и его коллеги столкнулись со многими проблемами. Прежде считалось, что все народы южного плато, занимавшиеся горными работами и каменным строительством, говорили на языках банту и по происхождению и внешности напоминали своих современных потомков – шона и сото. Материальные свидетельства в виде керамики и металлических предметов, найденные в Мапунгубве, казалось бы, подтверждали это.

Но вот в Мапунгубве стали учащаться находки скелетного материала, и антропологи с удивлением отметили, что, согласно данным исследований, возникло противоречие между особенностями скелетов и подобным упрощенным взглядом на проблему. Появилась возможность исследовать одиннадцать из двадцати четырех скелетов, найденных на вершине Мапунгубве. Они принадлежали людям, которым «крайне недоставало негроидных черт» и которые относились, по словам Галловея, «к однородному населению Боскоп-Буша (т. е. готтентотскому или почти готтентотскому), родственному физически пост-боскопским жителям прибрежных пещер» Южной Африки. Они обладали некоторыми негроидными чертами, но в намного меньшей степени, чем скелеты говорящих на банту жителей современных Республики Зимбабве и ЮАР.

Как согласовать эти противоречащие друг другу суждения? Все выглядит так, будто из могил вытащили скелеты Вильгельма Завоевателя и его норманнов и обнаружили, что найденные кости принадлежат людям саксонского типа.

Противоречие это еще не разрешили. Все версии выглядят просто невероятными. Предположить, что «царские захоронения» Мапунгубве относились к типу банту, значило бы признать, что за несколько сотен лет физический тип изменился почти до неузнаваемости, чего произойти не могло. Более того, скелеты в «царских захоронениях» лежали в согнутом положении, чего, как известно, никогда не было при захоронении людей, говорящих на языках банту. Но принять другую точку зрения и предположить, что эти захоронения содержали останки людей готтентотского типа, было бы ничуть не лучше. Это означало бы, что готтентоты пользовались благами обработки металлов намного раньше (и на гораздо более высоком уровне), чем было на самом деле.

В дальнейшем точность результатов исследований скелетного материала была поставлена под сомнение. С определенностью можно заявить лишь то, что установлено абсолютное африканское происхождение всех находок, сделанных в Мапунгубве, хотя многие прямые связи с культурой Зимбабве можно считать лишь возможными, если не совсем маловероятными. Говоря кратко, картина такова: люди каменного века жили на холме Мапунгубве в период «незадолго» до изобретения земледелия, но, конечно, намного раньше общего временного отрезка, обсуждаемого здесь.

На соседнем участке, названном К2, Гарднер обнаружил селение скотоводов каменного века, бывших готтентотами или кем-то похожим, которые, возможно, начинали использовать медь, но не железо (этот пункт не совсем ясен: готтентоты плавили медь, используя технологию выплавки железа, которой они, наряду с народом К2, предположительно, научились у своих северных соседей). Множество скелетов, обнаруженных там, позволило Галловею установить, что люди К2 относились к «донегроидному» типу. Они хоронили скот, используя те же обряды, что и при погребении человеческих тел. В ходе недавнего радиоуглеродного анализа был определен возраст древесного угля при шестом по счету «животном захоронении». Гарднер считал их следами древнего хамитского культа и напоминающих животные захоронения неолитической культуры Древнего Египта. Этот возраст равен примерно тысяче лет. Таким образом, поселение в К2 должно датироваться примерно 900 годом н.э. или, возможно, более ранним временем.

Готтентотов каменного века, которые вели пастушескую жизнь, завоевали народы севера, знакомые как с земледелием, так и с железом. Эти новые люди, смешавшись посредством перекрестных браков с народом К2, для большей безопасности переместили свое поселение на вершину Мапунгубве. Там впервые были сделаны находки, свидетельствующие о народе, выращивавшем растительную пищу. В скале были проделаны отверстия для измельчения мяса и зерна, построены площадки, на которых стояли хижины, в некоторых местах они были укреплены каменной насыпью. Люди приносили с плодородных земель почву.

Кто были эти пришельцы и когда они появились? Существует мнение, что они были мигрировавшими остатками народа, построившего и населявшего Зимбабве и подобные ему места, – сото, шона, венда, то есть всеми этими говорящими на банту народами, чьи потомки так многочисленны сегодня, включая, конечно, басуто в Басутоленде, машона в Зимбабве и бавенда в Трансваале. (Приставка «ба» имеет значение множественного числа: мунту – человек, банту – люди; мувенда – один венда, бавенда – много венда.) Последними из них были бавенда, которых в восемнадцатом веке сменило другое, готтентотское население, а оно в конце концов рассеялось под натиском матабеле, двигавшихся на север в 1825 году.

По мнению Гарднера, последние завоеватели-готтентоты овладели определенной частью культурного наследия венда. Они отняли у них превосходные золотые украшения, позднее найденные Фуше и его коллегами, и по-своему использовали их в погребальных обрядах. Таким образом, получилось, что скелеты относятся к готтентотскому типу, как и сам порядок захоронения, а вот золото принадлежит... банту.

Несмотря на факты, подтверждающие эту версию, она не получила широкой поддержки. Эту загадку стоит оставить неразгаданной до более полноценного изучения данного направления или до будущих открытий на берегах Лимпопо между Мапунгубве и побережьем океана.

Часть ученых утверждают, основываясь на местных преданиях, что первые народы, говорящие на языках банту и переселявшиеся на юг, не пересекали Лимпопо до позднего Средневековья и сделали это не раньше XII века, когда они по-

ложили здесь начало железному веку. Затем на юг пришли сото, пересекая реку в тех местах, где сейчас находится Трансваль в середине пятнадцатого столетия или около того, и чуть позже там появились шона. Потом началось господство розви и венда над культурой Зимбабве, и эти народы, в свою очередь, отправили своих посланцев на юг.

Подобным образом могли происходить и позднейшие переселения. Есть какие-то неувязки в версии, согласно которой культура железного века не достигала Лимпопо до двенадцатого столетия, тогда как известно, что в нескольких сотнях километров к северу, за равниной, не представлявшей никаких сложностей для путешественников, она была хорошо развита, по крайней мере, шестью или семью веками раньше. Более того, существуют свидетельства и о береговых поселениях. Всего лишь шестьсот километров речного пути отделяли Мапунгубве от устья Лимпопо, впадающей в море, и благодаря Идриси, который делал свои записи в 1154 г., мы знаем, что в его время недалеко от устья Лимпопо существовали береговые поселения и там не только обрабатывали железо, но и поставляли его оттуда в больших количествах. Эти береговые поселения, несомненно, имели связи с землями в центре материка.

Бушмены Калахари

Племена Южной Африки, описываемые европейцами XIX в., начали появляться там, судя по существующим фактам, тремя или четырьмя веками раньше. Но другие африканские народы, негроидные и не негроидные, предшествовавшие им, сыграли важную роль в росте и развитии ранней культуры. Решающие технологические открытия – изобретение земледелия и начало обработки железа – в первом тысячелетии медленно двигались к югу. Те, кто принес их, возможно, были прямыми предками современного населения банту или принадлежали к смешанной группе, но с годами банту стали преобладать. Это они женились на женщинах из встречавшихся им народов, смешивались с ними, оставались там жить и изменялись. Это они породили людей, создавших Зимбабве с его башнями. И это они хоронили своих вождей и героев на холме Мапунгубве.

Ниеркерк и Иньянга: крепости и террасы

Нельзя не обратить внимания еще на одну обширную область древних развалин. Она включает окаменевшие остатки укреплений и селений на холмах, возвышающихся в прибрежной долине, постепенно переходящей в большое центральное плато. Эти руины по-своему не менее интересны, чем Зимбабве или Мапунгубве.

Несмотря на то, что португальцы никогда не бывали здесь, они явно поддерживали связи с государствами, находившимися в районе сегодняшней юго-восточной границы между Мозамбиком и Зимбабве. Возможно, именно оттуда удачливые португальские капитаны Софалы получали большую часть своего дохода. О том, какую роль играли эти земли в качестве посредников в торговле с центром материка, можно отчасти судить по количеству сокровищ, полученных в порту Софалы, хотя это накопление богатства продолжалось недолго.

В 1607 г., спустя век с начала регулярной торговли с Софалой, Луиш де Фигейредо Фалькон, секретарь Филиппа II, в своем отчете о богатстве португальской империи заявлял, что звание капитана Софалы было самым престижным из всех местных должностей на побережье. Оно давало доходов больше, чем само руководство Ормузом в Персидском заливе. Трехлетнее правление в Софале приносило двести тысяч крузадо, тогда как Ормуз оценивался лишь в сто восемьдесят тысяч, и

даже наместничество в Малакке, через которую осуществлялись торговля и грабеж Юго-Восточной Азии, давало не больше ста тридцати тысяч. В 1920 году, по описаниям, крузадо «весил не больше 60 г, то есть 9 шиллингов 9 пенсов в английских единицах». Таким образом, звание капитана Софалы давало в год двести восемьдесят долларов по курсу 1918 г. – сегодня это составило бы около восьмисот сорока тысяч долларов или даже больше – освобожденный от налогов доход за три года. Но капитан Софалы мог урвать лишь кусок (хотя и довольно жирный) от прибылей торговли, общий же доход был просто невообразимым. Это новое доказательство правдивости ранних арабских рассказов о богатствах, существовавших в Юго-Восточной Африке в Средние века...

Земли, через которые просачивались богатство и которые отчасти его порождали, лежали в широкой полосе, протянувшейся с севера на юг – от области Сены в нижнем Замбези на юг к современным Свазиленду и Наталю. Было бы логично ожидать, что они все же что-то после себя оставили, и эти надежды вполне оправданы.

Слухи о руинах на этих холмах, расположенных на западной границе Мозамбика, начали просачиваться обратно в Южную Африку вскоре после британской оккупации Машоналенда в 1891 г., но только в 1905 г. Рэндэлл-Макивер создал первое подробное описание.

Севернее Пеньялонги, в Мозамбике, где люди племени маньика до сих пор добывают аллювиальное (наносное) золото, Макивер обнаружил руины, отличавшиеся по стилю от Зимбабве и других восточных поселений, но не менее впечатляющие. Теперь мы знаем, что крепости и жилища, кладовые и террасные склоны холмов бывшей Восточной Родезии и Западного Мозамбика рассредоточены на территории в пять-восемь тысяч квадратных километров, а дополнительные тщательные исследования в Мозамбике могут ее значительно расширить. Когда чуть больше восьмидесяти лет назад их увидел Макивер, «о них еще не поступало сведений, и лишь случайные охотники порой забредали туда».

На холмах Ниеркерк и Иньянги, простирающихся на многие километры к северу и югу вдоль этого крутого склона, он нашел то, что так и просится назвать «южной азанийской»

культурой. Тут тоже были обнаружены следы народа, умевшего использовать камни и воду для сохранения и орошения почвы на крутых склонах, пасшего скот и выращивавшего зерно, знакомого с плавкой и добычей нескольких видов металлов и много торговавшего с восточными странами Индийского океана.

Например, в Ниеркерке Макивер обнаружил около семидесяти пяти квадратных километров интенсивного террасирования. Он принял стены уступов за оборонительные сооружения, но в дальнейшем согласился с теми, кто считал, что они созданы для возделывания земли и весьма напоминают о террасном земледелии Эфиопии и Судана. Тут также террасы заботливо создавали на холмах – вплоть до самых вершин. Тут «существует мало мест, где можно пройти 10 м, не наткнувшись на стену, строение или искусственную груду камней». Также было развито мастерство постройки каменных зданий методом сухой кладки.

В окрестностях Иньянги

В Иньянге, немного южнее Ниеркерка, в стране, еще сохранившей первобытные черты, где встречаются похожие террасы и сооружения, Макивер обнаружил ручей, запруженный у

самого истока, причем «часть воды была отведена в сторону сооруженной дамбой». Исследователь считает, что это обеспечивало жителей «высококлассным водопроводом, по которому вода могла передаваться вдоль склона и стекать вниз медленнее основного потока. Близ Иньянги много подобных конструкций, причем они тянутся на несколько километров, а угол склонения высчитан с изумительной точностью и сноровкой, которой иногда не хватает современным инженерам с их сложными инструментами. Плотины умело сложены из необработанных камней без использования раствора, а сами водопроводы представляют собой простые канавы около метра глубиной».

Здесь отчетливо заметно влияние Восточной Африки. У народа иньянга, как и у жителей Энгаруки на современной границе между Танзанией и Кенией, существовал обычай строить свои хижины и дома на каменных насыпях на склонах холмов, хотя тут имелись свои особенности. Они делали углубления типа шурфов в каменных насыпях, связывая их с поверхностью при помощи низких тоннелей, около метра тридцати сантиметров в высоту, и строили свои дома на вершинах насыпей, вокруг ям. Сначала европейцы считали их ямами для рабов, но сейчас все сходятся во мнении, что они использовались либо для хранения зерна, либо для содержания мелкого домашнего скота.

Частичные раскопки, предпринятые в 1951 г., предложили несколько ключей к датировке огромной сети террасного земледелия и крепостей и домов, построенных по методу безрастворной кладки. Исследователь Саммерс предполагает, что эти участки являются следами двух культур раннего родезийского железного века – того самого периода A1, который был свидетелем начального заселения Зимбабве людьми, использовавшими железо вскоре после или немного ранее 500 г. Он называет их Зива 1 и Зива 2, по имени одного из участков. Они внесли свой вклад в формировавшуюся картину, начало которой лучше всего видно у водопада Каламбо.

Большинство руин относятся к гораздо более позднему времени. В Ниеркерке «можно обнаружить совсем немного предметов, способствующих датировке, но, судя по нескольким бусинам из четырех разных мест, подходящим периодом представляется восемнадцатый век». Украшения, найденные в

развалинах поблизости Иньянги, предполагали несколько более раннюю дату. Возможно, правильнее будет сказать, что большая часть сохранившихся зданий была построена и использовалась в течение двух-трех веков до 1750 г. или около того. Как и следовало ожидать, существует свидетельство, по меньшей мере, торговых связей между руинами в Ниеркерке, Иньянге, Зимбабве с западными культурами. Также подтверждены торговые сношения с берегом Индийского океана ранними португальскими документами и предметами, найденными в развалинах.

На вопрос о том, насколько прочно различные племена Восточной и Южной Африки, строившие дома и крепости из камня, были связаны между собой, так же как и о том, интенсивна ли была их торговля с побережьем Индийского океана, ответить весьма сложно. Стоит лишь подчеркнуть, что эти юго-восточные культуры явились плодом деятельности высокоорганизованных народов, обладавших навыками обработки камня и металла, бывших скотоводами и земледельцами, чье развитие измерялось веками стабильного роста.

Многие вопросы остаются без ответов. Что угрожало их безопасности? Они строили много крепостей, а у их складов зерна, вероятно, была вооруженная охрана. В любом случае, они были расположены так, чтобы их легко было защитить. Сколько их было? На первый взгляд может показаться, что только многочисленное население могло поднимать и складывать огромное количество камней, но Саммерс в 1951 г. пришел к выводу, что на самом деле склоны холмов жители террасировали постепенно, следуя нуждам изменчивого земледелия, причем это делало относительно немногочисленное население.

Превратившиеся в уголь зерна свидетельствуют, что выращивались просо, сорго и бобовые, для которых кристаллизованный базальт (долерит) предоставлял как плодородную почву, так и хороший дренаж. Но узкие поля на склонах холмов невозможно было интенсивно возделывать каждый год. «То, что можно увидеть сегодня, – всего лишь сохранившиеся остатки после столетий непрерывной работы, и при этом лишь малая часть всей земли возделывалась единовременно. Рассеянность культурных отложений сама по себе является свиде-

тельством постоянных перемещений на новые поля, а повсеместность террасирования в этом регионе показывает, как тщательно прежние жители использовали каждый доступный клочок земли». Этот вывод подтверждается тем, что известно о более ранних поселенцах: несмотря на то, что их было ненамного больше, чем современных жителей, они оказались гораздо лучше организованы и обладали наряду с политической независимостью еще и экономической самостоятельностью, которая впоследствии была утрачена.

Подобно Зимбабве и Мапунгубве, Дхло-Дхло, Кхами и многим другим центрам, развалины на границе Республики Зимбабве и Мозамбика не являются загадкой, которую можно решить, привлекая более или менее мифический народ «извне». Они возникли не по мановению волшебной палочки. Но их реальность впечатляет еще больше, чем загадочность. Это материальные свидетельства, оставленные народами, первыми создававшими цивилизацию – без сомнений, грубую и простую, но явно заслуживающую этого названия, – на земле, где прежде не существовало ни одной культуры. Создававшими с трудом, проявляя упорство и изобретательность, без какой-либо помощи извне.

Сохранились их памятники. «Сюда было вложено столько же труда, – сказал кто-то о Ниеркерке Макиверу, одобрительно цитирующему это замечание, – сколько в строительство пирамид, если не больше».

Будучи разнообразными и противоречивыми, истоки Зимбабве берут свое начало практически в то же время, что и рождение древней Ганы. Первичное возведение стен «Акрополя» и «Эллиптического здания» было осуществлено ненамного позднее роста влияния Мали и превращения Тимбукту и Дженне в центры науки и образования. Километры террас, крепостей, насыпей и каменных жилищ Ниеркерка и Иньянги были созданы, когда Мохаммед Аския и его потомки правили Западным Суданом.

На этих равнинах и холмах творилась сама история. Народы-первопроходцы, пробивая собственный путь, привносили новые идеи и изобретали свои средства существования и пропитания – то продвигаясь вперед, то отступая, но все же постоянно продвигаясь по направлению к тем же целям и

преодолевая те же препятствия и разочарования, которые встретила бы любая зарождающаяся цивилизация. Пути решений здесь, в Зимбабве, были типично африканскими, но движущие мотивы, а особенно движущие силы были общими со всем человечеством.

Комментарий африканиста: золотой стандарт

Торговля не была монополией центральной власти. Рынки или ярмарки функционировали по всей стране, часто в столицах областей. Один из самых ранних торговых центров мог быть близ Большого Зимбабве. Также найдены и исследованы археологами позднейшие португальские ярмарки в Дамбараре и Луанзе. Каждый подданный короля мог выйти на ярмарку и начать торговать. Они находились под властью и юрисдикцией местных вождей, которые устанавливали цены – часто произвольно, безо всякого изучения спроса или предложения.

Время от времени торговцев пускали не только на ярмарки, но и в столицы и даже к правителю.

Суахилийские купцы пользовались значительным политическим влиянием, по крайней мере, на Муну-Мутапу. В течение XVII в. португальцы превратили его в настоящую марионетку. Когда Муну-Мутапа потерял власть, ее захватил правитель племени розви – Мамбо. В 1693 г. он прогнал португальцев с плато. Осознав, какую политическую угрозу несут с собой иностранцы, правители запретили им доступ в страну. Тогда португальцы стали нанимать африканских торговцев, вашамбадзи, своими агентами. Однако вашамбадзи не образовывали настоящее сословие купцов. Дело в том, что торговля, как и золотодобыча, была сезонным занятием, и к ней обращались только в сухое время, когда можно было легко путешествовать. Остальную часть года вашамбадзи обрабатывали землю и перегоняли свой скот по плато. Мамбо могли бы ограничить передвижения несколькими маршрутами и рынками в определенных городах, но они этого не сделали, и торговля не стала более подконтрольной.

Тем не менее, правители присваивали часть прибавочной стоимости, производимой золотодобычей, в виде натуры и дани. Одним из способов, которым это достигалось, было объяв-

ление всех самородков, в отличие от золотого песка и «нечистого» золота, собственностью правителя.

На таких парусниках золото путешествовало по миру

Масштабы торговли золотом в те времена впечатляют. До сих пор на ярмарке в Луанзе существует твердое тому доказательство. Здесь, вдали от каких бы то ни было месторождений, по-прежнему можно намыть золото и добыть его из наносов и жил прямо с поверхности земли. В Большом Зимбабве имело место подобное положение в XIX в. Источник золота был неизвестен. Это вызывало слухи о том, что руины стоят на особых золотоносных месторождениях в холмах.

Золото экспортировали в города на побережье Индийского океана, оттуда – в Аравию, в порты Персидского залива или в Индию. Таким образом, внутренняя экономика Юго-Восточной Африки была интегрирована в мировую. В XI в. исламский мир принял золотой стандарт. Первые золотые монеты были отчеканены альморавидскими правителями в Марокко. Христианский король в Толедо последовал этому примеру в 1173 г. С конца XIII в. по начало XIV в большинстве торговых городов Европы сделали то же самое. Средневековой Европой овладела стойкая страсть к желтому металлу. Из него изготавливали украшения, копили как сокровище.

Если медь и серебро были валютой купцов, то золото стало валютой правительств, знати и церкви. Им финансировали войны и исправляли политические ошибки. Монгольские завоеватели Китая, Индии и Персии в первой половине XIII в. объединили Азию. В конце столетия образование крестоносных государств установило шаткий мир между исламом и христианством.

Возобновилась европейская торговля с Востоком. В Европе возрос спрос на восточные шелк и пряности. В свою очередь, Европа могла предложить Востоку только золото, так как во всем остальном он был самодостаточным. Многие другие товары, в любом случае, были слишком громоздкими, чтобы их возить и торговать ими. До тех пор, пока богатства Америки не были интегрированы в европейскую экономику после испанских завоеваний XVI в., Африка оставалась самым важным источником золота, обеспечивая две трети его мировых поставок. Но спрос на золото в Индии все время повышался. Происходил постоянный и безвозвратный отток металла из Европы на Восток. Юго-Восточная Африка тоже играла значительную роль в удовлетворении этого спроса, хотя и находилась на периферии торговой сети...

Порты Могадишу и Килва на побережье Восточной Африки являлись примером будущих свободных и равноправных торговых отношений. Народы областей, что лежали южнее, какие бы они меры ни предпринимали, так и не смогли занять собственного места в мировой экономической системе. Они были лишь пассивными партнерами, обменивая редкое и ценное сырье и излишнюю готовую продукцию, золото и слоновую кость, на предметы роскоши, безделушки и престижные для знати товары. Возможности для внутреннего, независимого развития были потеряны. Международные отношения не давали никакого стимула или перспективы для развития местного производства или экономического роста. Обмен был неравным. С самого начала их отношений с иностранцами государства Восточной Африки оказались замкнутыми в тупике. Образование и расширение королевств и государств, новых общественных институтов, нового социального сознания и сплоченности не могли скрыть хрупкости, нестабильности и неустойчивости экономики, возникших из-за внешнего экономического давления...

Храм или Эллипс?

Только в это время и появились экономические условия для развития Большого Зимбабве. Он находился в уникальной по своему расположению области на юго-восточном краю плато. Крутой склон улавливал влажные юго-восточные пассаты с прибрежной равнины Мозамбика. Соответственно, эта область получала постоянный и надежный уровень осадков. Неподалеку отсюда проходила одна из золотоносных жил плато, но руда в этом месторождении необычайно бедная и, вероятно, никогда не добывалась в доисторические времена. Жирные, плодородные почвы у золотой жилы встречаются с легкими, гранитными почвами холмов. Покрытая густым лесом и пересеченная местность, весьма удобная для охоты, переходит в обширные пастбищные луга в низине.

Большой Зимбабве занимает стратегическую позицию на пути к побережью. Воды с верховьев реки Лунди вливаются сразу за поселением в бассейн реки Саби. Саби обходит с фланга горный хребет Чиманимани и течет прямо и легко к равнине и морю.

Большой Зимбабве включает в себя несколько отдельных комплексов стен. Отдельно стоящая огромная ограда, называвшаяся «Храмом» у европейских любителей древностей, ныне известна под именем «Эллиптическое здание» и доминирует над лесной долиной. Она окружена примерно двенадцатью меньшими оградами, которые повторяют ее базовую форму. Над долиной высится гранитный утес, который укрывает другую постройку с высокими стенами. Валуны на соседней вершине заключены в лабиринт меньших стен, носящих название «Акрополь», или «Руины на холме».

Слово языка шона «зимбабве» означает дом уважаемого человека, жилище вождя. Этим и был Большой Зимбабве. Мощь и протяженность огромных полуразвалившихся каменных стен, которые производят огромное впечатление на всех, кто их видит, возвышающихся в одиночестве посреди ныне безлюдных африканских чащоб, не должны сбивать с толку. Если теперь они служат памятником власти и славы древнего царства, то когда-то они играли более приземленную, бытовую роль.

Одна из крепостей королей Мономотапы

Раскопки и тщательный архитектурный анализ показали, что все эти стены изначально стояли вокруг круглых глиняных хижин. Каждая группа стен и хижин образовывали семейный жилой комплекс, отдельно с хижинами для жен и детей, для сна, приготовления еды и встречи гостей. Между ними были дворы, где женщины могли заниматься домашней работой в некотором уединении, и другие участки для ремесленного труда. В самых крупных оградах находились постройки, вероятно, отведенные под церемониальные цели.

Поразительной чертой Большого Зимбабве является то, что его планировка повсюду соотносится с домашним пространством и структурами, предназначенными для проживания людей, их работы или укрытия скота. Нет улиц, а есть просто тропинки между отдельными жилищами; нет площадей для общих собраний, никаких монументальных зданий, рынков или бараков, никаких торговых или производственных зон.

Здания строились бессистемно, по мере спроса на жилье, а вовсе не в соответствии с неким общим, навязанным архитектором, планом. Здесь не было городских стен (исключая более поздние пограничные стены) или укреплений. Не было даже

специальных зданий, предназначенных для военных целей. Входы не защищались. Не имелось и внешних укреплений. Наверху стен – никаких перекрытий, препятствующих входу или проникновению за них. Здания не расположены так, чтобы поддерживать друг друга. Единственный случай, когда использовались природные оборонительные черты местности, можно найти в Руинах на холме, построенных на краю утеса. Их планировка явственно напоминает о Мапунгубве и Мапеле и, вероятно, совпадает по времени с ними и самыми ранними зданиями в Большом Зимбабве. На остальные склоны холма можно легко взобраться – они не защищены стенами.

Выбор строительной техники Зимбабве продиктован изобилием глыб, которые сами откалывались и падали с голых гранитных холмов, что окружают поселение. Отслоение – это естественный процесс, следствие слабости кристаллической структуры скал и резких перепадов температуры, но его можно и стимулировать, если разжигать и тушить костры на скалах. Глыбы с параллельными сторонами можно выламывать и в результате получать удобные блоки для строительства. Сложенные аккуратно, они придают фасаду вид почти ровной поверхности, тогда как их внутренние стороны могут оставаться более неровными. Отсутствие скрепляющего раствора и толщина стен придают конструкции гибкость, которая позволяет стыковать ее с соседними структурами и передвигать, не нарушая порядка укладки. Эти методы возведения стен имеют глубокие местные традиции.

В течение всего раннего железного века для жилья выбирались именно такие холмы, усеянные валунами, столь характерными для ландшафта плато. Пространства между валунами заполнялись упавшими камнями, чтобы улучшить их природные защитные свойства. Позже каменные стены все еще рассматривались просто как внешние ограждения. Их не воспринимали как структуры, несущие нагрузку. На них не было крыш. Они не были частью жилых домов. Стены не соединялись друг с другом. Фасады стен не приводили в соответствие с внутренним заполнением. Общий планировочный базис зданий покоился на долгих и постоянно изменяющихся изгибах. Они воспроизводили формы заслонов и оград, которые можно найти в любом рабочем африканском поселке. В них не было

даже намека на регулярность или повторяемость. Это базовая и необычная концепция каменных стен, с трудом воспринимаемая западным умом, отражает полную культурную изоляцию строителей.

Хотя в техническом отношении методы каменщиков за годы и века мало изменились, растущая элегантность их построек и улучшение в обработке материалов очевидны. В стенах более позднего времени блоки пригнаны тщательнее и лежат горизонтальными рядами, регулярность которых можно проследить на значительных расстояниях. Фасады этих блоков обработаны так, чтобы придать им вместе вид единой ровной поверхности. Каждый ряд блоков чуть отступает назад по сравнению с нижним; таким образом, вся стена постепенно склоняется назад в элегантном изгибе. Эти уступы образуют изящную и совершенно оригинальную, чисто местную систему составных, постепенно увеличивающихся изгибов.

В углах дворов строились террасы с платформами. Возводились башенки и низкие цилиндрические алтари. Входные проемы удлиняли и делали более узкими за счет добавления низких, полукруглых «бастионов» внутри них, часто с пазами для деревянных дверных косяков.

Некоторые стены были украшены линиями наклонных блоков, образующих зубчатые или стропильные узоры. Один вход имел ряды разноцветных камней. Наверху внешних стен ставили цилиндрические башенки и вертикальные монолиты из естественного или обработанного камня. В жилых хижинах делались толстые глиняные стены с отполированным фасадом. Очаги, платформы, сиденья и полки для посуды внутри были сделаны точно таким же способом. Были и закругленные бордюры, которые защищали подножия вне стен от разрушения и эрозии.

Глину использовали так же щедро и для тех же целей, что и камень. В обоих случаях целью было произвести впечатление, а не защитить или создать удобства для жилья.

Обитатели каменных зданий Большого Зимбабве могли исчисляться сотнями, но не тысячами. Если Эллиптическое здание, как самая крупная и наиболее внушительная постройка, воспринималась как дворец правителя, то другие постройки можно рассматривать как жилища его придворных: родствен-

ников, управителей, жрецов и чиновников, узкий круг ближайших администраторов. Остальную часть поселения, занимающую примерно 100 квадратных метров, населяли крестьяне, ремесленники и мастеровые, жившие в мазанках, от которых не осталось даже следов на поверхности. Сохранился только мусор от них в виде золы, костей и осколков посуды. Широкомасштабные раскопки вне оград, которые могли бы пролить свет на демографию, экономику, технику земледелия и социальную структуру комплекса еще до сих пор не проводились...

Центр экзотических украшений

Археологическая реконструкция развития Большого Зимбабве по-прежнему целиком основывается на воспоминаниях тех, кто рылся в руинах этого поселения в конце XIX в. Их находки показывают, что Большой Зимбабве был центром ремесел и производства. Здесь работали с золотом, медью и железом. Тигли и инструменты, которые использовали для превращения металла в тонкую проволоку для ручных и ножных браслетов, нашли среди мусора в Руинах на холме и Эллиптическом здании. Золотые бусины, золотая проволока и тонкие золотые пластинки, которыми покрывали деревянную вещь с резьбой, были также обнаружены в большом количестве. Железные изделия найдены на полу пещеры в Руинах на холме. Также неподалеку находились остатки плавильных печей.

Из мыльного камня местные жители вырезали плоские, широкие блюда. Их бока украшались резным узором: витые пересекающиеся нити или – по фризу – изображения длиннорогого скота, зебр или бабуинов. Монолиты увенчивались резными изображениями стилизованных птиц. Все это представляло собой зарождающийся скульптурный стиль. У него не было явных предшественников и последователей.

Терракотовые статуэтки домашних животных похожи на те, которые находили в поселениях Леопардс-Копье. Изо льна пряли и предположительно ткали, если судить по многочисленным веретенам, сделанным из черепков. Непохоже, чтобы лен рос поблизости. Скорее всего, он поставлялся из таких далеких мест, как равнина Замбези.

Похоже, что Большой Зимбабве находился прямо в центре торговой сети значительных масштабов. Здесь продукция со всего плато собиралась и перерабатывалась, и многое из этого затем продавалось чужеземным купцам.

Уникальный склад самых разнообразных и экзотических товаров был раскопан в 1902 г. в ограде сразу же за Эллиптическим зданием. В нем можно найти много примеров контактов между областями плато и богатой заморской торговли. Так, на складе обнаружили большой запас железных мотыг местного производства, широко используемых в качестве дани и религиозных подношений среди шона. Там имелись во множестве витая проволока из железа, меди, бронзы и золота; золотые пластины и бусины; медные слитки; медные украшения. Были найдены три железных гонга, каждый сделанный из двух металлических пластин, сплавленных по краям. Гонги – типичные музыкальные инструменты Западной Африки. Но они также являлись знаком отличия вождя среди многих бантуязычных племен. Местные изделия, таким образом, состояли из экстравагантных украшений, весьма редких знаков отличия, престижных товаров и типичных культовых предметов.

Вместе с ними на складе хранилась небольшое, но весьма примечательное собрание чужеземных безделушек. Многие из этих вещиц относились к тем видам изделий, которых не находили больше нигде во внутренних частях Африки. В их число входит железная ложка, железный же подсвечник, кусочки коралла, бронзовые дешевые колокольчики, медные цепочки, раковины каури, гравированное и эмалированное сирийское стекло, персидская фаянсовая миска с арабской надписью, китайский селадон и каменные сосуды. И еще были десятки тысяч стеклянных бусин. Действительно, довольно странное собрание, и при этом едва ли имеющее цену того золота, которое за него, вероятно, заплатили.

Этот склад, изначально принятый за тайник, который скрывали от иностранных торговцев, скорее всего, являлся помещением для сбора дани, которую преподносили правителю Большого Зимбабве. Чем бы ни была эта коллекция, она хорошо иллюстрирует выдающееся значение Зимбабве, как центра торговли, сбора дани и продуктов местного производства на плато.

Первое постоянное поселение в Большом Зимбабве появилось в XI столетии и продолжало существовать весь XII век. Из того немногого, что мы знаем о нем, можно заключить, что оно сильно походило на поселения ранней фазы культуры Леопардс-Копье, которая уверенно датируется именно этим периодом. Единственная радиоуглеродная датировка дает 1075 г. плюс-минус 150 лет – для конца этой фазы поселений Зимбабве.

Первые каменные стены в Большом Зимбабве строили относительно грубо. Камни укладывали в некое подобие рядов и их фасады были едва обработаны. Деревянные перемычки, поддерживавшие водоотвод под такой стеной в Эллиптическом здании, – самый ранний образец, подходящий для радиоуглеродного анализа, проведенный в то время, когда в лабораториях только осваивался этот метод. Три полученные даты, относящиеся к VII и VIII вв., были подозрительно ранними. Можно было ожидать, что эта фаза окажется современной поздней фазе культуры Леопардс-Копье, которая датируется XIII–XIV вв. Образцы недавно перепроверили и получили две даты, относящиеся к концу XIII – началу XIV в. Другой кусок дерева из подобной перемычки стены в Руинах на холмах, показал ту же дату. Также имеются два образца из кучи ремесленного мусора, датирующиеся XIV в. – один из них явно относится к тому же периоду, что и ранние стены.

Поздние стены в Большом Зимбабве демонстрируют возросшее мастерство каменщиков. Они сложены из рядов блоков с обработанными фасадами. Вероятно, они являлись современниками строительных работ в конце XIV – начале XV в. Это был период наибольшего процветания Большого Зимбабве. Все импортированные товары из селадона, фаянса и эмалированного стекла как раз датируются XIV в.

Большой Зимбабве, скорее всего, перестал играть значительную роль в экономике где-то в XV в. Это было единственное поселение во внутренней Африке, которое могло получать китайский селадон в любом количестве, но хранило всего по два-три образца голубого и белого китайского фарфора. А на побережье в середине XV в. эту посуду импортировали в таком же количестве, как и селадон. В конце столетия ввоз фарфора даже превысил ввоз селадона. Поскольку в комплексе фарфор в

больших количествах не был найден, можно заключить, что это поселение прекратило свои торговые контакты с побережьем, по крайней мере, в середине XV в.

Одна из последних мазанок в Руинах на холмах датируется 1440 г. плюс-минус 150 лет. Эта датировка совпадает и с результатами анализа товаров.

Миниатюрные Зимбабве

Большой Зимбабве существовал не в изоляции. Ограды из каменных стен строили по всему гранитному плато. Некоторые стены, находившиеся на золотоносных месторождениях или просто далеко от открытого гранита, возводились из известняка или аспидного сланца. По крайней мере 80 оградных поселений, со своим стилем строительства стен, своими типами жилищ, керамикой, металлическими изделиями и импортными бусинами, были современны Большому Зимбабве и схожи по уровню культурного развития. Многие из них разграбили искатели сокровищ в конце XIX в. Некоторые исследовали археологи. Не более семи имели стены, несущие отпечаток того же уровня развития техники каменного строительства, что и в Большом Зимбабве, и следовательно, должны были иметь долгую историю. Так оно и было в Леккеруотере, Мтоко и Чумнунгве.

Леккеруотер широко исследовали в начале 1960-х гг., но целиком результаты никогда не были опубликованы. Это – одно из немногих поселений, где нашлись образцы для радиоуглеродного анализа сразу нескольких культурных слоев. Двенадцать образцов датируются разным временем от XII до XVI вв., но только пять – XIII и XIV вв. – точно связаны с основным занятием обитателей каменных оград.

Раскопки в Мтоко, проводившиеся в 1920-х гг., открыли некоторое количество селадона XIV–XV вв. – это единственное поселение, кроме Большого Зимбабве, где были сделаны такие находки.

Чумнунгва, расположенная в 160 км к юго-востоку от Большого Зимбабве и, как и он, стоящая на краю склона плато, возможно, была самым ближайшим из могучих соседей и вероятным соперником столицы. В 1898 г. здесь были сделаны богатые находки золота из захоронений в пределах ограды.

Более мелкие поселения имели стены в том же стиле, что и поздний стиль Большого Зимбабве. Они, вероятно, относятся к периоду наивысшего его расцвета в конце XIV в. – начале XV в. Может быть они являются примером колониальной экспансии столицы в этот период.

Распределение поселений с каменными оградами очень широко, но вовсе не беспорядочно; однако его пока невозможно привязать к золотым залежам, торговым маршрутам или каким-то особенным природным условиям.

Многие маленькие поселения, часто до шести рядом, возводились на расстоянии одного дня пути от большого – такого, как Чумнунгва или Большой Зимбабве, или же друг от друга. Это заставляет предположить, что в них жили или зависимые от правителя люди – семья, родичи, придворные, или что каждый последующий правитель строил свою собственную ограду и, таким образом, она была населена не дольше времени жизни одного поколения. Тонкий слой производственного мусора во многих поселениях подтверждает такое предположение.

Явственно новый стиль каменного строительства развился на юго-западе. Все ограды этой группы находятся в пределах 90 км от Кхами, самого крупного поселения этого типа. Новая фаза культуры Большого Зимбабве названа по его имени. Местные каменные стены были, как и у их предшественников, сделаны из блоков, уложенных в регулярные ряды и с тщательно обработанными фасадами. Однако они все были обращены к земляным террасам и платформам, на которых возводились жилые хижины. Только некоторые из стен стояли свободно, не будучи привязаны к другим постройкам. Таким образом, изначальная функция стен, обеспечивать людям уединение и укрытие, теперь была заменена другой. Но первейшая цель возведения стен все же осталась: продемонстрировать мощь и богатство правителя.

Многие стены были искусно украшены. Шахматные узоры, образованные попеременным пропуском блоков в строго регулярных рядах, встречаются довольно часто и являются характерным украшением для этой фазы. Вместе с этими узорами были найдены фризы и панели с узорами зигзагом, «елочкой» и косыми рядами. Ряды цветных камней, обычно плит из железняка, часто монтировались внутрь стен.

Керамика этих поселений демонстрирует похожее стилистическое развитие, как и в Большом Зимбабве. Образцы также явно отличаются по стилю от керамики предшествующей фазы. Их декор использует основные мотивы Большого Зимбабве, но при этом комбинирует их в гораздо более сложные узоры, к тому же с полихромной отделкой.

При раскопках самых важных поселений, Кхами и Дхло-Дхло, были найдены китайский голубой и белый фарфор XVII–XVIII вв., европейское стекло, украшения и серебряная посуда, португальские ружье и пушка. Это были подарки, дань или подношения новой правящей династии и центру экономической власти, преемнику Большого Зимбабве. Они приходили из Португалии, новой торговой силы в Индийском океане, которая вытеснила с плато суахильских купцов.

Многие из изменений, характерных для фазы Кхами, особенно в архитектуре, сильно напоминают влияние культуры Леопардс-Копье. Каменные стены, которые располагаются под террасами и поддерживают искусственно выстроенные платформы, впервые были обнаружены во многих поселениях Леопардс-Копье, но эта их функция наиболее ярко выражена в Мапеле.

На самом дальнем краю мира шона, близко к побережью моря в южном Мозамбике раскопки проводились совсем недавно. Они доказали, что и здесь дворы и столицы правящих династий шона следуют образцам престижных зданий, где утвердилась придворная изысканность. Манеквени – это простое поселение, огражденное каменной стеной из известняковых блоков, единственного вида камня, который можно найти на прибрежных равнинах, и не обладавшего превосходными строительными качествами гранита. Каменные и толстые глиняные стены жилищ демонстрируют здесь власть правителя, как и на плато. Здесь были найдены и традиционные регалии вождей шона – железные колокольчики и серьги из конусовидных раковин. Имелись и шарики из золота, ближайшее месторождение которого – это рудники в восточных горах плато, отстоящие на 320 километров, что подтверждает экономические связи с внутренними частями страны. Стекло, китайский голубой и белый фарфор и бусины указывают на иностранную торговлю. Местные товары несут признаки новых мотивов

Большого Зимбабве и явной оригинальности в русле общей традиции.

Манеквени столь же древний, как и Большой Зимбабве. Двенадцать образцов для радиоуглеродной датировки показали, что его стены были построены примерено в XII в., и что он был населен до XVI–XVII вв. Судя по его местоположению, Манеквени, в отличие от других каменных дворов, мог процветать только за счет дальней торговли. На песчаных, низких равнинах, которые его окружают, дожди идут не часто, и тонкий слой неплодородной почвы, полное отсутствие наземных источников воды в течение большей части года превращают земледелие в очень трудную или даже невыполнимую задачу. Даже сегодня сельское хозяйство здесь может прокормить только население отдельных поселков. Деревень здесь сейчас нет, по крайней мере, таких густонаселенных поселений, каким когда-то был Манеквени...

Отсутствие цементирующего раствора – отличительная черта кладки

Закат Большого Зимбабве

Великий Зимбабве испытал внезапный экономический спад в XV в. Этому можно дать несколько объяснений. Есть причины эмоционального и психологического характера: экспансионистские амбиции правителя, основанные либо на его личных

устремлениях, либо на советах чужеземцев. Экономические причины могут скрываться во вмешательстве государства во внешнюю торговлю, что привело к контролю над рудниками и маршрутами экспорта, которые развивались на северном краю плато. Общая деградация природной среды – исчезновение дичи, уменьшение лесных ресурсов, истощение почвы под пастбищами и полями, возникшее в результате необычайно распространившихся крупных постоянных поселений, также могло стать причиной упадка.

Ни одна из этих гипотез не была проверена археологическим путем.

Для этого периода можно обратиться и к данным, полученным помимо раскопок. Устная традиция шона, подтверждаемая почти современными описанным событиям отчетами португальцев, говорит, что в середине XV в. первый Муну Мутапа покинул свой дом на юге и переселился в долину Замбези «из-за недостатка соли». Такое экзотическое объяснение можно воспринять как намек на некоторые земледельческие или экономические проблемы в столице, которые оказались неразрешимыми.

Это событие явно совпадает по времени с неожиданным упадком торговли в Большом Зимбабве. Великий Зимбабве как раз и мог быть той столицей, которую покинул Муну Мутапа, переселившись на север. Это событие также могло просто отражать политическое напряжение, вероятно, династические споры, возникшие внутри правящей верхушки. Следствие – раздел династии и переезд «диссидентов» во главе с Муну Мутапой на север. Далее люди Муну Мутапы быстро подчинили себе все группы шона между плато и побережьем. Принцев из этой династии посылали править областями Маника, Теве и Седанда. Это и была «империя Муну Мутапы», чья слава в основном покоится на описаниях португальцев, которые стали ее торговым партнером в XVI в. Они знали, но говорили много меньше того, что знали, о другом королевстве, которое возвысилось на юго-западном конце плато.

Здесь традиция столиц с каменными стенами, зародившаяся в Большом Зимбабве, продолжилась. На этой основе выросло новое государство шона, теперь уже от ветви розви, возглавляемое династией Чангамире. Оно обязано своим воз-

вышением богатству юго-западных областей золотом и скотом. В 1693 г. правитель из династии Чангамире, Мамбо, вытеснил Муну Мутапу и его португальских союзников с плато. Государство Розви, пока оно не пало под натиском захватчиков-нгуни (зулусов) в 1803 г., было настоящим наследником Большого Зимбабве, обладающим неоспоримой силой на плато.

Комментарий африканиста: контрасты Зимбабве

Такова вкратце история Большого Зимбабве и государства – его преемника. Множество вопросов все еще ждут ответа. Какова была структура государства? Из чего она развилась? На какой власти было основано государство? Откуда взялась эта власть?

Много ошибок в интерпретации истории Зимбабве объясняются тем издавна установившимся воззрением, что все археологические комплексы должны представлять единую культурную общность, относящуюся целиком к одному племени или народу. Но это неверно. Что касается Большого Зимбабве, достаточно поглядеть только на один срез общества, правящий класс, который удерживал власть благодаря контролю над производством товаров, интересующих иностранных купцов. Особая природа этого общества проявлялась не только в его архитектуре. Она также заметна в керамике, домашней утвари и приготовлении пищи. Прекрасно отполированные сосуды для питья и огромные емкости для хранения и изготовления напитков преобладают во всех коллекциях здешней керамики. Отсутствовали миски для сервировки блюд из хлебных злаков или гарниров и было очень немного посуды, пригодной для приготовления твердой пищи. Очень редки находки ручных мельниц для перемола зерна. Анализ коллекций костей из куч пищевого мусора говорит о том, что, в основном, это были кости крупного скота. И каждое раскопанное небольшое поселение «зимбабве» показывает то же самое. Ни в одном поселении позднего железного века не было признаков столь скудной диеты.

Особенно значимо, что многие очаги культуры Большого Зимбабве были слишком маленькие по размерам, чтобы вести независимое существование. В большинстве из них могло проживать не более одной семьи. Они явно не были жизнеспособны

в экономическом смысле. Их безопасность и жизнеобеспечение зависели от более крупных групп населения, живущих в непосредственной близости. В действительности, они были лишь потребителями трудовых и товарных ресурсов, прибывавших извне. Кто обеспечивал их? Кто, кроме правящего класса, входил в состав общин позднего железного века?

Кроме людей культуры Леопардс-Копье на юго-западе, были определены по крайней мере три отдельные археологические группы позднего железного века. Эти группы занимали разные территории в северной половине плато. Они различались только стилем своей керамики. Их вполне можно рассматривать как отдельные этнические группы – кланы – одного народа шона. Все жили в обширных деревнях посреди сельскохозяйственной области. Недостаток всех импортируемых товаров; бедность их украшений; простота их жилищ; отсутствие любых указаний на дифференциацию по благосостоянию или статусу владельца, или специализации в архитектуре, или планировке их деревень – это доказано раскопками. Все указывает на то, что эти деревни представляли собой сообщества равноправных членов, существующих за счет продуктов земледелия. Время активной жизни поселений – период с XII по XVI вв. Таким образом, они являются современниками каменных оград. И каменные ограды были рассеяны по территориям всех этих трех групп (так же, как и по территории поселений культуры Леопардс-Копье). Не может быть никаких сомнений в том, что они сосуществовали. Эти люди были, предположительно, крестьянами и рудокопами, которые и поставляли правителям еду, рабочую силу и богатство. Они представляли собой устойчивый, почти автономный, производственный сектор традиционной африканской двойной экономики.

Только два раскопанных поселения имеют признаки того, что в них проживали, поблизости друг от друга, обе основные группы общества. Руанга, здание XV–XVI вв. у реки Мазоэ, стоит на холме, который был занят общиной земледельцев начиная с XII в. Распределение археологических находок указывает на то, что обе группы сосуществовали. В Манеквени, поселении с каменной оградой в южном Мозамбике, была найдена большая коллекция керамики, стиль которой и ее распределение указывают на подобную же ситуацию.

Но одним контрастом между жизнью правителей в их дворах с каменными оградами и их подданных соплеменников из различных групп вся история не ограничивается. Некоторые группы людей отличались от простых крестьян. Те, кто проживал на северном крае плато, добывал медную руду в холмах Урунгве. Слитки, которые они делали, с бороздками и в форме «крыльев мельницы», как описывали их португальцы, были найдены на юге, в районе Большого Зимбабве. В захоронениях этой группы в Ингомбе Иледе, на берегу Замбези, найдены инструменты для протягивания медной проволоки, из которой изготавливались ручные и ножные браслеты. Также там обнаружены слитки, бруски и пруты, представляющие собой разные стадии этого процесса. Высокий социальный статус этих мастеров по металлу демонстрируют спаянные железные гонги и серьги из конусовидных раковин, которые также находились в их захоронениях. Их власть символизируют наборы мотыг такой особенной формы, что они скорее походят на ритуальные, чем на реальные земледельческие инструменты. Их богатство показывают золотые бусины, которые они носили в ожерельях, и золотые оклады их серег.

Основой силы металлообработчиков Ингомбе Иледе было то, что им удалось объединить две главные медепроизводящие области Центральной Африки в широкомасштабную торговую сеть, которая протянулась от Заира до Зимбабве.

Эта группа, судя по всему, пришла в упадок с переездом Муну Мутапы на север. О торговле с ними только единожды упоминают португальцы в начале XVI в.

Однако если династии Зимбабве правили над несколькими отдельными группами из маленьких, отдаленных и беззащитных поселений, возникает вопрос: как они добились такого контроля? Как поддерживали свою безопасность и как подчиняли людей и присваивали себе продукты их труда? Ведь их дворы были слишком малы и беззащитны, чтобы быть частью военной системы...

Власть духов предков

В африканской жизни политическая и экономическая власть редко отделены от религии. И то и другое связано почти неразрывно и часто олицетворены в одном человеке – правителе. Башенки, монолиты, алтари и ряды скульптурных

изображений птиц из мыльного камня, которые ставились и на стены, и на алтарь, – все это должно было иметь некое сверхъестественное предназначение. Центральную роль ритуала в подтверждении политической власти в культуре Зимбабве теперь можно проиллюстрировать и археологически – находками из раскопок в Нгунгузе, малом поселении с каменной оградой недалеко от Руанги. Над всей деревней доминировало очень большое, круглое в плане глиняное здание – одно из самых больших, известных среди такого типа поселений. Оно было разделено на зал, который вел в маленькую комнату, где имелось только сиденье. За этим «троном» была стена, а за ней уступами поднималась платформа с низким каменным цилиндром наверху, заключенным в глину и имеющим желобок для установки вертикального монолита или какого-то резного изображения. Это был своего рода алтарь с платформой, которую и описывали ранние отчеты европейских любителей древности. Какие бы предметы ни были запечатаны в этой скрытой комнате, они были реальной, равно как и символической опорой для того человека, кто сидел на «троне» перед ними и представлял собой власть в этом «зимбабве». Ранние формы религии шона были местными культами. Они были широко распространены, независимы друг от друга, совершенно децентрализованы и связаны с земледелием и военными делами местных общин. Это, судя по всему, были реликты верований древних земледельцев, которые жили в самодостаточных общинах без сильной или постоянной формы власти. Вероятно, они зародились еще в раннем железном веке. И совершенно точно, что они предшествовали централизованным формам правления позднего железного века.

На плато доминировал культ Мвари, единственного высшего божества, далекого от забот простых людей, чьи жрецы, однако, озвучивали его волю в посвященных ему святилищах. Это – централизованный культ с простой, ясно очерченной системой святилищ, жрецов и чиновников. Правители розви воспользовались единством культа Мвари как основой своей политической власти. Жрецы культа обеспечивали правителю розви Мамбо информацию, и их агентурная сеть охватывала страну. От памятников этого культа теперь осталось лишь одно святилище в холмах Матопо, к югу от Кхами. Традиционно его центр находился при дворе Мамбо.

На северном краю плато и в долине Замбези основными были культы мгондоро. Мгондоро – это духи предков-королей, основателей и героев, которые стали полусвятыми. Иногда они овладевали духом медиумов и вещали через них. Это участие духов прежних правителей в принятии актуальных важных решений – одна из форм внедрения религии в политическую жизнь. Одержимость духами использовалась на нужды общества или государства.

Юго-запад пошел дальше севера. Здесь, как предполагается, были найдены альтернативные источники экономического богатства. Зависимость государства от чужеземной торговли была сведена к минимуму. Богатые пастбищные земли на юго-западе подняли экономическую роль скотоводства. Владение всем скотом снабдило Мамбо альтернативный источник дохода, а развитые сельскохозяйственные технологии сделали королевство относительно свободным от давления соседей.

В XVIII в. военная организация и доблесть розви, а также разумное устройство и постоянная поддержка армии позволяли чиновникам Мамбо путешествовать по стране и собирать дань напрямую в зависимых центрах. Дань больше не проходила через иерархию деревенских и провинциальных вождей. Она стала независимым и важным источником дохода, который шел напрямую к центральному правителю.

С такой организацией экономики, которой могли бы позавидовать и в Европе, и в Азии, Зимбабве простоял бы вечно, если бы не… европейская экспансия, против которой местные правители оказались бессильны.

Закон ассегая, или Цивилизация копья

Комментарий африканиста: военная пастушья аристократия

«Мы потрясаем копьями, символом нашего боевого и воинственного духа. Мы никогда не отступим, не потеряем надежды и не оставим товарищей. Если мы примем решение, ничто не заставит нас его изменить. Даже если небо будет угрожать упасть и раздавить нас, мы возьмем копья и подопрем его. А если небо и земля захотят объединиться и уничтожить нас, мы воткнем копья в землю и помешаем им встретиться; так они и останутся разъединенными, хотя дополняют друг друга. Наша верность и наша решимость неизменны и уравновешивают друг друга в справедливости».

Эту песню пели воины кикуйю, когда в конце церемонии обрезания новоиспеченному бойцу вручали его оружие, окропленное кровью жертвенного животного.

Копье прославляли в многочисленных песнях и поэмах, которые можно услышать на территории Восточной Африки, начиная от болотистых равнин Белого Нила, в районе 10° северной широты, где живут нуэры, динка, шиллуки, и кончая холмами Наталя, в районе 30° южной широты, заселенными зулусами. Сюда входят высокогорные плато Великих озер, государства, образованные народами ганда, ньоро, руанда вблизи экватора. Эта огромная площадь прерывается широкой полосой саванн, относящейся к цивилизации зернохранилищ, которая простирается южнее высокогорных плато вплоть до Индийского океана и от озера Ньяса до реки Лимпопо.

На всей этой огромной территории до сих пор обитают народы, обладающие схожими особенностями быта, поведения и обычаев.

Совокупность этих особенностей многие исследователи назвали одним и тем же словом: военная пастушеская аристократия.

Главными и ярчайшими ее представителями были зулусы.

Война для них не являлась нарушением общественного равновесия или кризисом. Это было узаконенное явление, составлявшее часть экономики и политики. Например, когда масаи,

которые живут в районе Килиманджаро, на территории Кении и Танзании, замышляли набег на другое племя, они просили местного вождя выработать план нападения и в случае необходимости добиться содействия других отрядов. Затем, по словам историка Г. В. Хантингфорда, военачальники отправлялись, к колдуну и спрашивали его согласия, которое он давал только в том случае, если обстоятельства казались ему благоприятными. Получив согласие, воины начинали готовиться к походу. В первую очередь они устраивали обильную мясную трапезу. Затем вперед высылали авангард, и, наконец, все выступали в путь. Эти набеги были направлены против соседних племен, но иногда докатывались и до побережья, отстоящего на 400 км. Их целью был захват скота. По возвращении войска домой добычу делили в соответствии с очень точными правилами: определенное количество животных получали колдун и отличившиеся воины, остальных распределяли среди рядовых участников набега. Если скота оказывалось недостаточно для справедливого дележа, масаи разбивались на две группы и сражались. Людей из побежденных племен не обращали в рабство и не брали в плен, но мужчин, оказывавших на поле брани сопротивление, убивали. Иногда воин выбирал себе в походе женщину и брал ее в жены.

Походы не влекли за собой многочисленных людских жертв. Точно так же обстояло дело и в тех случаях, когда масаи сражались между собой. Дж. Томпсон, первый европеец, побывавший в стране масаев, сообщает, что в 1883 г. он наблюдал, как две враждебные армии примерно по 3000 воинов в каждой стояли лагерем неподалеку друг от друга. По-настоящему сражались лишь два отряда, выделенные от каждого лагеря. Жены наблюдали за сражением и подбадривали своих мужей криками. Победители забирали скот побежденных.

Идеальным типом пользующегося авторитетом мужчины был воин-победитель. Со сверкающим оружием и многоцветным щитом в руках, в головном уборе из страусовых перьев, выставляя напоказ на расписанном теле знаки воинской доблести, он рассказывал о совершенных подвигах и упивался похвалами соплеменников.

Дингисвайо, или Начало зулусских начал

Восточная часть побережья Южной Африки с конца XV века носит красивое португальское название «Наталь». Это означает «рождество», а назвали так эти области спутники Васко да Гамы, когда проплывали берега Юго-Восточной Африки в последний месяц последнего года пятнадцатого столетия.

Рубеж восемнадцатого и девятнадцатого веков, так насыщенный в Европе событиями и рождениями великих людей, для Южной Африки оказался покрытым мраком.

Между тем, тут развернулись действия, которым чуть позже уготовано было стать прологом многих перемен в европейской да и в мировой истории. Неведомая глубинная Южная Африка, патриархальная жизнь которой не нарушалась, казалось, целыми столетиями, копила и множила в себе серьезные социальные и военно-политические сдвиги, настоящий пожар.

Провинция Квазулу-Наталь, места обитания зулусов

Для возгорания достаточно было одной искры. Возможно, такой искрой стала малоизвестная экспедиция, не прогремев-

шая подобно предприятию прославленного португальского морехода, но породившая загадку, о которой и поныне размышляют африканисты. Речь идет об экспедиции дю Грэ Александрера, принца Каледонского, который, будучи губернатором Капской провинции, решил наладить связи с португальскими поседениями в бухте Делагоа, где сегодня находится Мапуту, столица Мозамбика. В 1807 году группа всадников под началом военного хирурга Роберта Коуэна на двух фургонах в сопровождении слуг готтентотов и гриква капского полка под командованием капитана Донована и носильщиков пошли на север через земли бечуанов по цепочке миссионерских станций.

Они растворились в неведомой дымке саванн и больше о них в Кейптауне ничего не слышали!

Что же происходило в тех далеких землях?

Сделаем необходимое отступление, прежде чем последует продолжение этой полной загадок истории.

Территория Южном Африки – продолжение великой африканской платформы, которая к северу простирается до Сахары. Многочисленные реки тысячелетиями пробивали себе глубокие ущелья среди скал, а горы создавали непреодолимые барьеры для странствий африканцев. Драконовые горы, высокие на севере, постепенно сужается к югу, уступая место холмистой саванне. С гор стекают в океан многие большие и малые реки, служившие естественными границами различных племен.

Этот район стал как бы природным тиглем, где формировались различные этнические группы, их неповторимые культура и быт.

Дальше на север плато переходит в огромную прибрежную равнину Южного Мозамбика и трансваальского вельда. В однообразной саванне выделяются плоские холмы – «копьес», вокруг которых и разворачивались главные события южноафриканской истории.

Геологические особенности района по-своему влияют на климат. Летом ветры с океана приносят дожди, которые ускоряют рост трав сначала на прибрежных долинах, а затем и в глубине континента, но постепенно сходят на нет, по мере приближения к знойным песчаным и каменистым «морям» Калахари. Такой режим создал здесь благоприятный «средиземноморский» климат, настоящий рай для скотоводов – без мухи

цеце, малярийных комаров и прочих паразитов, столь распространенных дальше на север, за непреодолимыми водными преградами – реками Лимпопо и Замбези...

В соответствии с режимом дождей самая густая растительность в бушвельде на восточном побережье постепенно уменьшается на внутренних плато и вовсе исчезает в землях бечуанов (тсвана), ближе к Калахари. Но хотя земли эти весьма плодородны, длительные засухи могут свести на нет усилия людей на очень длительное время.

Такова географическая картина того региона, где будут разворачиваться последующие события нашего повествования. Куда сложнее и запутаннее картина этническая.

Южные банту, которые сегодня населяют значительную часть Зимбабве, отдельные провинции Мозамбика и ЮАР, принадлежат к большой семье народов, которые в свое время распространились из одного центра – вероятно, из области реки Кросс и постепенно освоили большую часть Африки к югу от Сахары по линии Бенин – Сомали. Эта гипотеза основана главным образом на лингвистических данных. Во время странствий южные банту значительно смешались с более ранними жителями, известными исследователям по каменным орудиям, наскальным рисункам и характерным щелкающим звукам в языке. В Восточной и Южной Африке то были главным образом охотники и собиратели бушменской группы, а в Конго аборигенную группу составляли пигмеи. Кроме того, в Восточной Африке банту вошли в соприкосновение с нилотскими племенами и арабами, что тоже нашло отражение в их культуре и языке.

За века банту разделились на многочисленные группы с сильно различавшимися языками и культурой. Некоторым удалось создать мощные государственные образования и политические системы – вспомним, например, Мвене Мутапу, правителя, при котором были воздвигнуты каменные шедевры Зимбабве (о них уже был рассказ). Другие сохранили патриархальный деревенский уклад.

Две черты отличают южных банту от их северных соседей – центральных банту. У первых наследование власти шло от отца к сыну, то есть было патрилинейным, а у последних – от брата матери к сыну сестры – матрилинейным. И второе – юж-

ные банту преимущественно скотоводы, а центральные предпочитают земледелие.

В Южной Африке банту сравнительно недавние пришельцы, и хотя ученые оспаривают сроки их появления, случилось это не ранее XII века. Арабский историк аль-Масуди писал в 943 году, что «Совала (Софала в сегодняшнем Мозамбике. – Авт.) была границей поселения зинджей. Дальше к югу жили вак-вак, у которых не было скота и они ходили голыми и язык их изобиловал свистящими звуками...». Скорее всего, то были бушмены, которые к XVIII веку широко распространились по Южной Африке.

Чаще всего пришельцы-банту изгоняли аборигенов с исконных мест и постепенно смешивались с ними, если отношения были добрыми, и тогда банту заимствовали некоторые элементы их языков в своей речи. Иногда целые группы бушменов жили среди банту, как это до сих пор можно видеть у бечуанов (тсвана).

Границы экспансии банту строго определялись географическими факторами. Прибрежный «коридор», вытянувшийся вдоль восточного побережья Индийского океана от Наталя до границ Капской колонии, стал «домом» для множества племен, относящихся к языковой группе нгуни. Все они говорили на диалектах одного и того же языка; имелись лишь расхождения между северными и южными соседями. Нгуни зашли дальше всех банту и потому сильнее испытали на себе влияние прежнего населения – койсанских племен. По культуре различные группы нгуни вообще очень близки. Сколько было племен – сказать трудно, так как списки их составлялись уже при англичанах, когда племенная структура была сильно деформирована. Чаще всего называют число 94.

К началу XIX века население Наталя составляло один миллион человек. По оценкам этнографов, племена находились на стадии доклассового общества, но существовали предпосылки для перехода к обществу классовому и от племенной общности к более высокой ступени – народности.

Разрозненные свидетельства потерпевших кораблекрушение моряков и устная традиция племен восточного побережья позволяют создать достаточно схематичную картину того, как проходила «колонизация» этого района племенами банту.

Племена коса – авангард нгуни – осели в верхнем течении реки Умзимвубу около 1300 года, а к 1593 году дошли до реки Умтата (названия этих рек еще не раз встретятся нам в дальнейшем). К XVIII веку они добрались до Фиш-ривер и расселились вдоль нее. Здесь-то они и натолкнулись на буров, шедших на север вдоль побережья в поисках более удобных пастбищ.

На внутреннем плато, подальше от океана, осели представители другой языковой группы – сото. Они пришли в Южную Африку тремя самостоятельными группами и расселялись на территории современной Ботсваны, а уже отсюда пошли на юг и восток до самой Оранжевой реки. Их движение на запад быстро остановила та самая «огнедышащая» Калахари, но одному из племен – тсвана – все же удалось добраться до озера Нгами и осесть на его берегах. В Центральном и Северном Трансваале вместе с северными сото осели еще и две небольшие группы мигрантов – венда и лемба, по всей вероятности, это часть народа каланга из сегодняшнего Зимбабве.

Время миграций сото нельзя определить с такой точностью, как для нгуни, но скорее всего, это был период с XIII по XVII век.

Хотя обе большие группы племен и были отделены друг от друга горными хребтами, их изоляция конечно же не являлась абсолютной.

Отдельные отряды нгуни переваливали через Драконовые горы и оказывались среди сото. Особенно удобны эти переходы в северной части гряды – как раз там, где в свое время преодолел этот рубеж будущий вождь ндебеле, навсегда ушедший от предводителя зулусов Чаки и возглавивший свой народ, – Мзиликази.

Калахари же всегда оставалась убежищем для разрозненных групп охотников-бушменов и готтентотов, расселившихся по территории Юго-Западной Африки.

Крупный знаток быта и истории зулусов Брайант, основываясь на устной традиции, посвятил ранней истории этого народа сотни страниц своих книг. Собранные им сведения по-своему уникальны и поэтому нам стоит обратить на них самое пристальное внимание.

До 1818 года зулусы были незначительным по численности племенем и жили в междуречье Мкубане и Мпембене в цен-

тральной части Зулуленда. То были «аба-ква-зулу», то есть «те, кто произошел от Зулу». Этот Зулу был вождем, который после смерти отца в XVII веке покинул родной крааль и пришел в эти места из Трансвааля, а потом вместе с матерью перебрался в глубь необитаемой страны – «равнины, со всех сторон окруженной холмами». Здесь зулу построили новый крааль и положили начало самостоятельному клану.

Сами нгуни, по мнению Брайанта, различали у себя несколько групп. Первая – группа кланов нтунгва (живут на территории Зулуленда). Вторая – коса (Капская провинция). Третья – лала (Наталь). Четвертая – эмбо (Наталь, Свазиленд).

Аба-нтунгва («люди нтунгва») утверждают, что пришли в свою страну с запада, с земель эбенгуни (то есть из «страны нгуни»), что пришли оттуда ради «исикулу» – больших корзин для хранения зерна, и что они якобы следовали за саранга – кузнечиками.

Аба-коса («люди коса») тоже явились с запада, пересекли Гриквaленд и вышли к побережью океана в нижнем течении реки Кей. Лала и эмбо пришли из Португальской Юго-Восточной Африки, пересекли холмы Лубомбо, а прежде жили на реке Инкомати.

В ранних португальских источниках содержатся сведения о нгуни, правда, в них имеется и доля вымысла.

Мануэль ди Суса. Португальская Азия, 1589 г.:

«...К северу от королевства Вирангуне лежит страна Иньяка. ... От страны Бамбе (Наталь) до мыса Доброй Надежды вообще не существует королей, а имеются анкозе, или деревенские начальники...»

Иньяка – это наверняка об острове возле сегодняшнего Мапуту в заливе Делагоа, слово это явно из языка нгуни. Невежественный португальский писец перепутал буквы и вместе вангуни получилось вирангуни. Ангозе – явно инкоси – вождь на языках зулу и коса.

По устным традициям, все нгуни расселились в верховьях Вааля около 1500 года, потом разделились на две части. Одна (предки бакони, или нгуни-басуто) двинулась на северо-запад и влилась в басуто, пришедших с севера. Другая, собственно

нгуни, разделились на несколько групп, о них мы уже говорили.

Лала и эмбо долго кочевали вместе и потому сегодня оба племени говорят на особом диалекте – текеле. Лала подпали под влияние тонга, долго практиковали смешанные браки и дело дошло до того, что когда через много лет отдельные лала захотели вернуться в старые места, родственные группы нтунгве отказались их принять, заявив, что те уже не нгуни, а тонга. И лала ушли в Наталь, уже открытый Васко да Гамой...

Но теперь следует рассказать о корзинах и кузнечиках. Корзины из пучков травы – особенность быта кланов нтунгва. У других нгуни таких нет. Скорее всего, не корзины, а нужда вызвала эту миграцию. Нехватка зерна. Корзины были пусты из-за того, что вредители уничтожили урожай. Но тогда почему они следовали за саранчой, а не от нее? Скорее всего, уход был вызван стычками с басуто. Если предположить, что средняя продолжительность правления инкоси 18–20 лет, то, отсчитав десять поколений от Мпанде назад, получаем 1625 год. Именно в это время и был основан клан зулу, вернее, «аба-ква-зулу», «люди семьи зулу».

На определенном этапе истории часть зулу смешалась с басуто, жившими рядом. Это объясняет и их общие легенды и обычаи. В одном мифе рассказывается, как жена Ункулункулу, первого человека, родила ребенка и решила избавиться от него, накормив ядовитыми, как ей показалось, зернами. Но ребенок, поедая их, становился все толще. Так было открыто высококалорийное сельскохозяйственное растение сорго – основная культура зулусов. Точно такой же миф есть и у басуто.

Вообще заманчиво выглядит гипотеза о том, что на ранних этапах истории судьбы нгуни тесно переплелись с судьбами других племен банту, например, гереро и овамбо. Наверняка у них были общие предки, разошедшиеся в разные стороны. Но когда и где? Может быть, какое-то более сильное племя вытеснило их с прежних мест, и они бежали на юг, оставляя неприятелю все имущество, подобно тому, как это случилось с врагами Чаки много веков спустя?..

И у нгуни, и у гереро всегда был низкорослый скот с короткими рогами. Именно таких быков и коров видел известный исследователь Африки Д. Ливингстон у племени кололо южнее

Замбези в районе водопада Виктория. Встречали такой скот и в верховьях реки Окаванго, на реке Кафуэ, и у племени янзи в Конго. Не на том ли пути, по которому двигались нгуни с неведомого севера?

Им нужны были новые пастбища. Давайте проследим по карте районы возможных пастбищ от озера Танганьика до Капской провинции. Вырисуется четкий маршрут миграции. А данные лингвистики подтвердят такой путь!

Двигаясь с севера, нгуни шли со скотом вдоль восточного берега озера Танганьика, через территорию Малави и Замбии к верховьям Замбези. Именно туда, а не к нижнему течению этой великой реки! Знали, что там, в низовьях, Замбези перейти невозможно! Великая река разливается на много километров вширь. Но как же они все-таки пересекли ее? Единственное возможное средство – связки камыша толщиной 30 сантиметров. Едва ли в те далекие времена они были знакомы с иными плавсредствами!

А может, нгуни вообще не пересекали ее вплавь, а шли вдоль течения, вернее, против него, до водораздела Замбези и Конго, до узких мелких мест? А потом перед ними открылись необозримые просторы Южной Африки...

Брайант нашел много совпадений в обычаях и языках у нгуни и кавирондо (озеро Виктория). Конечно, совпадения могут быть случайными, так сказать, продуктом схожего развития при сходных условиях. Но вот есть один обычай, который встречается только у этих двух народов и нигде больше в мире. Главу крааля хоронят в сидячем положении, причем его голову оставляют над поверхностью земли. Она, прикрытая кухонным горшком, начисто обгладывается муравьями и высыхает. Потом череп забирают и погребают возле хижины. Этот нилотский обычай захоронения с выступающей над землей головой сохранялся до начала XX века у зулусов...

У племен ганда и ньоро, живущих возле озера Виктория, также много общего с зулусами – как в сооружении краалей, так и в брачных церемониях. На их языке «исенкуру» означает предок, а у зулусов «унсенкулу» – дед. У племени покома, нашедших приют на побережье Кении есть слово «нгоньяма» – грозный лесной зверь, ни у кого кроме зулусов оно больше не встречается: «ингоньяма» – лев...

Девушки племени камба (Кения) носят маленькие передники из шнурков и полосок кожи – «мучи». Такая же одежда есть и у зулусок, и называется она – «умуча».

Показательно в этой связи и отношение зулусов к бушменам. Зулусы всегда относились к ним с опаской и старались поддерживать добрые отношения. При встрече бушмен обычно задает зулусу традиционный вопрос: «Где ты меня впервые увидел?» Если зулус ответит первое, что придет ему в голову: «Я только теперь тебя впервые вижу!», бушмен обидится. Значит, над его малым ростом насмехаются. Но если вежливый зулус ответит: «О, я тебя всегда вижу издалека!», то станет его другом.

Те же мотивы можно проследить и у племени гирьяма в районе Момбасы в Кении. Там местные жители таким же образом общаются со своими низкорослыми духами. Что, если это отголосок далекой эпохи, когда бушмены жили намного севернее, в районе озера Танганьика? Эти сопоставления не новы, в XIX веке Д. Ливингстон и Г. М. Стенли высказывали предположение, что нгуни появились из областей, которые теперь занимают галла. «Пройдя путь в 4800 километров, потратив на это 500 лет, они достигли конца своих странствий, – завершает Брайянт свое исследование, – но остановились не добровольно, а потому, что белые люди преградили им путь. Остаться же здесь им пришлось навсегда».

Итак, волею судьбы два народа – нгуни и сото – оказались бок о бок на просторах южноафриканской саванны. Социальная организация и культура у них были схожими. И для тех и для других скот означал нечто большее, чем просто источник пищи и одежды. Владение скотом определяло социальный статус. Скот являлся главным выкупом за невесту. Скот был единственной жертвой в ритуальных обрядах. Скотный двор – крааль – служил центром любого поселения не в административном, а в социальном смысле. Именно здесь – для женщин это место было табу – собирались мужчины, чтобы обсудить важнейшие вопросы.

Просо, а потом и кукурузу, сажали главным образом женщины. Зерно хранилось в закрытых горшках в земле на скотном дворе, такая экономика позволяла нгуни поддерживать

достаточный прирост населения и развить более сложную социально-политическую систему, чем у их предшественников.

Основная часть семьи состояла из людей, связанных родством по материнской линии. На побережье, где с водой проблем не было, нгуни жили свободно, изолированными группами. Во внутренних же районах саванны сото старались селиться более концентрированно, а в тех областях, где чувствовалось жаркое дыхание пустыни, тсвана жили большими поселками, причем скот держали поближе к центру.

Браки были обычно полигамными, и старшие и младшие жены занимались строго разграниченными обязанностями – с твердыми «престижными» должностями и различными правами на наследование. Среди нгуни, например, домашние дела распределялись у жен по принципу правой и левой руки – в зависимости от того, как расположена хижина жены от главного входа в крааль.

Группа, ведшая родословную от одного предка, составляла клан. Клан хранил общее имя, и его члены не могли жениться между собой, пока он не распадался.

Клан нередко принимал в себя новых членов из других, неродственных, кланов, освежая таким образом свою кровь – это было весьма характерно для южных банту, активно осваивавших новые территории. Кланы часто делились, это было нужно для поддержания благополучия стад. Кроме того, мощная военно-политическая организация была попросту не нужна, нападений – кроме нечастых стычек с бушменами – не было. Вожди захваченных племен становились подчиненными и этим все заканчивалось. Ранние португальские свидетельства о государствах Мвене Мутапы в Зимбабве и государства Конго говорят о том, что оба эти образования развивались именно таким образом. Конечно, конфликты между кланами и племенами существовали – главным образом, стычки были за наследование власти и расширение границ. Но те войны не были особенно жестокими: дело кончалось захватом скота и пастбищ.

Хотя у сото и были военные отряды, основанные на возрастном принципе, а вот южные банту не держали постоянно действующих армий со специальной подготовкой и иерархией. Обычай очищения, который практиковали воины после убийства врага даже во время военных действий, свидетельствовал

об уважении к человеческой жизни и об этике, считавшимися важными нормами жизни.

В период, предшествовавший мфекане (тем самым войнам, о которых рассказ впереди) бантуязычные народы жили в относительном мире. Но заблуждением было бы думать, что их жизнь была идиллической. Уровень жизни был весьма низок, материальная культура – ограниченной, и хотя некоторые племена и строили большие добротные хижины, у них было ничтожно мало одежды, утвари, и от холодов – а в Южной Африке они нередки! – спасали лишь звериные шкуры... Причины большинства болезней не были известны, процветало знахарство. Несчастья приписывали злым духам и время от времени церемонии вынюхивания колдунов (описанные в романах Г. Р. Хаггарда) приводили к бессмысленным и жестоким убийствам...

Комментарий африканиста: скот – это капитал

Почти все общества цивилизации копья – пастушьи. По выражению культуролога М. Херсковица, они относятся к культурному ареалу «пастушеского комплекса». А в Африке крупный рогатый скот имеет совсем иное значение в экономике, чем земля. Человеческий труд, затраченный на уход за скотом, гораздо более производителен, чем труд, вложенный в земледелие. Нескольких пастухов и сторожей вполне достаточно для того, чтобы в избытке получать от крупного стада мясо, шкуры, молоко и кровь. Правда, групп населения, живущих исключительно продуктами животноводства, не так уж много, но они есть. Так, кочевники хима на северо-востоке Руанды пускают животным кровь, она служит их повседневной пищей наряду с молочными продуктами. Даже у пастухов, одновременно занимающихся и земледелием, определенные категории населения, например в племени джи в Кении молодые мужчины в возрасте от 15 до 30 лет, питаются исключительно этими продуктами в течение всего длительного периода, который они проводят со скотом на пастбищах. В случае необходимости все племена могут ограничиваться продуктами животноводства. Если они не потребляются непосредственно на месте, то служат предметом обмена для получения товаров и услуг.

Таким образом, скот сам по себе уже представляет экономическую ценность, тогда как земля, в которой никогда не ощущалось недостатка в традиционной Африке (т. е. в Африке, где господствовали древние родоплеменные традиции до ее раздела), стоит лишь вложенного в нее труда. Любая семья способна обеспечить себя наделом, который нужно лишь расчистить и засадить, но она не может подобным же образом получить в собственное владение стадо. Это имущество накопляется и всегда сохраняет свою ценность: стадо не умирает. В то же время накопление земель ни к чему не ведет: если их не обрабатывать, они ничего не производят. Кроме того, скот – имущество движимое, оно не привязывает своего владельца к одному месту, его можно перемещать, ничего не теряя в его ценности. Наконец, поскольку размер стада измеряется поголовьем скота, можно довольно точно сравнивать стада между собой.

Благодаря этим особенностям скот превращается в настоящее богатство и выполняет роль, которая напоминает, правда очень отдаленно, роль капитала в экономических системах Запада. Владелец стада, как и владелец капитала, получает прибыли, не работая, и если он их не тратит, то они у него на глазах превращаются в капитал; он в любой момент может его обменять на другие блага. В обществе, владеющем этим «естественным» капиталом, поскольку охарактеризованные особенности скота восходят не к экономической системе, а к самой природе, иные возможности, но и иные ограничения, чем в земледельческом.

Ранние контакты с португальцами привели к некоторым новшествам в сельском хозяйстве. Ячмень дополнился кукурузой. Но влияние белых людей было пока слишком ничтожным, чтобы оказать какое-либо воздействие на социально-политические институты. Однако после 1652 г. белая община начала оказывать куда более мощное влияние! Осев сначала на землях готтентотов и бушменов, буры создавали фермы, требовавшие все больше и больше пастбищ. Население росло, границы колонии стремительно расширялись, и во втором половине XVIII в. буры впервые столкнулись с авангардом банту, начавших захват Зуурвельда в междуречье Фиш и Сандей.

В 1779 г. вспыхнула первая пограничная война между черной и белой расами, и с этого времени взаимоотношения между поселенцами и африканцами стали проблемой № 1 и для британской администрации в 1795–1803 годах, и для правительства Батавской республики в 1803–1806 гг.

В 1806 г. Капская колония стала собственностью Британии и англичане попытались решить приграничную проблему, изгнав две тысячи коса из Зуурвельда. Их обратное движение вызвало настоящее столпотворение среди населения того района!

Эпизод того конфликта: печально известный немецкий изгнанник Ян Блум стал вождем одного из кланов готтентотского племени корана, вооружил людей украденными ружьями и повел их против соседей. Сам Блум погиб при неудачном рейде в 1799 г., но дело продолжил его полукровка-сын с тем же именем. Чуть позже другая группа из готтентотов и белых проникла в этот район и стала действовать под названием гриква. Жили они по законам буров. Гриква владели лошадьми, фургонами, ружьями и терроризировали банту под звучным именем бергенааров.

Постепенно проникали к ним и миссионеры, и путешественники. Но вплоть до начала знаменитого бурского трека[8] эти контакты носили спорадический, приграничный характер.

Весь процесс экспансии банту, исход их из прежних мест обитания и расселение в новых местах, конечно же, объясняется никоим образом не воздействием белых поселенцев, а ростом населения самих африканцев. Выйдя за пределы «действия» малярии и мухи цеце, в здоровом климате на равнинах они резко снизили смертность. Те болезни, которые столь широко распространены сегодня среди африканцев – оспа, корь, туберкулез, сифилис «благодаря» европейской цивилизации, ранее им не были известны.

Постоянное деление на кланы и подкланы порождало большой прирост населения. Вряд ли можно было найти тогда хотя бы одно племя, которое в течение XVIII столетия не разделилось бы на более мелкие образования и не расселилось бы на обширных территориях.

---

[8] Трек – великое переселение буров (потомков голландцев, приехавших на юг континента) с юга на север и осваивание плодородных земель будущей Южно-Африканской республики в середине XIX века.

Восточное побережье Южной Африки было благоприятным для жизни. Плодородные почвы, мягкий климат, частые дожди, пастбища с сочной травой... Уже в XVII в. плотность населения там была очень высокой, что и засвидетельствовали моряки с судна «Св. Джон Батиста», разбившегося здесь в 1622 г.: «К полудню мы достигли вершины горы, откуда открывался прекрасный вид на долины и реки, среди которых располагались многочисленные краали, сады и стада...»

Но это население все росло, и плодородной земли становилось все меньше...

Аналогичная ситуация складывалась и на внутреннем плато. Но если там экспансия на юг пошла широким потоком от Калахари до Драконовых гор, то здесь, на побережье, положение было иным: ведь тут жизненным пространством племен оставался лишь узкий коридор между горами и океаном... Таким образом, фронт экспансии здесь был узок и к XVIII веку дошел до Фиш-ривер. Создался эффект «бутылочного горла» – мало кто догадался вовремя перевалить через горы, слишком велика была инерция мышления и уж очень не хотелось оказаться в чужой незнакомой стране, где говорят на непонятных языках...

Начались войны за жизненное пространство – мфекане, в результате которых выдвинулись три значительных клана, вернее даже блока племен – ндвандве во главе со Звиде, нгване – с Собузой и мтетва – с Дингисвайо. Всех вместе их смело можно назвать зулусами!

Но прежде чем мы обратимся к истории взаимоотношений этих кланов, взаимоотношений, ставших, можно без преувеличения сказать, основой дальнейшей истории всего региона, следует рассказать несколько слов об этом интереснейшем явлении в истории Южной Африки – мфекане, породившем множество споров.

В период колонизации среди европейских историков распространился взгляд, что африканские народы застыли в своей истории, будто бы у них не было «ресурсов для автономного развития» и, соответственно, самой истории как таковой не было. Даже поверхностный взгляд на мфекане показывает несостоятельность такого утверждения. Этот процесс серьезных социально-политических и военных изменений и реформ в

глубине африканского общества развивался с удивительной скоростью. Иногда говорят, что мфекане была порождена белыми на Капе. Загадочного «белого советника» при Дингисвайо возводят в ранг родоначальника всех преобразований в зулусском обществе. Это мнение идет, видимо, от британского чиновника Т. Шепстона, который первым высказал идею, будто бы Дингисвайо ездил на Юг и «позаимствовал» у англичан их военные достижения, перенес их, так сказать, на зулусскую почву. Но сомнительно не столько то, что вождь мтетва побывал на Капе, сколько факт, что изменения во всех областях жизни нгуни произошли благодаря англичанам. На самом деле, они зародились в недрах их традиционного общества и даже отдаленно не похожи на европейские. Достаточно вспомнить, что полки, построенные по возрастному принципу, появились почти одновременно у всех нгуни и стали как бы естественным ответом на менявшиеся условия жизни.

Более правдоподобным кажется другой взгляд на эту проблему: именно экспансия колонистов с Капа, стычки с коса и «закупоренная горловина» на юге повлияли на развитие мфекане. По этой версии, отливная волна с юга, откатившись от Фиш-ривер, создала предпосылки для перенаселения в Зулуленде, а это, в свою очередь, ускорило революцию в военном деле. Казалось бы, все просто. Но напрашивается вопрос – если закрытие границы стало причиной демографического взрыва и военных реформ в Зулулунде, то почему же этого не произошло у самой южной границы, где на сотнях квадратных километров жило огромное количество народа?

Итак, главной чертой этой социальной революции в центре Зулуленда было приспособление обрядов инициации для военных нужд и создание постоянной армии на основе института возрастных классов. Это стало реакцией на постоянную угрозу войны и не последнюю роль сыграло то, что нгуни познакомились с уже имевшимися у сото задатками такой организации. Молодежь набирали в полки по возрастному принципу со всех концов племенной ойкумены, что давало огромную власть в руки вождей. Стал процветать деспотизм. Это повлекло за собой и административные реформы. Наметился переход от власти «королевского дома» к «администрации» – индунам, лично избираемым вождями и полностью от него зависящим.

Ндебеле (или матабеле), как «побочная ветвь» зулусов, унаследовали их систему, но нужно помнить, что у зулусов полки, сформированные по возрастному принципу, представляли армию внутри общества. Это была всего лишь часть населения, и кроме этого наряду с военной машиной имелась еще и гражданская администрация. У ндебеле же армия переросла рамки государства: наоборот, оно стало частью армии. У них полки создавались уже по наследственному признаку, они потеряли свой возрастной характер и превратились в территориально-административные единицы, где военачальники приобрели статус гражданских вождей.

Рост военной активности у зулусов сопровождался изменениями морального плана. Значительно улучшилась дисциплина. Все путешественники единодушно отмечали разительные отличия зулусов от окружающих племен. Исчезли такие, казалось бы, неистребимые привычки, как попрошайничество подарков у европейцев, любопытство стало сдержаннее, появилось достоинство в общении с соседями. Наряду с этим возникло и определенное безразличие к человеческой жизни, особенно когда речь шла о человеке *извне*.

Но, вероятно, самым значительным результатом мфекане в политическом смысле было другое. Племя, основанное на кланах, переросло в нечто большее – соединение племен различного этнического происхождения. Забегая вперед, скажем, что Чаке за десять лет удалось создать буквально единый народ, и поныне, в XXI в., не потерявший ощущения своей монолитности!

В начале нашего рассказа мы обещали вернуться к экспедиции лорда Каледонского. Теперь настало время.

...Первые искры мфекане разгорелись в Натале, далеком от глаз европейских поселенцев. В прибрежных районах к югу от Белой Умфолози жил большой клан мтетва. Он принадлежал к группе тонга-нгуни, которые брали себе жен из окрестных кланов – в их языке были замечены элементы языка тонга. Всего их было около четырех тысяч, и они владели очень хорошими землями.

В первые годы XIX в. кланом правил вождь Джобе, который был очень старый, однако умирать не собирался, и его сын Тана решил ускорить события. Он посвятил в свой заговор

молодого брата Годонгвану, однако прежде чем они осуществили свой коварный замысел, старый отец упредил их, отправив отряд в крааль Таны. Сыну-злоумышленнику не суждено было проснуться в ту ночь, а Годонгвана с ассегаем в спине выскочил из хижины и скрылся в темноте. Он долго скрывался в лесу и выжил благодаря заботам сестры, но не мог показываться ни на земле мтетва, ни среди членов соседних кланов. Странствия привели его к хлуби, жившим у подножья Драконовых гор. Здесь он сменил имя и стал называть себя Дингисвайо – Тот, Кто Страдает. Став пастухом, он много бродил по окрестностям и однажды встретил одинокого белого человека, который с несколькими носильщиками из бечуанов (тсвана) и сото пробирался в Делагоа. Белый путешественник был хорошо вооружен, и местные жители вспоминали о нем как о человеке, обладавшем великолепным даром хирурга и вылечившем колено вождя хлуби.

Несомненно, то был английский миссионер и путешественник Роберт Коуэн. В тот момент, когда он собирался уезжать, пришло известие о смерти Джобе, и Дингисвайо решил вернуться домой. Им было по пути и Дингисвайо предложил Коуэну услуги проводника. Где-то на землях племени квабе белый человек умер. Возможно, от лихорадки, возможно... Так или иначе, Дингисвайо стал владельцем лошади и ружья.

Когда он прибыл домой, на троне был его брат Мавеве, но Дингисвайо приняли в клан. Лошадь и ружье сильно возвысили его в глазах соплеменников, а шрам на спине послужил доказательством того, что он не самозванец. Дингисвайо удалось сместить Мавеве и стать вождем мтетва.

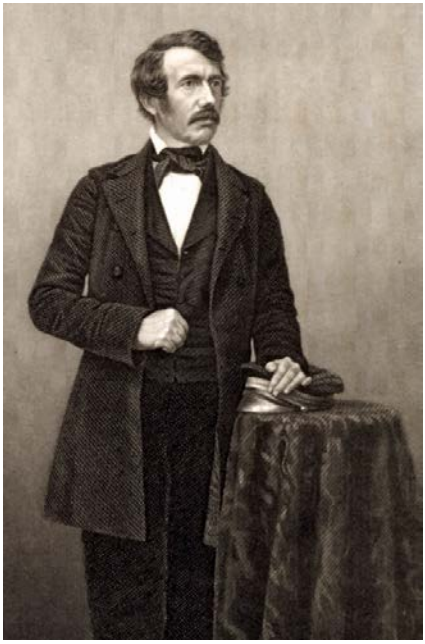
Так что же все-таки произошло между Дингисвайо и Коуэном? Эта загадка многим не давала покоя. Сохранилось только три документальных свидетельства, которые могут пролить свет на историю экспедиции Коуэна. Предоставим слово миссионеру Джону Кемпбеллу, 1813 г.: «Семь лет назад лорд Каледон, тогда губернатор Капской провинции, послал отряд исследовать внутренние районы Африки и добраться до португальских владений в Мозамбике. Экспедиция состояла из лейтенанта Донована, Коуэна, 20 солдат капского гарнизона, 1 бура и 1 гриква из Грикватауна. Со времени ухода из Литако (откуда и писал Кемпбелл. – *Авт.*) о них не было слышно. Все они были убиты в пяти днях пути на северо-восток в стране

Ванкензен (нгвакетси? – *Авт.*). Обвиняли Тсусани, мятежного сына вождя боролонгов Макабы».

А вот что пишет об этом шотландский миссионер Р. Моффат, тесть Д. Ливингстона: «Следующими путешественниками, обследовавшими район проживания клана тлапи, были Коуэн и Донован, которые со значительными силами на двух фургонах с разрешения властей обследовали эти места в 1807 г. Их целью было пройти через земли бечуанов и проникнуть в португальские владения. Они успешно преодолели участок пути через земли боролонгов и баквена, но погибли недалеко от океанского берега при неизвестных обстоятельствах».

Последние крохи сведений сообщает сам Д. Ливингстон: «В период правления Сешеле, вождя баквена, двое белых, предположительно капитан Донован и Коуэн, прошли по этой земле в 1808 г., достигнув реки Лимпопо. Все они, вместе с отрядом, умерли от лихорадки. Сын вождя той деревни, где они умерли, вспомнил о лошадях и сказал, что они на вкус как зебры...»

Остается по-прежнему неясной роль Дингисвайо во всей этой мрачной истории, но то, что он завладел вещами Коуэна – несомненно. Вот что пишет в 20-е годы XIX века поселенец Генри Финн (мы с ним еще познакомимся поближе) в своих «Записках»: «Образ Годонгваны, прискакавшем на странном животном и с оружием грома (оба достались ему в далекой стране) произвели на мтетва впечатление, которое на них обычно оказывали первые европейцы».

Девид Ливингстон, первооткрыватель Южной Африки

Вот другая версия, высказанная Т. Шепстоном в 1875 г.: «Бежав от отца, он направился в Капскую колонию и устроился там слугой. Задачи его были несложными, и он смог много увидеть. Он изучил военное

ремесло, дисциплину белых людей. Он видел регулярные войска, как они поделены на полки и роты с офицерами. А когда добился власти, то применил все на практике…»

Мы уже говорили о натянутости этой версии, призванной возвеличить роль белого хозяина в жизни африканцев.

Реформы командира

...Дингисвайо начал с армии. До него военное дело у северных нгуни было организовано так же, как и у их южных соседей по «коридору» – то есть крайне слабо. Турниры ловкости и силы проходили только при обрядах посвящения в мужчины. Длительный период ритуального заточения буквально отторгал молодых людей от общества. Такие обряды пришлось отменить в условиях участившихся войн. Г. Финн приписывает это исключительно Дингисвайо. Однако такое явление было общим для всех нгуни – реакцией на военную опасность, ведь и племена мпондо отказались от обрядов инициации в период мфекане!

Армии, построенные по племенному принципу, были реорганизованы – по возрастам. Думается, здесь оказали воздействие контакты между сото и нгуни в Северном Зулуленде. У сото возрастные классы легли в основу военной системы раньше, чем у нгуни, и именно это служит доказательством того, почему процесс нововведений начался к северу от Тугелы раньше, чем в перенаселенном Натале.

По новой системе, принятой некоторыми племенами северных нгуни, юношей одинакового возраста, которые должны были подвергнуться инициации, собирал вождь и составлял из них полк с определенным названием. Такие полки принадлежали не вождям, а приписывались определенному поселению – местам сбора. Это была мощная боевая единица, которая воздействовала на слияние племен, ибо в ней собирались воины с разных территорий. Таким образом, в племя вливались представители иных этнических групп – шла ассимиляция.

Введение «возрастных полков» приписывают подчас одному лишь Дингисвайо, забывая, что почти одновременно они были учреждены и другими крупными вождями – Сабузой и Звиде. Восемь лет правления Дингисвайо остались в устных преданиях африканцев как «мирные нежестокие годы»; после

той или иной успешной военной кампании захваченных коров чаще всего возвращали владельцам, а быков распределяли среди воинов.

Другой особенностью правления Дингисвайо были торговые контакты с португальцами. Правда, мы уже говорили, что ряд исследователей настаивает на том, что именно Коуэн посоветовал ему установить торговые отношения с Делагоа, куда он и направлялся. Но контакты у них были столь недолгими да не было у них общего языка, чтобы обсуждать тонкие вопросы торговли... На самом деле, торговые связи глубинных районов Юго-Восточной Африки с португальцами начались задолго до Дингисвайо, и он только придал им новый размах.

В свое время в Лондоне вышел сборник «Африканское общество», в котором была помещена статья Алана Смита «Торговля с бухтой Делагоа как фактор политики нгуни в 1750–1835 гг.». Автор впервые делает попытку проанализировать характер внешнеторговых операций, используя для этого малоизвестные письменные источники из архивов бывших португальских колоний, а также устные предания зулусов. Главное место в сделках занимала слоновая кость, торговля которой являлась исключительно монополией правителей.

Дингисвайо в первые же годы своего правления сколотил караван из ста носильщиков и отправил большой груз слоновой кости и много скота в Делагоа в обмен на самые различные товары, причем вождь, как указывают источники, устранил со своего пути всех возможных посредников и торговал с Делагоа напрямую. Ученые выявили такую закономерность: кланы, которые он покорил и слил со своим будущим народом, жили на одной оси с юго-востока на северо-запад вдоль побережья и были так или иначе связаны с торговыми операциями. Г. Финн вообще писал в записках, что Дингисвайо старался монополизировать всю торговлю португальцев Делагоа с внутренней Африкой!

Забегая вперед, отметим: когда Звиде ценой вероломства разгромил Дингисвайо, то первым делом взял под контроль торговлю с Делагоа. А после победы Чаки над Звиде вся область Делагоа попала уже под контроль нового мощного правителя Зулулунда. Посланники «великого вождя» постоянно находились в королевстве Мапуто и применяли силу лишь в

случае спорных вопросов торговли. Об этом единодушно сообщают Г. Финн и миссионер Уильям Трелфолл.

Зулусы, в отличие от шангана, никогда не занимались работорговлей и никоим образом не пособничали этому! Португальцы же были очень заинтересованы в торговле с Чакой и упрашивали его разрешить им построить торговую факторию на севере Зулуленда, которая ускорила бы прохождение товаров. В этом не раз убеждал Чаку миссионер Н. Айзекс (уж не был ли он подкуплен португальскими купцами?).

Но Чака отказал им. Он решил, что «уж лучше пусть британцы поселятся в Порт-Натале, чей португальцы – в Зулулунде» (письмо Фаруэлла Сомерсету от 1 мая 1824 г.). Причина проста: англичане поставляли зулусам куда лучшие товары, чем португальцы. Вторая возможная причина: зулусы были недовольны махинациями работорговцев в Делагоа.

Зулусы в бою

У каждого из кланов нгуни во времена возвышения мтетва была своя устная традиция, но она не уходили в глубь времен дальше одного-двух поколений, ведь у зулусов не было ни

письменной истории, ни богатой устной эпической традиции. Члены клана могли назвать с десяток вождей, но их подлинные имена забывались и заменялись другими. Хвалебное имя вождя – изи-бонго – могло превратиться в настоящее и наоборот. Имелись предания о черном слоне и зеленой водяной змее, но после их изучения возникали только вопросы, однако исторической информации они давали мало. Но и из них можно почерпнуть те крупицы сведений, которые понадобятся нам для восстановления картины возвышения пастушьей цивилизации зулусов.

Известно, например, что в конце XVII в. вождь нгуни по имени Мандалела путешествовал из Наталя в более южные районы по реке Мфкуне, и с ним было более сотни людей, и когда они пересекали реку, темнота опустилась раньше, чем они переправились. И те, кто не успел перебраться на другой берег, обнаружили бахчи с арбузами и отказались идти дальше. Так образовался клан эма-гладени – «те, кто остался среди арбузов». И в конце концов Мандалела вернулся туда, на берег Белой Умфолози, и остался там навсегда.

Клан рос, после Мандалелы место его занял Зулу, клан принял его имя после смерти (оно означает «небеса») и стал называться ама-зулу – «люди небес».

Вслед за Зулу был Понга, а за ним – Магеба, Джама, Ндаба. А во времена, когда к власти у мтетва пришел Дингисвайо, родился вождь Сензанганкона – отец Чаки.

Звезда Чаки

Он занял трон клана зулу в те тревожный годы, когда племена коса на далеком юге вступили в ожесточенные схватки с надвигавшимися бурами – это было в конце XVIII столетия. Более точные даты станут достоянием лишь следующего века. Правда, о столкновениях в Капской провинции здесь, в долине реки Умфолози, ничего не знали. В те времена зулусы насчитывали 1500 человек и их краали стояли на поросших травой холмах, имея милю в поперечнике.

Соседями зулу были э-лангени, близкие к ним по языку и обычаям. Их вождь недавно умер, и среди его детей осталась девочка по имени Нанди. Однажды молодой вождь Сензангакона встретил Нанди, когда та купалась в пруду, и, очарованный ее красотой, предложил ей «уку-хлобонга» – «развлечение

в пути». Надо сказать, что у зулусов существовали строгие законы относительно внебрачных связей. Они категорически запрещали контакты между членами одного клана. Этого требовали законы экзогамии. Конечно, зулусы не знали основ теории наследственности, но опыт поколений показывал, что от близкородственных связей рождаются больные дети.

И тем не менее контакт состоялся, несмотря на то, что мать Сензангаконы были из клана э-лангени. Их встречи продолжались до тех пор, пока Нанди не заявила, что внутри нее поселился «жук» – У-Чака на языке зулу (У – показатель класса людей, «чака» – «жук»). Через положенное время посланцы э-лангени пришли к зулу и доложили, что жук выбрался наружу.

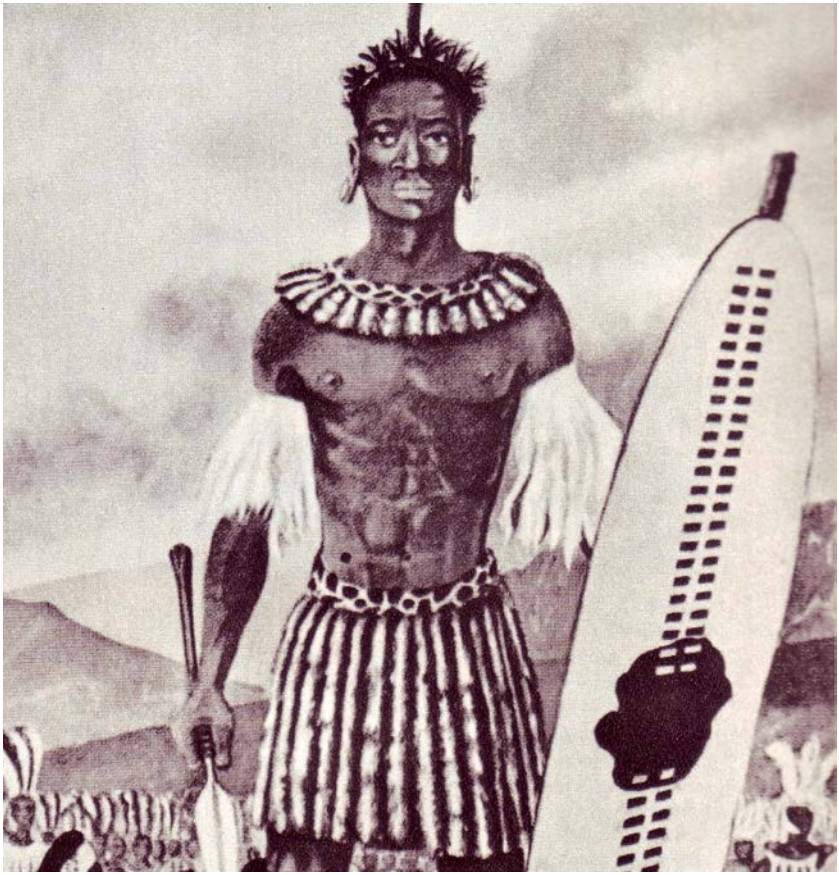
Родился Чака! Случилось это в 1787 г. К двум законным женам Сензангаконы прибавилась еще одна – незаконная. История явно выходила из рамок приличий, и на Нанди с сыном легло тяжелое пятно позора. В течение нескольких лет вождь пытался уладить проблему брака со старейшинами клана, за это время у Нанди родился еще один ребенок – на этот раз дочь Номбоза.

Надо сказать, что Нанди была для Сензангаконы временным увлечением, и он охладел к ней довольно быстро. Однажды маленький пастушок Чака недоглядел за козой, и этот случай переполнил чашу терпения раздражительного вождя. Нанди забрала с собой мальчика и ушла из крааля. Они надолго поселились у э-лангени. Но и тут им не давали спокойно жить издевательства и нападки.

Старшие сверстники издевались над маленьким Чакой за его торчащие уши и другие физические недостатки. Это причиняло ему такую боль, что он с детства проникся ненавистью к клану э-лангени и пронес ее через всю жизнь.

В 1802 году страшный голод обрушился на землю зулу и э-лангени. И Нанди с маленьким Чакой, чтобы не кормить лишний рот, изгнали из крааля. Она забрала детей и нашла приют у мужчины по имени Гендеяна, который принадлежал другому клану, или подклану квабе. Сензангакона знал об этом, но закрыл глаза на поведение Нанди. Она родила от Гендеяны еще одного сына – Негвади. Жизнь с Гендеяной была короткой, но счастливой. Чака взрослел и стал проявлять признаки доблести и силы. И зулу, и э-лангени нужен был храбрый воин.

Когда ему исполнилось 15 лет, Чака пошел в крааль отца, чтобы пройти обряд посвящения в мужчины – получить свой умуча, ритуальный передник. Однако, приняв из рук Сензангаконы передник, он демонстративно сбросил его и довольно долго ходил нагим, чтобы доказать всем, что он стал полноценным мужчиной! Тем самым он преодолел в себе комплексы, развитые в детстве из-за издевательств сверстников...

Один из достоверных рисунков, изображающих Чаку

Однако, как пишет в своей биографической книге «Чака Зулу» Э. Риттер, общественное негодование заставило его вскоре «одеться», как и полагается зулусу, в ум-цело – небольшой

колпачок, прикрывающий крайнюю плоть – удобное и легкое приспособление из пальмовых листьев, напоминающее по форме чашу. Чака не жалел об этой уступке общественному мнению, поскольку такая «одежда» не скрывала от посторонних глаз то, что у него было «в порядке».

Крутой нрав и высокомерие, проявившиеся у Чаки уже в юном возрасте, заставили мать с детьми покинуть крааль и скрываться у тетки в другом клане эм-длечени, которые находились уже под властью мтетва (вождь – старик Джобе). Там они прожили еще шесть лет. За это время произошли полные загадок события, связанные с Дингисвайо, который приступил к объединению племен нгуни.

Тем временем рос и Чака. Его рост достиг 188 см, тело было сильным и пропорциональным. Он стал непревзойденным лидером по метанию ассегая. За свои военные успехи получил первого быка, которого и пригнал домой к своему приемному отцу Мбийе.

Чаке было 23 года, когда Дингисвайо призвал на военную службу молодежь клана эм-длечени и объединил их в полки изикве (люди кустарников). Начался новый этап жизни юноши.

Устная традиция зулусов сохранила рассказ об этом периоде его жизни. Кроме этого, существует несколько крупных исследований жизни Чаки, авторы которых подчиняют все события, имевшие место в его жизни, одному – стремлению тоталитарной власти над зулусами. Это представляется неверным. Вряд ли молодой воин, не имевший никаких оснований к подобным мыслям, вынашивал планы захвата власти и кровавой месте всем, кто издевался над ним в детстве. В то же время Риттер склонен идеализировать образ Чаки, делать из него непогрешимого народного любимца, героя зулусов. Эти крайности мешают подойти к Чаки с общечеловеческих позиций, верно понять его действия.

Итак, он стал воином. Полк, в котором он служил, базировался в краале Эма-Нгвени. Чака получил овальный щит почти двухметровой высоты и три ассегая. Ему также выдали форму полка – кожаный колпак с черными перьями на голове, сандалии из бычьей кожи. Хвосты белых быков на лодыжках и запястьях. Пропитание себе воины добывали сами. Приходили и посылки из дома. Чаке их доставляли сестра Номбоза и ее по-

друга Пампата. (Все предания о Чаке единодушно указывают на Пампату как на единственную избранницу будущего вождя зулусов, верность которой он пронес до конца дней. Но справедливости ради отметим, что имеются и ныне свидетельства, кстати, не менее убедительные, доказывающие, что Чака никогда не любил женщин, много времени проводил в угрюмом одиночестве, и был, говоря современным языком, эксгибиционистом. Кому верить? Будем надеяться, что наш дальнейший рассказ прольет свет на ту или другую версию.)

Звезда Чаки взошла с ростом влияния клана мтетва. Объединительная политика Дингисвайо требовала постоянной готовности к бою. Клан за кланом, видя тщетность сопротивления, вливался в конфедерацию. Никакой роли в военном руководстве Чака пока не играл. Он шел в бой, когда ему приказывали, дрался очень храбро. Но постепенно он стал понимать, что политика Дингисвайо нацелена на боевые действия, как на неизбежные акции, а они должны приносить политический успех. Чака в душе не был согласен с Дингисвайо, считавшего, что завоеванный и присоединенный клан можно «оставить в покое», «посадить на цепь собак войны». Чака считал: покоренный клан, «забытый» клан может выдвинуть нового лидера. А это принесет осложнения!

Сначала робко и ненавязчиво, потом все более настойчиво он стал предлагать военачальникам разбивать враждебный клан вдребезги, включая его уцелевшие фрагменты в свою военную организацию.

К советам Чаки стали прислушиваться...

Воины, которых вел в бой Чака, обрушивались на врага с чудовищной силой и побеждали в рукопашной схватке. Метательное копье Чака посчитал детской игрушкой и изобрел новое оружие с тяжелым широким лезвием и короткой твердой рукояткой. Он сам изготовил опытные образцы, сделав их по типу коротких римских мечей, – «икгва», зулусское слово, имитирующее звук, с каким меч рассекает воздух. Щит тоже был превращен в оружие. Он прикрывал тело с левой стороны, и противник терялся, не зная, куда ударить, стесненный собственным щитом.

Ассегаи зулусов

Для быстроты передвижения Чака отменил сандалии из бычьей кожи, но это нововведение прижилось только при боевых действиях на каменистой почве, а там, где были колючки, воины сильно страдали. Отныне все бои и пешие марши совершались босиком.

Новые реформы оправдали себя в первом же бою, когда воины мтетва столкнулись с отрядом Пунгаше, вождя племени бутелези. Двоюродный брат Чаки – Бакуза (сын Сензангаконы и его последней жены Солдабы) дрался на стороне бутелези. Когда Дингисвайо объявил об окончании кровопролития, Бакузу нашли в грудах убитых. Клан Пунгаше признал зависимость от мтетва.

Сензангакона, похоронив Бакузу, и не подозревал, что Чака дерется на стороне мтетва. В прошлом он часто сталкивался с бутелези, терпел от них поражения, и краали бутелези богатели, пополняясь зулусским скотом. И сейчас Сензангакона осознал, что совершенно бесполезно бороться против клана, который одержал верх над самим Пургаше!

После всего этого Чаку нельзя было не отметить. Дингисвайо смог увидеть в нем больше, чем просто воина. Здравый смысл подсказывал вождю, что зулу могут стать непреодолимым буфером на его северных границах. Так Чака стал командиром полка изикве и отныне принимал участие в военных советах у Дингисвайо. Вот теперь появились реальные возможности для осуществления собственных реформ!

Он разделил вверенный ему полк на три части и начал усиленные тренировки, пытаясь повергнуть воображаемого противника ударом центральной группы – «груди», в то время как фланги старались окружить врага и посеять панику. Чака тратил много времени на то, чтобы лично обучать каждого воина технике ближнего боя – под каким углом держать щит, как посылать ассегай, чтобы тот летел точно в цель и не терять при этой равновесия. Именно в этот период в войсках появились улиби – «пчелы» – мальчики-носильщики, по одному на троих воинов, в обязанности которых входило носить циновки для отдыха, горшки с пищей, запасные ассегаи и некоторое количество воды и зерна.

Однажды, как раз в те годы, Дингисвайо вызвал Сензангакону в свой крааль. Старый, страдающий от ожирения вождь выслушал Дингисвайо. Тот неожиданно заговорил о его сыне – Чаке, которого отец не видел уже десять лет. Чака сможет заменить убитого Бакузу!

Сензангакона изобразил на лице радость и озадаченный вернулся в свой крааль. Там он снизошел до обстоятельного разговора со своей главной женой Мкаби, ибо та, конечно, благоволила к своему старшему сыну Сигуяне и по всем законам вождем должен был стать именно он!

Участники военных советов, у Дингисвайо пока что не догадывались о том, что скрывается за располагающей наружностью Чаки. Нет, свирепость и смелость его в бою всем была известна, но на советах он больше скромно молчал, а высказывался робко, тихим голосом. Среди мтетва уже ходил слух о его высоких моральных качествах: весь скот, который он получал в награду за победы, Чака раздавал воинам.

В 1816 г. вождь зулу Сензангакона умер и «трон» тут же занял его сын Сигуяна. Дингисвайо немедленно отослал Чаку в зулусские краали, а в качества эскорта дал отряд его воинов изикве.

Будущему вождю зулусов было тогда 29 лет и около 16 лет он не жил среди зулу. Подойдя к краалям, Чака выслал вперед своего брата Нгвади (сына Нанди и Гендеяны), но того встретила в поселках полная тишина. Тело Сигуяны плавало в ближнем ручье. Обезглавленный клан встретил Чаку настороженно. Для них он продолжал оставаться сыном опальной

Нанди, чужаком, больше мтетва, чем зулу. К тому ж не бывал в родных местах столько лет. Но легенды сходятся в одном – Чака очень быстро завоевал авторитет в родном клане – «зулу вышли из оцепенения и начали свой путь к славе»...

Бремя больших забот опустилось на плечи Чаки. Доставшееся ему новое войско было очень слабым. Хозяйство разваливалось, скот разворован. Добавить к этому еще и беспокойство, связанное с появлением младшего брата – Дингаана. Тот был поражен, увидев мертвого Сигуяну (история его гибели так и не выяснена), но будучи человеком мудрым, сразу же подчинился Чаке. Молодой вождь оставил Дингаана в покое, обеспечив ему безбедную жизнь – то была роковая ошибка в его жизни!

Чака взялся за дело круто. За малейшие колебание и неповиновение полагалась смерть. Это было право вождя, однако оно выходило за рамки традиций клана. Недовольных Чака уничтожал.

(Некоторые биографы Чаки склонны романтизировать его образ, выдавая вождя зулусов за этакого доброго отца африканцев. На самом же деле Чака был весьма жестоким человеком, а именно эта черта в соотношении с умом и твердостью характера во многом помогала ему устоять на крутых поворотах истории Юго-Восточной Африки.)

Комментарий африканиста: свободный образ жизни пастухов

Это драгоценное движимое имущество легко потерять и легко приобрести. Пастушескому обществу, лишенному средств защищать свой скот, грозила бы серьезная опасность лишиться его. Конечно, можно и у земледельцев силой отнять урожай и разграбить хранилища, однако такая добыча потребительских благ привлекает меньше, чем капитал в виде скота. Не удивительно поэтому, что воинственные организации развились именно в лоне пастушеских обществ, тем более что обеспечение каждодневного пропитания занимает у пастухов меньше времени и оставляет им досуг для упражнений в военном искусстве и для занятий, которыми оно сопровождается: боевых танцев, подготовки снаряжения, запоминания и декламации военных поэм.

Человек не вкладывает труда в пастбища, на которых пасутся стада. Следовательно, их пропитание зависит от того, что им предоставляет естественная среда. В бассейне Нила – это болотистые луга, подчиняющиеся сезонному режиму наводнений; в районе Великих озер – травянистая саванна, где в сухой сезон корм можно найти только в долинах; дальше к югу – холмы, покрытые то скудной, то обильной растительностью.

Стадо редко может пастись целый год, не проходя довольно значительных расстояний. Больше того, если в годовом ритме дождей случаются серьезные перебои, они заставляют искать пастбища еще дальше, чем обычно. Подобные условия вынуждают к частым перемещениям либо всю группу, либо какую-то ее часть и позволяют вести полностью кочевое существование. Номадизм, предполагающий, что люди почти целиком живут потреблением продуктов скотоводства, представляет собой суровый и свободный образ жизни. Дух этого общества наглядно проявляется в его строгих художественных произведениях.

Пастушеские группы должны сохранять свою подвижность, особенно в сухой сезон, когда им приходится искать пастбища и источники воды, и потому не могут быть слишком многочисленными. Это обстоятельство в сочетании с суровым образом жизни и с солидарностью товарищей по оружию способствует социальной однородности группы. Благодаря выдающемуся английскому африканисту Э. Эванс-Причарду известно, что у нуэров, живущих на юге Республики Судан, не было государственной политической организации. Поэтому в пастушеских обществах редко выделяются социальные слои, состоящие из группы правителей и группы подданных.

Прежде всего нужно было позаботиться о самом краале. Чаки нужно было стереть память об отце, которого он ненавидел, и он распорядился построить новый крааль – ква-Булавайо – «тот, кто убивает с печалью». Кухню зулусов он признал несовершенной и послал людей в соседние кланы обучаться кулинарному ремеслу.

Реформы охватили буквально все стороны жизни зулусов – от обычного туалета (подрезание ногтей) до бритья. Один начинающий брадобрей поплатился жизнью за легкие порезы

на царственной шее. Имелись и сборщики королевской слюны, и подтирщики знатного ануса.

Затем Чака принялся восполнять недостаток скота, «занимая» его у соседних кланов. Те безропотно отдавали Чаке быков и коров, видя в нем опасного и сильного соседа. Среди нового стада формировалось ядро будущей знаменитой снежно-белой зулусской породы скота.

Но главное внимание Чаки было приковано к армии. Его клану предстояло возвышаться, и Чака не желал довольствоваться скромной, как ему казалось, властью отца. Армия, и только она, способна помочь ему в достижении цели! Чака отлично представлял, какая военная машина ему нужна, и с рвением принялся за дело.

Скот – главное богатство зулусов

Он решил начать свои опыты с изикве, сделать из них регулярные войска. Они разделились на четыре части, каждая из которых, в свою очередь, состояла из небольших отрядов. Самой сильной была «грудь», центральная группа войск, которая в бою шла по центру – лоб в лоб. Два рога окружали противника с флангов, разворачивались и сходились к центру. Четвертая группа – резерв «груди» – оставалась позади и вступала в бой

по приказу командующего. Тот находился неподалеку на возвышении и с помощью рассыльных посылал резерв в то место, где враг был сильнее. Войско наступало в полной тишине, а в атаку шло с криком, сохраняя боевые порядки.

Чака быстро понял, что боевой дух войска можно резко поднять, если воины станут драться за честь своего изикве, а не клана мтетва в целом. В своем клане он добился обязательного воинского призыва для всех мужчин. Из воинов-зулусов всего 400 человек – половина – была и-кхехла, то есть те, кто носил изиколо – головное кольцо для взрослых неженатых мужчин. Такое кольцо делали из древесных волокон и залепляли пчелиным воском. Волосы вокруг кольца выстригали, Воины с кольцами были испытанными бойцами, сражавшимися против бутелези, и не раз терпели от них поражение. А новобранцы – молодежь без колец вообще не знала службы.

Создать четыре регулярных полка было для Чаки делом несложным. Всех взрослых мужчин – женатых и «тех, что с кольцами» он поселил в отдельном краале и разрешил обзавестись женами. Главой крааля он сделал Мкабайи – свою вдовствующую тетку, которая когда-то была внимательная к Нанди и нему самому, и немедленно казнил тех, кто отказывал ему в гостеприимстве, в том числе и своего дядю Мудли.

Воинов 20-летнего возраста, еще неженатых, он лишил колец и сделал таким образом снова «мальчиками». Им предстояло влиться в изи-мпохло – «бригаду холостяков». От них Чака отделил фасимба – «зайцев» – группу, которую он будет тренировать особыми методами. Именно им суждено стать основой могущественной армии будущего государства зулусов!

Из книги Эдуарда Мора «Путешествие в Африку и к водопадам Виктории на Замбези», СПб., 1876 г.:

«Он (имеется в виду Чака. – Авт.) любил войну, умел искусно вести ее и не раз прославился на поле битвы военными подвигами. Он был хороший стратег, умел быстро и со смелой неожиданностью нападать на соседние племена, покорял их, обращал в рабство, соединял или разъединял со своим народом. Этот варвар изобрел для своих орд новый способ ведения войны по образу македонской фаланги, левый и правый фланги который прикрывались передовыми отрядами».

Собрав все метательные ассегаи, он переделал их на оружие ближнего боя. В книге у Э. Риттера этому посвящено много страниц, основанных на преданиях зулусов. Самые искусные кузнецы жили в клане Мбонамби, пограничном с мтетва, и Чака направился к лучшему из них – Нгоньяме. Его крааль стоял в стороне от жилья членов клана, ибо соплеменники сторонились кузнецов и плавильщиков: по преданиям, они пользовались человеческим жиром для закаливания клинков, и каждый раз, когда в краалях исчезал ребенок, обвиняли кузнецов. Чака объяснил Нгоньяме цель своего визита. Кузнец предложил переделать тяжелое копье для охоты на буйволов, однако Чака отказался: ему нужен был совершенно новый клинок из самородного металла.

– Ты получишь то, что желаешь, – ответил наконец Нгоньяма. – Но на это нужно время, ибо лучше начинать с самого начала. У новой печи будут новые мехи, чтобы железо получилось как можно лучше. Клинок закалим превосходными жирами, и в твоих руках он всегда будет приносить победу. Мне он обойдется недешево, но ради тебя я согласен довольствоваться одной телкой, да и ту ты сможешь прислать мне только после того, как одобришь работу и когда это тебе будет удобно.

Чака принял условия и с важностью произнес: «Может статься, одна эта телка заполнит весь твой крааль...»

Пока кузнецы переделывали все оружие, он начал тренировки. Войско обучалось всем приемам ведения боевых действий, неукоснительно соблюдались все распоряжения командиров. В день отряды проходили до 60–70 км, легко преодолевая холмы, пренебрегая тропинками и дорогами, питаясь мясом скота и зерном в тех краалях, которые они миновали, сопровождаемые лишь у-диби с циновками и горшками. Европейские же регулярные части в те годы по хорошим дорогам проходили за световой день 20 км!

Приготовления к работе Нгоньяма начал с заготовки новых мехов. По давнему обычаю, он отобрал из стада пять баранов и в ущелье, где находились его плавильная печь и кузница, содрал с них живьем шкуру, оставив кожу лишь на голове и ниже колен. Мучения животных никого не волновали. Нужна была шкура того барана, который выживет дольше других. Наконец, последнее животное в загоне издохло и шкуры обработали. По преданию, печь произвела на Чаку сильное впечатление.

Чака провел у кузнеца несколько дней, за которые подмастерья Нгоньямы выковали из чистого металла заготовку, используя вместо наковальни и молотка куски гранита. Когда работа близились к завершению, понадобились снадобья: человеческое сердце, печень и жир. Все это быстро доставили и поместили на гранитную наковальню. Провели раскаленным клинком и, услышав шипение, убедились, что духи одобрили клинок, а затем лес снова огласился громкими ударами молота.

На рассвете клинок был готов. Заточив его о глыбу песчаника, Чака убедился в его остроте, сбрив несколько волосков на руке. Подобрав подходящее древко, они с мастером просверлили в нем удлиненное отверстие, влили туда сок луковичного растения сцилла ригилифолия, вставили нагретый черенок клинка. Он схватился намертво. Потом древко обмотали твердой корой и затянули буйволовой кожей. Так родилось оружие, которое в умелых руках зулусов обеспечило чернокожим воинам десятки блестящих побед.

От сыромятных кожаных сандалий Чака отказался сразу. Жестокими методами он внедрял новую моду – ходьбу и бег босиком по камням и колючкам. После нескольких показательных казней воинов, не сумевших удержаться в ритме боевого танца на грубой щебнистой земле, жалобы навсегда прекратились.

Новые большие щиты для различных полков были окрашены в соответствующие цвета. Себе Чака взял белый с большим черным пятном в центре. У каждого полка были своя боевая песня, клич, а также украшения из меха и перьев на униформе. Сам Чака носил позолоченную юбочку из хвостов циветты.

Когда наконец были готовы новые ассегаи, Чака быстро распределил их среди воинов и научил ими пользоваться. Зулусы получили оружие, которое Африка еще не знала! Всего под ассегаи было поставлено 350 мужчин. Такого числа солдат не было ни у одного соседнего клана...

Военным реформам мешал развиваться один фактор – пока был жив Дингисвайо, Чака являлся его вассалом, и как ни успешны были его военные действия, мтетва оказывались все же сильнее. Молодой вождь начал медленно, но верно подчинять себе соседние кланы. Первыми стали элангени, которые, однажды проснувшись, увидели у ворот своих краалей импи – боевые

группы зулусов. Никто не сопротивлялся. Чака выстроил на скотном дворе все мужское население и выискал среди него тех, кто отравлял ему жизнь в детстве. Их он посадил на острые колья ограды и поджег ее. Тех же, кто хоть чем-то помог ему и матери в суровые годы, он одарил быками. Весь этот клан был включен в растущий клан Чаки. Мужчины пополнили полки и быстро обучились военному ремеслу. Соседние кланы, напуганные решительностью Чаки, сопротивления не оказывали.

Следующим этапом в программе Чаки было покорение бутелези, но их вождь Пунгаше не проявил трусости. Уже терпевший поражение от Дингисвайо, он решил, что от зулусов он поражения не потерпит. К сожалению, Пунгаше не сделал вывода из событий более ранних времен, когда молодой Чака успешно сражался против него в войсках Дингисвайо.

Последовавшие сражения блестяще доказали правильность нововведений Чаки. В походе зулусские воины питались мясом и зерном, которые несли за ними у-диби. Передвигались отряды только по ночам. Однажды на рассвете они настигли войско Пунгаше, которое состояло только из 600 воинов, но занимало господствующее положение в узкой долине одного из притоков Белой Умфолози. Позади войска находились стада и женщины с детьми.

Дингисвайо распорядился подойти поближе полку изикве и послал гонца, который пообещал бутелези прощение. Но те гордо отослали его обратно со словами: «Отправляйся, пес, к своему беззубому хозяину и пускай он пошлет ко мне кого-нибудь способного сразиться, а не такого скулящего щенка, как ты».

По преданию, вперед выбежал Чака и закричал неприятелю: «Эй ты, высохший мочевой пузырь дохлой коровы! Я заставлю тебя проглотить свои слова, а вместе с ними и мой ассегай». И Чака кинулся на врага. Это было новшеством в тактике боевых действий. Воин бутелези, к которому ринулся вождь, смутился. Он дважды метнул в Чаку копья, но тот с легкостью отбил их щитом. Взмахнув ассегаем, он что было сил ударил бутелези под мышку. Удар был настолько мощный, что Чака почти перерубил воина. «Нгалла! – воскликнул Чака. – Я поел!» (боевой клич зулусов при победе над врагом).

Под натиском изикве бутелези не удержались и часа. Прибывший на поле боя Дингисвайо прекратил резню. Уцелело

всего несколько воинов бутелези. Они вместе со своим вождем перешли Черную Умфолози и укрылись у Звиде. Тот уже дважды терпел поражения от Дингисвайо, которому приходился родственником, но ндвандве жили слишком далеко от мтетва и легко выходили из-под контроля, терроризируя соседние племена.

Звиде внимательно выслушал историю беглого Пунгаше и... приказал убить его!

Доказывая свою преданность Дингисвайо, Чака послал ему захваченный скот бутелези. Вождь одобрил жест Чаки и вернул скот с благодарностью. Собрав всех вдов и девушек бутелези, Чака поместил их в построенный рядом с ква-Булавайо сераль. Всего там жило 1200 женщин – умдлункулу. Вождь называл их всех своими сестрами. За 12 лет его правления умдлункулу не произвели на свет ни одного младенца. Чака считал, что нельзя порождать на свет того, кто в один прекрасный день убьет его самого, став наследником. В этом он не был оригинален...

Комментарий африканиста: смешанные общества и касты

Вооруженный набег с целью захвата стад – операция выгодная. Захват запасов проса или фасоли в деревне земледельцев выгоден только в том случае, если захватчики не намерены в ней оставаться. Если же занятая земледельцами область настолько плодородна, что позволяет осесть там и группе скотоводов, грабеж сельскохозяйственных продуктов оказался бы весьма невыгодным. Что же тогда происходит?

Земледельцы иру в Анколе рассказывают, что некогда пастухи жили на востоке страны, а земледельцы – на западе. Они обменивались продуктами своего труда, и теми и другими управляли родовые вожди. Есть основания полагать, что подобная идиллическая гармония существовала разве что в воображении крестьян иру, мечтающих о золотом веке, когда их никто не эксплуатировал. На самом же деле, закрепившись в земледельческих областях Восточной Африки, пастухи подчинили себе земледельцев. Не имея войска, способного оказать сопротивление, земледельцы не могли помешать скотоводам поселиться в своей стране. Кроме того, стремясь заполучить заветную собственность, каковой является скот, они попадали

в зависимость от захватчиков. И пастухам было не очень трудно стать хозяевами положения. В Анколе они образовали, как показывает К. Оберг, государство, простирающее свою власть над пастухами и земледельцами, причем каждая группа сохраняла свой наследственный статут, дающий им неравный доступ к власти и богатству.

Высшую касту, касту хима, составляли скотоводы, потомки завоевателей. Один из них, представитель рода, который подчинил своей власти остальных, был царем. Прочие владельцы скота признавали его главенство: они обязывались идти с ним на войну и периодически поставлять ему определенное число голов скота. В свою очередь, царь защищал их от вражеских набегов и разрешал возникающие споры.

Земледельцы иру не имели права держать продуктивных коров. Им принадлежали либо яловые коровы, либо бычки, которых они закалывали на мясо. Таким образом, хима не выпускали из своих рук собственности, обеспечивавшей им преимущество и составлявшей основу их власти. Точно так же они оставляли за собой право вести войны, запрещая иру становиться воинами. Был запрещен и брак между кастами. Иру были обязаны платить подати вождям хима, представляющим царя, натурой и отработками.

Эта основная схема разделения общества земледельцев и пастухов на две наследственные иерархические группы имеет множество вариантов. Так, например, в другом смешанном государстве, в Руанде, соседней с Анколе области, отношения между пастухами и земледельцами приняли феодальную форму: скотовод передавал земледельцу корову, сохраняя при этом право собственности на нее. Земледелец мог пользоваться некоторыми продуктами – молоком, бычками, – производимыми животными, которых он содержал, – тогда как пастух, оставаясь владельцем скота и имея право отобрать его в любой момент, получал эквивалент в виде продуктов земледелия и услуг. Такой порядок приводил к установлению отношений личной зависимости, с одной стороны, и покровительства – с другой, помимо кастовых делений, что способствовало сплоченности этого общества.

Существовало мнение, что в пастушьей зоне Восточной Африки скот имел значение скорее в ритуальной сфере или в обла-

сти социальных отношений, нежели в экономическом плане. Так ли это? Ведь именно благодаря своему исключительному экономическому значению он наряду с войной стал центром, от которого зависели прочие аспекты цивилизации. Правда, в смешанных обществах (состоящих из пастухов и земледельцев) и даже в многочисленных полуоседлых пастушеских обществах (где занимаются и земледелием) продукты земледелия составляют более значительную долю в повседневном рационе питания, чем продукты скотоводства. Но ведь и в нашем промышленном обществе пищу дают поля и стада, а не машины, хотя эти последние имеют гораздо большее экономическое значение...

К началу 1817 г. территория клана зулу значительно увеличилась в размерах. Войско Чаки насчитывало уже 2 тысячи воинов. Никому из воинов в трех молодежных полках не разрешено было жениться. В периоды между военными действиями воины изолированно жили в краалях.

Осенью того же года Чака узнал, что его приемный дядя Мбийя умер в Длечени. Он прошел более 100 км до побережья океана и затем более 30 вдоль берега до крааля Дингисвайо, чтобы попрощаться с Мбийей, которого очень любил. После переговоров с Дингисвайо оба вождя договорились выступить против Мативане, чей воинственный клан эмангванели жил у подножия Драконовых гор. Храбрый и мудрый вождь Мативане жил еще дальше ндвандве, но постоянно угрожал границам мтетва.

Экспедицию назначили на зимний месяц июнь, но пока шла мобилизация, до Мативане дошли слухи о готовящемся походе. Он сделал все приготовления и попросил вождя соседнего клана амахлуби Мтимкулу посторожить его скот в горах. Мтимкулу, сын вождя Бунгане (который, кстати, в свое время давал приют Дингисвайо и его белому спутнику Коуэну) согласился.

К неудовольствию Чаки, битва осталась незавершенной. Дингисвайо быстро окружил войска Мативане, и тот отделался добрыми заверениями и таким образом сохранил свои силы. Армия ушла, и Мативане обратился к Мтимкулу, чтобы тот вернул скот. Но Мтимкулу отказался! Пока Мативане обдумывал

сложившееся положение, хлуби растворились в горах, а на самого Мативане напал Звиде и изгнал из родных мест.

Звиде все рассчитал вроде бы верно: люди Мативане после стычки с мтетва оказались легкой добычей. Однако, изгоняя эма-нгвавени с их земель, Звиде породил целую цепочку событий, последствия которых никто тогда не мог предвидеть.

Мы уже касались темы мфекане, связанной с перенаселением Наталя в конце XVIII, начале XIX вв. Так вот, это был один из истоков мфекане. Восточные нгуни страдали от перенаселения. Дорога на юг была перекрыта белыми поселенцами. Драконовые горы и сото, населившие их восточные склоны, не давали выйти вглубь материка. Север оказался перекрыт болотистым поясом реки Понгола и племенем тонга.

Итак, спасаясь от Звиде, Мативане уничтожил все встретившиеся ему на пути краали амахлуби и осел среди холмов. А амахлуби, лишенные всех средств существования, под началом вождя Мпангазиты перевалили через Драконовые горы и обрушились прямо на головы насмерть перепуганных сото.

Цепная реакция, вызванная действиями Мативане, имела последствия для всей истории Южной Африки.

Мативане понял, что Чака никогда не удовлетворится миром, который Дингисвайо заключил с ним когда-то, и потому решил покинуть страну, перевалив через Драконовые горы. Но здесь его подстерегали большие сложности. Он оказался не в состоянии расселить свой народ на широком центральном плато, что лежало за горами. Экономику крааля не создашь за один-два дня. Для посева и сбора урожая нужны были целые сезоны мирной жизни. Единственным выходом было насилие. И нгвавени, а вместе с ними и хлуби, оказавшиеся здесь еще раньше, пошли через земли сото, ломая и сжигая все на своем пути, безнаказанно воруя и мародерствуя.

В 1823 г. у Мативане произошел разрыв с амахлуби, которые стали проявлять склонность к оседлости. После битвы, длившейся пять дней, амахлуби были разбиты, бежать удалось немногим.

С этого времени события становятся настолько запутанными, что достоверно проследить пути какого-либо клана по территории сото не представляется возможным. Прибрежным районам Наталя в этом хоть повезло больше – там была своя «письменная история», но о ней речь впереди...

Нападая на тот или иной крааль, Мативане забирал скот и женщин, а мужчин убивал. Те, кому удавалось скрыться, рассеивались по плато и влачили нищенское существование. На площади в тысячи квадратных километров не было ни одного клана, не попавшего в этот жестокий круговорот миграций. Каннибализм, всегда чуждый цивилизованным банту, стал здесь привычным явлением.

Одним из первых кланов сото, которые встретились на пути странствующих амахлуби и нгванов (нгвавени), были тлоква. Вождь этого клана незадолго до того погиб в бою и новым вождем стал Сиконьела. Но он был слишком молод и потому регентшей назначили мать – Мантатизи – Великую Женщину. Не найдя достаточных средств, чтобы противостоять амахлуби, после длительных размышлений тлоква снялись с насиженных мест и двинулись на юг. Передвигались они беспорядочно, огромной толпой в 50 тысяч человек, гоня посередине людского массива свои стада. Сотни людей умирали ежедневно без еды и воды.

Эта волна, двигавшаяся с севера и получившая в истории Южной Африки название «Орда Мантатизи», в конце концов достигла деревни Тлапин, где жили несколько белых миссионеров из Капской колонии. Местное население приготовилось было бежать, но миссионеры позвали на помощь гриква с вождями Ватербуром и Коком. У этих гриква, которые с гордостью отзывались на прозвище бастардов, родители были ранние европейские поселенцы и готтентотские женщины. И считали расой, занимавшей промежуточное положение между цивилизацией и диким миром. Они носили европейское платье, работали на фермах, пасли лошадей, жили отдельно.

Так вот, гриква откликнулись на просьбу и выступили против Мантатизи. Оружейными залпами им удалось разогнать «орду» и та покатилась обратно на север, атаковав по дороге небольшой клан сото во главе с Мшевешве (Мошешем). С остатками клана Мошеш вынужден был скитаться по южным отрогам Драконовых гор, пока взорам его людей не предстала необычная гора. Таба Босиу – «Гора ночи» – холм со срезанной гладкой вершиной, где можно было устроить удобные пастбища, и всего с тремя подходами. Мошеш завел своих людей наверх и приказал завалить камнями все тропинки, что было весьма удобным

для отражения атак врага: в случае опасности эти камни полетят на головы атакующих. По легенде, так родился народ басуто. Мошеш распустил по всей округе стойкие слухи о том, что ночью гора разрастается до невиданных размеров, а днем опускается до обычных 700 футов.

Орда Монтазизи прокатилась дальше на север, не отважившись напасть на сото. Не решился напасть на него и Мативане, который к 1828 г. ушел на юго-восток и появился, к своему несчастью, в стране тембу, совсем рядом с владениями буров и англичан...

Там же, в том же году прошла неведомая Мативане военная экспедиция Чаки. Это было совсем близко от границ Капской колонии, и британские войска совместно с бурскими коммандос и вспомогательными африканскими частями двинулись для отражения удара зулусов. Но досталось не зулусам, а нгвавени! Весь свой пыл белые обрушили на то, что они считали основными силами Чаки. Так Мативане 26 июля 1828 г. впервые познакомился с белыми пришельцами. Кафры есть кафры, какая между ними разница – и полковник Соммерсет атаковал их у реки Умтата. Мативане с пятью женами и их детьми спешно удалился на север, чтобы сдаться Чаке, подошел к горе Таба Босиу. Зная историю Мативане, любой вождь казнил бы его без лишних слов, однако добросердечный Мошеш проявил гостеприимство. Оставив здесь семейство, Мативане пошел к зулусам. Но там его ждала страшная казнь от руки Дингаана, наследника Чаки.

Комментарий африканиста: «любимый бык» в племени лонгарим

Тесная связь между войной и скотом поразительным образом проявляется в странном институте, существующем в племени лонгарим и описанном ученым Андреасом Кроненбергом. У этих пастухов, живущих в провинции Экваториальная в Республике Судан, каждый юноша, достигший зрелости, должен выбрать бычка, который станет его «любимым животным». Чтобы приучить его, он каждый день должен натирать ему спину навозом. Так начинается длительный процесс сближения человека с животным, похожего с отождествление с ним. Это

отождествление будет сильнее или слабее в зависимости от того, кастрируют ли впоследствии теленка или нет. Кастрированного быка в старости убивают, а его «отец» вместе со сверстниками съедает мясо во время ритуальной трапезы и берет себе другого быка. Некастрированного быка не убивают никогда, разве что на могиле его «отца». Он остается единственным у мужчины на протяжении всей его жизни. Хозяина часто называют именем любимого быка, а его собственное имя со временем забывается. Если любимый бык дерется с другим животным, «отец» должен немедленно того убить; если же сражаются два любимых быка, их «отцы» делают то же самое. После убийства своего быка «отец» подвергает себя опасности на охоте и в сражениях. Он носит траур, как после смерти близкого родственника. Случается даже, что он кончает жизнь самоубийством.

Отождествление скота и людей очень распространено в зоне цивилизации копья, но все же оно редко проявляется в такой индивидуализированной форме, как у лонгаримов.

Ученый Годфрей Лингарт сообщает, что люди суданской народности динка проводят аналогию между жизнью человека и жизнью домашнего животного и потому люди подражают скоту. Танцоры часто сгибают руки наподобие рогов, это считается очень красивым жестом. В некоторых танцах девушки и юноши в очень стилизованной манере подражают движениям коров и быков. В Руанде жены знатных вождей носят головные уборы из меди, напоминающие рога, и вырабатывают походку, схожую с поступью самца антилопы.

Лонгаримы считают, что чувство, испытываемое к любимому животному, побуждает к действию. «Когда я вижу своего любимого быка, мое сердце открывается, и я готов приняться за дело». А дело это требует храбрости: организовать набег, возглавить охоту на леопарда и т. д.

Чтобы лучше понять этот институт, следует сопоставить его с двумя другими: институтом лучшего друга и системой возрастных классов. У большинства лонгаримов есть «лучший друг», выбранный в отрочестве среди сверстников. Дружба закрепляется жертвоприношениями. Каждый мужчина должен заботиться об интересах друга больше, чем о своих собственных; у него не может быть тайн от друга. При любой

опасности они выступают вместе и поддерживают один другого. У каждого лонгарима есть также обязательства по отношению к любимому животному своего друга: он должен снабдить его колокольчиком и украшением из слоновой кости, которое вешают на шею животному. Но прежде всего он обязан хвалить своего друга во время танцев, на охоте и в бою. Похвала играет важную роль у лонгаримов, она также побуждает к благородным поступкам.

Но давайте все-таки вернемся к далекому уже 1817 г., когда Дингисвайо, дав возможность бежать Мативане, перенес все внимание на Звиде, который был постоянным источником беспокойства для мтетва, а впоследствии и для зулу.

Чака в одной их экранизаций его жизни

Звиде был другом отца Дингисвайо, но в 1818 г. произошла ссора и Звиде убил приемного сына Дингисвайо. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения, и вождь мтетва попросил Чаку помочь ему. Пока войска готовились к кампании, Дингисвайо пошел к ндвандве без оружия, желая мирным путем уладить все конфликты. По дороге он наткнулся на патруль, который доставил его к Звиде. Тот продержал Дингисвайо у себя два дня и, убедившись, что ему, вождю

ндвандве, ничего не угрожает, велел казнить Дингисвайо, а голову передал своей матушке Нтомбази, которая собирала в своей хижине жутковатую коллекцию отрубленных голов.

По преданию, вместе с Дингисвайо умерли несколько его «амазонок» – личная охрана вождя, состоявшая из девушек. Хотя им и было дано указание возвращаться домой, они отказались покинуть вождя и закололи себя кинжалами на месте казни любимого правителя. Так около 1818 г. армия потеряла военачальника и только приезд Чаки помог командирам удержать людей от паники.

Как передают легенды, Звиде потребовал у Чаки выдать ему всех девушек. «Какая наглость, – сказал Чака. – Никогда сестра моя не станет супругой этой высохшей шкуры, которая сожрала уже половину вождей нашего края. Пусть попробует сам добыть их!»

...Чака и Звиде стояли с войсками на границах своих владений и изучали соседние земли. Кроме ндвандве, Чаке угрожали еще и квабе, мощный клан, живший между поселениями зулу и мтетва. Так молодой вождь зулу оказался между двумя врагами. Оба клана по численности превосходили зулусов вдвое.

Чака тщательно готовился к предстоящей битве. Он объявил всеобщую мобилизацию всех мужчин старше и моложе призывного возраста, способных носить оружие. Верный помощник Чаки талантливый военачальник Мгобози быстро обучил их воинским дисциплинам. Ополчение стало называться Нкомендала – «беззубый старый скот», хотя прозвище это было почетным. Далеко на юг к лесу Нкандла были эвакуированы жены с детьми и скот. Всего для сражения подготовили около 4 тысяч человек. У Звиде было вдвое воинов больше!

Главные силы Чака сосредоточил у холма Гокли южнее реки Белая Умфолози. На вершине холма разместился резерв, а основное войско расположилось вокруг по 5–6 шеренг. В радиусе нескольких километров от Гокли зулусы забрали все съестные припасы и сделали запас воды. Узнав от разведчиков о своем численном проигрыше, Чака построил войска полукругом – так было легче смыкать ряды, если враг прорвет оборону.

Войсками ндвандве командовал молодой военачальник Намахландхана, ровесник Чаки. Ему помогали все взрослые сыновья Звиде.

Первые группы противника вошли в реку на мелководье. Воины ндвандве держали в правой руке ассегай и щит, а левую положили на плечо впереди идущего – образовалась цепь. Группы командиров Чаки обрушились на них как раз в тот момент, когда те преодолевали глубокое место в реке. Первая атака Намахландханы захлебнулась в прямом смысле.

После этого Чака придумал следующий маневр. На глазах у разведчиков ндвандве 200 воинов полка Фасимба погнали часть скота на юг. Ндвандве наверняка отвлекут значительные силы, чтобы овладеть добычей. Проведя незаметно перегруппировку, Чака разделил силы таким образом, чтобы противник непременно решил: войско разделилось поровну. Между тем, на холме осталось 3 тысячи воинов.

Все произошло именно так, как и предвидел молодой вождь зулу. Намахландхана отправил треть своих воинов за скотом зулусов, а остальные 8 тысяч выстроил полукругом у северо-восточного склона холма. И таким образом, оказалась видна только часть войска, остальные силы скрывались за гребнем холма.

– Биться с таким противником – все равно что резать скот в краале, – хвастливо заявил Номахландхана своим командирам.

После ритуальной встречи двух самых сильных воинов, закончившейся победой зулусов Чака двинул войска. Вот как рассказывают об этом старые зулусы:

– К оружию! – скомандовал Чака. Приказ был громко повторен сначала командирами бригад и полков, затем сотниками и наконец взводными. С удивительной синхронностью движений, которой всегда отличались зулусы, полторы тысячи воинов, прятавшихся вокруг вершины холма, поднялись как один человек. Затем полторы тысячи ног – в подобных демонстрациях участвует только правая нога – одновременно топнули о землю, так что холм чуть ли не дрогнул. И тут же раздались крики, похожие на раскаты грома и барабанный бой: то каждый воин в течение нескольких секунд бил древком копья по щиту. Четыре шеренги, стоявшие вплотную к передней, отошли назад, так что между ними образовались интервалы в три-четыре шага.

Войско ндвандве втягивалось в сражение медленно и неуверенно. Их боевые порядки уплотнились до такой степени, что никто не мог свободно метнуть копье. Нарастала паника.

Как лавина навалились зулусы на столпившихся воинов противника. Началась резня. Новые ассегаи с широким и коротким клинком оказались прекрасным оружием ближнего боя.

С вершины холма Гокли Чака наблюдал за полем битвы. Копья, которые метали ндвандве, практически не причиняли вреда. Номохландхана перешел к тактике ближнего боя, но яростный напор зулусов отбросил ндвандве. Стояла жара, а воды у противника не было. Заканчивались резервы и у Чаки. Из пяти шеренг осталось только три.

Тем временем дымы вдали известили зулусов, что возвращается их отряд, уводивший скот. Но это означало и то, что скоро появится и часть войска ндвандве, посланного за скотом. Положение становилось отчаянным. Об этом предание гласит так:

– Тут их выручила железная дисциплина и большая подвижность. «Назад, на вершину холма, щиты держать сзади, – снова и снова звучали слова команды. – Бежать как можно быстрее, но строй не нарушать!» Командиры и многие рядовые громко повторяли этот приказ.

Зулусы и на этот раз без труда обогнали своих противников, и те снова очутились перед двумя сплоченными шеренгами, занявшими первоначальные позиции вокруг вершины холма. Таковы были плоды военной выучки.

Ндвандве несколько раз повторяли атаку, но неизменно откатывались к подножию холма. В распоряжении Номохландханы осталось около двух с половиной тысяч воинов, в то время как у Чаки – 600, из коих около половины составляли раненые.

Над равниной и холмами стоял тошнотворный запах крови. Между тем, к обеим сторонам подходили свежие силы. На северном склоне началась неслыханная резня, в которой полегли около полутора тысяч ндвандве и пятьсот зулусов. Победа досталась очень дорогой ценой – ндвандве потеряли около семи тысяч человек. Но Звиде по-прежнему считал себя непобедимым.

Чака мог теперь доверять своим войскам самые ответственные сражения. Несмотря на громадные потери, ему удалось удвоить армию, благодаря притоку добровольцев. Вождь всячески поощрял храбрых воинов, выдвигая их на различные командные должности. Одним из его военачальников стал Мзиликази, внук Звиде, бежавший от деда, когда тот убил его отца. Другим был Ндлела, который к неудовольствию людей,

служивших с ним, были каннибалом, но довольно быстро отвык от своей дикарской привычки.

Чтобы избежать кровопролития, Чака решил пригласить квабе на свою сторону еще до битвы с ними, но те решили выждать исхода сражения, и тогда Чака напал на них «заранее», одержал легкую победу и влил их силы в свою армию. Теперь без оппозиции в тылу он мог противостоять двум самым грозным военачальникам ндвандве – Сошангане и Эвангедабо. О всех делах у ндвандве Чака узнавал через разведчиков из клана дламини – они приходились родственниками ндвандве, но ненавидели их и прилагали все усилия, чтобы помочь Чаке.

То была вторая и последняя война Чаки против Звиде.

В мае 1819 г., вскоре после сбора урожая, Чака приказал сделать большие запасы продовольствия и спрятать их в надежных местах. Узнав от разведки о приближении армии Звиде, он отправил в лес Нкандла всех жителей целого 60-километрового коридора, куда намеревался заманить врага. Сошангане внимательно изучил уроки поражения ндвандве у холма Гокли и вооружил воинов такими же короткими и тяжелыми ассегаями. Правда, они по-прежнему были обуты в сандалии, и это делало их менее мобильными, чем зулусов.

Миновав холм Гокли, усеянный выбеленными солнцем костями, зулусская армия продвигалась вперед с трехдневным запасом продовольствия. Но зернохранилища, где противник намеревался пополнить запасы, оказывались пустыми. На третий день они лишились и скота: отряд зулусов отбил быков и коров у немногочисленной охраны. Голод и холодные ночи заставили ндвандве устремиться за стадами, которые зулусы намеренно «показывали» на отдалении вражескому войску, чтобы заманить его в ловушку. Таким образом, противник вышел к восточной кромке леса Нкандла – прямо к главным силам Чаки, скрывавшимся в чаще.

В ту июльскую ночь, сообщают предания зулусов, дикий лес представлял собой жуткое, но величественное зрелище. Десять тысяч воинов расположились под сенью могучих акатников[9].

[9] Акатник (маакия амурская). Обычно вырастает до 10–20 метров, иногда до 25 метров высотой, доживает до 200–250 лет. Кора светло-коричневая, местами отслаивающаяся и закручивающаяся. В июле распускаются белые цветки, собранные в кисти.

Тыльная сторона их листьев отражала огни тысяч костров, блеск ассегаев и щитов.

Чака сидел, прислонившись спиной к стволу лесного гиганта. Перед ним ярко горел костер. Слева от него находился молодой Мзиликази, будущий король матабеле, справа – двадцатидвухлетний мрачный Дингаан, его сводный брат и будущий вождь зулусов. Другой сводный брат, пятнадцатилетний Мпанде, тоже будущий вождь, был в то время одним из удиби. Пока что он подавал мясо и пиво своим братьям. В ту ночь в лесу Нканда решалась судьба половины Африки...

По плану Чаки, отряд из 500 человек должен был подобраться к спящим ндвандве с дальней от леса стороны, – изображая воинов, вернувшихся из похода за продовольствием. Это было делом несложным, ибо и ндвандве и зулусы говорили на одном языке. Нужно было вызвать среди противников панику.

Среди ночи лагерь ндвандве огласили громкие вопли. Сошангане потребовал прибавить огня, но это не помогло, лазутчики зулусов продолжали стоять насмерть. Тогда Сошангане приказал всем собраться вокруг его командного пункта и стать лицом к лесу.

Утром они поспешили покинуть наполненный кошмарами лес. Войско зулусов в полном составе начало преследовать боевые порядки противника. Единственным преимуществом зулусов оставалась железная дисциплина, ибо во всем остальном Сошангане не уступал Чаке, а в численности намного превосходил его войско.

Чака построил два полка в две колонны по пять человек в шеренге и послал в обход армии ндвандве с флангов. Сошангане срочно расширил свои порядки, чтобы не дать окружить себя, но те уходили все дальше вправо и влево, и таким образом ослабился центр, в котором наметились разрывы. Воины зулусов напали с бешеным натиском и сразу положили насмерть много солдат. Ндвандве стали отходить, пытаясь соблюдать боевые порядки. Но на пересеченной местности делать это во всей Африке могли пока только зулусы. Образовалась неразбериха, свалка, на которую то и дело обрушивались полки Чаки.

Сошангане отдал приказ своим 16 полкам переправляться через реку. Один полк – его личная гвардия – охранял переправу. Чака уловил момент, когда половина воинов переправилась,

а вторая осталась на берегу, растянутая по всему фронту, и напал со всей стремительностью, с какой были способны его летучие отряды. «Встаньте, дети зулу, ваш час настал! – напутствовал он своих воинов. – Уничтожьте всех!»

Семь тысяч зулусов с боевым кличем «Байете!» (Ура!) ринулись в атаку. Половина ндвандве погибла на берегу, другие потеряли оружие на переправе. В распоряжении Сошангане остались лишь те, кто успел переправиться, и часть гвардии. Осколки вражеской армии распались на отдельные группки беглецов.

Двум полкам Чака дал особое задание – быстро напасть на краали ндвандве и захватить вождя Звиде и его жестокую мать. Узнав об опасности, Звиде поспешил укрыться с группой единоплеменников на севере, среди племени бавелу, и именно там его настигла смерть. Он стал жертвой женщины-вождя Мжанжи, которая командовала маленьким кланом бапеди. Окружавшие ее племена боялись с ней связываться, потому что Мжанжи могла наслать порчу на любого. У нее было четыре груди, причем такие длинные, что она забрасывала их за спину и могла кормить сидящего за спиной ребенка. По преданию, она была бессмертна, и любому страннику, взглянувшему на нее, грозила гибель. Она потратила всю свою черную магию против Звиде, который вскоре умер.

Сошангане спешно отступил, уводя с собой уцелевшие войска. Ему удалось добраться до португальских владений в Мозамбике и основать там государство Газа, или Шангана, не попавшее под влияние Чаки.

Отныне владения зулу простирались от Понголы до Тугелы и от океана до Кровавой реки. Территория клана в сто квадратных миль превратилась в 11 тысяч 500, а армия выросла с 350 до 20 тысяч воинов. На этой территории десятки вождей покоренных кланов получили статус, поставивший их выше прежнего положения. Население стало мало-помалу отождествлять себя с зулусами.

В центральной части своей территории Чака распорядился построить несколько крупных военных краалей – Гибисеку, Булавайо, Нобамба Изи-хлебе, Мбелебеле и Дукуза. Это была система опорных пунктов, призванных быть поддержкой регулярной армии. Каждый из них имел округлую форму и против

входа располагалась «королевская часть». По обе стороны загона для скота находились хижины воинов. Гибисегу был более трех миль в окружности и насчитывал 1400 хижин. Каждым поселением командовал военный вождь – индуна, назначенный лично Чакой. Там же находился сераль для женщин верховного правителя во главе с главной женой, которая пользовалась огромным авторитетом наравне с индуной. Напомним еще раз, что Чака сам никогда не женился и официально эти женщины считались его наложницами.

В таких поселениях собиралась молодежь со всех краалей. Сначала молодых людей использовали как пастухов у и-диби носильщиков щитов и циновок, а потом направляли в соответствующий полк.

Концентрация власти и полное подчинение армии Чаке вывели его за пределы статуса обычного бантусского вождя. Но четкая организация действовали лишь в тех районах, где был возможен непосредственный контроль из центра. Вне его вожди хотя и платили дань и признавали вассальную зависимость, но часто нарушали законы, установленные Чакой. Они были достаточно автономны и командовали силами, состоящими из своих племенных резервов. Это неминуемо должно было вызвать сепаратистские тенденции, и в 1821 году состоялся такой «исход» – от Чаки отделился клан кумало во главе с Мзиликази.

Реорганизация общества на рельсах войны сопровождалась и перестройкой сознания. Гостеприимство и наивное любопытство, когда любого чужеземца сразу же окружала толпа гомонящих людей всех возрастов, выпрашивавших подачки и ощупывавших одежду, сменились более сдержанным отношением, граничащим с подозрением. На это ушли годы. Гордость, даже равнодушие к человеческой жизни, культивировавшиеся Чакой, соседствовали с железной дисциплиной, порядком, аккуратностью, которые привлекли внимание первых европейцев в этих краях.

Многие историки-африканисты пытались проанализировать феномен Чаки, приведший к рождению мощного государственного образования на юге Африки. Исследовать его корни. Что отличало Чаку от Дингисвайо и Звиде? Не только военная власть (она, несомненно, была у него сильнее), а скорее способности, с помощью которых он добился политической

власти, и масштабы изменений, вызванных реформами Чаки. Многие из этих изменений назрели да и делались в кланах нгуни. Возрастные классы существовали и раньше, но сейчас они служили всему государству. Рекруты из всех племен и кланов перемешивались в армии, создавая «атмосферу лояльности» власти великого вождя, выхолащивая сепаратистские настроения. Живя и воюя вместе, они сливались в один народ.

Тщеславные молодые воины, отличившиеся в бою, быстро продвигались по службе; местные вожди не в состоянии были создать серьезную оппозицию центральной власти. Зулу – диалект нгуни – стал объединяющим средством общения для всего региона, народ стал называть себя амазулу, а не наследниками прежних этнических и политических образований.

Нгуни оказались лучшими преемниками и носителями новых изменений. Такой «взлет» зулусов многие исследователи пытались объяснить по-разному. Одна версия такова. Дингисвайо сознательно «срисовал» все с жизни белых людей на Капе. Эту идею породили сами поселенцы, пытаясь принизить славу зулусов. Она не выдерживает критики. Да к тому же, действия Дингисвайо и Чаки не имели ничего общество с действиями белых.

По второй теории, перенаселение региона требовало перестройки экономики, чтобы выжить. Доля истины здесь есть, но не это было главным: достаточно вспомнить южных нгуни, у которых демографически коллизии были самыми сильными, их экспансия была ограничена Драконовыми горами на западе и поселениями белых на юге, однако у них не возникло таких социально-политических институтов, как у северных нгуни...

Имеется и третья версия: Дингисвайо, Звиде и Чака пытались установить торговые контакты с Делагоа. Это вероятно, но не столь важно, ибо торговые отношения с португальцами у зулусов были минимальными. Тонга были куда ближе к торговым делам, однако они и не пытались изменить свои социально-политические институты, их сделки основывались на рабовладении, в то время как зулусам оно было всегда чуждо.

Наконец, четвертая гипотеза. Северные нгуни подпали под сильное влияние сото и переняли у них многие элементы экономики, культуры и политики.

Более правильный вывод видится в уникальном сочетании всех этих факторов, когда организаторский и полководческий талант Чаки проявился в нужное время и в нужном месте. Чака сумел понять сложную ситуацию и использовать свои способности в правильном русле – в противоположность южным нгуни, у которых тоже имелись предпосылки для коренных перемен, но они так и остались политически раздробленными. У южных нгуни был свой талантливый и храбрый вождь Макоме, но он так и не смог перерасти от лидера отдельных племен в вождя крупного государственного образования, не смог преодолеть инерции вождей и самих жителей, не пожелавших объединяться.

А Чака смог!

В 1820 г., переправившись через реку Буффало, его импи напали на два больших клана – тембу (вождь Нгоса) и куну (вождь Макингване). Расселив вновь влившихся к нему людей на землях ндвандве, он таким образом захватил весь Наталь. Племена и кланы, не пожелавшие сливаться с зулусами, бежали на юг, где от беженцев уже страдали коса, теснимые белыми поселенцами...

К 1824 г. все было кончено: на сотни миль к югу от Тугелы не осталось ни одного независимого клана. Только сотни и тысячи пустых краалей. Лишь пепел и кости. Сотни голодных групп людей бродили по саванне. Процветало людоедство. Ни один человек не отваживался посеять злаки или построить крааль.

Из воспоминаний Барнабаса Шоу, английского миссионера, два десятилетия прожившего в Южной Африке в 20–30-е гг. XIX в.:

«Скрытное, но воинственное племя зулу, или ватва, находится к северу от кафров. Единственное, что можно сказать о происхождении, что раньше они пришли из районов истока реки Мапуты. Сегодня границы проживания этого огромного ужасного племени простираются от границ кафров амапонда и Делагоа на севере и внутрь до высоких гор.

Они смелы и воинственны, благородного поведения, у них тонкие черты, украшения чаще сделаны из травы и зерен. Большинство ходят голые, но есть и в шкурах животных. Они,

как и многие другие племена, умеют обращаться с железом. Они защищают себя в битвах широкими щитами из шкур антилопы, а в другой руке держат 5–6 ассегаев.

Они покорили много племен в соседстве с Делагоа. Больших успехов достигли при короле Чаке, который создал империю на основе военной деспотии. Средства, которыми он достиг этого, были кровавыми и жестокими. Он пошел дорогой крови и обрек на смерть тысячи своих соплеменников. 15 тысяч его воинов выполняли малейшие его прихоти, а всего армия достигала ста тысяч, в чем я сомневаюсь. Поражение в бою каралось смертью, бывали случаи, когда казнили сразу 450 человек.

Это дети природы, у них не было Библии, проповедники их не посещали. К сожалению, на земле еще много таких черных мест, где царит жестокость...»

Экспедиции зулусов обшаривали северные районы Наталя и в одном из походов, заменив Мзиликази, Чака натолкнулся в землях ндвандве на крааль, где когда-то правил Машобане, отец Мзиликази. Здесь Чака и осел с двумя полками, выбрав место для своей главной резиденции – Дукузы. Вождь разрешил воинам некоторых полков вновь надеть головные кольца и искать себе жен. Мужчинам в возрасте от 35 до 40 лет было позволено отправляться в свои краали и заниматься там земледелием и разводить скот. Говоря современным языком, нужно было срочно налаживать экономику, так как содержать 20-тысячную армию никакие краали были просто не в состоянии.

С этого времени история цивилизации зулусов вышла из области устных преданий и обрела письменную форму, поскольку в области, населенные зулусами, зачастили английские и бурские колонисты.

В 1828 г. двое братьев Чаки – Дингаан и Мхлангана подготовили заговор и убили вождя зулусов в его резиденции в Дукузе. По легенде, раненный двумя ударами ассегаев Чака воскликнул: «Думаете, что станете править этой страной? Но я уже вижу прилет “ласточек” (намек на глиняные дома европейцев. – *Авт.*). Вы не будете править после моей смерти. Белые люди уже здесь...» Но Чака ошибся. Дингаан правил еще десять лет, а его последователи продержались аж до 1870-х годов: военная мощь зулусов была необычайно сильна.

Дингаан, или «Хватайте колдунов»

Смерть Чаки повергла всю страну зулусов в состояние шока. Так продолжалось несколько месяцев. Вожди на окраинах Наталя, не принадлежавшие к основному этническому ядру, стали громко требовать наказания виновников массовых казней. Но главного виновника уже не было в живых. Дукуза пустовала. Огромная армия, ушедшая на север, еще не вернулась, и в королевском краале осталась лишь малолетняя гвардия Чаки изи-ньози – «пчелы» и хломендини – «домовые люди» из ассимилированных кланов, служившие пастухами.

Оба коварных брата-заговорщика затаились – каждый в своем краале – и ждали развития событий.

Дингаан не делал попыток возвыситься над Мхланганой. Исполнительная и административная власть сосредоточилась пока в руках Мбопы. Но братья все же позаботились о том, чтобы скот Чаки не пропал – специальные отряды были отряжены в соседние краали и пригнали весь скот – поровну в оба крааля.

Первые актом братьев было убийство Нгвади – сына Нанди, матери Чаки, рожденного от Гендеяны, ее второго мужа. Нгвади жил при Чаке в полном достатке и безопасности и у него была даже собственная армия. По законам наследования трона он имел больше прав на власть по сравнению с братьями, и они это прекрасно сознавали: против Нгвади послали Мбопу с отрядом «пчел», и тот сражался до последнего вздоха, убив лично восемь «изи-ньози».

Затем братья приложили все усилия, чтобы уничтожить индун, имевших вес при Чаке. Сотобе вовремя оценил ситуацию и занял сторону Дингаана.

Неделя шла за неделей, а об армии не было никаких известий. Отношения между братьями ухудшались. Оба пытались завоевать расположение Мбопы, который в свой очередь, склонялся к Дингаану. Однажды ночью Дингаан был легко ранен ассегаем, брошенным из темноты неизвестным злоумышленником. Ждать было нельзя, и Мхлангану убили.

Между тем, экспедиция Чаки на север провалилась: Сошангане оказался сильнее. Воины были измотаны до крайности, ведь они шли без остановки с юга, от амапондо, без носильщиков уби-диби. Участились случаи дезертирства. Только железная воля Мдлаки спасла зулусское воинство в этой неудачной

экспедиции. К тому же начались голод и дизентерия. Воины жевали щиты. Перебежчики предупредили Сошангане о приближении зулусов, и тот бросил на них из засады несколько тысяч обученных действиям в горных условиях воинов – сегодня мы бы назвали их егерями. 30 тысяч зулусов в панике обежали!

Войска были даже рады, что Чаки больше нет и можно рассчитывать на пощаду. Тем временем Дингаана выбрали новым вождем!

Сам Мдлака очень сомневался в правильном выборе нового правителя. Не столько потому, что видел в нем убийцу Чаки, сколько из-за того, что тот приказал убить Мхлангану. Мдлаке казалось, что последний оказался бы куда лучшим преемником.

У Дингаана, знавшего о настроениях Мдлаки, чесались руки убить его, однако младший брат Мпанде и некоторые индуны отговорили его.

Коронация состоялась в начале 1829 г. Мбопу новый вождь отселил в отдаленный крааль, подарив ему изрядное количество скота. Там, «на пенсии», Мбопа прожил шесть лет и был убит при таинственных обстоятельствах. Впрочем, что же тут таинственного? Какой правитель потерпит возле себя цареубийцу, пусть даже действовавшего по его собственному повелению?

Южноафриканская газета «Торговый вестник» быстро откликнулась на события в Зулуленде. 27 декабря 1828 г. она писала: «Говорят, один из двоюродных братьев Чаки по имени Дингаан выбран в качестве наследника, и тем не менее дела зулусов пока ведет вождь, от чьей руки погиб Чака, но до того, как состоится избрание, страна будет находиться в нестабильном состоянии».

Придя к власти, Дингаан решил построить себе новую столицу, ибо Дукуза напоминавшая о Чаке, была ему немила. В июле 1829 г. он подобрал место в нескольких милях от ква-Булавайо, старой резиденции Чаки, на живописной равнине с речкой и холмами. Название местного крааля – Эмгунгундлову означало «место большого слона»

В отличие от Чаки на долю Дингаана в детстве не выпало столько романтических историй. Он был шестым сыном жены Сензангаконы – Мпиказе, но рос под влиянием своей тетки

Мкабаи. Ему было около тридцати, когда не стало Чаки, значит, он родился между 1790 и 1800 гг. С детства ему были присущи замкнутость и повышенная чистоплотность: он все время мылся и натирался жиром. У него были некрасивые зубы и он этого стеснялся, взяв в привычку закрывать рот рукой во время разговоров.

Дингаан, наследник власти Чаки, главный враг буров

Колонисты Порт-Наталя пока не знали об этих подробностях. Не ведали они и о намерениях нового правителя и на всякий случай укрепляли форт Фаруэлл, названный так по имени его основателя.

Но вот в один прекрасный день от Дингаана прибыл гонец и сообщил, что вождь благосклонно относится к белым соседям и не тронет их. Колонисты расслабились, но один из них, Н Айзекс все же решил уехать, «чтобы доделать свои и Кинга дела в Кейптауне».

Незадолго до отплытия судна пришло известие, что Кейн, посланный по суше за макасарским маслом для Чаки, добрался наконец до амапондо, а Генри Огл вернулся из Грэхемстауна вместе с Барнабасом Шоу, эмиссаром лорда Сомерсета. Шоу никак не ожидал смерти Чаки, но все же решил осесть здесь и заняться торговлей.

Айзекс отбыл на «Элизабет и Сьюзан» 1 декабря 1829 г., но 30 марта следующего года, побывав в Кейптауне и даже на острове Святом Елены, вернулся в Порт-Наталь на американском бриге «Св. Майкл», которым командовал капитан Пейдж.

Постепенно все колонисты за небольшим исключением снова собрались вместе. В Порт-Натале они узнали много самых разных новостей. Самой главной была печальная новость – погиб Фаруэлл. Незадолго до этого он побывал в Кейптауне, где его жена родила сына, и стал вербовать новых поселенцев в Порт-Наталь. В сентябре 1829 г. он прибыл в Порт-Элизабет, готовый следовать дальше фургоном. С ним были торговец по имени Трексврей и молодой натуралист Уолкер.

Пока Фаруэлл был в Кейптауне, в Пондоленде начались волнения. В марте 29-го вождь Нгето поссорился с Дингааном, забрал своих людей и скот и скрылся далеко на юге, найдя убежище у могущественного вождя Факу. Историки назвали бегство Нгето со своими квабе вторым массовым исходом части населения после знаменитого похода Мзиликази. Нгето понял, что его ожидает участь других влиятельных вождей, не уйди он вовремя с политической арены. Эта миграция нарушила работы многих миссий и заставила миссионеров временно укрыться в Грэхемстауне.

В миссии амадола методист-веслеанец Шепстон, уже шесть лет живший здесь, едва успел скрыться перед тем как сюда ворвались воины квабе, с сыном, 12-летним Теофилом, бегло говорившем на коса.

Среди путешественников, которые тоже были вынуждены повернуть назад перед лицом нашествия с севера и задержаться на полпути в Порт-Наталь, оказались переселенцы с Капа – Эндрю Бейн и Джон Бернет Биддалф, которые ехали в компании с отцом Финна – тоже Генри Френсисом и двумя сыновьями – Альфредом и Френсисом. Четвертый сын – Уильям вскоре тоже прибыл в Порт-Наталь самостоятельно.

Но вернемся к судьбе Фаруэлла. Когда в сентябре 1829 года он снова двинулся на север, обстановка вроде бы нормализовалась. Однако Факу, земли которого поочередно захватывали зулусы, беженцы от них – нгванени, британские войска, а теперь и квабе, постепенно приходил в ярость и готовился к решительным действиям. В начале ноября 1829 года Фаруэлл добрался до реки Умзимвубу, на которой располагался лагерь Нгето. Оставив фургоны под присмотром Кейна, он отправился навестить вождя. Это было безрассудное решение, ведь Фаруэлл ехал к Дингаану, смертельному врагу квабе, к тому же с подарками. Кроме того, с ним был сын одного зулусского индуны, в котором квабе видели шпиона.

Тем не менее Фаруэлл расположился на ночь возле крааля, а его слуги получили приют даже внутри изгороди. Поздно ночью в палатку Фаруэлла приполз слуга готтентот по кличке Дикий кот и сказал, что квабе замыслили убить белого человека. Фаруэлл не принял предостережения всерьез и отправил слугу спать. Через некоторое время лазутчики квабе подрубили веревки палатки и зарезали Фаруэлла через парусину. Кейн, услышав крики, скрылся в лесу вместе с готтентотом. Через несколько дней они прокрались на место убийства и увидели трупы быков и лошадей. Подарков не было.

Впоследствии Нгето поссорился с Факу и бежал от него к Дингаану, который тут же казнил его. А Кейн, Биддалф и трое Финнов продолжили путешествие в Порт-Наталь, предварительно заехав в Грэхемстаун и запасшись новыми подарками для Дингаана.

Собравшись наконец вместе, колонисты решили нанести первый визит к новому правителю зулусов. Вместе с Финнами отправился в поход и Айзекс.

Из дневника Н. Айзекса:

«29 апреля 1830 г. Приготовления к поездке начались с 13 числа. Мы вскрыли весь багаж, чтобы найти подходящие подарки, стараясь подобрать такие, чтобы Дингаан видел их разнообразие, но не имел представление об их назначении. Вождь принял нас с улыбкой и сказал: "Тамбузер Умтавака! (это мое зулусское имя) Я тебя вижу". Я отвечал: "Ябо, баба". Потом он пригласил нас войти. Его взгляд устремился на подарки. С нескрываемым вожделением он стал распределять коврики и одежду среди подданных, однако все украшения оставил себе. Потом он выразил сожаление, что парусник прибыл так неудачно по времени, и он не может отблагодарить нас, но тут же пошлет за слоном.

Дингаан выразил желание торговать с белыми людьми в отличие от предшественника Чаки, который считал, что его страна продвигается вперед только благодаря успехам собственного народа.

Дингаан ушел в резиденцию отдыхать после вручения даров, а для нас закололи двух телят и дали молока и пива. Вечером состоялись танцы и пение, а китаец – слуга одного португальца с потерпевшего крушение судна – показал свою длинную черную косу, немало позабавив всех.

Дингаан сказал мне тогда: посмотри вокруг на горы и леса, их протяженность огромна, все они мои, в них бесчисленное множество слонов, а реки полны гиппопотамов. Я отказываюсь от войны и хочу мира, хочу жить в добрых отношениях с соседями. Слоновые бивни помогут мне увеличить число друзей».

В целом вождь принял депутацию благосклонно и высказал пожелание, чтобы Финн стал вождем Порт-Наталя и одновременно его подданным и доверенным лицом. Однако Дингаана беспокоило и даже раздражало, что Кейн и Огл унаследовали скот Фаруэлла, подаренный Чакой. Пусть они вернут скот в королевское стадо! Оба молодых человека заверили Дингаана, что сделают так, как он хочет, а Айзекс получил прозвище «Дамбуза ум тхабатхи – тот, кто дает вещи».

Из дневника Н. Айзекса:

«У Дингаана внушительная внешность. Он довольно высок – 6 футов и нормально сложен, у него крепкие мускулы, темно-коричневый цвет кожи, ничто не ускользает от всепроникающего взгляда блестящих глаз. В разговоре, похоже, он взвешивает каждое слово. Его любимое развлечение – сажать зерно и собирать урожай, а также охота на слонов и буйволов.

Дингаан способен довольно быстро продвигаться в деле цивилизации своего народа и сделать свою страну выгодным местом для колонизации и торговых операций с внутренними племенами».

За 20 лет жизни при Чаке Дингаан много времени проводил в действующей армии и потому неплохо разбирался в военном деле.

Видя, что войска находятся на пределе, мудрый политик временно распустил воинов по краалям, разрешив им надеть головные кольца – то есть жениться. Заметно снизилось число убийств «при дворе».

Некоторые биографы Дингаана склонны упрощать взаимоотношения его с белыми людьми и сводить все интересы зулусского вождя к его гарему. Действительно, в его изи-годло входило 300 девушек, а не 1200, как у Чаки, он лично подбирал для них одежды, придумывал танцы и участвовал в них. Детей он не оставил, скорее всего, из-за бесплодия. Но было бы великим заблуждением ограничиться таким поверхностным суждением.

Что касается личных качеств вождя, то многие авторы пишут о Дингаане как о кровавом, капризном, жадном и мстительном деспоте. Нелегко поколебать подобные хлесткие характеристики. Главная ошибка сторонников всех этих выводов – попытка рассмотреть личность вождя зулусов в отрыве от традиций общества, в котором она выросла и сформировалась. То, что Дингаан заменил боевые ассегаи у воинов на танцевальные палочки – лишь мелочь, временная прихоть, замеченная и подхваченная европейскими наблюдателями. Он вовсе не был пацифистом! Наоборот – и этого как раз не заметили ни Айзекс, ни последующие белые «хронисты» – Дингаан прилагал все усилия, чтобы укрепить армию и центральную

власть. Конечно, делалось это методами, традиционными для общества нгуни начала XIX в., и нет смысла лишний раз обвинять зулусов в жестокостях. В Европе и Азии их было, кстати, куда больше!

В первые годы правления Дингаана беспокоили два фактора. Первый – местные вожди: каждый из индун мог посягнуть на верховную власть. Подозрительных вождей убивали. Но если при Чаке казнь индуны сопровождалась истреблением целого крааля, то сейчас жителей не трогали. Второй фактор – Мзиликази. Дингаан называл его той самой собакой, о которой говорят, что не знаешь, когда она укусит. Страх перед ушедшим Мзиликази заставил Дингаана снарядить несколько карательных экспедиций в Трансвааль, где укрылись ндебеле. Одна из экспедиций пришла с поражением, потеряв три полка, и Дингаан был взбешен. Финн, находившийся тогда в краале, поразился суровости вождя, прежде им не замеченной. «Не известно, что ожидать от него в следующий раз», – с тревогой отмечал он в дневнике.

При первой же встрече с европейцами вождь попросил у них ружья, чем их немало озадачил.

Из дневника Н. Айзекса:

«Во время одного из наших визитов Дингаан заинтересовался моим увеличительным стеклом. Я попытался объяснить ему, что оно зажигает дерево, собирая солнечные лучи. Дингаан тут же позвал слугу и заставил его протянуть руку, потом стал настраивать лупу. Кожа задымилась, но несчастный не смел отдернуть руку, ибо знал, что король немедля казнит его, сочтя за труса. Он спросил меня, что это за стекло, и Финн начал было объяснять, но Дингаан прервал его: "У вас, маланго, свои дела, а у нас свои..."»

...И снова попросил мушкеты.

В то время как Дингаан реорганизовывал армию, объединял старые разбитые части в изи-баву – новую гвардию, белые поселенцы занимались усиленной охотой на слонов. Финну удалось наладить контакты с остатками чудом уцелевшего бушменского клана у подножия Драконовых гор, и те научили его пользоваться отравленными стрелами.

Кейн, у которого установились особые дружеские отношения с Дингааном, тоже усердствовал в добывании бивней. В одной из экспедиций за слоновой костью его сопровождал переводчик Джекоб, благополучно переживший все политические невзгоды. Джекоб еще при Чаке стал важным индуной и очень гордился своим положением, поглядывая свысока даже на белых господ.

В Грэхемстауне Кейн распустил слух, что Айзекс противится британскому влиянию, снабжает зулусов оружием и что американский бриг, который привез его со Святой Елены, скоро вернется с поселенцами из США. Рассказы возымели действие, и в Капской колонии стали поговаривать о посылке войск в Порт-Наталь. Джекоб, слыша все это, со свойственной ему подозрительностью, сделал собственные выводы.

10 марта 1831 г., после десяти месяцев отсутствия, Кейн вернулся в Порт-Наталь. Дом его пришел в запустение, все заросло, нужно было срочно браться за работу, и Кейн, отослав Джекоба к вождю, принялся за строительство.

Доклад Джекоба Дингаану был выдержан в мрачных, тревожных тонах. Джекоб объяснил беспорядки в Пондоленде присутствием там миссионеров, которых он характеризовал как злых вестников белой власти. Он доложил о том, что правительство Капа собирается двигать войска на север и непременно атакует зулусов. За все это якобы нес ответственность Джон Кейн, который тем временем мирно достраивал свой дом.

Дингаан вызвал полк и отправил его сжечь крааль Кейна. Импи подошел к его дому в конце апреля и Кейну пришлось скрываться в лесу, тогда как от дома остались одни головешки, а скот угнали. Остальные поселенцы тоже попрятались. То было первое нападение Дингаана на белых.

Через несколько дней вождь прислал гонца сообщить, что ссора у него только с Кейном. Финн, лучший знаток языка зулу, взяв с собой брата, отправился в резиденцию вождя. С ним было 80 носильщиков, которые несли подарки и – одиннадцать ружей! К своему изумлению, он застал в королевском краале панику, вызванную рассказами Джекоба. Оказалось, Дингаан не только привел в боевую готовность всю свою огромную армию,

но и отослал португальца, жившего здесь несколько лет, в Лоренсу-Маркиш за ротой цветных солдат!

Финн вручил дары и вроде бы убедил Дингаана в том, что ему ничего не угрожает. Но когда он вернулся в Порт-Наталь, местный индуна заявил ему, что вождь снова собирается напасть на поселок. Колонисты опять попрятались, а индуна Сотобе поспешил доложить Дингаану, что белые укрылись вместе со скотом, который утаили от него, вождя. Дингаан выслал импи – вернуть скот, и поселенцы, в том числе и Финн, едва не расстались с жизнью.

Из неопубликованных записок Г. Финна:

(Эти строки были написаны Г. Финном в Пондоленде, где Финн искал временного убежища, в ответ на утверждения о том, что он постыдно бежал из Порт-Наталя. Эти же события описал и Айзекс, но на свой манер).

«17 июля прибыл к амапондо. До этого мы мирно жили в Порт-Натале вплоть до возвращения последней миссии из далекой колонии. Джекоб с Оглом вернулись раньше Кейна и доложили, что губернатор отверг слоновую кость, отосланную ему Дингааном. Кейн был вынужден продать ее, чтобы купить Дингаану украшения.

Вскоре и Кейн вернулся, но разлившиеся реки затруднили его передвижение. За время его отсутствия прибыл посыльный от зулусов с приказом моему брату ехать к Дингаану. Они уехали вместе с Айзексом. Прошло десять дней, и прибыл вождь Умламбале и привез 4 быков и приглашение: все население с ружьями звалось на охоту за ворами, укравшими какой-то скот.

Тем временем я получил письмо от брата, в котором он рассказал мне, что слышал разговор Джекоба и Дингаана. Переводчик сказал вождю, что колония планирует напасть на зулусов. И тот снарядил отряды. То же самое повторил и Кейн, который видел на дороге несколько полков, марширующих в сторону поселка. Я срочно отослал людей и скот в соседний лес. Как раз в это время прибежал мальчик-зулус, с которым я дружил, и рассказал, что полки собираются нападать.

Прошло еще 4 дня (какие то были дни!) и прибежал гонец от Дингаана, сказав, что лично мне ничто не угрожает, а крааль Кейна окружен.

Вскоре снова отправились в резиденцию. На этот раз темой разговора были новости, которые Джекоб привез из далекой колонии. Джекоб начал с того, что был послан в колонию к губернатору Дингааном, чтобы забрать то, что тот даст. Губернатор отказался передавать подарки Дингаану. На обратном пути Джекоб встретил человека ндвандве – Имдвандо, который шепнул ему, что белые готовят атаку на зулусов и что лорд Сомерсет говорил: «Ждите, мы скоро придем!»

Прошло несколько месяцев и «прогнозы» Джекоба не подтвердились. Дингаан понял свою ошибку и призвал поселенцев, покинувших свои места, вернуться и забыть страхи. Опальный Кейн даже взял на себя смелость посетить Дингаана!

Вся эта история оказалась настолько запутанной, что прояснить отдельные ее моменты просто невозможно, да в этом и нет особой необходимости. Ясно одно: новый вождь зулусов не собирался повторять ошибки своего предшественника в отношениях с белыми пришельцами. Айзексу такие насыщенные событиями месяцы показались тревожными. Он отбыл из Порт-Наталя в апреле 1831 г. на «Св. Михаиле», чтобы никогда уже сюда не вернуться. Но надо отдать ему должное: последние записи в его дневнике откровенны и правдивы.

Из дневника Н. Айзекса:

«Одно время бытовало мнение, что Финн исчез из Наталя при таинственных обстоятельствах и зулусский монарх приказал войскам настичь его у границы. Но я должен заявить, что это все придумано. Просто Финн узнал, что зулусы могут захватить наше поселение из-за предательского поведения Джекоба и отступил со своими людьми к западу, остановившись в Ингома. Быстрое возвращение назад снимает с него все подозрения».

Да и о каких подозрениях может идти речь, если в нашей истории выпадают целые годы, а не только месяцы жизни зулусского государства и белой колонии по соседству... Фрагменты и эпизоды – вот из чего складывается картина жизни зулусов в 1830-е гг.

В январе 1832 г. Дингаан решил, что Джекоба следует казнить за ошибочные показания, и приказал Кейну застрелить его. Вот последний рассказ о Джекобе.

Из дневника Н. Айзекса:

«Джекоб, именуемый здесь Стамба Манзи, или "пловец по морям", был взят на границе Капской колонии по причине кражи скота. Его отправили в Алгоа-бей на бриге "Солсбери", он страдал от шторма, и Кинг его расковал. Он пробыл какое-то время на Роббене, потом капитан Оуэн взял его переводчиком в путешествие на восток Капской колонии. Затем он попал к Томпсону и Фаруэллу и зарекомендовал себя как знаток местных языков. Не желая попадать более на суда, он ушел в глубь Наталя, где его и схватили воины Чаки, он понравился вождю своими рассказами о белых людях и Чака сделал его начальником стражи. Он сказал ему, взяв его по обычаю за ухо: «Если со мной что-то случится, мои люди убьют тебя, потому что ты мой фаворит». Потом Чака назначил ему трех жен и выделил скот. Рассказы Джекоба интересовали Чаку, потому что он не общался ни с кем из маланго (белых), не верил, что есть королевства кроме его собственного.

Джекоб получил вес среди вождей и морально подготовил Чаку к приходу белых. Карьера его как переводчика пошла вверх. Все шло хорошо до возвращения посольства с Капа. Потом он потерял доверие. В миссии Кейна он сыграл отрицательную роль. Дингаан приказал казнить его».

В 1832 г. поселок состоял из нескольких хижин, построенных по типу африканских. Да и все селение очень походило на крааль. Четверо Финнов жили в доме отдельно, а остальные – Кейн, Огл, Холстед и новый член колонии 19-летний Ричард Филипп Кинг – внутри ограды. Тревога за свою судьбу не покидала никого. Вскоре стали прибывать новые люди. Среди них был Эндрю Смит, который тщательно собирал все сведения о соседних землях. Смит был дальновидным и практичным человеком и догадывался, что любые подобные сведения могут пригодиться в дальнейшем. Дорог в Наталь тогда проложено не было – кроме тех следов, которые оставили фургоны Грина и Коуи в 1828 г. и Бейна в 1829-м. За Умтатой далее на север перед путешественником лежали неведомые земли. Им Смит пророчил большое будущее. В 1832 г. он опубликовал в «Грэхемстаун джорнэл» свои путевые зарисовки, где, воспользовался уже упоминаемыми нами неопубликованными днев-

никами Финна и, конечно, собственными наблюдениями. Имелся у него и другой источник – дневники Фаруэлла, не увидевшие свет, но прилежно послужившие Смиту.

История у экспедиции Э. Смита была такая.

Еще в 1824 г. к губернатору Капской колонии стали обращаться жители Южной Африки с просьбой разрешить им торговать с кафрами. Но власти все тянули и тянули с решением. В конце ноября 1830 г. капитан Дункан Кэмпбэлл, гражданский уполномоченный округа Олбани, написал губернатору сэру Лоури Коулу, что Джон Кейн из Порт-Наталя вместе с Томасом Холстедом и семью зулусами прибыли в Грэхемстаун с подарками от Дингаана – четырьмя слоновыми бивнями. Они передали сообщение, что вождь желает жить в мире с окрестными племенами, хочет вступить в контакты с колонией и принять миссионера, который стал бы учить его народ.

Приблизительно в то же время Кэмпбэлл получил аналогичную информацию от торговцев Коллинза и Биддалфа, которые жили в Натале и с которыми Кэмпбелл был хорошо знаком. Сэр Лоури послал запрос в Лондон: он, конечно, не доверяет таким легковесным заявлениям, но все же запрашивает официальное разрешение послать в глубинные районы лицо, которому он доверяет, – чтобы подтвердить, искренен ли Дингаан в своих пожеланиях. А заодно и выяснить природные ресурсы Наталя.

Разрешение вскоре было получено, и «лицо » – Эндрю Смит, которого Коули, несомненно, и имел в виду, был тщательно проинструктирован, прежде чем отправляться в «логово тирана». Все инструкции были устными. Мотивы, по которым губернатор выбрал именно Смита, легко понять: он познакомился с письмом, которое доктор Смит послал Коули в 1829 г. Там, в частности, были такие строки: «...территория, которая лежит между мысом Доброй Надежды и побережьем (Индийского океана. – *Авт.*) заслуживает самого пристального внимания. Страна эта, обращенная в нищету жестокостью деспотичных правителей, богата естественными ресурсами, которые дикари использовать в благих целях не в состоянии. Предприятие, которое я предлагаю, будет связано с трудностями, которые преодолимы...»

(С 1824 по 1828 гг. Смит много путешествовал по различным районам Южной Африки, написал даже в газете статью о происхождении бушменов, наблюдал птиц, а его энтомологические коллекции из Намаквaленда до сих пор представляют интерес для специалистов. Он же был основателем одного из лучших южноафриканских музеев.)

Ответ на письмо не сохранился. Да и был ли он?..

Вернувшись из путешествия в Наталь, Смит, несомненно, докладывал о результатах своих наблюдений, ибо интерес к тем землям возрос настолько, что 190 купцов собрались в Кейптауне и подписали «Мемориал» с предложением правительству создать государственную службу в Порт-Натале с соответствующей военной охраной для торговли на местах. «Мемориал» содержит девять пунктов, в семи из которых упоминается Смит. Кроме того, «податели сего» попросили Смита написать «историческое сопровождение» к «Мемориалу», что и было исполнено 6 июня 1834 г. Именно этот текст рассматривали как официальный отчет о поездке, хотя это и не было так.

Д'Урбан, сменивший Коули, отослал «Мемориал» в Лондон, но ответа не последовало. А сведения об этом сохранялись лишь благодаря короткой биографии Э. Смита, выпущенной в 1876 году его племянником А. Мичи.

Записи, сделанные по время поездки из Порт-Наталя в краль Дингаана с 28 марта по 14 сентября 1834 г. (сюда вошли не только собственные наблюдения Смита, но и те, что он старательно записывал за Финном, когда они путешествовали вместе):

«Состоялась первая беседа с Дингааном. Когда мы подошли, он обсуждал дела с вызывателями дождя. Он заявил, что они его обманывают. Ведь он послал им скот, а дождь не пошел, а пошел позже. Чака мало верил в колдунов и вызывателей дождя. (Беседа, однако, не приводится. Далее Смит подробно рассуждает о приветствиях. – Авт.). Когда Дингаан покинул место, где сидел, все сказали «байете». Часть людей попадала на землю и ползла за ним, пока он не скрылся за воротами...

...Полагаю, что резиденция Дингаана располагается в 40 милях в глубь материка. Дожди здесь иногда начинаются в июне, а бывает, не случаются и до сентября. В январе сажают зерно,

которое поспевает в феврале-марте. У них два сорта сырья для пива. Главная болезнь – дизентерия.

(Создается впечатление, что Смит понабрал отовсюду понемногу зачастую не верную информацию. А верная? Не шла ли она целиком в дневник, скрытый от посторонних глаз? – Авт.)

...Когда дырки в ушах становятся слишком большие, а они этого не любят, то зулусы разрезают их еще, а затем соединяют разрезанные части и те срастаются. Шесть пальцев у них не редкость, и они перетягивают шестой палец ниткой и он отсыхает. Цвет кожи у зулусов варьирует от черного до медно-желтого. У некоторых волосы растут на груди и подмышками. Многие имеют татуировку на животе. Они не носят колец из слоновой кости на руках, предпочитая коровий хвост вокруг колен и маленькие хвостики или куски кожи на лодыжках».

Экспедицию Смита сопровождали несколько европейцев. Один из них, юноша по имени Германус Бэри, сын англичанина и голландки, был так удивлен тем, что увидел в Натале, что воскликнул: «О боже, я никогда в жизни не видел таких милых мест!»

Благодаря подобным пылким отзывам население колонии стало расти. Кроме группы Смита, здесь появился Вильям Берг – бур и первый настоящий фермер. Проведя здесь некоторое время, Берг уехал домой с мыслями о плодородных землях и чудном климате. Его рассказы передавались от фермы к ферме, как пожар в саванне. Что же происходило тем временем у зулусов?

Дингаан продолжал развивать торговые контакты с португальцами, начатые еще при Дингисвайо. Между 1825 и 1835 гг. португальцы нередко появлялись в зулусских краалях.

В 1834 г. Финн сообщал, что зулусы буквально завалены всевозможными бусами. Тогда же Дингаан заявил, что он может перенести часть торговых сделок в Порт-Наталь, если убедится, что получит такое же количество медных изделий от англичан, как и от португальцев! В начале 1830-х гг. зулусы очень заинтересовались огнестрельным оружием. Торговцам в Порт-Натале было строго настрого запрещено продавать его африканцам, и Дингаан обратил взор к британским миссионерам, которые были менее подвержены контролю со стороны

властей. Миссионеры втихомолку обучали индун пользоваться ружьями.

Любой отказ, выраженный в более-менее открытой форме, Дингаан воспринимал как оскорбление народа и «принимал меры». И хотя с португальцами он вел себя в общем-то доброжелательно, были и драматические истории. Однажды губернатор Лоренсу-Маркиша отказался предоставить ему ружья и в португальские владения была послана мощная карательная экспедиция. Жители едва успели укрыться на островке в заливе Делагоа. Губернатор был убит. Но постройки зулусы не сожгли и город снова ожил. А. Брайант приписывает, правда, эти действия людям Сошангане, а не Дингаана, и это больше похоже на правду, хотя документы, хранящиеся в лиссабонских архивах, доказывают, что то были именно зулусы. Впрочем, сомнительно, что в 30-е годы XIX в. португальские колониальные чиновники были способны отличить воинов Дингаана от отрядов Сошангане – ведь и те и другие были нгуни.

На юге зулусский правитель предпринял военные действия против пондо. В этот период, где-то около 1833 г., во внутренних районах Наталя, на берегу реки зулусскому импи повстречался отряд цветных охотников из Капской колонии; не долго думая, зулусы убили семерых, а одного увели с собой. Тревожные слухи долетели до Порт-Наталя, и колонисты подумали, что зулусы убили братьев Кэвуд, которые также охотились в тех краях. Поселенцы решили напасть на отряд, когда тот возвращался домой. Совместными усилиями они организовали группу стрелков, которые нанесли импи сокрушительный удар – зулусы не ожидали залпов! 200 воинов полегли на месте!

Реакция Дингаана была неожиданной. Он казнил уцелевшего командира этого отряда, отпустил метиса и приказал ослепить своих разведчиков, которые не удосужились распознать мирные намерения охотников на слонов...

В 1834 г. число поселенцев заметно выросло. Усилилась активность торговцев слоновой костью, увеличилась конкуренция со стороны португальцев, а у берегов Наталя все чаще стали появляться американские китобойные парусники. Финн стал личным переводчиком сэра Бенджамина Д'Урбана, губернатора Капской колонии и надолго уехал из Порт-Наталя. (Вернулся сюда он только в 1852 г., а умер в 1861-м).

Зимой 1834 г. прибыли первые буры – 21 человек на 14 фургонах под началом Петруса Л. Уйса. Они разбили лагерь на берегу реки Мвоти. Буров приветливо встретили поселенцы, и энтузиазм последних возрос, когда они узнали, что это представители комиссии треккеров, посланных приграничными бурами исследовать земли на севере.

Другая группа – из Грааф-Рейнета и Колесберга пересекла Оранжевую реку и расположилась на землях суто. Здесь они увидели ненаселенные плодородные земли и решили, что именно в этих местах тысячи бурских семейств смогут найти убежище от британских властей. Дело оставалось за малым – решить вопрос о владении. Урок Гербрантцера 1705 г. был, естественно, забыт. Буры никак не могли взять в толк, что для банту земля является собственностью клана, и даже сам вождь не вправе распоряжаться землей.

Хинтце, вождь коса, разрешил Уйсу поселиться на северных границах его земель. Но прибыв сюда, Уйс обнаружил, что место занято! Здесь уже расположились пондо, и их вождь Факу с той же сердечностью разрешил Уйсу селиться на землях... Хинтце.

После случая с охотниками на слонов Дингаан отозвал свои гарнизоны из отдаленных районов и теперь на периферии зулусской империи пустовали многие плодородные земли. Уйс попросил Ричарда Кинга поговорить с Дингааном по поводу расселения буров. Вождь выслушал юношу с вниманием, но пожелал лично познакомиться с треккерами. Но Уйс лежал в лихорадке, а остальные были в отъезде, и потому к вождю поехал младший брат Уйса – Йоханнес. Разлившаяся Тугела не позволила ему перебраться на другой берег, где его поджидали зулусы. Уйс-младший не нашел ничего лучшего, как прокричать о своих намерениях и уехать. Вернувшись в Порт-Наталь, он сообщил, что земли свободны и можно трогаться в путь – Дингаан разрешил! На самом деле Дингаан ничего не знал о намерениях буров, и такое беззастенчивое пренебрежение его властью породило цепную реакцию, которая позже привела к трагическим последствиям...

1835 год стал переломным в истории Южной Африки. До сих пор границы Капской колонии не знали сколь-нибудь значительных потрясений и тревог. Но сейчас они стали свидетелями массового исхода 14 тысяч буров! Великий трек на север

стал главным событием в жизни консервативно настроенных поселенцев, желавших сохранить рабов. То был последний шанс для людей, хотевших увековечить образ жизни. На ранних этапах трек считали просто проявлением земельного голода и поселенцы на границах Гриквеланда все еще считали себя капскими колонистами и ездили из Филипполиса в Колесберг платить налоги. Но к 1836 г. трек оформился в открытое бегство из-под британского контроля.

Из книги Э. Мора «Путешествие в Африку к водопадам Виктория на Замбези», СПб., 1876:

«Хотя каждый видел недостатки здешнего фургона, но никто не сумеет исправить их. Вышеупомянутый экипаж представляет собой неловко и медленно двигающуюся машину, конструкция которой приноровлена к этим диким местностям и отличается необыкновенной крепостью. Я всегда находил поразительное сходство африканского фургона с его изобретателем – голландским буром, потому что оба неуклюжи, массивны и некрасивы, но сильны и крепки.

Его оси, имеющие 12–24 дюйма толщины и сделанные из самого лучшего и гибкого дерева, соединены между собой тяжелыми железными болтами, снабженными внизу и вверху массивными гайками. Верхняя часть фургона представляет собой очень искусно сделанную палатку из сплошной двойной парусины. Внутри палатка вполне защищает от дождя, ночной росы и холодных бурь. В верхней ее части висит деревянная рама, переплетенная ремнями из грубой воловьей шкуры, наподобие сетки, на раме помещается матрас, и путешественник находит здесь сухую и защищенную от непогоды постель, которая качается во время движения фургона, к этой качке скоро и легко привыкаешь.

По внутренним стенкам обеих сторон фургона прикреплено множество сумок из кожи или парусины, они оказываются в высшей степени практичными, потому что в них можно поместить все необходимые в дороге вещи, оружие, подзорную трубу, книги, табак, спички, трубку, туалетные вещи, средство против укусов змей...

Колеса сделаны самым тщательным образом, железные обручи крепко прилегают к ним, а спицы колеса глубоко сидят во

втулках. Весьма важную роль играет материал, из которого сделан фургон – дерево, которое несколько лет лежало в тени, хорошо высушенное.

Передняя часть фургона снабжена большим выкрашенным зеленой краской ящикообразным сиденьем. Сзади фургона, в деревянном углублении, лежит бочонок, вмещающий 8–10 галлонов воды. С наружной стороны прибиты два деревянных ящика, которые содержат сбрую, хомуты для волов, вожжи, инструменты, оси, ножи, топоры».

Буры быстро пересекали Оранжевую реку, двигались по землям гриква и оказывались на обширном внутреннем плато, пустынном из-за бесчисленных миграций в период мфекане. Единственными их противниками стали летучие отряды матабеле того самого Мзиликази, который покинул Чаку и вызывал опасения Дингаана. Матабеле отступили перед огнестрельным оружием и вскоре исчезли за горами Матопо от глаз европейцев – на несколько десятилетий! Но перед этим они успели – и не раз! – сразиться с бурами...

Треккеры пересекли Вааль и добрались до Лимпопо, здесь часть повернула на восток, прошла по перевалам через Драконовые горы и оказалась в Натале. Они не желали подчиняться никакому правительству, намеревались сохранить рабовладение и устроить себе «леккер леве» – сладкую жизнь за пределами британских владений.

Буры, оставшиеся в колонии, с волнением ждали известий от пионеров. Между тем, из Наталя поступали утешительные известия, и в путь пустилась очередная партия под началом бурского предводителя Луиса Трихарда. Британская администрация словно не замечала действий буров. Параллельно этой группе на север шел отряд другого бурского командира – Ренсберга. 12 и 10 – таково было соответственно количество семей у каждого командира.

Группа Ренсберга исчезла без следа в полном составе, а Трихард осел возле Зуутпансберга. После неудачных попыток наладить торговлю с португальцами (те не могли разобрать африкаанс) они несколько лет скитались по саванне и только в 1839 году с 26 женщинами и детьми морем добрались до Порт-Наталя!

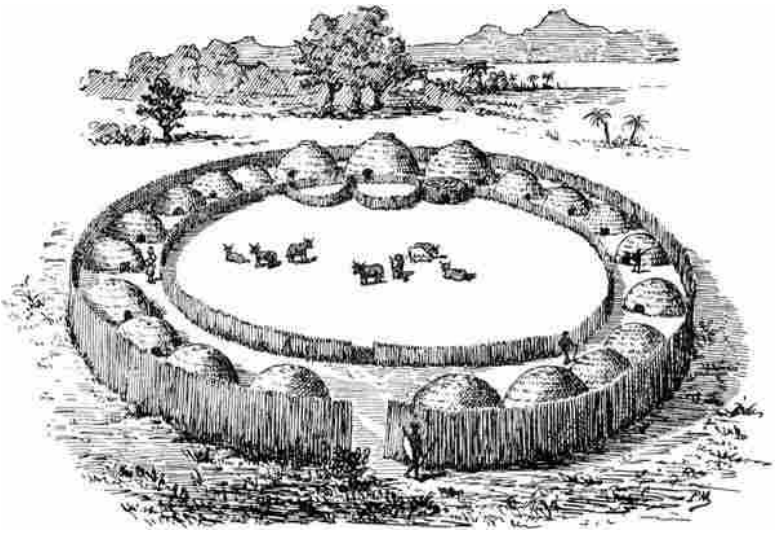
Следующие партии буров действовали с большей осторожностью. В начале 1836 г. командиры Потгитер и Силиерс переправили через Оранжевую 65 семейств, заключили мир с Мшевешве, вождем басуто и Сиконьелой, сыном всесильной правительницы Мантатиси, но в октябре 20 тысяч воинов Мзиликази неожиданно напали на их лагерь Вехткоп. С помощью 40 ружей матабеле удалось отогнать, но те забрали скот и Потгитер вынужден был вернуться на территории суто, где его ряды пополнились ста семействами командира Геррита Марица. Победу одержали сообща 187 буров и 40 гриква. В битве погибли 400 матабеле, у которых удалось отвоевать огромное стадо.

В апреле I837 г. в район Таба Нцу пришла новая группа переселенцев: 108 человек, не считая слуг, под началом Питера Ретифа. Предками Ретифа были потомки гугенота, бежавшего из Франции после отмены Нантского эдикта в 1688 г. Он родился возле сегодняшнего поселка Веллингтон и еще в молодом возрасте уехал на восточные границы колонии. К 1820 году он разбогател в Олбани и, завоевав доверие соотечественников, возглавил местное треккерское движение, в июне 1830 г. его торжественно избрали в Винсбурге комендант-генералом. Прежде всего новый начальник посетил всех местных вождей и заключил с ними договоры о дружбе. На берегах рек Каледон и Вааль скопилось более тысячи фургонов и около пяти сотен вооруженных буров. Ретиф обратился к Мзиликази с предложением о заключении мирного договора, но тот не ответил, и Ретиф стал готовиться к экспедиции.

Среди лидеров буров не было единого мнения относительно выбора «земли обетованной». Ретиф и Уйс стремились в Наталь. Потгитер намеревался осесть к северу от Вааля, а Мариц – на Высоком велде. Шли бесконечные споры о дальнейшем направлении трека, о форме правления и т. д. Может, именно поэтому буры, не достигнув единства, в дальнейшем понесли такие тяжелые потери?

В октябре 1837 г. Ретиф вышел к краю плато. Внизу раскинулись равнины Наталя. Далеко на востоке группа всадников батлоква гнала скот, отвоеванный у зулусов. Батлоква были одеты в европейскую одежду, умели обращаться с оружием и в то же время успешно использовали древние бушменские

приемы скотоводства в горах: мазали землю навозом впереди быков, чтобы те чувствовали, что здесь уже шли их предшественники, и бесстрашно карабкались по кручам.

Зулусский крааль

У Ретифа было 50 фургонов и он ждал прибытия новых семейств. Оставив обоз у подножья гор, он с 15 всадниками пустился в Порт-Наталь, чтобы договориться с поселенцами, а главное, с самим Дингааном. Как раз в это время Уйс с Потгитером затеяли сражение с матабеле и заставили их отойти из долины реки Марико на север.

В Порт-Натале жили в то время 50 белых, и 3 тысячи африканцев размещались по соседству в краалях. Среди поселенцев появилась новая фигура, которая займет значительное место в нашем повествовании, – Алан Гардинер.

Он родился в 1794 г. и четырнадцати лет поступил на службу в военно-морской флот, где достиг звания старшего помощника, но без дальнейшей поддержки не смог продвинуться по службе и решил стать миссионером. Приехав в Кейптаун в 1834 г., он в том же годы добрался и до Порт-Наталя и сразу же поехал в резиденцию Дингаана, чтобы добиться у того разрешения на организацию миссию.

Из записок А. Гардинера:

«Дингаан смотрел на меня довольно долго из-за загородки, потом сказал: "Вот животные, которых убили для тебя". И исчез. Скелеты семи быков лежали неподалеку от ворот крааля. Потом он снова появился из ворот, 14 или 15 придворных склонились перед ним.

На этот раз он вызвал меня с переводчиком ради развлечения. Дингаан, несмотря на жестокость, был не лишен чувства юмора. Он любит пошутить. Открытый двор, куда нас пригласили, был наполнен 70–80 женщинами, все они сидели на циновках, в то время как сам он стоял на возвышении, откуда видел весь крааль, и именно отсюда исходили все его распоряжения. "Мои женщины не хотят верить, что ты можешь делать вещи, которые написаны, даже не находясь рядом, докажи, что можешь".

Я отошел на достаточное расстояние за ограду, а мой переводчик под их диктовку написал карандашом имена 12–14 женщин, описавших свое местоположение, и меня снова пригласили. Точность моих суждений вызвала бурю восторга».

Не получив разрешения на миссию в первый раз, Гардинер вернулся в поселок. Ему все же удалось основать миссию в Береа, подальше от глаз Дингаана. Но во время следующего визита он уже уладил отношения с вождем и даже решил какие-то вопросы, затрагивающие колонистов. Дингаан предложил ему стать «вождем белого крааля», и Гардинер, окрыленный, поспешил на юг, в колонию, чтобы уведомить британские власти о своих новых полномочиях. Но коса были в то время в состоянии войны с Капской колонией, и Гардинеру не удалось получить у Факу разрешения на проезд по их землям. Он вернулся в Порт-Наталь. В сентябре 1835 г. на фургоне он вновь попытался прорваться через Драконовы горы.

Из записок А. Гардинера:

«Вторник, 6 октября 1835 г. Из-за вчерашнего дождя мы не смогли двигаться до утра. Человек, ходивший за скотом вчера вечером, встретил львицу с четырьмя детенышами, поджидающих добычу. Завидев его, они затрусили прочь. Думазулу, про-

водник, заявил, что ни он, ни его спутники больше дороги не знают. Пришлось их отпустить, и с ними я отправил обратно корову с теленком.

Вскоре после ночевки, где мы провели два дня, багажный фургон снова застрял в ручье, 14 волов не могли вытянуть завязшие колеса, пришлось разгружаться. Остановка позволила нам оглядеться. Дикий шалфей, мята, рута, петрушка имелись в изобилии. Встретили и местные растения комо-комо, чьи корни используются от внутренних расстройств, которым особенно подвержены местные жители, поедающие мясо без соли и вынужденные подчас соблюдать молочную диету. Пересеченная местность заставила сделать большой крюк на север, так что мы мало продвинулись вперед».

В Грэхемстауне Гардинер узнал, что Д'Урбан сейчас в Порт-Элизабете. Ему удалось упросить Д'Урбана написать Дингаану письмо, в котором Д'Урбан обещал навести в Натале порядок с беженцами. Но насчет самого Гардинера Д'Урбан ничего решить не мог и посоветовал ему ехать в Лондон. Особый комитет палаты общин уже не раз заседал по вопросу об аборигенах в колониях, однако Наталь в числе таковых не значился, да и вообще не являлся британской территорией...

Миссионерское общество позволило Гардинеру жениться во второй раз и написать книгу о зулусах, однако подозрительно отнеслось к его вмешательству в политику. Роль Гардинера в судьбе беженцев оказалась для них нелицеприятной. Дело в том, что вождь во время бесед обещал ему выдавать беглецов в обмен на разрешение остаться и обращать к богу жителей. Дингаан согласился, хотя, похоже, так и не смог понять сути предложения Гардинера. Но для него было важно одно – появлялась возможность наказывать предателей!

Миссионер поторопился сразу же исполнить обещанное и вернул вождю перехваченных по дороге беженцев. Всех их убили, и Гардинер должен был присутствовать при казни.

Был в соглашении между Дингааном и Гардинером еще один важный пункт. Его Гардинеру пришлось обсуждать не с самим вождем, а с главными его индунами – Ндлелой и Дамбузой. Они недвусмысленно дали понять миссионеру, что нуждаются больше не в слове господнем, а в ружьях и инструкторе,

который обучил бы их людей стрельбе. Дингаан не только поддержал своих индун, но и повелел непременно ввести такое обучение в Порт-Натале. Гардинеру отказали в миссии не потому, что зулусы боялись его. Индуны, эти расчетливые реалисты, знали, что он им ничем не поможет. В 1835 году им нужен был не всевышний, а владение огнестрельным оружием!

Индуны не были так глупы, чтобы не сознавать, что с поражением в шестой кафрской войне военные силы Капской колонии обратятся против зулусов. Ружья были нужны и для того, чтобы напасть на Порт-Наталь? С 1833 г. индуны стали все чаще возмущаться тем, что все большее число перебежчиков находит приют под крылышком белых поселенцев. Они уже не раз говорили Дингаану, что нужно поделить армию и наказать виновников предательства. Два года вождь не отвечал на эти призывы, потому что не хотел раздражать белых, но сделал несколько мирных попыток отговорить их от этого. Но белые пошли на другой шаг. Они направили к правителю Гардинера со следующим условием договора – они не станут укрывать у себя беглых зулусов, но и Дингаан прекратит убийства своих соплеменников. Такое соглашение было заключено 6 июня 1835 г. На следующий день Ндлела и Дамуза сообщили Гардинеру, что сердце Дингаана подобрело и ему, Гардинеру, разрешается открыть миссию в Зулуленде. В подарок миссии вождь отправил 12 быков.

Чернила на договоре еще не совсем просохли, когда стали поступать сведения о нарушениях соглашения белыми торговцами: они украли несколько зулусских девушек и спрятали в Порт-Натале. Реакция Дингаана была мгновенной: он приказал одному из участников разбоя – Т. Холстеду немедленно покинуть его страну и никому, кроме Гардинера, не пересекать ее пешком и не переплывать Тугелу. На Гардинера тоже была возложена миссия – контроль за всеми белыми, посещающими земли Дингаана: с добрыми ли намерениями пришли они к зулусам?

Торговые отношения восстановились только в 1836 г., когда поселенцы помогли Дингаану вернуть скот, захваченный воинами Собузы, вождя свази.

Дингаан стал открыто требовать оружия! И торговец Блакенберт дал ему слоновое ружье, за которое получил от вождя 40 быков. Пример торговца оказался заразителен.

Финн считал продажу ружей Дингаану равносильным самоубийству. Но он явно преувеличивал опасность: при Дингаане зулусы так и не научились пользоваться огнестрельным оружием. Эра зулусов-всадников с ружьями наперевес наступит еще не скоро – при другом вожде и совершенно иных обстоятельствах...

Итак, Гардинер уехал из Лондона без ответа. В мае 1837 г. он прибыл в Порт-Наталь с новой женой и тремя детьми от первого брака. В дороге одна из дочерей умерла и первым его делом по приезде были похороны. В июне к нему присоединился другой миссионер – Френсис Оуэн с женой, сестрой и служанкой-валлийкой по имени Джейн Уильямс.

На том же судне приехали трое американских миссионеров, которые основали четыре миссии – две к югу от Дурбана (так теперь назывался Порт-Наталь – по имени губернатора Капской провинции) и две в самом Зулуленде, по протекции Гардинера. Оуэн расположился по соседству с самой резиденцией Дингаана в Эмгунгундлову.

Эти миссионеры прибыли из Бостона, штат Массачусетс, для того, чтобы установить контакты с «морскими зулу» (люди Дингаана – *Авт.*) и «внутренними зулу» (люди Мзиликази. – *Авт.*). Всего в их отряде было шесть человек, они разделились поровну. Трое с женами поселились у Мзиликази без особых хлопот. Американцы Оддни Гроут, Джордж Чемпион и Ньютон Адамс столкнулись с трудностями. «В Дурбане мы нашли около 30 европейцев, двух женщин, одну из них замужнюю, а другую живущую просто так с одним из поселенцев. Большинство белых мужчин, возмущенно писали миссионеры, живут каждый с пятью или шестью зулусками».

Индуны были настроены против миссионеров. Ндлела и Дамбуза часто напоминали Дингаану слова Джекоба, что вслед за миссионерами придет армия, которая захватит все его земли. Индунам удалось убедить вождя, и тот велел святым отцам сначала построить себе дома в Дурбане, «а уж потом пусть снова приходят ко мне». «Если вам удастся научить мой народ

читать и писать, то приходите сразу и научите меня всему этому, и тогда мне понадобятся школы в моей стране» (строчки из писем американских миссионеров, изданных позднее).

Первый прием американцев был обставлен с помпой. «Дингаан был облачен в красную мантию и восседал на высоком стуле. 50–80 человек сидели полукругом чуть сзади и над краалем стояла полная тишина. После вручения подарков вождь немного расслабился. Он внимательно оглядел бритвы, зонтик, картинки, носовые платки, ножи, чайный прибор. Потом сказал, что хотел бы осмотреть наш фургон. Ему понравился рулон зеленой байки – мы вручили его ему» (из дневников миссионеров).

Дурбан в те годы переживал период анархии. Власти не было. Гардинер противопоставил себя всему поселению и бомбардировал жалобами Лондон. Не хватало продуктов, прежде всего чая и сахара, а также одежды. Жители с надеждой ждали приезда буров. Такова была обстановка, когда 20 октября 1837 г. в Дурбан въехал Питер Ретиф. Поселенцы радостно восприняли новость о том, что треккеры намерены осесть по соседству.

Из Дурбана Ретиф послал людей за фургонами, оставленными в горах. Обо всем этом уже было известно Дингаану, который увидел в разворачивающихся событиях зловещее и сбывающееся предсказание Джекоба...

Итак, мы подошли к одной из самых загадочных страниц в южноафриканской истории позапрошлого века. Постараемся быть объективными и осветить ход событий с разных сторон и по возможности наиболее полно.

Первый миссионер

Из книги епископа Дж. Коленсо
«10 недель в Натале», Кембридж, 1855 г.:

«В августе 1837 г. Френсис Оуэн с женой и сестрой осел в Порт-Натале в качестве первого миссионера англиканской церкви у зулусов. Его рекомендовал капитан Гардинер, который в предыдущие годы добился у Дингаана разрешения на поселение “христианских учителей”. В это время район Наталя был не-

обитаем, кроме нескольких английских и голландских торговцев, живших по соседству с Дурбаном (название поселка будет у нас варьировать в зависимости от источника. – Авт.).

Вскоре после приезда Оуэн поехал на север, где в пяти днях пути находилась резиденция Дингаана, и получил разрешение открыть миссию возле столичного крааля Умгунгинглову (транскрипция Коленсо. – Авт.). 10 октября работа началась и продолжалась в сложных условиях четыре месяца – на грани жизни и смерти».

Глазами Оуэна:

«Когда фургон остановился возле изи-годло (дома девушек), король, одетый в зеленую байковую накидку и красную головную ленту, выглянул из-за ограды и торопливо вышел пожать миссионеру руку. Спутницы мои оказались первыми белыми женщинами в краале. Дингаан, чье знакомство с женской красотой европеек ограничивалось лишь картинками, внимательно их рассмотрел.

Я решил было начать занятия с 15 детьми, но Дингаан прервал их и стал подробно беседовать со мной как с миссионером о религии, обсуждать британскую королевскую семью или как получить порох из Порт-Наталя. Ндлела отнесся ко мне с подозрением и в беседе сказал, что считает учебу вредной для детей. Он предупредил меня, что король, хотя и главный человек, но ничего не решает без индун. а они – Ндлела и Дамбу и есть главные индуны...

26 октября Дингаан послал за мной и когда я вошел, протянул мне письмо, которое ему только что принесли. Попросил прочесть. Послание было из Дурбана. В нем говорилось о прибытии в Наталь большой группы белых эмигрантов из Капской колонии. Они пришли с миром, говорилось в письме, и просят разрешения посетить Эмгунгундлову и выделить им ненаселенные земли, чтобы осесть там. Далее описывалось, как они напали на страшного врага Дингаана – Мзиликази и разгромили его. И стояла подпись – П. Ретиф.

На следующий день Дингаан приказал мне прочитать письмо Ндлеле. Оба слушали молча. Глаза их ничего не выражали. Взяв письмо, Дингаан сделал руками движение, будто хочет

написать что-то, и стал спрашивать о том, что такое письмо. Ндлела молчал.

Прошло пять дней, прежде чем Дингаан снова послал за мной и продиктовал ответ для Ретифа. Мне он показался превосходным. Импи зулусов, говорилось в нем, вернулись из земель Мзиликази с 110 овцами буров и сейчас он намеревается вернуть их владельцам. К несчастью, часть их погибла в пути, и поэтому остались только шкуры. Он опечален, что его воины поймали только девять из украденных у буров быков и что те погибли. Такая честность была очень отрадна. И еще одно письмо отослал он позже в Порт-Наталь, попросив пороха в обмен на слоновую кость».

Согласие было получено. 27 октября группа Ретифа отбыла в Эмгунгундлову в сопровождении Холстеда, старожила колонии, с ними также ехали проводники и переводчики. Дингаан принял всех любезно. Он дал согласие на их поселение и сказал, что окончательный ответ будет через несколько дней. Все это время он развлекал буров танцами – 200 быков одного окраса вперемешку с воинами показывали чудеса пантомимы и строевых упражнений. Потом Дингаан отдал Ретифу шкуры овец, побитых в ходе кампании против матабеле, которые, в свою очередь, забрали их у фермеров Вааля.

На 8 ноября Ретиф назначил возвращение в Порт-Наталь. К этому времени Дингаан вручил ему документ, составленный Оуэном. В нем вождь зулусов даровал требуемую землю, но сначала буры должны были найти и вернуть только что украденный скот. Вождя увели всадники, одетые как европейцы и вооруженные ружьями. Он заявил, что подозревает буров и пусть они докажут свою невиновность.

Ретифу такая просьба показалась неосуществимой. Он знал, что скот украли батлоква Сиконьелы. Они недавно сами себя выдали, пройдя с этим стадом в 700 голов через лагерь буров.

Но тем не менее, вернувшись в свой лагерь на реке Каледон, Ретиф послал всадников за Сиконьелой, и когда того доставили, заявил ему, что не отпустит вождя, пока тот не вернет скот.

Оуэн, которого Дингаан пригласил переводить первую беседу с Ретифом, нервничал и рассказал о своем состоянии бурскому начальнику! Передача дарственной была, по его мнению, незаконной, и Дингаан это тоже, похоже, сознавал. Что, если

поселенцы в Порт-Натале откажутся признать этот договор? Что, если станут настаивать на том, чтобы земли принадлежали Британии? Подчинятся ли треккеры англичанам? Нет, конечно, ответил Ретиф. Если такое случится, буры будут вынуждены уйти на север и искать новые земли. Но он, Ретиф, надеется, что этого не случится. Оуэн не скрывал своей тревоги. Он считал, что европейцы ни в коем случае не должны вовлекать себя в трения между африканцами. Напрасно Ретиф ввязался в тяжбу с Сиконьелой. Но тот успокоил Оуэна: Сиконьела знает буров и отдаст скот без кровопролитий.

Многие пытались отговорить Ретифа от задуманного. Миссонера Дж. Чемпион, которого он навестил по дороге, посоветовал ему быть осторожным с Дингааном. Два года жизни в Зулуленде убедили его, что Дингаан не так прост, как кажется, и что он задумал убить Ретифа. Но бур только рассмеялся: «Нам, бурам, легче понять кафра, чем европейца!» А когда Чемпион возразил, что он – американец, Ретиф усмехнулся: «Разница такая маленькая, что не стоит говорить об этом...»

«Ни Чемпион, ни я не смогли отговорить Ретифа от опасной затеи, он покинул миссию и пошел к Тугеле», – пишет Оуэн.

Джозеф Керкмэн, переводчик Чемпиона, записавший эту беседу, сообщает интересные сведения. По его словам, Дингаан собирался убить Ретифа еще во время первого приезда. Когда бур с товарищами еще были в его краале или только что уехали, Дингаан послал приказ вождю Изигвабане, чтобы тот пригласил Ретифа в свой крааль, развлек танцами, угостил молоком и пивом, а потом, когда люди потеряют бдительность, убил бы его. Изигвабана отказался выполнить этот приказ. Зная, что ему не поздоровится, он решил бежать из Наталя. Но Дингаан предвидел это и послал армию к Тугеле, чтобы перехватить вождя. После боя на берегу насчитали 600 убитых. Пленных женщин провели мимо хижины, где жил Керкмэн, но он ничем не мог им помочь. Двоих женщин и ребенка вывели на казнь специально перед домом миссионера, но не добили, а оставили на съедение гиенам и птицам. «Я на свой страх и риск спас их, – пишет Керкмэн, – спрятал в высокой траве и кормил рисом с молоком. Ночью их перетащили в дом. Когда они поправились, то вместе с другими беженцами их переправили на лодке через Тугелу и вывезли из Наталя.

Ретиф тем временем и не подозревал о готовящемся на него покушении. Здравый смысл наверняка подсказывал ему: будь осторожен! Почему Дингаан обещал так много за такую малость? Для чего пригласил буров быть его соседями, ведь они не были торговцами, даже не вручили ему сколько-нибудь значительных подарков... Да и помощь в конфискации скота не была ему нужна – он сделал бы это играючи своими собственными силами. Любой правитель – белый или черный – стал бы заключать соглашение с теми, от кого ему нечего получить, но можно все потерять? Ретиф не принял все это во внимание.

Более того, в письме, адресованном Дингаану от 8.11.37 (по всей видимости оно было написано еще в самом краале Эмгунгундлову), Ретиф писал: «Из великой Книги Бога мы знаем, что вожди, творящие такие вещи, как Мацеликатсе (Мзиликази. – *Авт.*), всегда несут тяжкое наказание. Им не долго остается жить и править, и если ты хочешь более подробно узнать, как Бог обращается с подобными вождями, можешь спросить у любого миссионера своей страны».

То была явная угроза Дингаану. Ретиф считал африканцев детьми, независимо от их статуса, с которыми нужно обращаться учтиво, но жестко. Как он заблуждался! Теперь, если у Дингаана и были какие-то сомнения в отношении буров, то они развеялись, как сухая трава по саванне. Правы индуны и прав был несчастный Джекоб!

За день до последнего визита буров Дингаан послал за Оуэном, чтобы написать письмо Ретифу. Настроение вождя изменилось. Он просто источал доброжелательность. «Возврат скота (а Сиконьела вернул ему все!) растопил его сердце, – писал Оуэн, – теперь Ретиф может прибыть со всеми своими людьми, но без лошадей». Когда миссионер спросил, как же они доберутся до крааля без лошадей, Дингаан смешался. Ладно, пусть будут при лошадях, и он прикажет своим воинам исполнить боевой танец – посмотрит, кто выглядит лучше! И ни слова об украденном и возвращенном стаде.

Оуэн вернулся домой, полагая, что Дингаан все же не способен на вероломство. Вечером мимо его хижины прошли вооруженные импи при полном военном снаряжении.

Некоторые историки считают, что Дингаан намеревался разоружить отряд Ретифа еще при входе в крааль, попросив у

них ружья и лошадей. Однако тщательный анализ дневников Оуэна показывает, что речь шла о тех ружьях и лошадях, которые Ретиф отнял у Сиконьелы. Иначе бы буры заподозрили неладное (надо сказать, что все это Ретиф так и не отдал Дингаану).

Многие буры сомневались в целесообразности поездки самого Ретифа, предлагая послать менее важную персону. Предлагали свои кандидатуры Мариц и еще трое-четверо влиятельных буров, однако Ретиф убедил товарищей, что это вселит неуверенность в их без того подозрительного правителя и решил ехать сам с эскортом из добровольцев. 60 человек вызвались сопровождать его, причем некоторые взяли своих сыновей в возрасте от 11 до 15 лет...

С отрядом буров, сопровождаемым 30 готтентотами, поехал и Холстед, сумевший за 13 лет жизни в Натале в совершенстве изучить язык зулу. Он вызвался быть переводчиком у Ретифа.

Ранним утром 3 февраля 1838 г. буры возвестили о своем прибытии залпом из всех ружей. Их встретила большая группа зулусов, и вскоре начались танцы, а бурские всадники продемонстрировали искусство верховой езды. Оружие и седла сложили под большим деревом у входа в крааль.

На следующий день, 4-го, если верить Оуэну, ничего существенного не произошло. Только несколько полков зулусов прошли быстрым маршем мимо домика миссионера. То же повторилось и в понедельник, 5 февраля. Войска отдали традиционный салют и стали готовиться к танцам. Стук палочек о щиты показался Оуэну зловещим. Но это еще ничего не значило, хотя юный Уильям Вуд, переводчик миссии и сын торговца из Наталя, сказал Джейн Уильямс: «Вот увидите, завтра буров убьют...»

В тот же день Дингаан вызвал Оуэна и попросил показать дарственную на землю. Она была составлена на английском и переведена Дингаану. Вождь поставил на ней свой знак и при свидетелях документ передали Ретифу.

«Сим уведомляется, – говорилось в документе, что П. Ретиф, губернатор голландских эмигрантов в Южной Африке, вернувший мой скот, украденный Сиконьелой, награждается мною, Дингааном, землей Наталя от Тугелы до Умзимвубу, которая может оказаться для них пригодной. Отдаю ее ему в постоянное пользование». (Подобные дарственные уже

неоднократно выдавали и Чака, а потом и Дингаан, Финну, Фаруэллу, Кингу, Айзексу и Гардинеру, но это означало в глазах этих вождей лишь временное владение в течение жизни данного вождя.)

При этом вождь выказал единственное неудовольствие тем, что треккеры не привели самого Сиконьелу, которого надо было казнить. Потом снова начались танцы. Треккеры размякли от дуррового пива и потеряли бдительность.

Наступило утро 6 февраля. Перед отъездом Ретиф пошел попрощаться с Дингааном, которого как всегда окружали воины. С великим уважением бурам указали, что ни один человек на свете не смеет приблизиться к вождю вооруженным и предложили оставить оружие за порогом крааля, что буры и сделали без малейших подозрений. Их приняли как обычно на скотном дворе – самом почетном месте, предложили сесть и индуны пустили по рукам горшки с прохладным пивом.

Вождь встретил их стоя посредине крааля, окруженный воинами. Потом сел сам и минут десять поддерживал беседу. Но потом, неожиданно вскочив, крикнул: «Bamba nia ma tagati» (Хватайте колдунов!). И тут со всех сторон на буров бросились воины-зулусы и изрубили всех в куски. Одному человеку все же удалось бежать и сообщить скорбную весть своим соотечественникам. Такова версия, переданная епископом Дж. Коленсо.

Тут же после убийства множество чернокожих высыпало из ворот крааля, таща безжизненные тела на Холм казней, усыпанный костями. Через полчаса 66 человек уже лежали там – на съедение хищникам. Не удалось убежать и слугам, которые находились за пределами крааля. Все за исключением одного были убиты, а лошади и оружие стали собственностью Дингаана. Число убитых превысило сто.

Оуэна при этом не было. Встреча с вождем была назначена на время после завтрака, и он по обыкновению в ожидании приглашения читал в своем доме. Какое-то мгновение он размышлял – пойти ли самому или нет, но потом решил не прорывать чтение, и это спасло ему жизнь.

Кто же этот счастливец, которому удалось спастись? Его удалось расспросить в городе Винене спустя несколько лет корреспонденту дурбанской газеты «Натал уитнесс». Он рассказал, что родители его были рабы и мальчиком продали в

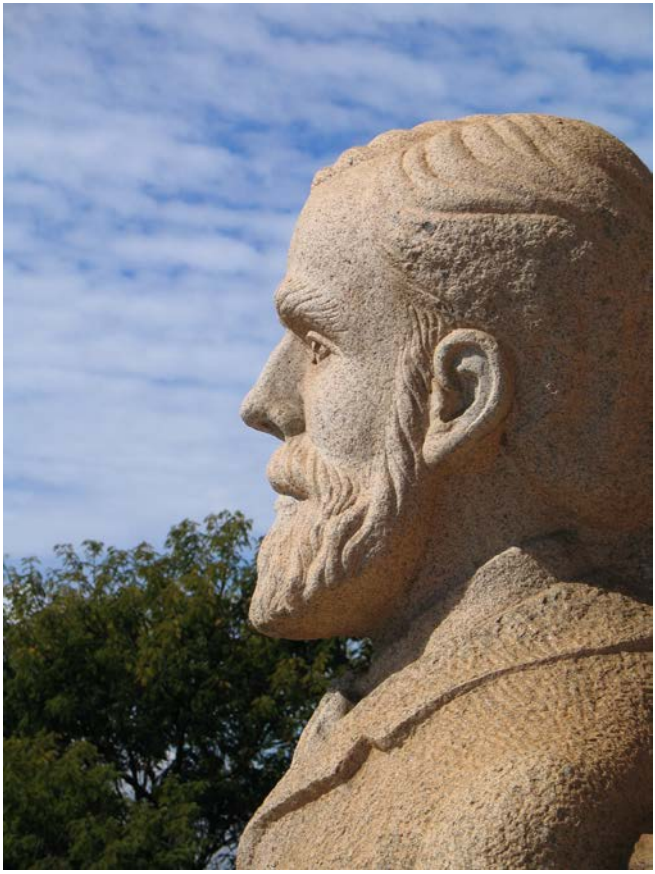
рабство в Черч-сквере в Кейптауне. Молодого раба купил Питер Ретиф и он был при буре до 1838 года. «Я всегда ехал позади хозяина и вез его вещи. Король зулу был весьма мил с нами. Мне не позволили слушать, о чем хозяин говорил с королем, но знаю от других, что ему дали землю. Через два-три дня нам приказали готовить лошадей, но перед отъездом Дингаан пригласил хозяина и его спутников отведать напитков в его краале.

Я проводил хозяина до ворот, однако войти не отважился, потому что был только рабом. Я думаю, что хозяин что-то подозревал, потому что перед тем как войти в крааль, отдал мне носовой платок и сказал: «Если что случится со мной – передай жене».

Я сел в 50 ярдах от входа и стал ждать. Белые люди находились в кругу воинов Дингаана. Воины не были вооружены, но их ассегаи лежали у ног спереди, когда они сидели. Сухой навоз и пыль вились над краалем. Потом раздался протяжный крик – сигнал был подан! Я запрыгнул на камень и увидел, что белые люди стоят безоружные, а зулусы напали на них и те упали. Хозяин был убит одним из последних. Я видел, как ассегаи воткнулся ему в грудь ниже горла. Я закричал, несколько зулусов бросились на меня и ранили в плечо и бедро. Мне удалось прорваться к лошадям и вскочить в седло. Я ускакал, но остальным спастись не удалось. Я добрался до ближайшего лагеря в Блаувкранце и рассказал обо всем».

Вот подробности драмы, собранные и записанные известным южноафриканским историком Дж. Тилом: «После крика “Хватайте колдунов!” воины обрушились на буров. Томас Холстед, переводчик, воскликнул: “Дайте мне поговорить с вождем!” Дингаан услышал это, но махнул рукой, как бы подавая знак: “Убивайте!” Холстед выхватил нож и смертельно ранил двух убийц, пока не был убит сам. Один из фермеров тоже убил воина, но остальные были схвачены, так и не встав на ноги, их оттащили на холм и пробили черепа палицами. Ретифа схватили и заставили смотреть на смерть товарищей, а потом убили и его. Сердце и печень тут же вырезали и закопали на дороге из Порт-Наталя в Эмгунгундлову. Но ни одно из тел больше не трогали, оставив даже одежду. Имена этих 66 буров известны».

Когда буры направились к Дингаану, слуг отослали за лошадьми и убили в отдалении.

Питер Ретиф, убитый зулусами

Убийство буров

Из дневника Р. Оуэна за 6 февраля 1838 г.:

«Ужасный день в истории миссии. Я содрогаюсь, вспоминая его. В тот день я сидел в тени фургона, читая Новый завет, когда пришел обычный посыльный от короля, но он явно торопился и глаза у него бегали. Я был уверен, что он сообщит мне что-

то важное. "Вождь послал меня сказать тебе, чтобы ты не боялся, когда он станет убивать буров", – выпалил посыльный, и новость обожгла меня и поразила всю семью. Позади моей хижины и фургона, скрытый от глаз, стоял холм, где обычно совершались казни. "Там, – показал посланник, – они сейчас убили буров!"

Я поднял глаза и заметил на холме оживление. 9 или 10 зулусов приходилось на каждого несчастного бура, увидевшего утренний свет в последний раз за воротами крааля. Двое из них незадолго до того приходили ко мне и завтракали за час-два до гибели. Когда я спросил, что они думают о Дингаане, они ответили, что он хороший. Они были так доверчивы!..»

Миссионер начал молиться за упокой души погибших. Вскоре за ним пришли, и он три часа пробыл при тиране, оставив свою семью в полном ужасе и неведении относительно своей судьбы.

«*Дингаан сказал мне, что я с семьей могу уехать в любой момент, но обязательно оставив здесь все свои злые намерения... Хозяин не собирался убивать ни меня, ни других миссионеров, потому, что нас мало и он мог жить с нами в мире, ибо мы являлись частью его народа. Еще он говорил, что должен убивать всех захватчиков, и что амабаро (буры) пришли убить вождя, что они пришли как армия и привели его в ярость*».

Вскоре после резни в краале появились двое белых – Джеймс Броунли, переводчик, и Генри Венейбл, американский миссионер. Броунли приехал в ответ на пожелание Дингаана сменить переводчика, ибо «Холстед обманывал его», а Венейбл решил не упустить возможности побывать у вождя. Положение у них оказалось не из легких. Единственное, что им удалось увидеть, была куча ружей и багажа, охраняемая воинами. Когда ничего не подозревавшие путешественники спросили, где же Ретиф и его отряд, им сообщили, что белые гости отправились на охоту. В просьбе пройти к вождю им отказали. Через час вышел Ндлела и сообщил об убийстве. Король, сказал он, убил их, потому что они намеревались выступить против него.

Венейбл нашел в себе силы спросить о школе, которую он намеревался открыть. Тот скорчил гримасу и спросил: «Не хочешь ли ты лучше научить наших людей стрелять из ружей и скакать верхом?»

Три дня спустя после резни Ричард Хелли, переводчик Оуэна, вернулся в Зулуленд из Порт-Наталя. Он ездил туда, чтобы пригласить Кейна и Гардинера на встречу Дингаана с бурами. Но оба англичанина наотрез отказались принять приглашение...

Не догадываясь ни о чем, Хелли спокойно следовал по дороге, не прислушиваясь к перешептываниям своих спутников-зулусов. Но приглядевшись к ним, стал тревожиться, и тревога переросла в ужас, когда он увидел в небе над ква-Мативане стаи стервятников. «Я сразу понял, что свершилось дьявольское дело», – пишет Хелли. Подскакав ближе, он увидел оторванный рукав рубашки в стороне от дороги, ведущей к холму. Несколько сваленных в груду седел подтвердили страшную догадку. Пришпорив лошадь, Хелли помчался в миссию. Она была пуста. На столе стояла посуда с остатками пищи. Тут из своей хижины к нему выбежал Оуэн. Не успели они выпить кофе, как Дингаан прислал за Оуэном гонца. Вождь встретил его как старого друга: «Нам много надо друг другу сказать!» Он, вождь, не несет ответственности за происшедшее. «Я заставил их ждать, пока не приедет Кейн и Гардинер, а когда они не смогли больше ждать, я предложил им уйти спокойно». Так что вся вина лежит на Хелли, Гардинере и Кейне. Почему они не приехали? Белые никогда не полюбят черных. Да, ему пришлось так поступить с бурами. Гардинер и Кейн заслуживают того же! Хорошая идея разделаться со всеми врагами сразу! Это слова Дингаана. Вернувшись в миссию, Хелли сказал Оуэну, что уезжает немедленно.

Семейство Оуэнов быстро собралось и отбыло в Дурбан. Там они пробыли какое-то время на островке в заливе среди других европейцев, которые боялись прихода зулусских импи, пока их не забрал парусник.

Миссионер покинул страну, которую ему так и не удалось цивилизовать.

В свое время бытовало несколько версий о том, что англичане подговорили Дингаана убить буров.

Преподобный Эразмус Смит, бывший среди тех, кто бежал с Блаувкран-ривер, записал в дневнике 2 мая 1838 г.: «После первого визита Ретифа в королевский крааль в ноябре 1837 г. Дингаан послал письмо Гардинеру. В нем он спрашивал его, что делать с Ретифом и бурами, когда те вернутся со скотом, отнятым у Сиконьелы. Гардинер якобы ответил, что эти люди бежали от своего короля и он, вождь, должен поступить с ними так же, как и с собственными беглецами».

Далее, продолжает Смит, некто Стобс и Бланкенбарт тоже советовали Дингаану наказать беглецов. Все это он слышал от других людей.

Бур Д. Р. Безуиденхоут, раненный в одном из боев в 1879 году, опубликовал свои записки, где говорится: «Когда Ретиф был у Сиконьелы, двое англичан из Наталя (Гарнетт и Стаббс) побывали у Дингаана и вопрошали его: “Каков ваш закон по отношению к беглецам?” Дингаан отвечал, что порядки его страны требуют смерти. Гарнетт и Стаббс затем сообщили, что они, буры, и есть беглецы».

Карл Селиерс записал свои воспоминания в 1848 году: «Мне говорили, как Дингаан выспрашивал у миссионеров, что ему делать и получил такой ответ: он, видимо, и сам знает, что делать с бродягами…

Некто Дж. Бошофф, прибывший в Наталь через три месяца после событий, писал пространные письма в «Грэхемстаун джорнэл» где утверждал то же самое.

А вот что говорит один из поселенцев Дж. Хаттинг: «После того как отряд Ретифа отдал салют в честь прибытия в крааль, Оуэн отправился к Дингаану и осведомился у него, знает ли тот, что эти люди – беглецы, что они укрываются от своего вождя?

20 июля 1838 г. некто Паркер, дезертир из английской армии, побывавший в Натале, написал майору Чартерсу, военному секретарю сэра Нейпира: «Убийство Ретифа и его людей было результатом предательства англичанина по имени Кейн. Вероятно, Кейн, опасаясь, что Дингаан, милостиво приняв буров в первый раз и отдав им земли, выполнит свое обещание, и послал Дингаану сообщение, что буры покинули колонию против воли своего главного вождя, и что они собираются вытеснить его, Дингаана, из его владений, и что он, Дингаан, не должен опасаться англичан – они не помогают бурам».

Паркер сообщил, что это все рассказал ему некто Туи, клерк одного из натальских купцов, а Туи узнал это от самого Кейна.

Историк Дж. Тил добавляет, что подобное обвинение имелось и против Огла. Несомненно одно – Дингаану кто-то сообщил, что буры – дезертиры. Но вспомним: в его стране селились, испросив высочайшего разрешения, тысячи одиночек. Значит, можно было по-иному объяснить вождю подлинные причины ухода буров из колонии? Но этого сделано не было. К тому же, Дингаан был напуган активностью буров в отношении Мзиликази и Сиконьелы. И еще – в сравнении с английскими поселенцами в Дурбане буры представляли существенную силу.

Вероломство вождя

Два письма из архивов.
От капитана Биггара – капитану Эватту
в Порт-Элизабет, 17 марта 1938 г.:

«То, что Дингаан собирался убить буров – доказано. Я писал Ретифу, чтобы тот был настороже, и другие лица предупреждали его – не верь Дингаану».

От Ф.Оуэна – Макклеланду
в Порт-Элизабет, 16 марта 1938 г.:

«Мотивы, побудившие Дингаана совершить убийство, ясны. Я думаю, что задолго до убийства он прятал под миролюбием планы уничтожения буров. Он явно их боялся. Он ревностно и подозрительно смотрел на пришельцев и использовал первую же возможность уничтожить такой большой отряд».

Думается, основная часть вины за смерть буров лежит на британских торговцах, которые отказались продавать зулусам оружие. Ретиф вначале обещал ему ружья, но обещание не сдержал, понимая, что это чревато опасностью. Отказ Ретифа возмутил вождя. Он и земли-то обещал им в обмен на лошадей и оружие!

Битва буров с войсками Дингаана

Вскоре после убийства Ретифа и его людей один американский миссионер видел в руках у зулусов бурские «слоновые» ружья. Может быть, дай Ретиф ему оружие, Дингаан не пошел бы на убийство?.. Вряд ли.

Что же произошло потом? События последующих нескольких месяцев по драматизму могли бы растянуться на несколько лет.

Во второй половине дня, когда произошло убийство, десять тысяч зулусов походным маршем вышли из королевского краала и двинулись через Наталь, чтобы напасть на европейцев раньше, чем те успеют подготовиться. Разделившись на несколько крупных отрядов, утром 17 февраля они обрушились на бурские лагеря возле сегодняшнего местечка Винен, получившего свое название в память о трагических событиях тех лет (по-голландски «винен» означает «причитать», «плакать»). Всего два-три бура ускользнули от расправы и сообщили соседям о трагедии. По всей округе началось строительство укреплений из фургонов.

Результатом первого рейда стали 41 убитый мужчина, 56 женщин, 185 детей и 200 слуг. Уцелевших буров охватила паника, слышались призывы покинуть страну. Но раздались и другие голоса – зовущие к отмщению!

Коменданты Потгитер и Уйс, узнав о случившемся, поспешили пересечь Драконовы горы, чтобы помочь своим соотечественникам. Англичане в порту Дурбана, узнав о смерти Холстеда и А. Биггара, убитого во время кровавого рейда по Наталю, предложили атаковать Дингаана с одного направления, в то время как буры пойдут с другой стороны. Однако последние решили действовать самостоятельно.

После смерти Ретифа главой натальских буров стал П. Мариц, он и возглавил экспедицию против Дингаана. Но ни Потгитер, ни Уйс не пожелали подчиниться ему. После долгих дебатов решили так: Мариц останется в Натале и будет охранять здешние лагеря, а Потгитер и Уйс выступят против зулусов, действуя согласованно.

В начале апреля экспедиции тронулись в путь. Одна – из Дурбана – состояла из 20 английских торговцев и охотников, 20 готтентотов и 1000–1500 чернокожих беженцев из Зулуленда, на которых можно было положиться. Этим отрядом командовал Роберт Биггар, брат погибшего Александра. Через три дня они подошли к первому зулусскому краалю. Он оказался пустым – остались лишь дети с матерями и скот. Между Кейном и Оглом произошла непристойная сцена – они не поделили добычу.

Одновременно вышла вторая экспедиция численностью 147 человек: Уйс и Потгитер выступили в направлении столичного крааля. Несмотря на то, что все они были вооружены ружьями, затея была явно безрассудной, так как Дингаан мог выставить против них в сто раз больше воинов, обученных приемам ближнего боя, великолепно вымуштрованных и владеющих ассегаями. Не хватало лошадей, и люди очень устали, пробираясь по безлюдным, негостеприимным землям.

11 апреля они завидели невдалеке полк зулусов и напали на него.

Преследуя отступавшего противника, незаметно спустились в долину. Перед ними были две параллельные гряды холмов, а между ними – длинная ложбина. Сюда-то зулусы и

заманили буров, смело бросившихся за «бегущим» врагом. В узкой части горловины на них набросились чернокожие воины, лошади стали неуправляемыми, так как зулусы издавали сильный грохот, ударяя ассегаями по кожаным щитам.

Немногим бурам удалось выскочить из этого ада. Сам Уйс, получив ассегай в спину, упал с коня, призывая товарищей спасаться. Его пятнадцатилетний сын устремился на помощь отцу и тоже упал сраженный. (Второй сын Уйса спустя 41 год сражался против другого вождя зулусов – Кечвайо и погиб в битве при Хлобане 28 марта 1879 г.)

Британская экспедиция, которая была вынуждена вернуться в Дурбан из-за ссоры в среде командования, снова выступила в поход, но уже в несколько ином составе. Командовал ею Р. Биггар. В нескольких милях от Тугелы они наткнулись на зулусский полк, который почему-то предпочел скрыться, бросая горящие костры и оружие. Англичане пошли вслед за ним, пересекли Тугелу, захватили крааль на северном берегу и только тут обнаружили, что находятся между «рогов» зулусской армии – 7 тысяч воинов.

Битва, которая состоялась 17 апреля 1838 г., относится к числу самых безнадежных сражений того времени. Трижды отбивали англичане атаки зулусов, но когда тем удалось разделить британский отряд на две части, надежды на победу угасли. Одна часть пыталась бежать вниз к реке, но большинство беглецов нашли смерть в воде. Спастись удалось четверым англичанам, трем готтентотам и пятистам чернокожим. Вторая группа была полностью окружена плотным кольцом зулусов. Они погибли все, но их тела были буквально завалены трупами воинов-зулусов. Всего погибло 13 англичан и тысяча чернокожих союзников.

После победы армия неторопливо двинулась к Дурбану. Ф. Оуэн и другие миссионеры, кроме американца Хиндли, уже перебрались на судно «Комета»... Беженцы попрятались в окрестных кустарниках. Импи некоторое время постояли на побережье, разрушив несколько построек и захватив всю живность – вплоть до собак и кур, а потом вернулись в Эмгунгундлову.

Группа Потгитера поспешила покинуть владения Дингаана и на землях к северу от Вааля образовала первое постоянное

европейское поселение. До сентября 1840 года у них действовало собственное самоуправление, свой городок они назвали Потхемстром.

Уход Потгитера быстро компенсировали новые поселенцы – на этот раз это были 39 семейств под началом Карела Питера Ландмана. Эмигранты отклонили все требования властей вернуться в колонию. Их главной целью теперь была месть. К этому времени во всем Натале насчитывалось 640 мужчин, способных носить оружие и 3200 женщин и детей.

В августе армия Дингаана атаковала лагерь буров на Босман-ривер, однако отступила с большими потерями: буры научились строить оборонительные линии из составленных вкруг фургонов. Но среди буров свирепствовала лихорадка, запасы продовольствия были на исходе.

В том же году в Наталь прибыл Андрис Вильгельмус Якобус Преториус. Его предки приехали в Южную Африку с первыми переселенцами из Голландии. Он был малообразованным человеком, за всю жизнь не прочел ни одной книги, разве что Библию, и его знания и опыт соответствовали скорее XVII, нежели XIX в. Но в военном искусстве 38-летний комендант разбирался хорошо.

В начале декабря был сколочен отряд. Имевшие опыт боевых действий буры захватили с собой изрядное количество фургонов и несколько пушек. Всего было 464 воина, не считая вспомогательных частей и командования. В тот период реки Наталя разлились и были практически неодолимы. Единственным пунктом, где можно было пересечь Тугелу, было местечко Кахтлалеба.

Вперед продвигались с осторожностью. Каждую ночь фургоны составляли вокруг лагеря, во все стороны рассылали конных разведчиков. Не было ни песен, ни криков. Несколько раз брали пленных и Преториус всякий раз отправлял их к Дингаану с сообщением: если тот вернет все награбленное, буры согласны начать переговоры о мире.

Ответ вождь прислал в виде двенадцатитысячной армии, напавшей на лагерь 16 декабря.

Лагерь располагался на реке Инкоме, которая в том месте делала крутой изгиб и обеспечила бурам надежный тыл. Зулусы пытались прорваться с открытых сторон, но артиллерия

нанесла им огромный урон. Отряд кавалерии, высланный вперед, вызвал среди зулусских воинов смятение (ни дать н взять как у ацтеков при виде конкистадоров на лошадях).

Всего среди буров оказалось трое легкораненых, среди них сам Преториус. Потери зулусов – три тысячи воинов. Вода в реке Инкоме окрасилась в розовый цвет. С тех пор река стала называться Блад-ривер – Кровавой.

23 декабря отряд достиг Эмгунгундлову, но Дингаана там не оказалось – вождь предал крааль огню и бежал на север. На холме Мативане буры обнаружили останки Ретифа и скелеты его спутников. Они лежали нетронутые – с ассегаями, которыми были пригвождены к земле. Одежда и сумка с документом – дарственной, написанной рукой Оуэна, были в отличном состоянии.

Между тем, власти в Кейптауне ломали головы, как заставить буров вернуться в родные места. Не получив ответа из армии, власти направили в марте 1839 г. в Наталь 72 полк горных стрелков и артиллерию – занять Дурбан. Порт был объявлен закрытым для всех, кроме чиновников с Капа.

Вскоре английский представитель, капитан Джарвис, предупредил попытку заключить перемирие с Дингааном от лица буров. В принципе вождь уже не возражал против перемирия. 26 марта 1836 г. буры встретились с посланцами Дингаана, которым было сказано: мир наступит, если вождь примет соглашение с Ретифом как должное, вернет скот и другое имущество эмигрантов.

Зулусы заявили, что им необходимо довести эти требования до сведения вождя. Вскоре они вернулись и сообщили, что вещи собраны в одном месте и их можно забрать. После короткого совещания буры сколотили отряд в 334 человека и отправились за своим имуществом. Потом между бурами и англичанами начались длительные переговоры, кому принадлежат вещи. В результате по чьей-то неосторожности взорвался порох в фургонах и много людей погибло.

Пока буры договаривались с Дингааном, поползли слухи, что части британских войск высаживаются в Порт-Натале. Как ни велика была опасность, исходившая от Дингаана, эта была еще большей.

«Кости наших товарищей, безвинно, погибших на этой земле, не дают нам права уйти отсюда, из страны, которой мы столько отдали», – писали буры капитану Джарвису. В ноябре

фолькраад издал указ, предписывавший бурам противостоять англичанам всеми силами. Но опасения оказались напрасными – в декабре 1839 г. британские части неожиданно отплыли. Власти решили предоставить буров самим себе.

Приблизительно в это время у зулусов произошло событие, повлиявшее на дальнейший год истории. Среди сыновей Сензангаконы резко возвысился Мпанде, младший из них. За него выступили некоторые влиятельные индуны и среди них – Нонгалаза, командовавший войсками у северных берегов Тугелы. Мятежный вождь с большим числом последователей – 17 тысяч человек – пересек Тугелу и пошел на юг искать защиты у европейцев.

В начале декабря бурская газета, выходящая в Кейптауне, «Де варе африкаан», опубликовала тревожное сообщение из Наталя. Речь шла о Мпанде, который якобы пересек Тугелу и с войсками движется в Питермарицбург. «Даже если правда то, что Дингаан с братом поссорились, вряд ли стоит доверять кому-либо из них, – писала газета. – Мпанде близок к тому, чтобы попросить союза с белыми эмигрантами, но это может быть только прелюдия к новым убийствам. Буры могут рассчитывать только на себя и не полагаться на такой коварный народ, как зулусы».

Но Кейптаун далеко от Питермарицбурга, и пока статья печаталась, буры уже знали наверняка, что намерения у Мпанде самые мирные, и что приход его в Наталь – не угроза, а просьба о помощи.

Фолькраад потребовал спросить с Дингаана все убытки, и Мпанде, не дожидаясь пока вождь ответит, отдал три тысячи голов скота – все, что у него было, бурам. Кстати, Дингаан так и не ответил на это требование. Мпанде был провозглашен «правящим принцем зулусов в изгнании» и тут же согласился участвовать в военных действиях против старшего брата. Он обещал прекратить «вынюхивание» и бессмысленные убийства. 4 января 1840 года войско в составе 400 буров и 6 тысяч зулусов выступило в поход.

Дингаан узнал о приближении войска от своих разведчиков. Решив выиграть время, он послал для переговоров верных индун Дамбузу и Камбазану. Их сразу же арестовали и доставили к Мпанде. После недолгого суда их расстреляли. (Этот по-

ступок, допущенный с попустительства Преториуса, стал его ошибкой и позволил фолькрааду обвинить его в убийстве парламентариев.)

Вскоре пришел посыльный от вождя Нонгалазы, который уходил с колонной далеко вперед, с радостным известием – 30 января на реке Уклузи произошло великое сражение у местечка Магонго. Победил Нонгалаза. Хотя импи Дингаана были многочисленнее, Нонгалаза применил хитрость: пустил слух, что идут буры! Воины Дингаана в панике начали отступать. Бурам было возвращено 30 тысяч голов скота, собственностью фермеров стала тысяча зулусских сирот, всем им нашлась работа в хозяйствах.

Андрис Преториус

Дингаан спешно отходил на север, к границам земель народа свази. Там он построил временный крааль, где и был убит людьми племени ньяво. Один из участников убийства в возрасте ста лет в 1911 г. сообщил, что на могиле Дингаана навалено три больших камня. Это место удалось отыскать только в 1947 г.!

Все зулусские воины поклялись в верности Мпанде, новому вождю зулусов. Но подозрительный правитель всегда руководствовался принципом: «Человек, однажды побывавший в шкуре предателя, может оказаться в ней снова, и всегда находил возможности избавляться от опасных людей, особенно из «старой гвардии». Даже Нонгалаза, так много сделавший для Мпанде, был зверски убит по его приказу в 1843 г.

Худшее для буров было впереди! Слух о смерти Дингаана распространился по Наталю с быстротой ветра. Тысячи беженцев с юга и из Высокого велда стали возвращаться в старые краали. В 1841 г. фолькраад проголосовал за то, чтобы направить весь этот поток в какой-то отдельный район на юге от Наталя. Возле каждой бурской фермы можно размещать лишь

пять семей для подсобных работ. Факу, вождь амапондо, опасаясь, что все беженцы хлынут на его земли, пожаловался британским властям в Кейптауне на притеснения со стороны буров.

Английское командование отдало приказ захватить Дурбан капитану Смиту, герою Ватерлоо. Тот был встречен в Дурбане нервозно настроенными бурами и старыми поселенцами. Смит построил возле Дурбана укрепленный лагерь. Но силы у него были несравненно слабее и вскоре он вынужден был послать за помощью в колонию Ричарда Кинга – того самого, что жил в Натале с 1828 г. Кинг знал зулу и участвовал во многих экспедициях поселенцев. Преториус послал за ним вдогонку отряд, однако Кинг добрался до Грэхемстауна за 10 дней вместо обычных трех недель. Памятник ему стоит в Дурбане, где он прожил до 1871 г.

Власти признали буров мятежниками, и отныне фолькстраад должен был подчиняться королеве.

В 1844 г. Наталь был включен в состав британской колонии, а с 1856 г. стал отдельной колонией Великобритании. Но на этом история зулусских войн не закончилась. Пройдет двадцать с лишним лет и при новом правителе – Кетчвайо зулусы одержат несколько оглушительных побед, но уже над регулярными войсками Британии.

Так говорит Африка, или Как общаются жители Черного континента

Визуальные средства

В разные эпохи и на разных континентах люди использовали и используют сегодня всевозможные способы общения и передачи информации – от узелкового письма кипу у перуанских индейцев до нынешних «эсэмэсок». Говоря языком этнографов, это одна из основных задач этнокультурной общности и залог ее существования во времени. Для ее осуществления широко применялись различные средства. И Африка не стояла в стороне от этого процесса. Наоборот, во многом обогнала другие континенты. Только многие ее средства коммуникации до сих пор не изучены…

Одежда, прическа, украшения несли ярко выраженную информационную нагрузку. Они давали информацию о национальной принадлежности человека, с одной стороны, и о его социальном статусе, с другой. Диадемы, особого рода браслеты, опахала из хвоста буйвола в руках встреченного человека не оставляют сомнения в том, что это человек достаточно высокого ранга, так же как чалма – непременный знак хаджи. И ныне шапочки из шкуры леопарда, определенной расцветки «кенте» – резные жезлы в руках глав африканских государств не менее точно информируют о высоком ранге их носителей, чем произнесенный полный титул!

Когда-то не меньшую роль, чем костюм, играли прически, татуировка и скарификация[10]. У бакуба, например, и мужчины и женщины носили короткие волосы. Но иногда можно было встретить сложные прически, когда волосы укладывали в форме рогов буйвола. Если такую прическу носил мужчина, значит перед вами представитель высшего социального слоя. Та же прическа у женщины сообщала, что обладательница ее родила первого ребенка.

Встретив у масаи или самбуру молодого человека с довольно длинными волосами, заплетенными во множество косичек, живописно задрапированного в красную тогу, можно быть

[10] Скарификация – нанесение неглубоких насечек или царапин на поверхности кожи для обеспечения прохождения какого либо вещества через нее.

уверенным, что это «моран» – молодой воин, прошедший все необходимые инициации.

Татуировка была распространена у народов с более светлой кожей, например, у многих северонигерийских народов, жителей Чада, Нигера. Народы с очень темной кожей, на которой не была бы видна татуировка, для тех же целей использовали скарификацию и рубцевание, которые производились во время инициации, а затем в разные периоды жизни при переходах в иное социальное состояние. Чаще всего встречались продольные или пересекающиеся полосы на щеках, лбу, подбородке. Делали также насечки на руках, спине, животе. Даже христианство и мусульманство не вытеснило этого обычая. Эфиопские христиане, например, татуировали знак креста на лбу или на руке.

У некоторых народов Центральной Африки рубцы иногда покрывали все тело: спину, шею, грудь, живот, руки, ноги, лицо. Особой формы узоры из рубцов информировали о социальной принадлежности женщины, количестве ее детей, внуков и т. д.

Такой же социальный знак – калечение зубов у народов той же Центральной Африки и Межозерья: подпиливание, выбивание, чернение стойкими естественными красителями. Сейчас они воспринимаются городскими жителями, как уродство. Так, поэт Окот п'Битек в одной из своих поэм передает жалобы девушки-ачоли:

Окот кричит: не нужна мне баба
с дырками вместо зубов – уродка!
И завел себе он другую,
у которой все зубы целы,
как у рабов и военнопленных!

Раскраска тела имела те же функции, что и рубцы на теле, но лишь временно. В период инициации, обрядов сельскохозяйственного цикла или похоронных, особыми красителями (белой глиной, желтой охрой, красным порошком из дерева тукула) наносили узоры на лице и теле.

Тату в Африке

Лесной телеграф

У африканских народов бытовали такие средства информации, как там-тамы, рожки, свистки, световые сигналы и т. п. До недавнего времени важным средством связи у многих народов Западной и Центральной Африки были говорящие барабаны. Телеграф, периодическая печать и радио давно вытеснили это средство сообщения, но не смогли его уничтожить. Сузилась сфера их применения, изменилась их социальная функция (раньше говорящие барабаны могли использовать лишь с разрешения правителя или вождя и только особыми лицами), но они еще существуют. Например, позывные радио Ганы, например, – выстукиваемый барабанный призыв «Слушайте Гану».

Африканцы чтят в языке барабанов элемент традиционной культуры и хотят его сохранить. Так, в той же Гане иногда язык барабанов используется в деревенских школах. В педучилище в городе Хоху на востоке Ганы был даже введен факультативный курс обучения языку барабанов.

Район распространения «говорящих» барабанов очень широк. Это Сьерра-Леоне, Либерия, Берег Слоновой Кости, Камерун, Гана, Южная Нигерия, Габон, Заир и часть Замбии (район обитания балуба). На этом обширном пространстве встречаются разные типы и формы барабанов. В западных районах распространены барабаны, выдолбленные из куска дерева с одной мембраной из кожи буйвола или с уха слона. От ее качества, от силы натяжения, силы удара особой, деревянной изогнутой палочкой зависела высота звука.

У кру, ашанти, эве распространены большие барабаны высотой от 1 до 1,5 м с диаметром верха от 50 до 80 см.

К востоку и юго-востоку резко меняется тип барабана. Это уже скорее гонги, чем барабаны: выдолбленные из целого куска дерева плоские предметы в виде полукруга или трапеции (у азанде, балуба).

Очень распространены были также цилиндрические щелевые барабаны. Они могли быть разного размера. Самые маленькие – 0,4–0,8 м в длину. Наиболее часто встречающиеся размеры – 1,7 м (в южной Нигерии, Камеруне, Габоне, Конго, Заире). Самые большие – барабаны бушонго в Заире (до 3,5 м в длину и 60 см диаметром) и бавенда в Камеруне.

В основе «барабанного языка» лежит тональность, наличие в языках народов, ими пользующихся, высоких и низких тонов. Необходимо в передачах соблюдать точное воспроизведение различной высоты тонов, их последовательность, а также числа слогов и порядка слов.

Передача информации таким способом – довольно длительный процесс. У профессиональных барабанщиков, а в прошлом это была наследственная профессия, было особое «барабанное» имя. При передаче выстукивались сначала имя и деревня того, кому передавалось сообщение и имя передававшего. Наиболее важная часть сообщения выделялась более медленной передачей и повторами.

Дальность передач была довольно значительной. Барабаны ашанти были слышны за 9 км, а если их устанавливали на вершине холма – еще дальше. В равнинных областях – в бассейне Конго, например, для усиления звука нередко устанавливали барабаны на лодках над водой, которая служила хорошим резонатором. Информация распространялась в пределах одного языка с единой системой тонов. Однако наличие двуязычия в пограничных племенах позволяло вести передачи и дальше. Постепенно складывалась и система взаимопонимаемых сигналов. Так, у народов южной Нигерии такими воспринимаемыми разными народами сигналами были «опасность», «общий сбор», и т. д. Эве, например, понимали язык барабанов тви и т. п.

Передача высокого и низкого тонов достигалась разными средствами. У ашанти передача шла обязательно двумя барабанами – «нтумпане»: мужским с низким тоном и. женским с высоким. У эве был даже комплекс «говорящих» барабанов: два «атупане» (мужской и женский) и «абуба» (очень большой барабан, на который шла толстая шкура буйвола и который давал очень низкий тон). Тональность щелевых барабанов Центральной Африки регулировалась формой щели и толщиной стенок. Барабаны «экой», например, со сложной формой прорези (расширенной по краям и узкой в середине) давали в зависимости от места удара звуки 5 тонов. Более распространены были «бонгунгу». Это щелевые барабаны с прямой прорезью, но со стенками, утончавшимися снизу вверх, по направлению к щели. Они давали два тона: высокий, если ударяли по тонкой стенке, и низкий – от удара по толстой.

Вот что писал об этом южноафриканский писатель и журналист Лоуренс Грин, посвятивший всю жизнь изучению загадок Африки. В свое время его заметки, опубликованные в разных книгах, перевел на русский язык африканист, кандидат исторических наук Н. Кривцов.

«Я слышал барабаны на Западноафриканском побережье от Сьерра-Леоне до Бомы. Путешествуя вдоль всего течения Конго и лежа бессонными ночами под москитной сеткой, я вслушивался в таинственные звуки, которые взлетали и падали, трепетали и содрогались в лесу. И в Восточной Африке я снова

слушал этот бой и вспоминал суахильскую поговорку: “Когда на Занзибаре играют на барабанах, танцует вся Африка до Великих озер”.

Ни одно рождение или смерть в Тропической Африке, ни одна охота или война не обходятся без того, чтобы барабанный бой не разнес новость от деревни к деревне. Белые люди называют его «лесным телеграфом». Это весьма яркое название для системы связи, которая передает любую информацию через пространства, где никогда не видели телеграфного провода».

«Барабанщики – важные персоны в Западной Африке, и во многих племенах у них нет никаких других обязанностей. У барабанщиков есть и свой собственный бог, а именно “Человек на Луне”. Когда бывает полнолуние, можно увидеть этого бога, держащего палочки над барабаном. Когда палочки падают, барабанщик умирает. О значении барабанщика можно судить по тому факту, что ряд западноафриканских народов верит в его способность отправлять послания к их предкам – в мир духов.

В старые дни новый городской барабан “окроплялся кровью” с приношением человеческих жертв, так как считалось, что барабан не сможет говорить, как надо, пока он не услышит голос человека в предсмертной агонии. Один вождь с берегов Нигера так гордился своим исполинским барабаном, изготовленным по его приказу, что велел принести в жертву мастера, чтобы тот не смог сделать лучший барабан для другого племени», – пишет южноафриканский исследователь. – «Насколько далеко разносится звук сигнального барабана? У водопадов Стенли на Конго некоторое время назад был барабан, чей бой некоторые люди могли слышать и понимать в Якоте – двадцатью милями (более тридцати двух километров) ниже по течению. Я думаю, что этот редкостный барабан поставил своеобразный рекорд для Африки. Конечно, только вода могла способствовать тому, чтобы звук распространялся так далеко, ибо некоторые типы местности, наоборот, содействуют ослаблению голоса барабана. Пять миль днем и семь ночью – это, пожалуй, средний радиус действия сигнальных барабанов. Жаркий воздух несет звуки вверх, вместо того чтобы распространять их вширь, поэтому барабанщик, обращающий свое послание к слушателям, находящимся вдалеке, должен посылать свое послание на рассвете или в ночные часы.

Когда идет передача информации от одного барабанщика к другому, преградой для “разговора” может служить не только расстояние, но и языковые барьеры. О знаменитом путешествии Стенли вниз по Конго в 1877 г. местные жители были оповещены барабанными посланиями, которые покрыли тысячу миль, опережая самого исследователя. Это был один из тех редких случаев, когда был зафиксирован и, без сомнения, подтвержден радиус действия “лесного телеграфа”».

В Африке барабаны используют для передачи информации не только племена Конго. Охотник, который провел много лет во Французском Конго, рассказывал, что он шел через район, опустошенный сонной болезнью и оставленный населявшими его племенами. Вдруг он услышал слабый барабанный бой – удары палок о пустое дерево. Повернувшись к своему оруженосцу, он сказал: «Кажется, ты говорил мне, что здесь нет людей?»

Туземец улыбнулся. «Сокомату», – ответил он. Они зашагали в сторону, откуда несся звук, и там охотник увидел «сокомату» – шимпанзе, с довольным видом барабанившую по бревну. «Том...том...бум...та-ра-ра... бум!» Не удивительно, что белый человек не может сделать и шага по африканским джунглям без того, чтобы каждый его шаг не опережала новость о его передвижении. Где-то ночью бесчисленные дикари выбивают этот старый, старый ритм. Приходит еле слышный ответ. Иногда он настолько еле слышен, что белый человек различает его как обрывки едва уловимой слухом, но хорошо знакомой мелодии.

Белый человек слышит, и это все. «Бум...та...ра...ра...бум!» А Африка слышит и понимает».

«Узелковое» и «предметное» письмо

Подобные средства связи также имели когда-то большое распространение. Узелковое письмо, например, было известно на Бенинском побережье. Дагомейцы также отмечали важные события узелками на шнуре. Певцы-гриоты в Западной Африке и сейчас еще раскладывают перед собой специальные камешки в том порядке, как исполняют свой репертуар. Хранители устной традиции у балуба пользовались при пересказе ее «лисало» – дощечкой с закрепленными в определенном порядке раковинами и бусинами.

Зулусы широко употребляли для посланий бисер, особенно в любовной переписке. Послания основывались на символике цветов: белый – цвет чистоты и любви, розовый – намек на недостаток средств, черный – показатель душевной неустроенности, грусти и тоски. Меняя тональность, густоту цвета, число бисеринок того или другого оттенка, можно было выражать довольно сложные чувства.

Символические послания использовали и в народе малинке. Например, циновка у входа в деревню, на которой лежали мотыга, веревка и миска – означали весть о смерти 3–4 дня назад жителя деревни. Чтобы подчеркнуть нежелательность визита, прибывшему гостю посылали калебас с «деге» (жидкой просяной кашей), прикрытый веялкой с закрытыми отверстиями.

У многих народов Африки было известно и «предметное» письмо. У йоруба и дагомейцев оно существовало, по-видимому, еще в XVII в.

«Письмами» это можно назвать весьма условно, оно так же похожее на письменность, как произведения современного «конкретного искусства» на классическую живопись. Такого рода письмо называется у йорубов ароко. Это предметное послание, обычно представляющее собой снизку раковин каури. Словом «ароко» йоруба называли также официальное послание в виде яйца попугая, которое царь-алафин мог получить от главнокомандующего-башоруна; оно означало смертный приговор. Об ароко из каури рассказывает немецкий графолог Йензен: «У йорубов кучка из шести раковин каури имеет основное значение «шесть» – efa, однако поскольку efa значит также «увлеченный» (от fa – «увлекать»), то снизка из шести раковин каури, посланная молодым человеком девушке, имеет смысл: «Я чувствую к тебе влечение». Восемь раковин каури означают «восемь» – ejo. Но то же слово значит и «согласен» (от jo – «совпадать», «быть согласным»). Поэтому отправленная девушкой мужчине записка из восьми раковин каури означает: «Я согласна», или «Я чувствую то же, что и ты».

А вот другой пример ароко, приводимый Лукасом. Принц йорубского племени джебу, у которых особенно распространено письмо ароко, послал своему брату шесть каури, нанизанных на перо. Это послание означало: «Я чувствую к тебе

влечение (efa), но могу только слышать о тебе». Как передано слово «efa», мы уже знаем; вторую часть фразы передает перо.

Йорубы могут передавать таким образом довольно сложные сообщения. Лукас приводит девять образцов официальных и частных «писем» ароко. Особенно интересно «послание мира и добрых вестей» от царя джебу царю Лагоса по случаю его вступления на престол 28 декабря 1851 г. Йензен приводит еще одно ароко, которое тяжелобольной джебу послал своим родственникам и друзьям. Оно представляло собой снизку из четырех каури, причем шнурок, на который они были нанизаны, был оплетен особым образом. Это «письмо» читалось так: «Болезнь протекает неблагоприятно, состояние ухудшилось. Единственная надежда на бога».

Сходная, но более сложная предметная иероглифика засвидетельствована у дагомейцев. Французский исследователь Дагомеи Ле-Эриссе обнаружил ее на металлических церемониальных топорах. Каждый топор имел особую форму, связанную с его собственным символическим значением.

Одна из систем африканского иероглифического письма

От своих друзей дагомейцев Ле-Эриссе получил в подарок топор с обозначением своего имени, вернее, прозвища, данного ему дагомейцами: N'makambiyo (Ничего!), которое он часто повторял. На железном лезвии топора было изображено дерево бавольник (hun) с листьями (ama), обвязанное веревкой (kan), с просветами между листьев (biyo).

Итак, hun+ama+kan+biyo=N'makambiyo. Это похоже на плохую шараду. В сущности йорубское и дагомейское предметное письмо и представляет собой набор шарад. Но всякая шарада – это иероглифическая запись.

Столь авторитетный ученый, как Д. А. Ольдерогге, первым пришел к выводу, что у народов Западной Тропической Африки – йорубов, бини и дагомейцев – складывалась система иероглифического письма. К сожалению, образцы его погибли или еще плохо изучены.

Письменность была необходима йорубам, вернее, их правителям для учета. Нужды государственного хозяйства были в древние времена главным фактором, определившим развитие письма.

Известно, что у йорубов каждый глава домохозяйства давал чиновнику-илари одну раковину каури; в резиденции правителя эти раковины подсчитывались, по ним раскладывали налоги.

Другая потребность в точном счете возникла благодаря торговле золотом. Тут каждая крупица драгоценного металла «любила счет». У бамбара, родственных им диула и мандинго, у бауле и аньи Кот д' Ивуара (Берега Слоновой Кости) получила распространение развитая система весовых единиц, пришедшая от арабской Северной Африки.

А у ашанти Ганы, родственных бауле и аньи, сохранилась местная система.

Устная традиция

В передаче информации во времени важную роль играли обряды инициации, устная традиция. Сама жизнь, наблюдение детей за деятельностью взрослых, подражание им, получение навыков морали в виде повествования в вечерних сказках у костра вели к поддержанию и непрерывности культурных традиций и этнического единства, передаче их последующим поколениям.

Устная историческая традиция существовала и существует практически у всех народов Африки. Однако методы ее «хранения» и передачи новым поколениям существенно разнятся. При этом имеют значение характер самих источников устной традиции, бытовые традиции, комплекс культурных ценностей народа, уровень его социального развития.

У народов, не знавших до колонизации более или менее крупных политических объединений, такие традиции имели эзотерический характер. Подробная хроника событий была достоянием всего взрослого населения. Знакомство с историей племени входило в круг обязательных знаний наряду с получением практических навыков охоты, земледельческих приемов во время инициации. Хранителем исторической традиции был весь народ. В таких обществах не существовало замкнутых групп, имевших преимущественное право на ее знание.

У народов же, сохранивших до последнего времени четкую надплеменную организацию, либо в своем историческом развитии прошедших через эту стадию, происходило своеобразное сужение круга лиц, которым такое знание было доступно. Складывались особые группы сказителей, можно сказать, «профессиональных историков».

Нередко устные сведения о прошлом делились на группы: тайные и широкодоступные. Так, у бакуба одни исторические песни могли слышать все желающие, а другие исполнялись только в узком кругу жен правителя. Иногда же это разделение совпадало с делением устной традиции по жанрам. В разных обществах, возможно даже и в разных социальных слоях, имели распространение различного типа традиции. В Бурунди достоянием династической семьи и верхушки общества были генеалогии и исторические рассказы, а среди народа история жила в песнях, поговорках, сказаниях, и рассказывались они всюду и всеми. Подобное же деление наблюдалось и в Руанде.

Во дворце Абомея (в современном Бенине) каждый день в определенный час по звуку барабана провозглашали имена минувших правителей и воспевали их подвиги. В других странах рассказы о прошлом звучали лишь в строго определенные обычаями часы и сопровождались торжественными церемониями. У бакуба, йоруба, в Руанде исторические сказания рассказывали при «коронации» нового правителя.

При дворах правителей африканских государств существовали особые так называемые «придворные историки». Именно они были подлинными хранителями традиций, хотя знать их были обязаны все претенденты на престол. Нередко последние, как у бакуба, при коронации должны были перечислить всех своих предшественников, рассказать историю своего народа, а «историки» выступали как экзаменаторы. Обязанность и право сохранять и передавать знания о прошлом своего народа переходили от поколения к поколению (от отца к сыну в обществах с патрилинейным счетом родства и от дяди к племяннику по сестре в обществах с матрилинейным счетом родства) внутри довольно замкнутой группировки.

Народная память хранит воспоминания о событиях многих веков. В современной Замбии в 1840-х гг. рассказывали о временах правителя Мутоты, умершего около 1450 г. почти 500 лет назад. В Анголе и сейчас поют о борьбе с португальцами местной королевы Анны Дзинги Мбанди Нголы (XVI в.), в Мали – о могущественном Сундиате (XIII в.).

Эта система передачи информации во времени изустно была свойственна большинству народов Африки, которые до последнего времени оставались бесписьменными. Однако многие африканцы использовали и различные системы письма как заимствованные, так и оригинальные.

Пиктография и иероглифика

Путь к самым первым системам письма – пиктограммам и иероглифике идет от символики магических тайных знаков. Последние широко использовались в Нигерии, Нигере, Мали (у хауса, канури, сонгаи, бамбара, догон и др.). Как правило, эти знаки представляют собой рисунки-схемы или рисунки-символы, основанные на местной мифологии.

По утверждению французского этнографа Захана, сделанные с их помощью записи «могут быть прочтены так же легко, как страницы книги». Однако толкуют знаки только «символически», причем в разных вариантах по-разному, в результате различия местных вариантов религиозных и мифологических воззрений. Д. А. Ольдерогге справедливо резко возражал против отождествления подобных знаков с системой письма; это лишь ее зачатки.

Одна из наиболее распространенных в прошлом систем пиктографического письма – нсибиди. Оно было известно у многих народов Нигерии и Камеруна. Знаки рисовали на стенах домов, коре деревьев, прямо на земле.

У многих народов восточной Нигерии это письмо было тайнописью, которую знали только члены тайных обществ. Напротив, в Камеруне у родственных им народов значки, близкие к нигерийским нсибиди, не составляют никакой тайны. Эти значки украшали калебасы и особенно хорошо их значение понимали старые женщины-мастерицы. Это были схематические пиктограммы, потом развившиеся в условные знаки. За пределами Камеруна и Нигерии подобного типа знаки на калебасах встречались в Сьерра-Леоне (у ваи), Того, Гане и Бенине (у эве). Нанесение нсибиди на калебасы было связано с магией и колдовством. Но с их помощью можно было передавать и полезную информацию. Ими записывали, например, сигналы опасности, судебные решения, пословицы.

В этом же регионе находилась зона более развитого пиктографического письма. Один из наиболее ярких примеров – глиняные барельефы дворца правителя Дагомеи. В каждом из квадратов, на которые были разбиты стены, помещались сцены из истории Дагомеи. И это были уже не только живописные иллюстрации, но и символические записи. Воин с пленником, завернутым в циновку, – не портретная зарисовка, а лаконичная информация о победе дагомейского войска. Здесь уже была развита постоянная символика, в отличие от примитивных пиктограмм, смысл которых мог быть разгадан по-разному. Изображение на глиняных барельефах всегда обозначало определенное понятие: квадрат с барельефом – «рассказ о событии». Дагомейский воин или амазонка – «дагомейское войско». Нагой, распростертый на земле человек – «побежденный враг». Завернутый в циновку человек – «пленный враг». Человек с луком – «йорубское войско». Обезьяна – «йорубский правитель». Могучее животное – «дагомейский правитель». Воздетые руки с горшком – «жертвоприношение предкам». Однако сохранялся и свойственный иным ранним пиктографическим системам письма (например, египетский додинастического и раннединастического периода) недостаток – одно и то же понятие могло быть изображено разными символами. Особенно характерно это было для изображений правителей государства.

Символом их мог быть слон, лев, бык, рыба сосоглоэ (острой чешуи которой боятся даже крокодилы), крупные птицы.

Символическое письмо африканцев

У дагомейцев была зафиксирована и предметная иероглифика. Так, каждый церемониальный топор имел особую форму, которая определялась символикой его элементов, все вместе они составляли имя правителя – его хозяина. Складывающаяся пиктография могла привести к иероглифическому письму.

Подобные системы записи сложились у йоруба и бини. В Бенине стены дворцов были украшены бронзовыми пластинами «ама», имевшими то же значение, что и глиняные барельефы во дворцах Дагомеи.

Изображения на этих досках очень похожи на те, которые покрывали резные слоновые бивни, укреплявшиеся на головах из бронзы – вместилищах душ умерших правителей. На них видны ряды барельефных фигур: правителя, его слуг, вельмож

и т. д. Порядок фигур всегда строго выдерживался. Долгое время в этом видели только декоративный смысл. Однако Д. А. Ольдерогге предложил «читать» сверху вниз эти изображения. Оказалось, что на бивнях «записана» рисуночными символами церемония «угие-оро» – часть погребального обряда по умершему правителю.

Некоторые слоновые бивни – их сравнительно мало – не изображают эту процессию. Они почти гладкие, только местами пересечены кольцами резного орнамента. Между кольцами помещены знаки символа правителя, меча «этере» (такие мечи несли в руках вельможи на церемонии «угие»), меча «ада», который несли перед правителем и высшими вельможами. Это уже прямая замена рисунка символом, иероглифом. Изучив описанные выше знаки, Д. А. Ольдерогге пришел к выводу, что они носили символический характер и были понятны известному кругу лиц. Поэтому их можно считать зачатками иероглифической системы письма.

Как мы уже говорили, резные бивни водружались на подставки в виде бронзовых голов – скульптурных изображений бенинского правителя и его матери. Снизу для большей устойчивости каждая голова заканчивалась нешироким ободком, на который также наносили рисунки-символы: каменный топор, рука с трезубцем или без него, погремушка, рыба, жаба, леопард, бычья голова – всего 12 символов. Этого еще мало для создания системы письма, но тенденция к выработке иероглифов очень заметна.

Слоговые системы письма

Иероглифическая письменность в Тропической Африке не получила завершенного развития, даже не оформлялась окончательно. Однако возникли иные оригинальные системы письма. Первая из них – письменность народа ваи в Сьерра-Леоне. В первой половине XIX столетия ваи создали собственную систему письма. Это письмо продолжало развиваться и совершенствоваться – многие знаки, впервые записанные Форбсом в 1848 г., заметно отличались от записей М. Делафосса в 1899 г. Он сумел собрать коллекцию рукописей ваи: сказки, пословицы, даже повести, а также множество частных и официальных писем и торговых книг.

Письмо народности ваи

По всей видимости, это письмо выросло из древних пиктограмм ваи. Так, еще до существования письменности были распространены знаки-предупреждения, вырезавшиеся на коре деревьев. Если возвращающиеся домой люди видели изображение фигуры сидящего человека, а рядом с ним точки (показатель множества), они знали, что деревня осаждена врагами. Таким образом, и здесь, как в Нигерии (вспомним нсибиди), путь к созданию письменности шел через пиктограммы.

Однако марабуты – родоначальники вайской письменности, зная и древнюю пиктографию своего народа, и арабскую письменность (а, возможно, и латинскую, так как на побережье Атлантики уже существовали в то время европейские форты), пошли несколько иным путем. Они создали не иероглифику, логично вытекающую из пиктографического письма, и не буквенную систему, а слоговую из 226 знаков.

Вайское письмо получило распространение и у соседних народов, приспособивших его к звукам и законам собственных языков. Менде, кпелле, баса и лома в соседних Либерии и Гвинее имели собственные системы письменности. Ныне все эти системы письма вытеснены новыми алфавитными системами, основанными на латинице.

Родина еще одной оригинальной системы письменности – Камерун. Она была разработана правителем народности бамум Нджойя в начале XX в. И здесь, как в Нигерии и в Сьерра-Леоне, в

основе лежало рисуночное письмо, пиктограмма. Каждый знак обозначал слово-слог, причем существительным, обозначавшим предметы, соответствовало изображение этих предметов. Глаголы, местоимения, разного рода частицы обозначались также рисуночными значками, подобранными по ассоциации. Многосложные сочетания передавались устойчивыми комбинациями знаков. В целом бамумское письмо, по виду пиктографическое, было одновременно слоговым и идеографическим: это типичные иероглифы. Так, круг с двумя изогнутыми линиями по краям – символ головы с рогами – «коза»; круглый горшок на трех камнях, соединенных с ним прямыми линиями – «варить»; волнистая горизонтальная линия – «нитка» и т. д.

Нджойя обучил изобретенному им письму членов своей семьи, но простой народ остался неграмотным, равнодушным к произведенной царем «культурной революции». В отличие от торгового и демократического общества ваи, у бамум национальная письменность осталась достоянием аристократической верхушки.

Такое же «авторское» изобретение – алфавит сомали, на крайнем востоке континента. Этот народ издавна исторически тесно связан с древними центрами письменной культуры – Египтом, Грецией, Сирией, Индией, арабскими государствами Средневековья. Свидетельств распространения письменности Египта, Греции, Сирии, Индии в Сомали не обнаружено. Арабский алфавит получил широкое распространение, но писали на нем также по-арабски, а язык сомали оставался бесписьменным. Лишь в 1920-е гг. некий Исман Юсуф изобрел собственную письменность, получившую по имени автора название «исмания». Он видел в создании оригинального сомалийского письма средство объединения сомалийцев, разделенных европейскими державами на 5 зон влияния, и сохранения культуры своего народа. Его письмо – результат использования опыта латинской, арабской и эфиопской графики. В основу был положен алфавитный, буквенный принцип. В алфавите 31 знак, среди которых часть заимствована автором из латиницы (иногда с видоизменениями), часть – из арабского алфавита, а на написание других явно повлияла эфиопская письменность. Под влиянием европейских систем письма возник принцип написания слева направо и манера обозначать звуки отдельными

буквами. Однако исмания осталась лишь курьезным изобретением. Сомалийцы перешли к письму на основе латинского алфавита с некоторыми дополнениями для обозначения звуков, не имеющих соответствия в европейских языках.

Заимствованные системы: тифинаг и нубийское письмо

Помимо оригинальных систем письма африканцы использовали и системы письменности, генетически связанные с древними системами северных и восточных соседей.

Из древнеливийского письма, когда-то широко распространенного в северной Африке (Нумидии и Мавритании), развилась письменность туарегов – тифинаг. Туарегское письмо не вполне идентично древнеливийскому. Оно отличается новыми очертаниями некоторых знаков, их числом, а также тем, что в письме туарегов существуют особые знаки для обозначения гласных.

Берберский алфавит тифинаг

Принцип письма тифинаг – буквенный. Алфавит состоит у разных племен из разного числа букв: от 24 до 40, считая лигатуры (в ливийском же письме – 30 букв). У разных туарегских племен знаки тифинаг пишутся неодинаково. Направление письма может быть любым: слева направо, справа налево, «бустрофедон» (поочередно в ту и другую сторону), спиралью, лентой. Когда-то оно было распространено по всей сахельской и пустынной зоне Западной Африки.

Краткие надгробные надписи на тифинаг разбросаны по всей Сахаре; однако до сих пор обнаружено лишь несколько туарегских рукописей. Ныне письмо тифинаг сохраняют женщины. Мужчины же, пользуясь в быту арабским алфавитом, метили лишь свое оружие и одежду буквами тифинаг.

На востоке Северной Африки была распространена древнеегипетская письменность. Ее использовали правители Напаты (VIII в. до н. э. – VI в. до н. э.) и Мероэ (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Однако мероиты «не остановились на простом заимствовании. На основе упрощенного демотического письма они создали свой алфавит из 23 знаков. Они передают только согласные и долгие гласные звуки, а краткие гласные в написании опускаются. До сих пор еще работа по расшифровке не кончена. В IV в. мероитское письмо исчезло вместе с народом, которому оно служило.

Территорию Мероэ заселили нубийцы. Тесно связанные через восточное христианство с Византией, они восприняли также и некоторые элементы ее культуры. На основе греческой графики возник в средневековье нубийский алфавит. Средневековый нубийский алфавит представляет собой синтез из нескольких систем письма. Большинство букв – греческие, 3 буквы заимствованы из коптского письма, 3 других – из курсивного мероитского. Эта азбука была хорошо приспособлена к записи нубийской речи. Тем же письмом пользовались христиане южной Нубии.

Недавние археологические открытия показали, что нубийское письмо было распространено по всему северному и среднему Судану. Кроме того, небольшие нубийские церкви с книгами и иконами, где надписи делались на нубийском языке, были построены в Египте и Палестине. Исчезло нубийское

письмо вместе с христианством в начале XVI в.: в Нубии в то время наступил период ислама, арабского языка и письменности.

Таким образом, в Судане на протяжении его истории трижды происходила коренная и всеобщая смена письма: древнеегипетское сменилось мероитским, мероитское – нубийским, нубийское – арабским. Все системы письма – и оригинальные, и заимствованные, генетически связанные с иными письменностями, – не имели очень длительной истории.

Эфиопское письмо

Эфиопское письмо занимает особое место среди африканских систем письменности. На территории этой страны письменность развивалась более 2000 лет на основе одного медленно изменяющегося языка и единой системы знаков.

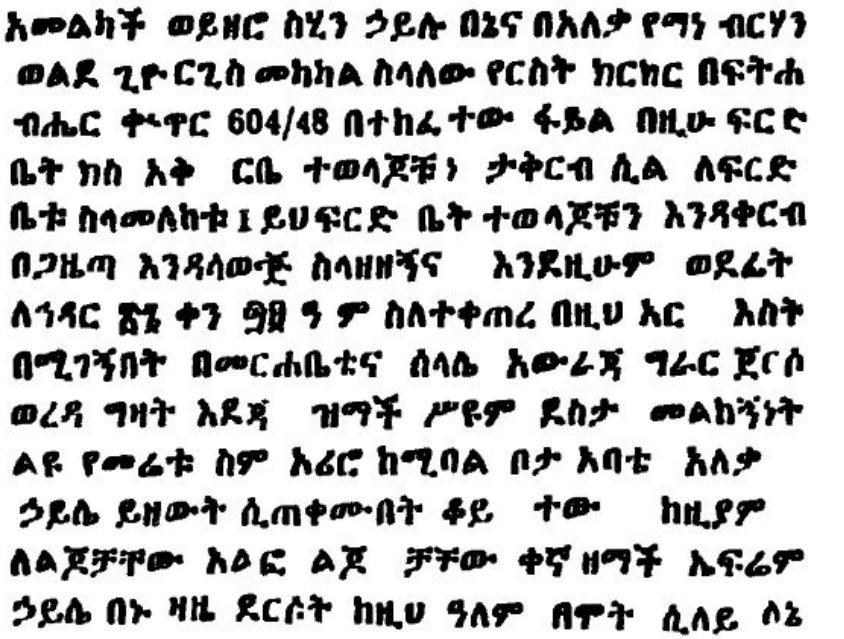
В эфиопском письме 296 знаков. Они представляют собой слоги, сочетающие согласный и гласный. Направление эфиопского письма резко отличается от других семитских – оно идет, как алфавиты Европы и Индии, слева направо. Есть и знаки препинания: двоеточие для разделения слов, четыре точки для разделения фраз, ромб из точек для разделения абзацев.

Споры о происхождении эфиопского письма идут еще с XVI–XVII столетий, когда оно впервые стало известно в Европе. Его связывали с греческим, индийским, самаритянским.

Позднее большинство ученых пришли к выводу, что несомненна, его генетическая связь с курсивным южносабейским письмом. Большое сходство у эфиопской графики с армянской, хотя армянская не слоговая, а алфавитная.

Древнейшие записи на языке гыэз (этот язык с конца XVI в. исчез как разговорный, но еще долго оставался литературным языком и языком богослужения в Эфиопии) относятся к эпохе раннего Аксума. Кроме гыэз и амхарского эфиопским письмом записывали литературные и деловые тексты тиграи (с XIX в.), тигре, харари (с начала XX в.), аргоба, агау, им же пользовались для записей на исчезнувшем средневековом языке гафат.

В наши дни в Эфиопии создается письменность на основе этого письма для ранее бесписьменных народов страны.

Амхарская письменность

Арабский алфавит

Большое распространение имела, как раньше, так и сейчас, еще у многих народов Западной и Восточной Африки арабская система письма. Ранее всего начали использовать арабскую графику для записей своего языка народы харари на востоке Эфиопии и суахили.

До нас дошли поэтические произведения, написанные арабским письмом, на языке суахили. Есть среди них и поэмы религиозного содержания, и героические поэмы, и большие эпические сказания, и исторические хроники прибрежных городов Килвы, Пате и Ламу.

Письменность на арабской основе была распространена на всем побережье Восточной Африки. Под влиянием тесных торговых связей восточноафриканских купцов с Мадагаскаром эту систему письменности использовали и малагасийцы (письмо сурабе). Еще в середине XIX в. ее широко применяли

при составлении торговых сделок, заключении контрактов, в судопроизводстве и т. п. Здесь же, на востоке Африки, арабское письмо усвоили яо (в Мозамбике и Малави) и некоторые другие народы банту. В скором времени, однако, во всем этом регионе общим письменным языком стал суахили.

Письменность народов Западного Судана, основанная также на арабской графике – «аджами», несколько отличалась от восточноафриканской. Она была основана на западно-арабской магрибской письменности с добавлением дополнительных значков для обозначения звуков, не существовавших в арабском, но характерных для языков народов фульбе (фула) и хауса. Время освоения арабской графики в Западной Африке – XIV–XVI вв., это время наивысшего подъема письменной культуры, существовавшей в Томбукту и Дженне, высших мусульманских учебных заведений, больших библиотек при крупных мечетях и дворах правителей Сонгаи, Борну и других государств.

На арабской графике написаны и хроники хауса, и жалованные грамоты – «махрамы». И хауса, и фульбе, и сонгаи писали одинаково свободно и по-арабски, и на своих языках. Исторические хроники сонгаи и хауса, поэмы, трактаты религиозного характера, военные гимны Османа дан Фодио на языках фула и хауса, произведения Мухаммеда Белло, султана Сокото и его сына, носившие научно-лингвистический характер; исторические и религиозные поэмы фульбе, стихотворные поэмы о труде земледельца и скотовода – далеко не полный перечень письменных памятников хауса и фульбе. Помимо этих народов, арабскую графику использовали для письма на своих языках канури, котоко, мандара, нуле, соннике, сонгаи, диула, мандинго, волоф, сомали.

Для большинства этих языков письменность на арабской основе получила большое распространение в конце XVIII – начале XIX в.

Латиница

Завоевание и раздел Африки европейцами привели к изменению системы письменности. Ни одна местная система письма, ни оригинальная, ни заимствованная, не сохранилась, замененная латиницей. Исключение составила эфиопская

письменность, что объясняется не столько ее жизнеспособностью, сколько политическими причинами (Эфиопия оставалась формально независимой страной). Латинская графика появилась в Африке еще во времена Римской империи, однако она существовала лишь в северной части континента и лишь в римских поселениях. Арабское завоевание Северной Африки привело к полному исчезновению латиницы. Принятие христианства средневековыми правителями Конго породило и латинскую письменность. Однако в этих районах ее использовали лишь для записей по-латыни или по-португальски (именно на этих языках правители государства вели переписку с королями Португалии и Ватиканом).

В Новое время начались попытки записи африканских слов латинскими буквами. Различные миссионерские общества переводили библию, молитвы, религиозную литературу на местные языки и издавали эти книги на основе латинского алфавита (интересные образцы сохранились в библиотеке Тартуского университета).

Однако научно разработанные системы алфавитного письма, основанные на латинице с добавлением отдельных знаков для звуков, не имеющих соответствия в европейских языках, для большинства африканских языков появились лишь в XX столетии. Особенно большое внимание развитию письменной литературы на местных языках и созданию письменности для пока бесписьменных народов уделяют правительства независимых стран Африки. Во многих из них издаются газеты, журналы, учебники, популярная литература на младописьменных языках (на основе латинской графики). Некоторые языки Африки связаны с латинским письмом с самого своего рождения: это африкаанс в ЮАР, крио в Сьерра-Леоне и креоле на островах Индийского океана.

Система записи цифр

Запись цифр необходима была прежде всего народам, занимающимся торговлей. У бамбара, диула, бауле, аньи и суахили получила быстрое и широкое распространение система весовых единиц и записи цифр, заимствованная у арабского населения Северной Африки. Однако в Западной Африке надолго сохранились местные системы веса и счета, разработанные ашанти

(Гана). Основной мерой был вес пшеничного зерна: пуассаба или пасева. 6 пуассаба составляли одну таку; 9 таку или 54 пуассаба – один аккие; 36 аккие – 1 перегуан и т. д.

У ашанти возникла и собственная система записи цифр. Исследователи ремесел давно заметили, что гирьки для взвешивания золота у них иногда имели странные узоры – «гребенки», завитки. Наряду с миниатюрными гирьками-скульптурками встречались и просто плоские кусочки металла, покрытые теми же узорами. Эти узоры долгое время воспринимались просто как орнаменты, не несущие смысловой нагрузки. Лишь не так давно было доказано, что эти завитки, «уши», «гребенки» не что иное, как цифры, обозначающие вес гирек. Каждый зубчик «гребенки» обозначает единицу, в «гребенке»-цифре столько единиц, сколько в ней зубцов. Завитки в форме спирали – цифра 5, двойной завиток в форме человеческого уха – 9, завиток в форме дуги с радиусом – цифра 3. Все они могут быть обозначены также соответствующим числом зубцов. Таким образом, число на гирьках ашанти могло быть записано двумя способами. Конечно, это недостаток письма, но он свидетельствует о рождении настоящих цифр (завитков и дуг) наряду с примитивной записью – «гребенками».

Ашанти, по-видимому, единственный народ Африки южнее Сахары, который изобрел собственные цифры, вероятно, не позже XVII в. В настоящее время ашанти пользуются алфавитом и цифрами, заимствованными у европейцев.

Эфиопы, разработавшие свою оригинальную систему письменности, не имели собственных цифр. Для записи чисел они пользовались греческими буквами с чертами выше и ниже буквы (вспомним и древнерусские цифры). Со временем начертание букв несколько изменилось, добавлены были и некоторые эфиопские письменные знаки. С помощью таких букв-цифр все же можно записать сколько угодно большое целое число. Уже в надписях Эзаны (IV в.) встречаются записи цифрами (22 000 хлебов), в более ранних памятниках числа записаны словами. В средневековых письменных памятниках можно видеть 7- и 9-ти значные числа, записанные с помощью подобных цифр.

В Эфиопии по крайней мере с XIV в., существуют и нотные знаки. По преданию, их изобретателем был некий певец и ком-

позитор Ярид, живший еще в период Аксумского царства. Нотные знаки, как и цифры, основаны на буквенных знаках, их использовали только для церковной музыки. Светскую музыку (и национальную, и европейскую) эфиопы записывают европейскими нотами.

И в завершение разговора вновь обратимся к архивам Лоуренса Грина.

«Способны ли африканские дикари читать чужие мысли? Я считаю, что да, и многие странные истории о телепатии и провидении являются правдой. Подобные вещи, похоже, среди примитивных народов случаются чаще, чем в цивилизованном обществе. Тому есть яркие и убедительные свидетельства.

Впервые я столкнулся со способностью к телепатии, которую демонстрировал маленький клан бушменов, живущих в Калахари у границы Бечуаналенда. Считается, что пустыни располагают к появлению того, что называют "психической осведомленностью", ибо в их бескрайней тишине нет никаких отвлекающих факторов. Я был там вместе с ныне покойным Дональдом Бейном – знаменитым проводником по Калахари и другом бушменов. Как-то днем я увидел в отдалении столб дыма и сказал Бейну, что горит буш.

"Это не пожар в буше", – ответил Бейн. Он подозвал старого бушмена, говорившего на африкаанс, и мы спросили его об этом дыме. Бушмен сказал, что несколько его людей были на охоте и что они упустили антилопу гемсбока и убили двух спрингбоков недалеко от сухого русла реки Носсоб. Они также собрали корешки и мед. Мед был особенно кстати, так как теперь они смогут сварить крепкое пиво.

Я внимательно наблюдал за дымом, но так и не видел ничего, что могло бы позволить предположить о подаче каких-то сигналов. Он поднимался прямо в безветренное небо без перерывов. "Как это делается?" – спросил я.

Старый бушмен был в замешательстве. Затем Бейн объяснил мне, что так называется "радио Калахари", – это не какая-то бушменская кодовая система наподобие азбуки Морзе, а нечто более загадочное. "Они просто смотрят на дым, и послание приходит к ним", – сказал Бейн.

После долгих подробных расспросов старого бушмена я сделал вывод, что дым – это скорее "знак выхода на связь", а не

какой-то сигнал, несущий информацию. Он означал, что охотники, находившиеся вдали, что-то просто хотели сообщить. Затем все концентрировались на этом дыме, и вскоре некоторые люди знали, что происходит, и сообщали об этом другим. Одни могли "читать дым", другие – нет. Бейн считал, что дым в данном случае служит для бушменов тем же, что и кристалл для ясновидцев. Пристально глядя на дым, они как бы вводят свое сознание в нужные рамки, что позволяет принять послание. Но это делалось посредством чтения мыслей, а не подачей сигналов дымом.

Иногда по "радио Калахари" приходят очень сложные послания, и они доходят слишком быстро, чтобы это можно было объяснить существованием примитивной сигнальной системы. Бейн также уверял меня, что дым даже не обязателен и что члены бушменских кланов часто общаются на больших расстояниях и без него. Много лет спустя я прочел описание того, как используют дым австралийские аборигены. "Я делаю дым для того, чтобы другой человек знал, что я думаю, – объяснил один из них. – И он тоже думает, и таким образом он думает мои мысли". Это было удивительным подтверждением того, о чем говорил старый бушмен. Примитивные люди на разных континентах общаются друг с другом посредством абсолютно одних и тех же методов».

Бушмены Калахари сохраняют старые обычаи

«О многих событиях туземцам, вероятно, стало известно благодаря телепатии – особенно о войнах и других несчастьях и бедах», – сообщает Л. Грин. – «Победа вождя Кетчвайо над полковником Дернфордом под Изандлваной во время зулусской войны, говорят, стала известна по всему Наталю быстрее, чем на то был способен любой из видов связи, имевшихся сто лет назад. Когда же Кетчвайо наконец был все же побежден, он в качестве пленника находился в Кейптауне, но к нему относились там достаточно доброжелательно. Р. К. Сэмюэлсон, который был приставлен к Кетчвайо в качестве переводчика, вел дневник и записывал сны и предсказания Кетчвайо. Позже Сэмюэлсон стал выдающимся членом департамента по туземным делам в Натале, и его дневник – вполне достоверный документ.

Однажды в сентябре 1881 г. Кетчвайо заметил Сэмюэлсону: “Прошлой ночью мне приснилось, что я вернулся на свой трон в Зулуленде. Мои отец и мать так сильно целовали меня, что я даже почувствовал горечь вокруг рта”. В другой раз Кетчвайо показал на комету над Столовой горой и заявил: “Это знак того, что королева вернет меня на мой трон в Зулуленде”. И действительно, спустя два года ссылка Кетчвайо завершилась, но ни сон, ни комету не стоит принимать во внимание.

Но вот от следующей записи в дневнике Сэмюэлсона не так-то легко отмахнуться. “12 сентября 1881 г. Королю приснилось, что Масумпа сдался и в Басутоленде воцарился мир”. Масумпа, третий сын вождя басуто Мошеша, поднял восстание против правительства Капской колонии, и на подавление восстания были направлены очень крупные силы. Масумпа атаковал город Масеру во главе своей армии из пяти тысяч человек и был на войне уже около года, когда Кетчвайо рассказал Сэмюэлсону свой сон. Оснований считать, что Масумпа был готов сдаться, не было. Масумпа отказывался от плана урегулирования, который предлагал губернатор колонии сэр Херкьюлес Робинсон. Тем не менее развязка пришла совершенно неожиданно, и 13 сентября до Кейптауна дошла новость о том, что Масумпа принял предложение капских властей. “Странным в этом сне было то, что он приснился до того, как король или кто-либо из нас узнал о капитуляции Масумпы”, – записал Сэмюэлсон».

Зулусы наступают, кадр из фильма

Среди драматических эпизодов англо-зулусской войны была и часто описываемая смерть Луи Наполеона, сына Наполеона III, которого называли «имперским принцем», возможного будущего короля Франции. Он отправился в разведку с офицером и шестью солдатами, но зулусы застали их врасплох, и принц был смертельно ранен, когда пытался сесть на лошадь. У. Т. Стел, ярый спиритуалист, всегда считал, что всю эту трагедию увидела в кристалле императрица Евгения задолго до того, как ее сын даже решил отправиться в Южную Африку.

Использованная литература

1. Африка: встречи цивилизаций. М., 1970.
2. Африка еще не открыта. М., 1967.
3. Africana. Этнографический сборник. Л., 1975.
4. А. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953.
5. Й. Бьерре. Затерянный мир Калахари. М., 1964.
6. А. Гаудио. Цивилизации Сахары. М., 1977.
7. История Тропической Африки. М., 1984.
8. Н. Кочакова. Города-государства йорубов. М., 1968.
9. Л. Куббель. Страна золота. М., 1970.
10. А. Лот. В поисках фресок Тассилин-Аджера. М., 1978.
11. Э. Львова. Этнография Африки. М., 1984.
12. Ж. Маке. Цивилизации Африки южнее Сахары. М., 1974.
13. А. Массэ. Ислам. Очерк истории. М., 1961.
14. Некоторые вопросы истории стран Африки. Сб. статей. М., 1968.
15. Д. Ольдерогге. Западный Судан в XV–XIX вв. Очерки по истории культуры, с приложением текстов («Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. 63). М.–Л., 1960.
16. Б. Оля. Боги Тропической Африки. М., 1976.
17. К. Полькен. В плену Сахары. М., 1973.
18. Э. Риттер. Чака Зулу. М., 1989.
19. Е. Тарвердова. Распространение ислама в Западной Африке. М., 1967.
20. Б. Шаревская. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964.
21. К. Элленбергер. Трагический конец бушменов. М., 1956.

Научно-популярное издание

Колесницы в пустыне: тайны древней Африки

Автор-составитель Н. Непомнящий

Корректор *М. Глаголева*
Верстальщик *М. Глаголева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru